A/CN.4/SER.A/1995/Add.1 (Part 2)

ЕЖЕГОДНИК КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1995

Том II
Часть вторая

Доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее сорок седьмой сессии

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

A/CN.4/SER.A/1995/Add.1 (Part 2)

ЕЖЕГОДНИК КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1995

Том II
Часть вторая

Доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее сорок седьмой сессии

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2004

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Ссылки на *Ежегодник Комиссии международного права* в сокращенном виде состоят из слова *Ежегодник*, за которым следует многоточие и соответствующий год издания (например, *Ежегодник.., 1993 год*).

На русском языке *Ежегодник* начал издаваться с 1969 года, поэтому все ссылки на тома *Ежегодника*, выпущенные до 1969 года, даются по их английскому тексту.

Ежегодник каждой сессии Комиссии международного права состоит из двух томов:

Том I: краткие отчеты о заседаниях сессии;

Том II (часть первая): доклады специальных докладчиков и другие документы, рассмотренные в ходе сессии;

Том II (часть вторая): доклад Комиссии Генеральной Ассамблее.

Ссылки на эти издания и выдержки из них относятся к их окончательным текстам, фигурирующим в томах *Ежегодника*, которые были выпущены в качестве изданий Организации Объединенных Наций.

A/CN.4/SER.A/1995/Add.1 (Part 2)

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

В продаже под № R.97.V.2 (Part 2)

Полный комплект в двух томах

ISSN 0251-771X

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Документ A/50/10: **Доклад Комиссии международного права о работе её сорок седьмой сессии (2 мая-21 июля 1995 года)** **1**

Перечень документов сорок седьмой сессии **137**

ДОКУМЕНТ A/50/10*

Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии (2 мая - 21 июля 1995 года)

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Сокращения		5
Примечание, касающееся цитат		6
Многосторонние документы, цитируемые в настоящем томе		6
Глава	*Пункты*	
I. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СЕССИИ	1-26	10
A. Членский состав	2-3	10
B. Должностные лица	4-6	10
C. Редакционный комитет	7-8	11
D. Рабочая группа по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц	9	11
E. Рабочая группа по определению опасных видов деятельности в рамках темы "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом"	10	11
F. Секретариат	11	11
G. Повестка дня	12-13	11
H. Общее описание работы Комиссии на ее сорок седьмой сессии	14-26	12
II. ПРОЕКТ КОДЕКСА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	27-143	14
A. Введение	27-36	14
B. Рассмотрение темы на данной сессии	37-143	15
1. Представление Специальным докладчиком его тринадцатого доклада	41-42	16
2. Резюме обсуждения тринадцатого доклада Специального докладчика	43-125	16
a) Общие замечания	43-46	16
b) Замечания относительно части 1 проекта	47-50	17
Статья 1. Определение	47	17
Статья 2. Квалификация	48	18
Статья 3. Ответственность и наказание	49	18
Статья 5. Ответственность государств	50	18
c) Замечания относительно части 2 проекта	51-121	18
Статья 15. Агрессия	60-73	20
Статья 16. Угроза агрессии	74	23
Статья 17. Вмешательство	75-76	23
Статья 18. Колониальное господство и другие формы иностранного господства	77	24
Статья 19. Геноцид	78-83	24
Статья 20. Апартеид	84-86	25
Статья 21. Систематические и массовые нарушения прав человека	87-97	26
Статья 22. Исключительно серьезные военные преступления	98-103	28
Статья 23. Вербовка, использование, финансирование и обучение наемников	104	30
Статья 24. Международный терроризм	105-111	30
Статья 25. Незаконный оборот наркотических средств	112-118	32
Статья 26. Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде	119-121	33
d) Вопрос о наказаниях	122-125	34
3. Подведение Специальным докладчиком итогов обсуждения	126-139	35
4. Решение, принятое Комиссией на нынешней сессии	140-143	36

---

* Первоначально распространен в качестве *Официальных отчетов Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10.*

Глава	*Пункты*	*Стр.*
III. ПРАВОПРЕЕМСТВО ГОСУДАРСТВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГРАЖДАНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	144-229	37
A. Введение	144-145	37
B. Рассмотрение темы на данной сессии	146-229	37
1. Первый доклад Специального докладчика	149-193	37
a) Представление первого доклада Специальным докладчиком	149-164	37
b) Краткое изложение хода обсуждения	165-192	40
i) Общие замечания	165-166	40
ii) Предварительное исследование, запрошенное Генеральной Ассамблеей, и результаты работы Комиссии по данной теме	167-171	40
iii) Терминология	172-173	41
iv) Категории правопреемства	174-176	41
v) Режим физических и юридических лиц	177-179	41
vi) Вопрос о том, следует ли Комиссии рассматривать вопрос о правиле непрерывности гражданства в случае правопреемства государств	180-181	42
vii) Охват темы ratione temporis	182	42
viii) Соответствующие роли внутригосударственного права и международного права в вопросах гражданства	183-185	42
ix) Принцип фактического гражданства	186-187	42
x) Соображения, связанные с правами человека	188-191	42
xi) Право выбора	192	43
c) Замечания Специального докладчика после прений	193	43
2. Рассмотрение доклада Рабочей группы по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц	194-228	43
3. Решение, принятое Комиссией	229	48
IV. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ	230-364	49
A. Введение	230-235	49
B. Рассмотрение темы на данной сессии	236-364	50
1. Представление Специальным докладчиком его седьмого доклада	239-246	50
2. Рассмотрение Комиссией седьмого доклада Специального докладчика	247-322	53
a) Общие замечания	248-252	54
b) Концепция "преступления государства", содержащаяся в статье 19 части 1 проекта	253-269	54
i) Различие между "преступлениями" и "деликтами"	253-255	54
ii) Правовая и политическая основа концепции преступлений	256-257	55
iii) Терминологические и другие аспекты статьи 19 части 1	258-259	55
iv) Концепция "преступления государства" с учетом принципа Societas delinquere non potest	260-263	55
v) Уместность концепции вины в данном контексте	264-266	56
vi) Вопрос об осуществлении концепции уголовной ответственности государства	267	56
vii) Возможные альтернативы концепции "преступления государства"	268-269	56
c) Последствия международно-противоправных деяний, квалифицируемых в качестве преступлений по статье 19 части 1 проекта	270-320	57
i) Связь между правовым режимом последствий "преступлений" и другими существующими и возможными правовыми режимами	270-272	57
ii) Концепция "потерпевшего государства" для целей определения правовых последствий деяний, квалифицируемых в качестве преступлений по статье 19 части 1	273-281	57
iii) Проекты статей, предложенные Специальным докладчиком для включения в часть 2	282-319	59
a. Проект статьи 15	282	59
b. Проект статьи 16	283-296	59
c. Проект статьи 17	297-300	61
d. Проект статьи 18	301-303	62
e. Проект статьи 19	304-319	62

Глава		*Пункты*	*Стр*
	i Общие замечания об институциональной схеме, предложенной Специальным докладчиком	304-305	62
	ii Роль Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и МС по предлагаемой схеме	306-311	63
	iii Альтернативные подходы	312-317	65
	iv Другие замечания по проекту статьи 19	318-319	66
	iv) Проект статьи, предложенный Специальным докладчиком для включения в часть 3	320	66
	d) Варианты действий, имеющиеся у Комиссии	321-322	66
3	Краткое изложение Специальным докладчиком хода обсуждения	323-336	67
4	Решение Комиссии относительно проектов статей, предложенных в седьмом докладе Специального докладчика	337-339	69
5	Решение Комиссии по проектам статей, касающимся контрмер	340-343	70
6	Рассмотрение Комиссией текстов, принятых Редакционным комитетом для включения в часть 3 проектов статей об ответственности государств	344-364	70
	a) История вопроса	344-348	70
	b) Рассмотрение на текущей сессии текстов, принятых Редакционным комитетом	349-362	71
	i) Соотношение обязательств по урегулированию споров на основании будущей конвенции об ответственности государств и обязательств по урегулированию споров, вытекающих для государств-участников из ранее существовавших и последующих договоров	352-357	71
	ii) Сфера действия механизма, рекомендуемого Редакционным комитетом	358-360	73
	iii) Статья 7, предложенная Редакционным комитетом	361-362	73
	c) Решение Комиссии	363-364	73
C	Тексты статей 13 и 14 части 2 и статей 1-7 части 3 и приложения к ним с комментариями, принятые в предварительном порядке Комиссией на ее сорок седьмой сессии		74
	ЧАСТЬ 2 СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ И СТЕПЕНИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ		74
	Статья 13 Соразмерность		74
	Комментарий		74
	Статья 14 Запрещенные контрмеры		76
	Комментарий		76
	ЧАСТЬ 3 УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ		86
	Статья 1 Переговоры		86
	Комментарий		86
	Статья 2 Добрые услуги и посредничество		87
	Комментарий		87
	Статья 3 Примирение		87
	Комментарий		87
	Статья 4 Задача согласительной комиссии		88
	Комментарий		88
	Статья 5 Арбитраж		90
	Комментарий		90
	Статья 6 Полномочия арбитражного суда		91
	Комментарий		91
	Статья 7 Действительность арбитражного решения		92
	Комментарий		92
	Приложение		94
	Статья 1 Согласительная комиссия		94
	Комментарий		94
	Статья 2 Арбитражный суд		95
	Комментарий		95
V	МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВИЙ, НЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ	365-408	97
A	Введение	365-371	97
B	Рассмотрение темы на данной сессии	372-408	98
1	Проекты статей, принятые Редакционным комитетом на сорок седьмой сессии Комиссии	372	98

Глава		*Пункты*	*Стр*
	2. Десятый и одиннадцатый доклады Специального докладчика	373-384	98
	3. Предварительные замечания некоторых членов Комиссии по десятому и одиннадцатому докладам	385-404	100
	4. Учреждение рабочей группы по определению опасных видов деятельности	405-408	103
C.	Проекты статей о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом		103
	1. Тексты проектов статей, принятые в предварительном порядке Комиссией до настоящего времени в первом чтении		103
	[Глава I. Общие положения]		103
	Статья 1. Сфера применения настоящих статей		103
	Статья 2. Употребление терминов		103
	[Глава II. Предотвращение]		104
	Статья 11. Предварительное разрешение		104
	Статья 12. Оценка риска		104
	Статья 13. Ранее осуществлявшиеся виды деятельности		104
	Статья 14. Меры по предотвращению или сведению к минимуму риска		104
	Статья 14-бис [20-бис]. Неперенос риска		104
	Статья 15. Уведомление и информирование		104
	Статья 16. Обмен информацией		104
	Статья 16-бис. Информирование населения		104
	Статья 17. Национальная безопасность и промышленные секреты		104
	Статья 18. Консультации по поводу превентивных мер		104
	Статья 19. Права государства, которое, вероятно, будет затронуто		104
	Статья 20. Факторы, связанные с установлением справедливого баланса интересов		105
	Статья A [6]. Свобода действий и ее пределы		105
	Статья B [8 и 9]. Предотвращение		105
	Статья C [9 и 10]. Ответственность и компенсация		105
	Статья D [7]. Сотрудничество		105
	2. Тексты проектов статей A [6], B [8 и 9], C [9 и 10] и D [7] с комментариями к ним, принятые в предварительном порядке Комиссией на ее сорок седьмой сессии		105
	Статья A [6]. Свобода действий и ее пределы		105
	Комментарий		105
	Статья B [8 и 9]. Предотвращение		107
	Комментарий		107
	Статья C [9 и 10]. Ответственность и компенсация		109
	Комментарий		109
	Статья D [7]. Сотрудничество		114
	Комментарий		114
VI.	ПРАВО И ПРАКТИКА, КАСАЮЩИЕСЯ ОГОВОРОК К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ	409-489	117
A.	Введение	409-410	117
B.	Рассмотрение темы на данной сессии	411-489	117
	1. Первый доклад Специального докладчика	412-435	117
	2. Краткое изложение хода обсуждения	436-487	120
	a) Общие замечания	436-472	120
	b) Резюме Специального докладчика	473-487	125
	3. Общие выводы	488-489	126
VII.	ПРОЧИЕ РЕШЕНИЯ И ВЫВОДЫ КОМИССИИ	490-524	128
A.	Программа, процедуры и методы работы Комиссии, а также ее документация	490-509	128
	1. Планирование деятельности на оставшуюся часть пятилетнего периода	493-497	128
	2. Долгосрочная программа работы Комиссии	498-503	129
	3. Методы работы	504-508	129
	4. Продолжительность следующей сессии	509	130
B.	Сотрудничество с другими органами	510-511	130
C.	Сроки и место проведения сорок восьмой сессии	512	130
D.	Представительство на пятидесятой сессии Генеральной Ассамблеи	513	130
E.	Семинар по международному праву	514-524	130

Глава		*Пункты*	*Стр.*
ПРИЛОЖЕНИЕ.	ДОКЛАД РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОПРЕЕМСТВЕ ГОСУДАРСТВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ ДЛЯ ГРАЖДАНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	1-32	132
A.	Введение	1-3	132
B.	Предварительные выводы Рабочей группы	4-32	132
1.	Обязательство вести переговоры и решать проблемы путем достижения договоренности	5-8	132
2.	Лишение и представление гражданства	9-22	132
a)	Отделение и передача части территории государства	9-15	132
i)	Обязательство государства-предшественника не лишать своего гражданства	11	133
ii)	Право государства-предшественника лишать своего гражданства — обязательство государства-преемника предоставлять свое гражданство	12-13	133
iii)	Обязательство государства-предшественника и государства-преемника предоставлять право выбора	14-15	133
b)	Объединение, включая поглощение	16-17	134
c)	Распад	18-22	134
i)	Обязательство государств-преемников предоставлять свое гражданство	19-20	134
ii)	Обязательство государств-преемников предоставлять право выбора	21-22	134
3.	Право выбора	23-24	135
4.	Другие критерии, применимые к лишению и предоставлению гражданства	25-27	135
5.	Последствия несоблюдения государствами принципов, применимых к лишению или предоставлению гражданства	28-30	135
6.	Непрерывность гражданства	31-32	135

СОКРАЩЕНИЯ

ВМО	Всемирная метеорологическая организация
ЕЭК	Европейская экономическая комиссия
ИМО	Международная морская организация
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МККК	Международный комитет Красного Креста
МОТ	Международная организация труда
МС	Международный Суд
ОАГ	Организация американских государств
ППМП	Постоянная палата международного правосудия
ЮНЕП	Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде

*

* *

AJIL	*American Journal of International Law* (Washington, D.C.)
"Chronique ..."	"Chronique des faits internationaux", *Revue générale de droit international public* (Paris, C. Rousseau, ed.), vols. IX (1902); LXXX, No. 2 (1976); and LXXXIV, No. 1 (1980)
I.C.J. Reports	ICJ, *Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders*
ILM	*International Legal Materials* (Washington, D.C.)
ILR	*International Law Reports*
P.C.I.J., Series A	PCIJ, *Collection of Judgments* (Nos. 1-24: up to and including 1930)
P.C.I.J., Series A/B	PCIJ, *Judgments, Orders and Advisory Opinions* (Nos. 40-80: beginning in 1931)
Recueil des cours ..	*Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye*
RGDIP	*Revue générale de droit international public*
UNRIAA	United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*

*

* *

ПРИМЕЧАНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ЦИТАТ

В цитатах выделенные курсивом слова или выдержки, за которыми следует звездочка, в тексте подлинника курсивом не выделены.

Если нет иных указаний, перевод цитат из работ на иностранных языках выполнен Секретариатом.

МНОГОСТОРОННИЕ ДОКУМЕНТЫ, ЦИТИРУЕМЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

	Источник
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 78, p. 292.
Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года)	Ibid., vol. 213, p. 221.
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 21 декабря 1965 года)	Ibid., vol. 660, p. 240.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., vol. 999, p. 225.
Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни (Нью-Йорк, 15 декабря 1989 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение № 49*, резолюция 44/128, приложение.
Американская конвенция о правах человека (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1144, p. 123.
Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (Нью-Йорк, 30 ноября 1973 года)	Ibid., vol. 1015, p. 260.
Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 года)	Ibid., vol. 1249, p. 59.
Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать девятая сессия, Дополнение No 51*, резолюция 39/46, приложение.
Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц (Белен, 9 июня 1994 года)	OAS, document OEA/ Ser.A/55 (SEPF).
ГРАЖДАНСТВО И ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА	
Конвенция о некоторых вопросах, относящихся к коллизиям законов о гражданстве (Гаага, 12 апреля 1930 года)	League of Nations, *Treaty Series*, vol. CLXXIX, p. 89.
Протокол об определенном случае безгражданства	Ibid., p. 115.
Протокол, касающийся военных обязательств в некоторых случаях двойного гражданства	United Nations, *Legislative Series, Laws concerning Nationality* (Sales No. 1954.V.1), p. 572.
Специальный протокол, касающийся безгражданства	Ibid., p. 577.
Конвенция о статусе апатридов (Нью-Йорк, 28 сентября 1954 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 360, p. 117.
Конвенция о сокращении безгражданства (Нью-Йорк, 30 августа 1961 года)	Ibid., vol. 989, p. 213.
ПРИВИЛЕГИИ И ИММУНИТЕТЫ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	
Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций (Лондон и Нью-Йорк, 13 февраля 1946 года)	Ibid., vol. 1, p. 15 and vol. 90, p. 327 (corrigendum to vol. 1).
Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года)	Ibid., vol. 500, p. 146.
ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ	
Международная конвенция о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью (Брюссель, 18 декабря 1971 года)	Ibid., vol. 1110, p. 110.
Конвенция о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов (Москва, Лондон, Мехико и Вашингтон, 29 декабря 1972 года)	Ibid., vol. 1046, p. 146.

	Источник
Конвенция о защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки, 22 марта 1974 года)	UNEP, *Selected Multilateral Treaties in the Field of the Environment*, Reference Series 3 (Nairobi, 1982), p 405
Конвенция об охране Средиземного моря от загрязнения (Барселона, 16 февраля 1976 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol 1102, p 27
Кувейтская региональная конвенция о сотрудничестве в области охраны морской среды от загрязнения (Кувейт, 24 апреля 1978 года)	Ibid , vol 1140, p. 133
Венская конвенция об охране озонового слоя (Вена, 22 марта 1985 года)	UNEP, *Selected Multilateral Treaties in the Field of the Environment*, (Cambridge, England, 1991), vol. 2, p 301.
Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (Веллингтон, 2 июня 1988 года)	*International Legal Materials*, (Washington, D C.), vol XXVII (1988), p. 868
Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 года)	UNEP, *Selected Multilateral Treaties in the Field of the Environment* (Cambridge, England, 1991), vol. 2, p 449.
Бамакская конвенция о запрещении ввоза в Африку и о контроле за их трансграничной перевозкой и обращением с ними в пределах Африки (Бамако, 30 января 1991 года)	*International Legal Materials* (Washington, D C), vol. XXX, No. 3 (May 1991), p 775
Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, 25 февраля 1991 года)	ЕЭК, *Конвенции по окружающей среде*, издание Организации Объединенных Наций, 1992 год, стр. 99.
Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 года)	Там же, стр 29.
Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Хельсинки, 17 марта 1992 года)	Там же, стр 47.
Конвенция о защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки, 9 апреля 1992 года)	*Law of the Sea Bulletin*, No 22 (January 1993), p. 54.
Конвенция о защите Черного моря от загрязнения (Бухарест, 21 апреля 1992 года)	Ibid., p 31.
МОРСКОЕ ПРАВО	
Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29 апреля 1958 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 499, p. 325
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года)	*Официальные отчеты третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву*, том XVII (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № .R.84 V.3), стр 232, документ A/CONF 62/122
ПРАВО, ПРИМЕНИМОЕ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	
Версальский договор (Версаль, 28 июня 1919 года)	*Итоги империалистической войны серия мирных договоров*, "Версальский мирный договор", полный перевод с французского, под ред. Ю В. Ключникова и А. Сабанина, Литиздат НКИД, М , 1925
Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 27 июля 1929 года)	League of Nations, *Treaty Series*, vol. 118, p 343.
Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 27 июля 1929 года)	Ibid., p. 303.
Межамериканский договор о взаимной помощи (Рио-де-Жанейро, 2 сентября 1947 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol 21, p 77.
Протокол об изменениях к Межамериканскому договору о взаимной помощи (Договор Рио-де-Жанейро) (Сан-Хосе, 26 июля 1965 года)	OAS, *Treaty Series*, Nos. 46 and 61.
Женевские конвенции о защите жертв войны (Женева, 12 августа 1949 года)	МИД СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск XVI, Госполитиздат, М., 1957, стр. 71 и далее.
Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях	Там же, стр 71.
Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море	Там же, стр 101.

	Источник
Женевская конвенция об обращении с военнопленными	Там же, стр. 125.
Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны	Там же, стр. 204.
Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов (Протоколы I и II) (Женева, 8 июня 1977 года)	Права человека, *Сборник международных договоров*, том I (часть вторая), Универсальные договоры, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк и Женева, 1994 год, стр. 1027 и далее.
Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение No. 49*, резолюция 44/34, приложение.
ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ	
Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1155, p. 417.
Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена, 23 августа 1978 года)	*Конференция Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, Официальные отчеты, том III, Документы конференции* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под No.R.79.V.10), стр. 229.
Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (Вена, 8 апреля 1983 года)	Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1983 год* (в продаже под № R.90.V.1), стр. 196.
Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 года)	Документ A/CONF.129/15.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	
Конвенция об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии (Париж, 29 июля 1960 года)	МАГАТЭ, *Международные конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб*, Legal Series, No. 4, rev. ed. (Vienna, 1976), стр. 149.
Конвенция, дополняющая Парижскую конвенцию от 29 июля 1960 года (с приложением и подписанным в Париже 28 января 1964 года Дополнительным протоколом о внесении изменений в Дополнительную конвенцию) (Брюссель, 31 января 1963 года)	Там же, стр. 179.
Конвенция об ответственности операторов ядерных судов (Брюссель, 25 мая 1962 года)	Там же, p. 166.
Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Вена, 21 мая 1963 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1063, p. 287.
Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (Брюссель, 29 ноября 1969 года)	Ibid., vol. 973, p. 37.
Протокол 1984 года об изменении Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (Лондон, 25 мая 1984 года)	IMO publication, Sales No. 456 85.15.E.
Конвенция о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке ядерных материалов морским транспортом (Брюссель, 17 декабря 1971 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 974, p. 255.
Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Лондон, Москва и Вашингтон, 29 марта 1972 года)	Ibid., vol. 961, p. 196.
Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью в результате разведки и разработки минеральных ресурсов морского дна (Лондон, 17 декабря 1976 года)	СОЮЗМОРНИИПРОЕКТ, *Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию*, выпуск 17-79, М., "Транспорт", 1979, стр. 83-95.
Конвенция о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом (КГПОГ) (Женева, 10 октября 1989 года)	Издание Организации Объединенных Наций (в продаже под № R.90.II.E.39).
Конвенция о гражданской ответственности за ущерб, нанесенный в результате деятельности, представляющей угрозу для окружающей среды (Лугано, 21 июня 1993 года)	Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 150.

	Источник
РАЗОРУЖЕНИЕ	
Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (Нью-Йорк, 10 декабря 1976 года)	Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1976 год* (в продаже под № R.78.V.5), стр. 166.
МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ	
Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога) (Париж, 27 августа 1928 года)	МИД СССР, Документы внешней политики СССР, том 11, изд-во политической литературы, М., 1966, стр. 503-506; НКИД СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, выпуск* V, изд. НКИД, М., 1930, стр. 5-8
Пересмотренный Общий акт о мирном разрешении международных споров (Нью-Йорк, 28 апреля 1949 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 71, p. 101.
Европейская конвенция о мирном урегулировании международных споров (Страсбург, 29 апреля 1957 года)	Ibid., vol. 320, p. 243.
НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА	
Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 года)	*Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 года,* том I (E/CONF.82/16), стр. 351.

Глава I

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СЕССИИ

1. Комиссия международного права, учрежденная во исполнение резолюции 174 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года, в соответствии с приложенным к этой резолюции Положением о Комиссии с внесенными в него впоследствии поправками провела свою сорок седьмую сессию в месте своего постоянного пребывания в Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве 2 мая – 21 июля 1995 года. Сессию открыл исполняющий обязанности Председателя г-н Чусей Ямада.

A. Членский состав

2. В состав Комиссии входят следующие члены:

г-н Хусейн АЛЬ-БАХАРНА (Бахрейн)
г-н Аун АЛЬ-ХАСАУНА (Иордания)
г-н Гаэтано АРАНДЖО-РУИС (Италия)
г-н Хулио БАРБОСА (Аргентина)
г-н Мохамед БЕННУНА (Марокко)
г-н Дерек Уильям БОУЭТ (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)
г-н Эдмундо ВАРГАС КАРРЕНЬО (Чили)
г-н Франсиско ВИЛЬЯГРАН КРАМЕР (Гватемала)
г-н Мехмет ГЮНЕЙ (Турция)
г-н Джон де САРАМ (Шри-Ланка)
г-н Камил ИДРИС (Судан)
г-н Питер КАБАТСИ (Уганда)
г-н Карлуш КАЛЕРУ РОДРИГЕШ (Бразилия)
г-н Джеймс КРОУФОРД (Австралия)
г-н Мохтар КУСУМА-АТМАДЖА (Индонезия)
г-н Игорь Иванович ЛУКАШУК (Российская Федерация)
г-н Ахмед МАХЬЮ (Алжир)
г-н Вацлав МИКУЛКА (Чешская Республика)
г-н Гийом ПАМБУ-ЧИВУНДА (Габон)
г-н Ален ПЕЛЛЕ (Франция)
г-н Эдильберт РАЗАФИНДРАЛАМБО (Мадагаскар)
г-н Пеммараджу Шриниваса РАО (Индия)
г-н Патрик Липтон РОБИНСОН (Ямайка)
г-н Роберт РОЗЕНСТОК (Соединенные Штаты Америки)
г-н Альберто СЕКЕЛИ (Мексика)
г-н Дуду ТИАМ (Сенегал)
г-н Кристиан ТОМУШАТ (Германия)
г-н Салифу ФОМБА (Мали)
г-н Цичжи ХЭ (Китай)
г-н Гудмундур ЭЙРИКССОН (Исландия)
г-н Набил ЭЛАРАБИ (Египет)
г-н Андреас Я. ЯКОВИДЕС (Кипр)
г-н Чусей ЯМАДА (Япония)
г-н Александр ЯНКОВ (Болгария).

3. На своем 2378-м заседании 2 мая 1995 года Комиссия избрала г-на Игоря Ивановича Лукашука (Российская Федерация) для заполнения непредвиденной вакансии, открывшейся в Комиссии после избрания г-на Владлена Верещетина в состав Международного Суда.

B. Должностные лица

4. На своих 2378-м и 2379-м заседаниях 2 и 3 мая 1995 года Комиссия избрала следующих должностных лиц:

Председатель: г-н Пеммараджу Шриниваса Рао
Первый заместитель Председателя: г-н Гийом Памбу-Чивунда
Второй заместитель Председателя: г-н Мехмет Гюней
Председатель Редакционного комитета: г-н Александр Янков
Докладчик: г-н Франсиско Вильягран Крамер

5. В состав Бюро расширенного состава Комиссии входили должностные лица нынешней сессии, т.е. члены Комиссии, которые в прошлом являлись ее Председателями[1], и специальные докладчики[2]. Председателем Бюро расширенного состава Комиссии являлся Председатель Комиссии. По рекомендации Бюро расширенного состава Комиссия на своем 2379-м заседании 3 мая 1995 года учредила на период сессии Группу по планированию для рассмотрения программы, процедур и методов работы Комиссии и ее документации и представления докладов об этом Бюро расширенного состава. В Группу по планированию вошли следующие члены: г-н Гийом Памбу-Чивунда (Председатель), г-н Мохамед Беннуна, г-н Дерек У. Боуэт, г-н Эдмундо Варгас Карреньо, г-н Мехмет Гюней, г-н Джон де Сарам, г-н Камил Идрис, г-н Питер Кабатси, г-н Мохтар Кусума-Атмаджа, г-н Вацлав Микулка, г-н Эдильберт Разафиндраламбо, г-н Роберт Розенсток, г-н Салифу Фомба и г-н Андреас Яковидес.

6. Состав Группы был открытым, и другие члены Комиссии могли присутствовать на ее заседаниях.

---

[1] А именно: г-н Хулио Барбоса, г-н Дуду Тиам, г-н Кристиан Томушат и г-н Александр Янков.

[2] А именно: г-н Гаэтано Аранджо-Руис, г-н Хулио Барбоса, г-н Вацлав Микулка, г-н Ален Пелле и г-н Дуду Тиам.

C. Редакционный комитет

7. На своем 2379-м заседании 3 мая 1995 года Комиссия назначила Редакционный комитет в составе следующих членов: г-н Александр Янков (Председатель) и a) по теме о проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: г-н Хусейн аль-Бахарна, г-н Эдмундо Варгас Карреньо, г-н Франсиско Вильягран Крамер, г-н Питер Кабатси, г-н Джеймс Кроуфорд, г-н Мохтар Кусума-Атмаджа, г-н Игорь И. Лукашук, г-н Гийом Памбу-Чивунда, г-н Патрик Липтон Робинсон, г-н Роберт Розенсток, г-н Альберто Секели, г-н Цичжи Хэ, г-н Гудмундур Эйрикссон и г-н Чусей Ямада, а также г-н Дуду Тиам в качестве Специального докладчика по этой теме; b) по теме об ответственности государств: г-н Хусейн аль-Бахарна, г-н Аун аль-Хасауна, г-н Хулио Барбоса, г-н Дерек У. Боуэт, г-н Джон де Сарам, г-н Джеймс Кроуфорд, г-н Игорь И. Лукашук, г-н Ален Пелле, г-н Эдильберт Разафиндраламбо, г-н Роберт Розенсток, г-н Альберт Секели, г-н Цичжи Хэ, г-н Гудмундур Эйрикссон, г-н Набил Элараби и г-н Чусей Ямада, а также г-н Гаэтано Аранджо-Руис в качестве Специального докладчика по этой теме; и c) по теме о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом: г-н Хусейн аль-Бахарна, г-н Дерек У. Боуэт, г-н Джон де Сарам, г-н Игорь И. Лукашук, г-н Эдильберт Разафиндраламбо, г-н Патрик Липтон Робинсон, г-н Роберт Розенсток, г-н Альберт Секели, г-н Кристиан Томушат, г-н Цичжи Хэ, г-н Гудмундур Эйрикссон и г-н Набил Элараби, а также г-н Хулио Барбоса в качестве Специального докладчика по этой теме.

8. Г-н Франсиско Вильягран Крамер принимал участие в работе Редакционного комитета в качестве Докладчика Комиссии. Он председательствовал в Комитете в случае отсутствия его Председателя.

D. Рабочая группа по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц

9. На своем 2393-м заседании 1 июня 1995 года Комиссия решила учредить рабочую группу по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц. Она утвердила следующий состав Рабочей группы: г-н Вацлав Микулка (Председатель), г-н Хусейн аль-Бахарна, г-н Аун аль-Хасауна, г-н Дерек У. Боуэт, г-н Эдмундо Варгас Карреньо, г-н Камил Идрис, г-н Джеймс Кроуфорд, г-н Игорь И. Лукашук, г-н Роберт Розенсток, г-н Альберт Секели, г-н Кристиан Томушат, г-н Салифу Фомба и г-н Чусей Ямада. Рабочая группа была открыта для любого члена Комиссии, желающего участвовать в ее работе.

E. Рабочая группа по определению опасных видов деятельности в рамках темы "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом"

10. На своем 2393-м заседании 1 июня 1995 года Комиссия учредила рабочую группу по определению опасных видов деятельности в рамках темы "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом". На своем 2397-м заседании 8 июня 1995 года она утвердила следующий членский состав Рабочей группы: г-н Хулио Барбоса (Председатель), г-н Джон де Сарам, г-н Игорь И. Лукашук, г-н Роберт Розенсток, г-н Альберто Секели, г-н Салифу Фомба, г-н Гудмундур Эйрикссон, г-н Набил Элараби и г-н Чусей Ямада. Рабочая группа была открыта для любого члена Комиссии, желающего участвовать в ее работе.

F. Секретариат

11. Заместитель Генерального секретаря по правовым вопросам, Юрисконсульт г-н Ханс Корелл присутствовал на сессии и представлял Генерального секретаря. Директор Отдела кодификации Управления по правовым вопросам г-жа Жаклин Доши выполняла функции Секретаря Комиссии и в отсутствие Юрисконсульта представляла Генерального секретаря. Заместитель Директора Отдела кодификации г-н Андроникo О. Адеде выполнял функции заместителя Секретаря Комиссии; старший сотрудник по правовым вопросам г-жа Мануш Х. Арсанджани выполняла функции старшего помощника Секретаря Комиссии; сотрудники по правовым вопросам г-н Мпази Синджела и г-жа Христиана Бурлоянис-Врайлас и младший сотрудник по правовым вопросам г-жа Вирджиния Моррис выполняли функции помощников Секретаря Комиссии.

G. Повестка дня

12. На своем 2378-м заседании 2 мая 1995 года Комиссия утвердила повестку дня сорок седьмой сессии, состоящую из следующих пунктов:

1. Заполнение случайной вакансии (статья 11 положения о Комиссии)
2. Организация работы сессии
3. Ответственность государств
4. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества
5. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом
6. Право и практика, касающиеся оговорок к договорам

7. Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц

8. Программа, процедуры и методы работы Комиссии и ее документация

9. Сотрудничество с другими органами

10. Время и место проведения сорок восьмой сессии

11. Прочие вопросы.

13. Комиссия рассмотрела все пункты своей повестки дня. Она провела 48 открытых заседаний (2378-2425-е), и, кроме того, Редакционный комитет Комиссии провел 35 заседаний, Рабочая группа по правопреемству государств и его последствиям для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц провела пять заседаний, Рабочая группа по определению опасных видов деятельности в рамках темы "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом" провела три заседания, Бюро расширенного состава Комиссии провело два заседания и Группа по планированию Бюро расширенного состава провела четыре заседания.

H. Общее описание работы Комиссии на ее сорок седьмой сессии

14. В рамках темы "Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества"(см. главу II)[3] Комиссия рассмотрела тринадцатый доклад Специального докладчика г-на Дуду Тиама (A/CN.4/466)[4], который был подготовлен для целей второго чтения проекта кодекса и в центре внимания которого находилась часть 2 (Преступления против мира и безопасности человечества). Проект кодекса был принят в первом чтении на ее сорок третьей сессии[5].

15. После рассмотрения тринадцатого доклада Специального докладчика Комиссия постановила передать в Редакционный комитет статьи 15 (Агрессия), 19 (Геноцид), 21 (Систематические или массовые нарушения прав человека) и 22 (Исключительно тяжкие военные преступления) для их рассмотрения в первоочередном порядке во втором чтении в свете предложений, содержавшихся в тринадцатом докладе, а также комментариев и предложений, сделанных в ходе обсуждений на пленарных заседаниях, при том понимании, что при формулировании этих статей Редакционный комитет будет учитывать и по своему усмотрению рассматривать полностью или частично элементы следующих проектов статей, принятых в первом чтении: статьи 17 (Вмешательство), статьи 18 (Колониальное господство и другие формы иностранного господства), статьи 20 (Апартеид), статьи 23 (Вербовка, использование, финансирование и обучение наемников) и статьи 24 (Международный терроризм). Комиссия далее постановила продолжить консультации по статьям 25 (Незаконный оборот наркотических средств) и 26 (Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде). Что касается последней статьи, то Комиссия впоследствии решила учредить рабочую группу, которая соберется в начале ее сорок восьмой сессии, для рассмотрения возможности включения в проект кодекса вопроса о преднамеренном и серьезном ущербе окружающей среде (см. пункт 141 ниже).

16. Комиссия получила тексты проектов статей, принятых Редакционным комитетом во втором чтении и подлежащих включению в часть 1, а именно статьи 1 (Сфера и применение настоящего Кодекса), статьи 5 (Ответственность государств), статьи 5-бис (Установление юрисдикции), статьи 6 (Обязательство предать суду или выдать другому государству), 6-бис (Выдача предполагаемых преступников), статьи 8 (Судебные гарантии), статьи 9 (Non bis in idem), статьи 10 (Отсутствие обратной силы), статьи 11 (Приказ правительства или начальника), статьи 12 (Ответственность начальника) и статьи 13 (Официальный статус и ответственность); а также статей, подлежащих включению в часть 2, а именно статьи 15 (Агрессия) и статьи 19 (Геноцид).

17. Комиссия отметила, что рекомендации Редакционного комитета носят предварительный характер, поскольку некоторые из статей могут нуждаться в повторном рассмотрении и в любом случае должны сопровождаться комментариями. В соответствии с этим она постановила отложить окончательное принятие вышеупомянутых проектов статей до завершения работы над остальными статьями и ограничиться на нынешней сессии принятием к сведению доклада Редакционного комитета (см. пункт 143 ниже).

18. В рамках темы "Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц" (см. главу III)[6] Комиссия рассмотрела первый доклад Специального докладчика г-на Вацлава Микулки (A/CN.4/467)[7]. По завершении рассмотрения первого доклада Специального докладчика Комиссия постановила учредить рабочую группу по этой теме. По рекомендации Специального докладчика Комиссия постановила вновь созвать Рабочую группу на своей следующей сессии для завершения ее работы, что позволит ей выпол-

---

[3] Эта тема была рассмотрена Комиссией на ее 2379-2387-м и 2408-2410-м заседаниях, состоявшихся в период с 3 по 19 мая и в период с 30 июня по 4 июля 1995 года.

[4] Воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год,* том II (часть первая).

[5] Текст проектов статей, принятых в предварительном порядке в первом чтении, см. *Ежегодник.., 1991 год,* том II (часть вторая), стр. 109 и далее.

[6] Эта тема была рассмотрена на 2385-м, 2387-2391-м, 2411-м и 2413-м заседаниях, состоявшихся 17 мая, в период с 19 по 30 мая, а также 5 и 7 июля 1995 года.

[7] См. сноску 4, выше.

нить просьбу, содержащуюся в пункте 6 резолюции 49/51 Генеральной Ассамблеи (см. пункты 145 и 229, ниже).

19. В рамках темы "Ответственность государств" (см. главу IV)[8] Комиссия рассмотрела седьмой доклад Специального докладчика г-на Гаэтано Аранджо-Руиса (A/CN.4/469 и Add.1 и 2)[9], который касался, с одной стороны, вопроса о юридических последствиях международно-противоправных деяний, квалифицируемых в качестве преступлений на основании статьи 19 части 1 проекта, и, с другой стороны, урегулирования споров, связанных с юридическими последствиями международных преступлений. По завершении прений Комиссия постановила передать проекты статей, содержащиеся в нем, в Редакционный комитет.

20. Комиссия также получила от Редакционного комитета тексты семи статей об урегулировании споров, составляющие часть 3 проекта, и приложение к ней, а именно: статьи 1 (Переговоры), 2 (Добрые услуги и посредничество), 3 (Примирение), 4 (Задача Согласительной комиссии), 5 (Арбитраж), 6 (Полномочия арбитражного суда) и 7 (Судебное урегулирование), а также статьи 1 и 2 Приложения, соответственно озаглавленные "Согласительная комиссия" и "Арбитражный суд". Комиссия приняла в предварительном порядке вышеуказанные статьи части 3 и приложение к ним с соответствующими изменениями для включения в проект (см. пункты 344-364 ниже).

21. Что касается положений о контрмерах, Комиссия приняла комментарии к статьям 13 (Соразмерность) и 14 (Запрещенные контрмеры).

22. По теме "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом" (см. главу V)[10] Комиссии был представлен одиннадцатый доклад Специального докладчика г-на Хулио Барбосы (A/CN.4/468)[11], а также его десятый доклад (A/CN.4/459)[12], представленный на предыдущей сессии.

23. После рассмотрения двух докладов Комиссия учредила рабочую группу по этой теме для определения опасных видов деятельности. Выводы Рабочей группы с соответствующими изменениями были одобрены Комиссией.

24. Комиссия также получила из Редакционного комитета четыре статьи по этой теме, а именно статьи A (Свобода действий и ее пределы), B (Предотвращение) и D (Сотрудничество), а также, в качестве рабочей гипотезы, статью C (Ответственность и компенсация). Она приняла статьи, рекомендованные Редакционным комитетом, с соответствующими изменениями (см. пункт 411 ниже).

25. В связи с темой "Право и практика, касающиеся оговорок к договорам"[13] Комиссии был представлен первый доклад Специального докладчика г-на Алена Пелле (A/CN.4/470)[14]. После рассмотрения доклада Комиссия одобрила выводы, которые Специальный докладчик сделал на основе прений в отношении направлений будущей работы по данной теме, и согласилась с тем, что эти выводы являлись результатом предварительного исследования, запрошенного в резолюциях Генеральной Ассамблеи 48/31 и 49/51 (см. пункт 488 ниже).

26. Вопросы, относящиеся к программе, процедурам и методам работы Комиссии, обсуждались в рамках Группы по планированию Бюро расширенного состава и в рамках самого Бюро расширенного состава. Соответствующие решения Комиссии, включая решение о том, чтобы предложить тему "Дипломатическая защита" в качестве новой темы для включения в свою повестку дня, а также подготовить исследование о практической осуществимости по теме, в предварительном порядке названной "Права и обязанности государств в области охраны окружающей среды", содержатся в главе VII доклада, которая также посвящена сотрудничеству с другими органами и некоторым административным и другим вопросам.

---

[8] Эта тема была рассмотрена на 2391-2398-м, 2405, 2406, 2417, 2420 и 2421-м заседаниях, состоявшихся в период с 30 мая по 9 июня, 27 и 28 июня, а также 14 и 18 июля 1995 года.

[9] См. сноску 4, выше.

[10] Эта тема была рассмотрена Комиссией на ее 2397-2399-м и 2413-2416-м заседаниях, состоявшихся в период с 8 по 13 июня и с 7 по 13 июля 1995 года.

[11] См. сноску 4, выше.

[12] См. *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть первая).

[13] Эта тема была рассмотрена Комиссией на ее 2400-2404-м, 2406, 2407, 2412 и 2416-м заседаниях, состоявшихся в период с 14 по 22 июня и в период с 28 июня по 13 июля 1995 года.

[14] См. сноску 4, выше.

Глава II

ПРОЕКТ КОДЕКСА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

A. Введение

27. В своей резолюции 177 (II) от 21 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея поручила Комиссии: a) сформулировать принципы международного права, признанные в Уставе Нюрнбергского трибунала и в его приговоре; и b) составить проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, указав ясно на место, которое должно быть отведено принципам, упомянутым выше в подпункте *a*. На своей первой сессии в 1949 году Комиссия назначила Специальным докладчиком г-на Жана Спиропулоса.

28. На основе докладов Специального докладчика Комиссия приняла на своей второй сессии в 1950 году формулировку принципов международного права, признанных в Уставе Нюрнбергского трибунала[15] и нашедших выражение в его Приговоре, и представила эти принципы с соответствующими комментариями Генеральной Ассамблее; затем на своей шестой сессии в 1954 году Комиссия приняла проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества[16] и представила их с комментариями Генеральной Ассамблее[17].

29. В своей резолюции 897 (IX) от 4 декабря 1954 года Генеральная Ассамблея, принимая во внимание, что проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Комиссией, вызывает вопросы, имеющие тесную связь с вопросом определения агрессии, и что она поручила Специальному комитету задачу подготовки доклада о проекте определения агрессии, постановила отложить рассмотрение проекта кодекса до тех пор, пока Специальный комитет не представит свой доклад.

30. На основе рекомендаций Специального комитета Генеральная Ассамблея в резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года приняла консенсусом определение агрессии.

31. Генеральная Ассамблея в резолюции 36/106 от 10 декабря 1981 года предложила Комиссии возобновить свою работу с целью разработки проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и изучить его, уделяя необходимое первоочередное внимание его доработке и должным образом учитывая результаты, достигнутые в процессе прогрессивного развития международного права[18].

32. На своей тридцать четвертой сессии в 1982 году Комиссия назначила Специальным докладчиком по данной теме г-на Дуду Тиама[19]. В период между своими тридцать пятой сессией в 1983 году и сорок третьей сессией в 1991 году Комиссия получила девять докладов Специального докладчика[20].

33. На своей сорок третьей сессии в 1991 году Комиссия в предварительном порядке приняла в первом чтении проекты статей проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества[21]. На той же сессии Комиссия в соответствии со статьями 16 и 21 своего Положения постановила препроводить через Генерального секретаря проекты статей правительствам, с тем чтобы они высказали по ним свои предложения и замечания и передали их Генеральному секре-

---

[15] Далее упоминаются как "Нюрнбергские принципы" (*Ежегодник.., 1950 год,* том II, стр. 374-378 англ. текста, документ A/1316, пункты 95-127).

[16] *Ежегодник.., 1954 год,* том II, стр. 150-152 англ. текста, документ A/2693, пункты 49-54.

[17] Тексты проекта кодекса 1954 года и Нюрнбергских принципов воспроизводятся в *Ежегоднике.., 1985 год,* том II (часть вторая), пункты 18 и 45, соответственно.

[18] Впоследствии в своей резолюции 42/151 Генеральная Ассамблея по рекомендации Комиссии изменила заголовок темы на английском языке на "Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind".

[19] Более подробную историческую справку по этой теме см. *Ежегодник.., 1983 год,* том II (часть вторая), пункты 26-41.

[20] Эти доклады воспроизводятся в следующем порядке:

первый доклад: *Ежегодник.., 1983 год,* том II (часть первая), стр. 173, документ A/CN.4/364;

второй доклад: *Ежегодник.., 1984 год,* том II (часть первая), стр. 117, документ A/CN.4/377;

третий доклад: *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть первая), стр. 79, документ A/CN.4/387;

четвертый доклад: *Ежегодник.., 1986 год,* том II (часть первая), стр. 61, документ A/CN.4/398;

пятый доклад: *Ежегодник.., 1987 год,* том II (часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/404;

шестой доклад: *Ежегодник.., 1988 год,* том II (часть первая), стр. 241, документ A/CN.4/411;

седьмой доклад: *Ежегодник.., 1989 год,* том II (часть первая), стр. 105, документ A/CN.4/419 и Add.1;

восьмой доклад: *Ежегодник.., 1990 год,* том II (часть первая), стр. 30, документ A/CN.4/430 и Add.1;

девятый доклад: *Ежегодник.., 1991 год,* том II (часть первая), стр. 43, документ A/CN.4/435 и Add.1.

[21] См. *Ежегодник.., 1991 год,* том II (часть вторая), пункт 173.

тарю до 1 января 1993 года[22]. Комиссия также отметила, что принятый ею в первом чтении проект представляет собой первую часть работы Комиссии по теме, касающейся проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, и что Комиссия на своих следующих сессиях продолжит выполнение мандата, возложенного на нее Генеральной Ассамблеей в пункте 3 ее резолюции 45/41 от 28 ноября 1990 года. В соответствии с этой резолюцией Комиссии предлагалось в рамках ее работы по проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества более подробно изучить и проанализировать проблемы, поднятые в ее докладе по вопросу об органе международной уголовной юстиции, включая возможность создания международного уголовного суда или иного международного механизма уголовного правосудия[23].

34. На своей сорок шестой сессии Генеральная Ассамблея в своей резолюции 46/54 от 9 декабря 1991 года предложила Комиссии

> ...в рамках работы над проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества провести дальнейшее рассмотрение и анализ проблем, поднятых в докладе Комиссии о работе ее сорок второй сессии [1990 год][24] и касающихся вопроса об органе международной уголовной юстиции, включая предложения о создании международного уголовного суда или иного международного механизма уголовного правосудия, с тем чтобы дать Генеральной Ассамблее возможность обеспечивать руководство работой по данному вопросу.

35. На сорок четвертой и сорок пятой сессиях в 1992 и 1993 годах на рассмотрении Комиссии находились десятый[25] и одиннадцатый[26] доклады Специального докладчика по данной теме, которые были полностью посвящены вопросу о возможном учреждении органа международной уголовной юстиции. Работа, проведенная Комиссией на ее сорок четвертой, сорок пятой и сорок шестой сессиях по этому вопросу, привела к принятию на сорок шестой сессии в 1994 году проекта статута международного уголовного суда, который Комиссия представила Генеральной Ассамблее с рекомендацией созвать международную конференцию полномочных представителей для изучения проекта статута и заключения конвенции об учреждении международного уголовного суда[27].

36. На сорок шестой сессии в 1994 году на рассмотрении Комиссии находился двенадцатый доклад Специального докладчика по данной теме[28], который предназначался для второго чтения проекта кодекса и уделял основное внимание общей части проекта, рассматривающей определение преступлений против мира и безопасности человечества, квалификацию и общие принципы. Ей были также представлены комментарии и замечания, полученные от правительств по проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества[29], принятому в первом чтении Комиссией международного права на ее сорок третьей сессии, в ответ на просьбу, высказанную Комиссией на ее сорок третьей сессии[30]. После рассмотрения двенадцатого доклада Комиссия постановила передать проекты статей 1-14, обсуждавшиеся в этом докладе, Редакционному комитету.

B. Рассмотрение темы на данной сессии

37. На нынешней сессии на рассмотрении Комиссии находился тринадцатый доклад Специального докладчика по данной теме (A/CN.4/466). Этот доклад был подготовлен для второго чтения проекта кодекса, и его внимание было сосредоточено на преступлениях против мира и безопасности человечества, содержащихся в части 2[31]. Этот доклад был рассмотрен Комиссией на ее 2379-2387-м и 2408-2410-м заседаниях, состоявшихся в период с 3 по 19 мая и в период с 30 июня по 4 июля 1995 года.

38. Специальный докладчик указал в своем двенадцатом докладе[32] на намерение ограничить список преступлений, подлежащих рассмотрению в ходе второго чтения кодекса, правонарушениями, квалификация которых в качестве преступлений против мира и безопасности человечества вряд ли может быть оспорена. Соответственно Специальный докладчик исключил из своего тринадцатого доклада следующие шесть из двенадцати преступлений, включенных в ходе первого чтения, а именно: угроза агрессией (статья 16), вмешательство (статья 17), колониальное господство и другие формы иностранного господства (статья 18),

---

[22] Там же, пункт 174.

[23] Там же, пункт 175. Комиссия отметила, что она уже приступила к выполнению этого мандата, и ее работа по этому аспекту темы отражена в пунктах 106-165 ее доклада (там же).

[24] *Ежегодник.*, *1990 год*, том II (часть вторая), пункты 93-157.

[25] *Ежегодник*, *1992 год*, том II (часть первая), стр. 64, документ A/CN.4/442.

[26] *Ежегодник.*, *1993 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/449.

[27] См. *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть вторая), стр. 27, пункт 90.

[28] *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/460.

[29] *Ежегодник.., 1993 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/448 и Add.1.

[30] См. сноски 21 и 22, выше.

[31] Часть II, принятая в первом чтении, включала следующие 12 преступлений: агрессия (статья 15), угроза агрессии (статья 16), вмешательство (статья 17), колониальное господство и другие формы иностранного господства (статья 18), геноцид (статья 19), апартеид (статья 20), систематические и массовые нарушения прав человека (статья 21), исключительно серьезные военные преступления (статья 22), вербовка, использование, финансирование и обучение наемников (статья 23), международный терроризм (статья 24), незаконный оборот наркотических средств (статья 25) и преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде (статья 26).

[32] См. сноску 28, выше.

апартеид (статья 20), вербовка, использование, финансирование и обучение наемников (статья 23) и преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде (статья 26) - в ответ на решительные возражения, критику или оговорки некоторых правительств в отношении этих преступлений.

39. В своем тринадцатом докладе Специальный докладчик воспроизвел принятые в первом чтении проекты статей, содержащие определения остальных шести видов преступлений против мира и безопасности человечества, включенных в часть 2, а именно: агрессия (статья 15), геноцид (статья 19), систематические и массовые нарушения прав человека (статья 21), исключительно серьезные военные преступления (статья 22), международный терроризм (статья 24) и незаконный оборот наркотических средств (статья 25). За каждой статьей следуют замечания правительств, а затем мнения и рекомендации Специального докладчика.

40. Комиссия рассмотрела тринадцатый доклад Специального докладчика на своих 2379-2386-м заседаниях, проведенных с 3 по 18 мая 1995 года.

1. Представление Специальным докладчиком его тринадцатого доклада

41. Представляя свой тринадцатый доклад, Специальный докладчик указал, что, поскольку Комиссия работает над вторым чтением проектов статей, он не намерен начинать теоретическую дискуссию. В своих замечаниях он сосредоточится на двух видах предлагаемых изменений: во-первых, на содержании ratione materiae проекта кодекса; и, во-вторых, на более конкретных изменениях статей либо по существу, либо по форме. Ссылаясь на давно существующее различие во мнениях между членами Комиссии, различие между "максималистской" тенденцией, выступающей за включение большого числа правонарушений, и "минималистской" тенденцией, выступающей за как можно более узкий охват кодекса, он попытался ограничить содержание ratione materiae проекта кодекса, пусть даже временно, шестью преступлениями, определение которых в качестве преступлений против мира и безопасности человечества вряд ли может быть оспорено. Его решение отказаться от некоторых первоначально включенных правонарушений было вызвано оговорками, и даже возражением ряда правительств, которые передали свои замечания по проекту кодекса, принятому в первом чтении, хотя он отметил, что развивающиеся страны в целом не высказали свое мнение.

42. Затрагивая более конкретные изменения, Специальный докладчик предложил пересмотренное определение агрессии (статья 15), поскольку первоначальная формулировка, основывающаяся на определении агрессии, содержащемся в резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи, считалась слишком политической по своему характеру и не обладала необходимой юридической точностью и убедительностью. Отмечая предлагаемые изменения в отношении геноцида (статья 19), он предпочел не отходить от широко признанной Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. В том что касается "систематических и массовых нарушений прав человека" (статья 21), он предложил вернуться к прежнему названию "Преступления против человечности", которое подкрепляется соответствующими научными работами и прецедентным правом, соответствует выражению, используемому как в международном, так и во внутригосударственном праве, и исключает несколько противоречивое требование о "массовом характере", тем самым признавая возможность факта преступления против человечности, совершенного в отношении единственной жертвы с учетом мотивов автора преступления и его жестокости. В том что касается военных преступлений (статья 22), он отметил, что предлагаемое неисчерпывающее определение было заимствовано из устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года[33]. В том что касается международного терроризма (статья 24), он считает, что в кодексе должно содержаться общее определение, несмотря на трудность достижения консенсуса по такому определению или разработку конкретных договоров в данной области. В том что касается незаконного оборота наркотических средств (статья 25), он подчеркнул его пагубное воздействие на здоровье и благосостояние человечества, его дестабилизирующее воздействие на некоторые страны и его пагубные последствия для поддержания гармоничных международных отношений.

2. Резюме обсуждения тринадцатого доклада Специального докладчика

а) *Общие замечания*

43. Ряд членов Комиссии дали высокую оценку тринадцатому докладу Специального докладчика, отмечая его политическую мудрость, реализм и прагматизм, которые он проявил, приняв во внимание мнения правительств и пытаясь обеспечить как можно более широкую поддержку проекта кодекса. Специальному докладчику также была высказана признательность за краткость, точность, ясность и своевременность тринадцатого доклада.

44. Были высказаны различные мнения в отношении ограничительного подхода к перечню преступлений,

[33] Далее именуется "Международный трибунал по бывшей Югославии". Справочная документация воспроизводится в *Basic Documents, 1995* (United Nations publication, Sales No. E/F.95.III.P.1).

отраженному в тринадцатом докладе, в котором этот перечень был сокращен с 12 до 6 преступлений. Хотя некоторые члены Комиссии выступали за сохранение лишь самых серьезных преступлений с тяжелыми последствиями, "преступлений из преступлений", которые трудно не признать в качестве преступлений против мира и безопасности человечества, другие члены Комиссии считали, что это сокращение является слишком резким и основывающимся в большой степени на мнениях, высказанных ограниченным числом правительств. Несколько членов Комиссии высказали сожаление в связи с тем, что относительно небольшое число правительств направили свои замечания по проекту кодекса, которые нельзя рассматривать как представляющие мнение международного сообщества, причем различные мнения были высказаны в отношении возможных выводов. Было высказано предположение о том, что некоторые указания можно получить из мнений, высказанных правительствами по смежной теме о проекте устава международного уголовного суда, работа над которым была завершена Комиссией на ее предшествующей сессии (см. пункт 35 выше). Признавая роль правительств в формулировании международного права, внимание также было обращено на роль Комиссии как экспертного органа независимых юристов в прогрессивном развитии и кодификации международного права.

45. В том что касается темы в целом, некоторые члены Комиссии подчеркнули ее неизменную актуальность, если учесть тот факт, что серьезные преступления совершаются в различных регионах мира, причем часто безнаказанно; важность формулирования достаточно точного кодекса международного уголовного права, который мог бы единообразно применяться международным уголовным судом, в отличие от специальных трибуналов, в соответствии с принципом nullum crimen, nulla poena sine lege; и "расширяющуюся юрисдикцию" национальных судов, являющуюся результатом нынешних пробелов в международной правовой системе. Было также высказано мнение о том, что завершение Комиссией работы над кодексом, идея о котором относится к первым дням существования Организации Объединенных Наций, в течение нынешнего пятилетия будет существенным вкладом в Десятилетие международного права Организации Объединенных Наций[34] и должной данью пятидесятой годовщине Организации Объединенных Наций. Однако другие члены Комиссии обратили внимание на весьма чувствительные аспекты этой темы с точки зрения отношений между государствами, а также на роль Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи по Уставу Организации Объединенных Наций в отношении международного уголовного суда. Было высказано предположение о том, что не Комиссии надлежит окончательно определять, является ли кодекс по-прежнему полезным и необходимым с учетом последних событий, подразумевает ли кодекс международный уголовный суд и приведет ли его применение национальными судами к миру, безопасности и справедливости.

46. Что касается характера и цели кодекса, то были высказаны различные мнения в отношении того, должен ли он принимать форму проекта конвенции, декларации или рамочных принципов, позволяющих принимать государствам меры в отсутствие подробного международного кодекса или постоянного международного уголовного суда. Хотя было высказано мнение о том, что общий кодекс преступлений в виде декларации мог бы предоставить полезные ориентиры различным органам международного сообщества, в том числе государствам, было также высказано мнение о том, что значимый кодекс должен принять форму конвенции, содержащей основывающиеся на существующем праве достаточно точные положения, с тем чтобы обеспечить их эффективное применение в ходе судебного преследования отдельных лиц. В этом отношении было предложено, чтобы Комиссия обеспечила необходимую координацию и согласование кодекса и проекта статута международного уголовного суда.

b) *Замечания относительно части 1 проекта*

Статья 1 (Определение)[35]

47. Были высказаны различные мнения относительно полезности включения общего концептуального определения преступлений, содержащихся в кодексе. Некоторые члены Комиссии высказывались в пользу такого определения, которое определяло бы характер преступлений, подлежащих включению в кодекс, обеспечивало бы общий знаменатель для решения вопроса о включении преступлений, давало бы отправную точку для применения кодекса судами и обеспечивало бы необходимое согласование национального и международного уголовного права, в частности, если в положение будет внесена в качестве поправки ссылка на "общие принципы права". Однако другие члены Комиссии поставили под сомнение возможность принятия всеобъемлющего концептуального определения, включающего основные объективные компоненты преступлений, и выразили беспокойство в связи с возможным неправильным толкованием такого определения. Было высказано предположение о том, что, возможно, будет более полезным определить неотъемле-

[34] Провозглашено Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 44/23.

[35] Проект статьи 1, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"Статья 1. Определение

Преступления [по международному праву], определяемые в настоящем кодексе, являются преступлениями против мира и безопасности человечества".

мые характеристики преступлений против мира и безопасности человечества, такие, как тяжесть, массовость и последствия для основ международного правового порядка, и обеспечить объективный критерий при решении вопроса о том, какие преступления подлежат включению в кодекс, а также облегчить его применение любым судом.

СТАТЬЯ 2 (Квалификация)[36]

48. Было высказано мнение о том, что важно избежать принятия неправильной концепции в отношении квалификации преступления, которая будет исключительной задачей судьи при применении кодекса. Было также высказано мнение о том, что первое предложение этого положения является слишком категоричным и, возможно, неточным, и поэтому его следует опустить.

СТАТЬЯ 3 (Ответственность и наказание)[37]

49. Были выражены различные точки зрения по вопросу о том, следует ли рассматривать принципы индивидуальной уголовной ответственности в общих положениях в настоящей статье, в конкретных положениях в связи с определением каждого из преступлений, содержащихся в части 2, или, возможно, в обоих разделах кодекса. Было высказано мнение о том, что в настоящую статью следует включить упоминание о намерении, поскольку, как представляется, существует общее согласие о необходимости наличия mens rea в качестве одного из элементов преступления, а разногласия имеются лишь по вопросу о том, не подразумевается ли этот элемент уже самим характером актов, охватываемых кодексом. Нормы, касающиеся соучастия, были охарактеризованы как имеющие большее значение для национального уголовного законодательства, нежели для кодекса, который должен быть прежде всего направлен на наказание лиц, несущих ответственность за совершение преступлений против мира и безопасности человечества.

СТАТЬЯ 5 (Ответственность государств)[38]

50. Было выражено мнение о том, что это положение следует сохранить, учитывая важность обеспечения международной ответственности государства за ущерб, причиненный его агентами в результате их преступных деяний. Было также обращено внимание на статью IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, которая в настоящее время обеспечивает единственную правовую основу для предъявления исков против государств, которые, как утверждается, несут ответственность за геноцид.

c) *Замечания относительно части 2 проекта*

51. Было внесено предложение изменить название части 2, с тем чтобы оно гласило: "Преступления против всеобщего мира и человечности".

52. Что касается характера определений преступлений, то ряд членов Комиссии подчеркнули важность разработки определений с необходимой точностью и строгостью, которые требуются для уголовного права в соответствии с принципом nullum crimen sine lege, при этом было также предложено избегать чрезмерно жесткого или гибкого толкования этого принципа.

53. Внимание было обращено на необходимость дальнейшего рассмотрения различий в определениях разнообразных преступлений с точки зрения лиц, несущих за них ответственность, например руководителей или организаторов в случае агрессии, а также на то, каким образом такие лица могут понести уголовную ответственность за совершение отдельных преступлений, например посредством подстрекательства в случае геноцида. В этой связи было выражено мнение о том, что определения преступлений, содержащиеся в части 2, должны касаться лишь основных авторов преступлений и не затрагивать вопрос об ответственности и наказании лиц, которые планировали совершение преступлений или отдавали соответствующие приказы,

---

[36] Проект статьи 2, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 2. Квалификация*

Квалификация какого-либо действия или бездействия в качестве преступления против мира и безопасности человечества не зависит от внутригосударственного права. Тот факт, что какое-либо действие или бездействие наказуемо или не наказуемо в соответствии с внутригосударственным правом, не затрагивает эту "квалификацию".

[37] Проект статьи 3, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 3. Ответственность и наказание*

1. Лицо, которое совершает преступление против мира и безопасности человечества, несет за это ответственность и подлежит наказанию.

2. Лицо, которое оказывает помощь, содействие или предоставляет средства для совершения преступления против мира и безопасности человечества, или участвует в заговоре с целью совершения такого преступления, или прямо подстрекает к его совершению, несет за это ответственность и подлежит наказанию.

3. Лицо, которое совершает деяние, являющееся покушением на совершение преступления против мира и безопасности человечества [согласно перечню в статьях...], несет за это ответственность и подлежит наказанию. "Покушение" означает любое преступление, совершение которого было начато, но не достигло своей цели или было прекращено лишь по причине возникновения обстоятельств, не зависящих от воли его исполнителя".

[38] Проект статьи 5, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 5. Ответственность государств*

Судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству".

как соучастников до совершения преступления, с тем чтобы этот вопрос был рассмотрен в общих принципах, содержащихся в статье 3.

54. В отношении упоминания наказаний было выражено мнение о том, что нет необходимости повторять для каждого преступления, что соответствующее лицо, "в случае признания его виновным", приговаривается к наказанию, поскольку вынесение приговора ясно предполагает, что соответствующее лицо было признано виновным в совершении того или иного преступления. Некоторые члены Комиссии внесли предложение о том, что было бы предпочтительнее затронуть вопрос о наказаниях в общем положении, а не в определении каждого преступления, как это указывается в пунктах 122-125, ниже.

55. Что касается числа преступлений, подлежащих включению в часть 2, то некоторые члены Комиссии поддержали ограничительный перечень, предложенный Специальным докладчиком, в целях обеспечения значимого по характеру кодекса, строго ограниченного наиболее серьезными видами поведения, которые представляют серьезную и непосредственную угрозу миру и безопасности всего человечества, как это признается международным сообществом; уделения первоочередного внимания преступлениям, за которые судебное преследование предусматривается устоявшимися нормами международного права и нормами обычного права, применение которых не будет зависеть от формы будущего документа; исключения преступлений, в отношении рассмотрения которых существующая практика является недостаточной или которые имеют в основном историческое значение; обеспечения как можно более широкого признания кодекса; сохранения значимости всего кодекса, которая может пострадать в результате осуществления мероприятия, способного привести к разработке еще одного проекта, который останется в архивах. Было выдвинуто еще одно предложение ограничить кодекс преступлениями, за которые совершившие их лица несут прямую ответственность по действующему общему международному праву, и прежде всего областью международных преступлений государств, где индивидуальная уголовная ответственность на международном уровне является лишь одним из юридических последствий противоправного поведения, приписываемого государству. Другие члены Комиссии выступили в поддержку расширенного перечня по сравнению с перечнем, предложенным Специальным докладчиком. Всеобъемлющий кодекс рассматривался в качестве более эффективного инструмента укрепления международного права, а также международного мира и безопасности; защиты основополагающих интересов международного сообщества в сохранении жизни, человеческого достоинства и имущественных прав и достижения более рационального равновесия между политическим реализмом и правовым идеализмом. Было отмечено, что некоторые преступления, исключенные из перечня, принятого в первом чтении, охватываются и определяются международными договорами и в полной мере подходят для включения в кодекс. Те, кто выступили в поддержку более всеобъемлющего перечня преступлений, также отметили, что ограничительный перечень не является гарантией принятия проекта государствами или достижения консенсуса в отношении его содержания.

56. Было отмечено широкое согласие в отношении целесообразности достижения согласованных, объективных и релевантных критериев для определения не только серьезных международных преступлений, но и тех преступлений, которые рассматриваются в качестве преступлений против мира и безопасности человечества и поэтому должны быть включены в кодекс. В этой связи ряд членов Комиссии сослались на критерии, используемые Специальным докладчиком при определении сокращенного перечня преступлений, а именно крайнюю серьезность преступлений и наличие общего согласия международного сообщества в отношении их характера как преступлений против мира и безопасности человечества. Второй критерий был охарактеризован в качестве целесообразной попытки принять во внимание мнения "международного сообщества в целом", что было сочтено теоретически оправданным по причине его соответствия тесно взаимосвязанным понятиям jus cogens и международных преступлений по определению, содержащемуся в статье 19 части 1 проекта об ответственности государств[39]. Однако этот критерий был также поставлен под сомнение как не соответствующий роли Комиссии в представлении своей правовой оценки теории и практики государств для последующего рассмотрения государствами.

57. Высказывались различные предложения в отношении других соответствующих критериев, которые могут быть рассмотрены Комиссией при определении перечня преступлений, включая: совершаемые отдельными лицами деяния, создающие серьезную и неминуемую угрозу миру и безопасности человечества и вытекающие из общего определения, содержащегося в статье 1; высшая степень тяжести преступления и государственные интересы; серьезность самого совершаемого деяния, его последствия или то и другое, а также квалификация международным сообществом в целом подобного деяния как преступления, несмотря на некоторую неопределенность в отношении понятия консенсуса, отраженного во втором критерии; и последствия данного преступления для международного сообщества в целом. Выдвигалось также и такое предположение, что в определенной степени можно было бы руководствоваться теми преступлениями, которые указаны в проекте устава международного уголовного суда, и теми критериями, которые использовались для определения этих преступлений. В этом отношении

[39] *Ежегодник.., 1976 год*, том II (часть вторая), стр. 110 и далее.

далее отмечалось, что было бы целесообразно создать специальный механизм для согласования положений проекта кодекса и проекта устава с целью обеспечения большей последовательности и целостности.

58. Высказывались различные мнения в отношении возможности и целесообразности использования соответствующих критериев для определения исчерпывающего перечня преступлений против мира и безопасности человечества и в отношении вопроса о том, можно ли использовать эти же самые критерии для включения в этот перечень дополнительных преступлений, возможно, путем внесения в него соответствующих поправок, если на более позднем этапе будет достигнут необходимый консенсус.

59. Сторонниками различных подходов к кодексу была выражена некоторая обеспокоенность в связи с последствиями исключения конкретных деяний из принятого в первом чтении перечня бесспорных преступлений против мира и безопасности человечества. В этой связи высказывались различные предположения, и в частности указывалось, что исключение тех или иных преступлений не означает умаления серьезного характера или последствий таких преступлений и не наносит ущерба существующей практике и теории в отношении таких преступлений.

СТАТЬЯ 15 (Агрессия)[40]

60. В ходе обсуждения члены Комиссии в целом согласились с тем, что агрессия является основным преступлением против мира и безопасности человечества, а выработка достаточно точного определения агрессии для целей установления индивидуальной уголовной ответственности сопряжена с определенными трудностями. Некоторые члены Комиссии отметили значение Определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей в резолюции 3314 (XXIX), что привело к возобновлению работы Комиссии над кодексом, а другие члены подчеркнули политический характер этого определения, призванного служить руководством для Совета Безопасности при выполнении им его обязанностей по Уставу Организации Объединенных Наций, а не уголовным кодексом, который бы применялся судом при определении индивидуальной уголовной ответственности. Ставился также вопрос о том, полагался ли хоть раз Совет при выполнении своих функций на эту резолюцию.

---

[40] Проект статьи 15, принятой в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 15. Агрессия*

1. Лицо, которое как руководитель или организатор планирует, совершает или отдает приказ о совершении акта агрессии, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций.

3. Применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является prima facie свидетельством акта агрессии, хотя Совет Безопасности может в соответствии с Уставом сделать вывод о том, что установление факта совершения акта агрессии не будет обоснованным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие деяния или их последствия не носят достаточно серьезного характера.

4. Квалифицируется в качестве акта агрессии независимо от объявления войны и с должным учетом пунктов 2 и 3 любое из следующих деяний:

a) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

b) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

c) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

d) нападение вооруженных сил государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

e) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на этой территории по прекращении действия соглашения;

f) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые совершают деяния с применением вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них;

h) любые другие деяния, квалифицируемые Советом Безопасности в качестве актов агрессии в соответствии с положениями Устава.

[5. Любое определение Советом Безопасности наличия акта агрессии имеет обязательную силу для национальных судов.]

6. Ничто в настоящей статье не должно толковаться как расширяющее или сужающее каким-либо образом сферу действия Устава Организации Объединенных Наций, включая его положения, касающиеся случаев, в которых применение силы является законным.

7. Ничто в настоящей статье не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов вести соответствующую борьбу и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно вышеупомянутой Декларации".

61. Содержащееся в этой статье определение агрессии, основанное на положениях резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи, расценивалось как неудовлетворительное рядом членов Комиссии, которые полагали, что оно является слишком политическим и чрезмерно расплывчатым для целей определения индивидуальной уголовной ответственности. Однако другие члены Комиссии отметили, что это определение, являющееся результатом минимальной по степени договоренности, может быть принято для целей кодекса, указав, в частности, на то, что в определение этого преступления может быть включено перечисление случаев агрессии, содержащее конкретные фактические элементы. В этом отношении внимание также обращалось на Протокол об изменениях в Межамериканском договоре о взаимной помощи (Пакт Рио-де-Жанейро), принятый государствами - членами ОАГ, в основе которого лежит резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи и в котором имеется статья, перечисляющая составные элементы агрессии.

62. Что касается пункта 1 нового предложенного Специальным докладчиком текста[41], то предлагалось содержащуюся в нем формулировку использовать также в пункте 1 статей 21, 22, 24 и 25. Высказывалось также мнение о том, что уголовная ответственность "руководителя или организатора" является слишком узкой и что она должна распространяться на других руководителей национального уровня, обладающих достаточной властью и возможностями для того, чтобы по их распоряжению совершались деяния, подпадающие под определение агрессии.

63. Ссылка на "акт агрессии" в этом же пункте вызвала различные мнения в отношении важности проведения различия между актами агрессии и агрессивными войнами, при этом внимание обращалось на то разграничение, которое проводится между ними в резолюции 3314 (XXIX). По мнению некоторых членов Комиссии, понятие агрессивной войны свидетельствует о масштабах деяния, влекущего за собой индивидуальную уголовную ответственность, при этом отмечалось использование данного термина в Уставе Нюрнбергского трибунала[42] и Нюрнбергских принципах[43]. Предлагалось следующим образом изменить формулировку данного положения: "Для целей настоящего кодекса массированное применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства считается агрессивной войной". Однако некоторые другие члены Комиссии отклонили идею проведения такого различия как искусственную и неестественную по следующим причинам: понятие войны является относительным; агрессивная война не может не включать в себя акт агрессии; разграничение между серьезным характером и правовыми последствиями этих двух понятий практически необоснованно и может ввести в заблуждение; используемый для целей кодекса критерий заключается в том, являются ли последствия актов агрессии или агрессивной войны достаточно серьезными и масштабными, чтобы ставить под угрозу мир и безопасность человечества; уделение особого внимания агрессивным войнам неуместно, поскольку отныне в международных отношениях не существует такого понятия как объявление войны; выражение "агрессивная война", используемое в Уставе Нюрнбергского трибунала, - это не что иное как анахроническая ссылка на Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога); а акты агрессии, такие, как вторжение или захват территории, являются достаточно серьезными, чтобы квалифицироваться по кодексу как преступления.

64. Что касается пункта 2, то высказывалось мнение, что настоящая статья является слишком широкой и расплывчатой в том, что касается принципа неприменения силы, закрепленного в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, который является основным принципом, призванным регулировать межгосударственные отношения, а не служить определением для преступления агрессии. Некоторые другие члены Комиссии также высказали мнение, что данное положение Устава охватывает широкий круг ситуаций, отдельные из которых не являются достаточно серьезными, чтобы представлять собой агрессию, тем более международное преступление, и при этом приводились такие примеры, как упреждающее использование силы в порядке самообороны, спасение заложников и гуманитарное вмешательство с целью пресечения геноцида. Высказывалось такое предположение, что цель Комиссии должна заключаться в выявлении основных особенно отвратительных и серьезных актов, за совершение которых соответствующие лица должны караться международным сообществом, а не в определении актов, составляющих преступление "агрессии" в отношениях между государствами. Предлагалось также при определении агрессии использовать нормы общего международного права, не вдаваясь в подробности, или же ссылку на "вооруженную силу" в новом пред-

---

[41] Новый текст проекта статьи 15, предложенный Специальным докладчиком, гласит:

"*Статья 15. Агрессия*

1. Любое лицо, которое как руководитель или организатор признается виновным в планировании или отдаче приказа о совершении акта агрессии, приговаривается к...

2. Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций".

[42] Устав Международного военного трибунала приложен к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 года о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (United Nations, *Treaty Series*, vol. 82, p. 302).

[43] См. сноску 17, выше.

лагаемом пункте 2 сопроводить таким определением, как "по уровню серьезности представляющее акт агрессии по международному праву". По мнению других членов Комиссии, акт агрессии не может не включать в себя элемент массовости, а термин "применение вооруженной силы" имплицитно содержит в себе элемент организованного нападения для целей определения агрессии.

65. Высказывалось мнение, что ссылки на "суверенитет", "политическую независимость" или "каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций", имеют политическое звучание и должны быть заменены формулировками, в которых непосредственно упоминались бы государства-жертвы, например "применение вооруженной силы против другого государства". Использование термина "суверенитет" также вызывало определенные вопросы как не являющееся достаточно точным для уголовного права и не имеющее в данном контексте иного значения, кроме как территориальной целостности или политической независимости государства. По мнению некоторых членов Комиссии, выражение "или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций", является слишком расплывчатым и неопределенным для целей уголовного права, однако, по мнению некоторых других членов, это выражение необходимо для того, чтобы избежать сужения понятия агрессии в кодексе по сравнению с темой об ответственности государств, а также чтобы не подрывать господства права путем расширения рамок применения силы и не ограничивать область индивидуальной уголовной ответственности вопреки имеющим узкое толкование изъятиям из общего запрета на применение силы.

66. Что касается пункта 3, то высказывалось мнение, что его можно исключить, поскольку он не привносит в статью ничего существенного. Однако предлагалось также включить критерий "серьезности" в пункт 2, изменив его следующим образом:

> "2. Применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является prima facie свидетельством акта агрессии, что может быть опровергнуто в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие деяния или их последствия не носят достаточно серьезного характера".

67. Что касается пункта 4, то высказывалось такое предположение, что перечень конкретных деяний, квалифицируемых как агрессия, независимо от объявления войны, имеет определенные преимущества и заслуживает должного внимания. Однако, по мнению некоторых членов Комиссии, данное положение не привносит в статью ничего нового и может быть исключено.

68. Что касается подпункта *h* пункта 4, то ссылка на определение акта агрессии Советом Безопасности вызвала различные мнения относительно роли Совета и последствий такого определения в том, что касается определения самого преступления агрессии и установления индивидуальной уголовной ответственности. Ряд членов Комиссии обратили внимание на важность проведения четкого различия между функциями Совета и функциями судебного органа, при этом отметив понятие разделения властей и принцип независимости судебной системы. В этом отношении ряд членов Комиссии считали, что роль Совета в проекте кодекса и в проекте устава несколько преувеличена, поскольку решения Совета не влияют на независимость суда при определении уголовной ответственности тех или иных лиц. Те действия, которые может предпринять Совет по отношению к соответствующему государству, как это предусматривается в проекте устава, касаются лишь процедуры или условий возбуждения судебного преследования в отличие от основного закона, определяющего преступление и роль суда в установлении уголовной ответственности отдельных лиц. Особое внимание уделялось разграничению между санкциями, вводимыми против государств Советом, и уголовным наказанием, выносимым судом соответствующим лицам.

69. Некоторые другие члены Комиссии выразили серьезную обеспокоенность в связи с тем, что постоянные члены Совета Безопасности могут воспрепятствовать предварительному определению акта агрессии, использовав для этого свое право вето, и тем самым не допустить преследования лиц, виновных в совершении агрессии, что позволит им оставаться безнаказанными в нарушение элементарных принципов справедливости, включая принципы универсальности, объективности, беспристрастности и равенства всех перед законом. Высказывалось мнение, что если Совет не сможет квалифицировать тот или иной акт в качестве акта агрессии, то это не помешает другим органам международного сообщества осуществить их полномочия при соблюдении некоторых положений, например, статьи 12 Устава. Внимание обращалось на резолюцию 377 (V) Генеральной Ассамблеи, озаглавленную "Единство в пользу мира", как, возможно, в какой-то степени указывающую правильное направление в этой области. Предлагалось исключить подпункт *h* пункта 4 и при этом отмечалось, что, хотя Комиссия не должна ставить под вопрос положения Устава или роль Совета, в Уставе ничего не говорится о том, что выносимое Советом Безопасности определение является обязательным для внутренних или международных судов и что вмешательство Совета в функционирование национальных или международных уголовных судов является излишним. В этом отношении внимание обращалось на возможность таких случаев, когда суд может оправдать обвиняемого, даже если Совет определит совершенные им действия как агрессию. Высказывалось также такое предположение, что, хотя Устав пользуется приоритетом перед другими договорами, решения Совета не имеют преимущественной силы по сравнению с международным правом и договорами и что Комиссия, которая не вправе вносить поправки в

Устав, должна ограничиться теми правовыми нормами, которые применяются судами.

70. По мнению некоторых членов Комиссии, трудно представить себе суд над каким-либо лицом за совершение преступления агрессии, если это деяние не было предварительно квалифицировано Советом Безопасности в качестве агрессии в рамках существующей правовой основы, коей служит Устав Организации Объединенных Наций. Хотя и не утверждалось, что это является идеальным решением, высказывалось такое мнение, что нельзя представить, чтобы национальный суд выносил решение о том, что каким-либо государством - а речь идет о государстве, даже если перед судом предстает отдельное лицо, -было совершено преступление агрессии с использованием вооруженной силы против другого государства. Далее высказывалось такое предположение, что преступление агрессии как таковое не подлежит судебному разбирательству в национальных судах, а должно рассматриваться только каким-либо международным судом и что выносимое Советом определение поможет решить проблему с установлением того, какие акты должны классифицироваться как преступление агрессии.

71. Что касается пунктов 5 и 6, то, по мнению ряда членов Комиссии, эти положения носят политический характер, не привнося в статью ничего существенного, и могут быть исключены.

72. Что касается пункта 7, то, хотя и предлагалось сохранить его как полезную защитительную оговорку, предлагалось также исключить его как чрезмерно политический по своему характеру, чтобы тем самым придать четкость правовому содержанию определения.

73. В отношении предложения Специального докладчика ограничить определение двумя первыми пунктами некоторые члены Комиссии отметили, что это определение является слишком общим, чтобы соответствовать целям уголовного права, и имеет политическое звучание. Высказывалось такое предположение, что общее определение, сопровождаемое неисчерпывающим перечнем преступлений, могло бы представлять собой более гибкий подход, уже доказало свою применимость в рамках Устава Нюрнбергского трибунала, совместимо с практикой международных конвенций о различного рода международных преступлениях и позволяло бы в будущем дальше развивать соответствующие правовые нормы.

СТАТЬЯ 16 (Угроза агрессии)[44]

74. Многие члены Комиссии поддержали предложение Специального докладчика об исключении такого преступления как угроза агрессии из-за неопределенности лежащего в его основе понятия и отсутствия требуемой уголовным правом точности. Однако высказывалось также мнение, что понятие угрозы агрессии следует сохранить в кодексе.

СТАТЬЯ 17 (Вмешательство)[45]

75. Все согласились с важностью невмешательства как одного из основополагающих принципов современного международного права, признанного в различных международных документах; резолюциях Генеральной Ассамблеи, включая резолюцию 2131 (XX), озаглавленную "Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета", и резолюцию 2625 (XXV) от 24 октября 1970 года, в приложении к которой содержится Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; а также в судебной практике Международного Суда, в частности по делу *Corfu Channel*[46] и по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (*Nicaragua* v. *United States of America*)[47]. Однако высказывалось также мнение, что этот принцип ограничен по своему охвату, что частично объясняется сокращением числа ситуаций, определяемых как внутренние дела, и появлением таких ситуаций, в частности затрагивающих права человека, в которых исключительность внутренней юрисдикции не допускается законом.

---

[44] Проект статьи 16, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 16. Угроза агрессии*

1. Лицо, которое как руководитель или организатор совершает или отдает приказ о совершении акта угрозы агрессии, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Угроза агрессии состоит в заявлениях, сообщениях, демонстрации силы или любых иных мерах, которые дают правительству какого-либо государства веские основания полагать, что серьезно рассматривается возможность агрессии против этого государства".

[45] Проект статьи 17, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 17. Вмешательство*

1. Любое лицо, которое как руководитель или организатор совершает или отдает приказ о совершении акта вмешательства во внутренние или внешние дела государства, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Вмешательство во внутренние или внешние дела какого-либо государства включает в себя подстрекательство к [вооруженной] подрывной или террористической деятельности или организацию, оказание помощи или финансирование такой деятельности, или поставку оружия для целей такой деятельности и тем самым [серьезный] подрыв свободного осуществления этим государством своих суверенных прав.

3. Ничто в настоящей статье никоим образом не наносит ущерба праву народов на самоопределение, как оно закреплено в Уставе Организации Объединенных Наций".

[46] *Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1949*, p. 4.

[47] Ibid., *1986*, p. 14.

76. Ряд членов Комиссии поддержали предложение Специального докладчика исключить из текста статью 17 по причине неопределенного характера лежащего в ее основе понятия и отсутствия требуемой уголовным правом точности. Однако некоторые другие члены, высказавшиеся за сохранение этой статьи, считали, что вопиющие акты вмешательства все еще остаются реалиями нашего времени и нередко совершаются с явной или хитрозамаскированной целью дестабилизировать государства, невзирая на массовые страдания населения этих государств, и что стремление добиться требуемой уголовным правом точности не учитывает то, что в истории человечества вряд ли когда-либо совершались какие-либо другие деяния, которые бы причиняли столько страданий миллионам обездоленных людей и которые бы практически всеми признавались как преступления. Высказывались различные предложения относительно включения некоторых элементов статьи, которую предлагается исключить, в другие статьи, например в те из них, которые касаются агрессии и терроризма. Внимание обращалось также на определение вмешательства как противоправного деяния, влекущего международную ответственность государств, и указывалось, что исключение данной статьи из текста не нанесет ущерба данному положению.

СТАТЬЯ 18 (Колониальное господство и другие формы иностранного господства)[48]

77. Некоторые члены Комиссии, признавая, что колониальное господство и другие формы иностранного господства не могут не вызывать отвращения, поддержали предложение Специального докладчика об исключении текста данной статьи по причине практически полного искоренения колониализма, отсутствия в определении требуемой уголовным правом точности, а также того, что эта статья вряд ли будет принята в кодексе. Однако некоторые другие члены считали, что колониальное господство и иностранная оккупация еще не изжиты; что все еще имеют место случаи, когда народам насильственно отказывают в их праве на самоопределение; что огромный разрыв между политико-экономическим положением государств Севера и государств Юга не позволяет преждевременно проявлять оптимизм и считать, что все формы колониального или неоколониального господства уже исчезли; что обеспокоенность в связи с отсутствием требуемой уголовным правом точности определения, как представляется, подрывает историческое значение этого вида преступления с точки зрения людских страданий; что нет никаких гарантий того, что колониальное господство окончательно ушло в прошлое и больше никогда не возродится; и что включение этой статьи в кодекс явится важным символическим жестом и серьезным сдерживающим фактором.

СТАТЬЯ 19 (Геноцид)[49]

78. Отмечалось общее согласие относительно того, что преступление геноцида следует включить в кодекс и определять на основе получившей широкое признание Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

79. Внимание обращалось на важность особого умысла при совершении преступления геноцида в отличие от общего криминального умысла в плане осознанной готовности совершить преступление или осознания преступного характера того или иного деяния (mens rea). Выдвигалось предложение о том, чтобы Редакционный комитет рассмотрел вопрос об использовании таких формулировок, как "акты, совершаемые с целью" или "акты, явно направленные на уничтожение", для устранения неопределенности в этом важном элементе преступления.

80. Что касается пункта 3 нового предложенного Специальным докладчиком текста[50], то возникает во-

---

[48] Проект статьи 18, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 18. Колониальное господство и другие формы иностранного господства*

Любое лицо, которое как руководитель или организатор насильственно устанавливает или сохраняет, или же отдает приказ о насильственном установлении или сохранении колониального господства или любой другой формы иностранного господства в нарушение права народов на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, в случае признания его виновным приговаривается [к...]".

[49] Проект статьи 19, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 19. Геноцид*

1. Лицо, которое совершает или отдает приказ о совершении акта геноцида, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Геноцид означает любое из следующих деяний, совершаемое с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

a) убийство членов такой группы;

b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

e) насильственная передача детей из одной группы в другую группу".

[50] Новый текст проекта статьи 19, предложенный Специальным докладчиком, гласит:

"*Статья 19. Геноцид*

1. Любое лицо, признанное виновным в совершении или отдаче приказа о совершении акта геноцида, приговаривается к...

2. Геноцид означает любое из следующих деяний, совершаемое с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

прос о включении в кодекс такого преступления, как подстрекательство к совершению геноцида. Встает вопрос и о том, означает ли выражение "прямое и открытое подстрекательство" самостоятельный вид преступления - "подстрекательство", который как таковой не требует фактического совершения геноцида, или же "способствования" как элемента основного преступления. В этом отношении отмечался исключительный характер "подстрекательства" как самостоятельного преступления вследствие необходимости исключения посягательства на свободу выражения. Однако внимание обращалось и на последние события в Руанде и на положение, складывающееся в Бурунди, как на подтверждение необходимости включения попытки совершения геноцида и подстрекательства к нему в число наказуемых правонарушений.

81. Что касается пункта 4, то возник вопрос о том, следует ли включать попытку как отдельный элемент определения преступления геноцида в данную статью или же ее следует рассматривать в общем плане в статье 3. Перечисление всех деяний, представляющих собой тот или иной вид конкретного преступления, как это отмечалось, имеет то преимущество, что при этом суд не должен в каждом конкретном случае решать вопрос о применимости понятий, изложенных в статье 3. В этом отношении внимание обращалось на соответствующие положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и уставов специальных судов, создаваемых Советом Безопасности. Однако некоторые члены Комиссии высказали мнение о том, что понятие попытки требует дальнейшего изучения в контексте проектов статей в целом и что решение о применимости этого понятия следует принять по каждому преступлению в отдельности, после того как будет составлен окончательный перечень преступлений.

82. Высказывалось мнение, что такое преступление, как соучастие, на которое делается четкая ссылка в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, должно быть включено в настоящую статью. Высказывалось такое предположение, что то решение, которое Комиссия примет относительно наказания за соучастие как преступления по кодексу, включая акты подготовки и планирования, будет определять его аналогичное решение в отношении попытки, представляющей собой стремление совершить преступление, что означает нечто большее, чем просто подготовку или планирование.

83. Высказывалось также мнение о целесообразности рассмотрения вопроса о взаимосвязи между кодексом и статьей IX Конвенции, в которой предусматривается обязательная юрисдикция Международного Суда в случае возникновения споров между договаривающимися сторонами.

Статья 20 (Апартеид)[51]

84. Некоторые члены Комиссии поддержали предложение Специального докладчика об исключении преступления апартеида, ссылаясь на различные причины, в частности на то, что, к счастью, в Южной Африке было покончено с апартеидом; определение этого преступления является расплывчатым даже в том, что касается Южной Африки; определение соучастия является широким и охватывает лиц, проживающих далеко за пределами Южной Африки; а также что преступление апартеида в отношении Южной Африки имеет

a) убийство членов такой группы;

b) причинение тяжких телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;

d) проведение мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе;

e) насильственная передача детей из одной группы в другую группу.

3. Любое лицо, признанное виновным в прямом и публичном подстрекательстве к совершению геноцида, приговаривается к...

4. Любое лицо, признанное виновным в совершении попытки геноцида, приговаривается к...".

[51] Проект статьи 20, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 20. Апартеид*

1. Любое лицо, которое как руководитель или организатор совершает или отдает приказ о совершении преступления апартеида, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Апартеид включает в себя любое из следующих деяний, основанное на политике и практике расовой сегрегации и дискриминации и совершаемое с целью установления и поддержания господства одной расовой группы над какой-либо другой расовой группой и ее систематического угнетения:

a) лишение члена или членов какой-либо расовой группы права на жизнь и свободу личности;

b) умышленное создание для какой-либо расовой группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;

c) любые меры законодательного характера и другие меры, рассчитанные на то, чтобы воспрепятствовать участию какой-либо расовой группы в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны, и умышленное создание условий, препятствующих полному развитию такой группы;

d) любые меры, в том числе законодательного характера, направленные на разделение населения по расовому признаку, в частности посредством создания изолированных резерваций и гетто для членов какой-либо расовой группы, запрещения смешанных браков между членами различных расовых групп или экспроприации земельной собственности, принадлежащей расовой группе или ее членам;

e) эксплуатацию труда членов какой-либо расовой группы, в частности использование их принудительного труда;

f) преследование организаций и лиц путем лишения их основных прав и свобод за то, что они выступают против апартеида".

свои территориальные особенности и нет достаточных доказательств того, что подобная практика осуществляется и в других государствах.

85. По мнению нескольких членов Комиссии, хотя апартеид и прекратил свое существование, проблема "институционализации расовой дискриминации" все еще сохраняется в некоторых частях мира и поэтому следует рассмотреть предложение Специального докладчика о включении общего положения, применимого к любой системе институционализированного расизма, как бы она ни называлась и в каком бы государстве она ни существовала. Предлагалось рассмотреть вопрос о включении не только расовой дискриминации, но и экономической, политической и культурной дискриминации как одной из разновидностей преступления. Высказывалось также соображение о том, что постоянное существование ситуаций институционализированной расовой дискриминации следует рассматривать как систематическое нарушение прав человека, а не как отдельное преступление.

86. Однако некоторые другие члены Комиссии охарактеризовали данную статью как имеющую ключевое значение для кодекса, и, по их мнению, ее следует сохранить, чтобы не забывать об уроках истории, не преуменьшать всей серьезности апартеида и помнить о многочисленных решениях органов Организации Объединенных Наций. Высказывалось мнение, что исчезновение симптомов апартеида не может служить основанием для исключения его из кодекса, который должен включать в себя те или иные деяния по той причине, что они являются преступными по характеру, и не исключать их из-за того, что они вряд ли когда-либо повторятся. В этом отношении высказывалось также мнение, что практика, подобная апартеиду, все еще имеет место в различных странах и может возродиться в любое время в других. Было сочтено целесообразным включить такие преступления, как апартеид и колониальное господство, в кодекс, который был задуман как символический документ, предназначенный для использования государствами в целях определения некоторых актов или деяний. Внимание также обращалось на существование отдельных правовых документов по апартеиду и расовой дискриминации в качестве обоснования необходимости сохранения данной статьи.

СТАТЬЯ 21 (Систематические и массовые нарушения прав человека)[52]

87. Особое значение придавалось защите прав человека и обеспечению сопоставимости настоящей статьи с нормами международного права в области прав человека, что характеризовалось как одно из наиболее важных достижений международного сообщества. Основной вопрос, как отмечалось, заключается в определении того момента, с которого нарушение прав человека, являющееся, в первую очередь, внутренней проблемой каждой страны, подпадающей под юрисдикцию ее национальных судов, приобретает международное значение и начинает подпадать под международную юрисдикцию. Некоторые члены Комиссии высказали мнение, что предлагаемый новый текст статьи 21[53] в целом является приемлемым, но что его редакцию можно было бы улучшить.

88. Некоторые члены Комиссии одобрили предложение Специального докладчика о замене нынешнего названия статьи 21 на "Преступления против человечности", что отражает изначальную концепцию кодекса и соответствует формулировке, используемой в Уставе Нюрнбергского трибунала, Нюрнбергских принципах и в некоторых уголовных кодексах. Однако некоторые другие члены Комиссии предпочли сохранить предыдущее название, потому что оно определяет тот критерий, который проводит грань между преступлениями,

---

[52] Проект статьи 21, принятой в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит следующее:

"Статья 21 Систематические и массовые нарушения прав человека

Лицо, которое совершает или отдает приказ о совершении любого из следующих нарушений прав человека:

— убийство,

— пытки,

— установление или поддержание в отношении лиц положения рабства, подневольного состояния или принудительного труда,

— преследование по социальному, политическому, расовому, религиозному или культурному признаку,

— осуществляемых на систематической основе или в массовом масштабе, или

— депортация или принудительное перемещение населения,

в случае признания его виновным приговаривается [к]"

[53] Новый текст проекта статьи 21, предложенный Специальным докладчиком, гласит

"Статья 21 Преступления против человечности

Лицо, которое как агент или представитель какого-либо государства или как отдельное лицо, признается виновным в совершении или отдании приказа о совершении преступления против человечности, приговаривается [к.],

Под преступлением против человечности понимается факт систематического совершения одного из следующих деяний

— умышленное убийство,

— пытки [т е действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы, в частности, получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или с любой другой целью, в основе которой лежит дискриминация любого характера

Это определение не распространяется на боль или страдания, которые являются исключительно результатом законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызваны ими],

— обращение в рабство,

— преследование,

— депортация или принудительное перемещение населения,

— любые другие бесчеловечные деяния"

рассматриваемыми в настоящей статье, и обычными преступлениями, отличает систематические и массовые нарушения прав человека от других преступлений против человечности, таких, как геноцид, и позволяет избежать создания такого впечатления, что не упомянутые в данной статье преступления не являются преступлениями против человечности. Со ссылкой на соответствующие прецеденты высказывалось также мнение о том, что суть и правовой статус понятия преступлений против человечности как нормы международного права не являются столь четкими, как в случае геноцида и военных преступлений. В этой связи предпочтение отдавалось тому определению преступления против человечности, которое содержится в уставе Международного трибунала по бывшей Югославии[54] и достаточно точно следует положениям Устава Нюрнбергского трибунала и применяется только в военное время. Однако отмечалось также, что нет ни необходимости, ни желательности требовать установления связи между преступлениями против человечности и другими преступлениями.

89. Члены Комиссии не достигли согласия в отношении предложения Специального докладчика о распространении положений кодекса на лиц, действующих в личном качестве, в дополнение к лицам, действующим в качестве агентов или представителей государства. Хотя ряд членов Комиссии полагали, что кодекс должен охватывать лишь преступления, совершаемые агентами или представителями государства, или частными лицами, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, другие члены Комиссии высказались за включение в него поведения частных лиц, даже в том случае, если они не имеют никаких связей государствами. В качестве иллюстрации была сделана ссылка на некоторые организации и учреждения, не связанные с государством, которые совершали преступления такого характера, какие рассматриваются в соответствующей статье.

90. Что касается предложения Специального докладчика об исключении критерия "массовости" в определении настоящей статьи, то высказывалось мнение, что изучение прецедентов могло бы показать, что определяющим фактором являются не масштабы нарушений, а существование постоянного преследования той или иной общины или части общины. Однако несколько членов Комиссии считали, что этот критерий необходим для проведения разграничения между преступлениями, рассматриваемыми в кодексе, и обычными преступлениями по внутригосударственному праву; что понятие "систематических" и "массовых" нарушений является дополнительным элементом данного преступления; что двойной критерий обеспечит более широкую поддержку этой статьи и ее универсальную применимость; и что деяния, перечисленные в этой статье, будут представлять преступления, ставящие под угрозу международный мир и безопасность, только в том случае, если они совершаются в массовом масштабе. Особое значение придавалось сохранению этих двух критериев ввиду отсутствия определения составных элементов преступлений, рассматриваемых в настоящей статье, для обеспечения того, чтобы кодекс применялся только к тем деяниям, которые являются исключительно серьезными и имеют международную значимость. Высказывалось мнение, что три критерия, а именно: серьезность, массовость и нарушение международного правопорядка - следует рассматривать как проводящие различие между преступлениями против человечности и нарушениями прав человека, в отношении которых существует механизм, предусмотренный соответствующими международными договорами. Отмечалась и уместность двух других критериев, коими являются совершение очень серьезного деяния лицом, находящимся под защитой какого-либо государства или же имеющим от него разрешение, и институционализация нарушений прав человека при поддержке государства.

91. Что касается преступлений, перечисленных во втором пункте, то предлагалось изменить первый подпункт следующим образом: "Умышленные убийства в массовом масштабе".

92. Что касается второго подпункта, то некоторые члены Комиссии считали, что определение пытки, заключенное в квадратные скобки, является полезным, в то время как другие члены поставили под сомнение его необходимость и высказали предположение о том, что его включение может нарушить равновесие проекта статей. Предлагалось распространить положение на жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, исходя из статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Предлагалось также рассмотреть определение пытки более подробно в комментарии к статье, а не в самом тексте статьи.

93. Ставилась под сомнение целесообразность ссылки на "преследование" ввиду расплывчатого и слишком широкого характера этого понятия. Предпочтение отдавалось предыдущей формулировке "преследование по социальному, политическому, расовому, религиозному или культурному признаку, осуществляемое на систематической основе или в массовом масштабе". Высказывалось мнение, что даже такая формулировка выходит за рамки Устава Нюрнбергского трибунала, одно из требований которого предусматривает, что подобные деяния совершаются с целью осуществления или в связи с другими преступлениями, входящими в его юрисдикцию, а также за пределы устава Международного трибунала по бывшей Югославии, действие которого распространяется на подобные деяния только в том случае, если они совершаются во время вооруженных конфликтов.

[54] См. сноску 33, выше.

94. Поддержав включение в пятый подпункт положения "депортация или принудительное перемещение населения", некоторые члены Комиссии отметили, что данное положение требует разъяснения и уточнения, с тем чтобы не включать в это понятие допускаемое законом перемещение населения, например, по причинам, связанным с защитой населения, а также по соображениям охраны здоровья и обеспечения экономического развития. Высказывалось мнение, что это положение следует ограничить депортацией или принудительным перемещением населения по социальным, политическим, расовым, религиозным или культурным соображениям, в отличие от соответствующих договоров по правам человека.

95. Что касается "других бесчеловечных деяний", о которых речь идет в шестом подпункте, то высказывалось мнение, что следует очень тщательно продумать идею выделения такой общей категории подобных актов. Хотя некоторые члены Комиссии считали, что это выражение, встречающееся в других подобных документах, следует сохранить, другие члены Комиссии полагали, что оно слишком расплывчато для определения преступления. Предлагалось также дополнить слова "любые другие бесчеловечные деяния" выражением "совершаемые в массовом масштабе".

96. Высказывалось мнение, что насильственные исчезновения, представляющие собой одно из самых тяжких преступлений второй половины двадцатого века в некоторых частях мира, должны быть включены как серьезные нарушения прав человека, составляющие преступления против мира и безопасности человечества. Были отмечены сложности определения преступления, при котором жертвы нередко исчезают без следа, а затем было предложено определение насильственных исчезновений, в основу которого были заложены положения Межамериканской конвенции о насильственных исчезновениях лиц и Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений (A/CN.4/L.505)[55], содержащейся в резолюции 47/133 Генеральной Ассамблеи. Некоторые члены Комиссии поддержали идею включения практики систематических и насильственных исчезновений лиц в настоящую статью, а также рассмотрения предложенного определения в Редакционном комитете.

97. Как это уже отмечалось выше, по мнению некоторых членов Комиссии, вследствие предлагаемого исключения статьи 20 об апартеиде в статью 21 следует включить институционализированную расовую дискриминацию.

СТАТЬЯ 22 (Исключительно серьезные военные преступления)[56]

---

[55] Г-н Варгас Карреньо предложил следующий текст:

"*Статья 21. Систематические и массовые нарушения прав человека*

1. Агент или представитель государства или любое лицо, действующее с разрешения, при поддержке или с согласия государства, которое совершает или отдает приказ о совершении в систематическом или массовом порядке любого из следующих актов:

a) преднамеренное убийство;

b) насильственное исчезновение лиц. Для целей настоящего Кодекса насильственное исчезновение означает незаконное лишение свободы любого лица в какой бы то ни было форме, сопровождающееся отсутствием информации или отказом признать данное лишение свободы или проинформировать о местонахождении соответствующего лица, в результате чего нарушаются все его права;

c) пытки;

в случае признания его виновным приговаривается к ...

2. Агент или представитель государства, который при осуществлении своих функций участвует в принятии актов или мер законодательного, исполнительного, административного или любого иного характера, которые де-юре или де-факто приводят к:

a) установлению или поддержанию в отношении лиц положения рабства, подневольного состояния или принудительного труда;

b) узакониванию расовой дискриминации;

c) депортации или принудительному перемещению населения по социальным, политическим, расовым, религиозным или культурным признакам,

в случае признания его виновным приговаривается к..."

[56] Проект статьи 22, принятой в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 22. Исключительно серьезные военные преступления*

1. Лицо, которое совершает или отдает приказ о совершении исключительно серьезного военного преступления, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Для целей настоящего Кодекса исключительно серьезным военным преступлением является исключительно серьезное нарушение принципов и норм международного права, применимых в вооруженном конфликте, которое включает в себя любой из следующих актов:

a) акты бесчеловечности, жестокости или варварства, направленные против жизни, достоинства или физической или психической неприкосновенности лиц [, в частности, преднамеренное убийство, пытки, нанесение увечий, биологические эксперименты, захват заложников, факт принуждения находящегося под защитой лица служить в вооруженных силах неприятельской державы, неоправданная задержка репатриации военнопленных после прекращения активных военных действий, депортация или переселение гражданского населения и коллективные наказания];

b) размещение поселенцев на оккупированной территории и изменение демографического состава оккупированной территории;

c) применение незаконного оружия;

d) применение методов или средств ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде;

e) широкомасштабное уничтожение гражданского имущества;

f) преднамеренное посягательство на имущество исключительной религиозной, исторической или культурной ценности".

98. Некоторые члены Комиссии приветствовали решение Специального докладчика вернуться к традиционному понятию военных преступлений и отказаться от идеи внедрения новой концепции "исключительно серьезных военных преступлений", по поводу смысла и последствий которой для существующего международного гуманитарного права высказывалась определенная озабоченность[57]. Однако высказывалось определенное опасение и в отношении отказа от этой новой концепции, предусматривающей ограничение охвата этой статьи только очень серьезными нарушениями, что соответствует необходимому критерию включения в кодекс.

99. Некоторые члены Комиссии одобрили также подход Специального докладчика, находящийся в достаточно полном соответствии с уставом Международного трибунала по бывшей Югославии, при этом внимание обращалось на некоторые имеющиеся в статье 22 новые элементы редакционного характера, которые, вероятно, требуют дальнейшего рассмотрения. Высказывались также некоторые сомнения в отношении целесообразности ссылки на конкретную конвенцию без учета того, является ли соответствующее государство или государства сторонами этой конвенции. В этом отношении предлагалось сослаться на "международное гуманитарное право", а не на какие-либо конкретные конвенции.

100. В связи с изменением названия новой статьи внимание обращалось на необходимость внесения соответствующих изменений в первое предложение текста статьи на английском языке.

101. Что касается пункта 1, то высказывалось мнение, что он является достаточно широким и удовлетворяет целям Кодекса. Однако высказывались также такие предположения, что можно было бы расширить это положение и включить в него другие международные договоры и другие виды нарушений. Что касается международных договоров, то ряд членов Комиссии считали, что в это положение следует четко включить Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года. Отметив, что понятия "серьезных нарушений" или "военных преступлений" не применяются к немеждународным вооруженным конфликтам, некоторые члены Комиссии указали, что, по их мнению, статья 3, общая для Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола II, также должна быть включена в этот пункт со ссылкой на недавно принятый устав Международного уголовного трибунала по Руанде[58]. Однако это предложение вызвало некоторые возражения. Что касается нарушений, то предлагалось дополнительно включить "нападения на гражданское население" и "размещение поселенцев на оккупированной территории и изменение демографического состава оккупированной территории", причем последний вид нарушения включен в текст, принятый в первом чтении на основе пункта 4 статьи 85 Дополнительного протокола I.

102. Что касается пункта 2, то предпочтение отдавалось ссылке на "серьезные" нарушения законов и обычаев войны, причем это выражение Комиссия уже включила в проект устава международного уголовного суда. Было высказано мнение, что наиболее оптимальный подход - это использование неисчерпывающего перечня. В этом отношении предлагалось изменить формулировку пункта 2, чтобы четко указать, что специально не перечисленные в этом пункте преступления должны быть столь же серьезными, что и те, которые указаны в нем, например, используя фразу "Такие нарушения законов или обычаев войны, как:". Однако ряд членов Комиссии считали, что исчерпы-

---

[57] Новый текст проекта статьи 22, предложенный Специальным докладчиком, гласит следующее:

"*Статья 22. Военные преступления*

Лицо, которое совершает или отдает приказ о совершении военного преступления, в случае признания его виновным приговаривается к...

Для целей настоящего Кодекса военным преступлением являются:

1. Серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года, а именно:

a) умышленное убийство,

b) пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты,

c) умышленное причинение тяжелых страданий или серьезных увечий или вреда здоровью,

d) незаконное, бессмысленное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью,

e) принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятельской державы,

f) лишение военнопленного или гражданского лица права на беспристрастное и надлежащее судебное разбирательство,

g) незаконное депортирование, перемещение или арест гражданского лица,

h) взятие гражданских лиц в качестве заложников;

2. Нарушения законов и обычаев войны, которые включают перечисленные ниже нарушения, но не ограничиваются ими:

a) применение отравляющих веществ или других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий,

b) бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разорение, не вызываемые военной необходимостью,

c) нападение на незащищенные города, деревни, жилища или здания, либо их обстрел с применением каких бы то ни было средств,

d) захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений,

e) разграбление государственной или частной собственности".

[58] Резолюция 955 (1994) Совета Безопасности от 8 ноября 1994 года, приложение.

вающий перечень более полно соответствовал бы принципу nullum crimen sine lege и обеспечил бы единообразие в отношении этих двух пунктов данной статьи, хотя и признавали, что выработка подобного перечня сопряжена с большими трудностями.

103. Что касается возможного объединения пунктов 1 и 2 или же сохранения их в качестве отдельных статей, то по этому вопросу высказывались весьма различные мнения.

СТАТЬЯ 23 (Вербовка, использование, финансирование и обучение наемников)[59]

104. Несколько членов Комиссии поддержали решение Специального докладчика исключить такой вид преступления, как вербовка наемников. По мнению некоторых членов, деяния, которые изначально рассматривались в статье 23, влекут за собой судебное преследование как преступления, связанные с агрессией, в той мере, в которой они связаны с участием агентов государства, или как акты международного терроризма. Хотя было отмечено, что к Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников присоединилось только ограниченное число государств, наряду с этим высказывались опасения в отношении исключения этого вида преступления из кодекса с учетом его исторического значения, особенно в том, что касается некоторых частей Африки, а также с учетом его идеологического аспекта - средства сохранения модели колониализма.

СТАТЬЯ 24 (Международный терроризм)[60]

105. Хотя все признавали опасность международного терроризма, высказывались различные мнения относительно того, может ли преступление международного терроризма, ввиду сохраняющихся проблем в связи с его определением, на данном этапе быть включено в кодекс. Ряд членов Комиссии выразили серьезное сомнение относительно возможности выработки общего определения, которое по своей точности соответствовало бы требованиям уголовного права. Высказывались различные мнения и в отношении того, могут ли существующие международные договоры по различным конкретным аспектам данной проблемы служить необходимой основой для выработки такого общего определения. В этом отношении было проведено разграничение между преступлениями, влекущими за собой преследование по общему международному праву, в частности агрессией, военными преступлениями, геноцидом и другими преступлениями против чело-

---

[59] Проект статьи 23, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 23. Вербовка, использование, финансирование и обучение наемников*

1. Лицо, которое как агент или представитель государства совершает или отдает приказ о совершении любого из следующих деяний:

— вербовка, использование, финансирование и обучение наемников для деятельности, направленной против другого государства, или для цели противодействия законному осуществлению неотъемлемого права народов на самоопределение, признанного международным правом,

в случае признания его виновным приговаривается [к ...].

2. Термин "наемник" означает любое лицо, которое:

a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы участвовать в вооруженном конфликте;

b) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и должности, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

c) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

d) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, и

e) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

3. Термин "наемник" означает также любое лицо, которое в любой другой ситуации:

a) специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на:

i) свержение правительства или иной подрыв конституционного строя государства; или

ii) подрыв территориальной целостности государства;

b) принимает участие в таких действиях, руководствуясь главным образом желанием получить значительную личную выгоду и которое побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения;

c) не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия;

d) не направлено государством для выполнения официальных обязанностей, и

e) не входит в личный состав вооруженных сил государства, на территории которого совершаются такие действия".

[60] Проект статьи 24, принятой в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 24. Международный терроризм*

Лицо, которое как агент или представитель государства совершает или отдает приказ о совершении любого из следующих деяний:

— совершение, организация, содействие осуществлению, финансирование или поощрение актов против другого государства или попустительство совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют целью вызывать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом,

в случае признания его виновным приговаривается [к...]".

вечности, и преступлениями, наказание за которые предусматривается соответствующими конвенциями, включая международный терроризм. Отмечалось, что Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма[61], которая была недавно принята Генеральной Ассамблеей, позволила разрешить сложные политические вопросы, но не технические проблемы, связанные с выработкой общего определения терроризма.

106. Высказывались также некоторые сомнения в отношении того, является ли всякий террористический акт преступлением против мира и безопасности человечества или преступлением, каким-либо иным образом отвечающим критерию включения таких преступлений в кодекс. Высказывалось мнение, что исключение международного терроризма из кодекса можно было бы рассматривать как несовместимое с резолюцией 748 (1992) Совета Безопасности от 31 марта 1992 года, которая гласит, что некоторые акты терроризма представляют угрозу международному миру и безопасности. Однако высказывалось также и такое мнение, что вопрос о включении международного терроризма в кодекс отнюдь не влияет на возможность принятия Советом мер реагирования на ту или иную ситуацию, затрагивающую мир и безопасность где-либо в мире. Далее отмечалось, что политическим вариантом решения проблемы юрисдикции в случае совершения актов терроризма, создающих серьезную напряженность в международных отношениях, может служить международный уголовный суд, однако это не решит вопроса о применимых правовых нормах. Высказывалось предположение, что международный терроризм может представлять собой преступление против мира и безопасности человечества в тех случаях, когда террористические акты носят особо серьезный и массовый характер, и что при включении его в число преступлений против человечности следует учитывать это соображение.

107. Те, кто поддержал идею включения международного терроризма в качестве отдельной статьи кодекса, обратили внимание на серьезный характер актов терроризма, всеобщее признание таких актов как преступлений, на частоту совершения подобных актов, необходимость выработки общего определения, с тем чтобы облегчить преследование лиц, совершающих подобные акты, и на то, что определение международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества и его включение в кодекс будут служить мощным сдерживающим фактором. В этом отношении высказывалось мнение, что необходимо определить общие черты различных форм терроризма и обеспечить, чтобы терроризм как преступление по кодексу влек за собой преследование на международном уровне, поскольку борьба с терроризмом на национальном уровне в соответствии с существующими документами, касающимися конкретных террористических актов, не приносит ощутимых результатов. Некоторые другие члены Комиссии подчеркнули также, что эти два подхода к борьбе с международным терроризмом следует рассматривать как взаимодополняющие, а не как взаимоисключающие. Что касается критерия отбора преступлений против мира и безопасности человечества, то высказывалось мнение о том, что международный терроризм следует рассматривать именно как такое преступление, поскольку он ставит под угрозу выживание человечества.

108. В число общих замечаний, касающихся определения международного терроризма, входят следующие: в определении следует избегать любого упоминания субъективных мотивов и цели террористического акта; преступление терроризма следует определять с учетом его характера и последствий, и оно должно включать в себя акты, которые преследовали цель распространения террора или оказывали такое воздействие; определение терроризма должно охватывать все его проявления путем их перечисления; три объективных критерия, а именно: серьезность, массовый характер и нарушение международного правопорядка, следует использовать для определения перечня террористических актов, которые можно рассматривать в качестве преступлений против мира и безопасности человечества.

109. Что касается нового предложенного Специальным докладчиком текста[62], то некоторые члены Комиссии выразили мнение о том, что он является явно улучшенным по сравнению с текстом, утвержденным в первом чтении. Однако было высказано также предпочтение в пользу текста статьи, утвержденного в первом чтении, с возможным добавлением ссылки на "акты насилия", используемой в новом тексте.

110. В отношении пункта 1 были выражены различные мнения по вопросу о том, следует ли включать в число лиц, несущих ответственность за совершение актов международного терроризма, отдельных лиц, а также агентов и представителей государства. Некото-

[61] Резолюция 49/60 Генеральной Ассамблеи, приложение.

[62] Новый текст проекта статьи 24, предложенный Специальным докладчиком, гласит:

"Статья 24. Международный терроризм

1. Лицо, которое как агент или представитель государства или в личном качестве совершает или отдает приказ о совершении любого из деяний, перечисленных в пункте 2 настоящей статьи, в случае признания его виновным приговаривается к...

2. Актом международного терроризма являются совершение, организация, отдача приказа о совершении, содействие осуществлению, финансирование или поощрение актов насилия против другого государства или попустительство совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют целью вызвать страх [испуг или ужас] у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом, с целью вынудить данное государство пойти на уступки или предпринять определенные действия".

рые члены Комиссии поддержали включение отдельных лиц, действующих в личном качестве, однако другие выразили мнение о том, что данное положение является слишком широким и требует дополнительного уточнения. В этой связи была выражена точка зрения о том, что сферу охвата рассматриваемой статьи не следует расширять таким образом, чтобы она включала в себя отдельных террористов, действующих независимо и без какой-либо связи с террористической организацией или группой, или любым элементом организованной преступности. Было также выражено мнение о том, что государственный терроризм должен, несомненно, быть включен в качестве преступления против мира и безопасности человечества, однако точные условия, при которых отдельный акт терроризма можно было бы рассматривать в качестве такого преступления, следует четко оговорить, по возможности в отдельном пункте.

111. В отношении пункта 2 было выражено мнение о том, что термин "страх" является понятным для всех и поэтому ему следовало бы отдать предпочтение перед другими выражениями. Однако было также предложено заменить слово "страх" словами "серьезные опасения" с целью избежать повторений при определении терроризма. Было также внесено предложение о том, что следует дополнительно рассмотреть ссылку на акты, направленные против "другого государства", и выражение "с целью вынудить данное государство".

СТАТЬЯ 25 (Незаконный оборот наркотических средств)[63]

112. Некоторые члены Комиссии выразили мнение о том, что незаконный оборот наркотических средств следует включить в кодекс по следующим причинам: незаконный оборот наркотических средств является серьезной проблемой, затрагивающей суверенитет малых государств; многие малые государства не в состоянии преследовать в судебном порядке лиц, несущих ответственность за незаконный оборот таких средств, когда он осуществляется в крупных масштабах на их собственной территории; некоторые государства являются практически беспомощными перед лицом проблемы незаконного оборота наркотических средств; "наркотерроризм" может оказывать дестабилизирующее воздействие на некоторые страны, в частности страны Карибского бассейна; международные наркокартели могут разрушить малые государства и оказывать катастрофическое воздействие даже на более крупные государства; и незаконный оборот наркотических средств ставит под угрозу выживание человечества, при этом обеспечивая финансовую основу для других форм преступности, таких, как терроризм и подрывная деятельность.

113. Однако другие члены Комиссии, выступающие за его исключение, выразили следующие мнения: незаконный оборот наркотических средств не удовлетворяет критериям преступления против мира и безопасности человечества; маловероятно, что он может поставить под угрозу международный мир и безопасность, если он не сочетается с другими преступлениями; большинство государств выступают против его определения в качестве преступления против мира и безопасности человечества; преследование в судебном порядке субъектов незаконного оборота наркотических средств на международном уровне предполагает существование конвенции в отличие от других преступлений, в связи с совершением которых преследование в судебном порядке можно осуществлять на основе общих норм международного права; существующие соответствующие конвенции направлены прежде всего на пресечение незаконного оборота наркотических средств, а не на установление наказаний за него на международном уровне; существующие правовые рамки и международные соглашения о сотрудничестве предусматривают необходимые средства и механизмы для пресечения незаконного оборота наркотических средств, поскольку большинство случаев такого оборота могут быть эффективно рассмотрены в национальных судах; и расширение международного сотрудничества в области правоприменения являлось бы более эффективным способом решения данной проблемы. Было выражено мнение о том, что следует уделить дополнительное внимание вопросу о взаимосвязи между настоящей статьей и существующими конвенциями, такими, как Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, которая предусматривает методы оказания государствами взаимной помощи в области преследования в судебном порядке правонарушителей и предотвращения отмывания денег, а также взаимосвязи между юрисдикцией национальных правовых систем и предлагае-

---

[63] Проект статьи 25, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 25. Незаконный оборот наркотических средств*

1. Лицо, которое совершает или отдает приказ о совершении любого из следующих деяний:

- совершение, организация, содействие осуществлению, финансирование или поощрение незаконного оборота наркотических средств в крупных масштабах, будь то в пределах одного государства или в трансграничном контексте

в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Для целей пункта 1 содействие осуществлению или поощрение незаконного оборота наркотических средств включает приобретение, владение, присвоение или передачу имущества лицом, которому известно, что это имущество получено в результате совершения преступления, охватываемого этой статьей, с целью сокрытия или утаивания незаконного происхождения этого имущества.

3. Незаконный оборот наркотических средств означает любое производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение внутригосударственного или международного права".

мой международной юрисдикцией в соответствии с кодексом.

114. В отношении нового предложенного Специальным докладчиком текста[64] было выражено мнение о том, что в нем в основном содержатся редакционные изменения, которые могут быть рассмотрены вместе с текстом, утвержденным в первом чтении.

115. В отношении пункта 1 некоторые члены Комиссии одобрили включение в текст слов "в крупных масштабах... или в трансграничном контексте". Вносились также предложения ограничить сферу охвата рассматриваемого положения наиболее серьезными случаями незаконного оборота наркотических средств, например случаями наркотерроризма, связанного с международным терроризмом или деятельностью повстанческих групп, которые оказывают дестабилизирующее воздействие на некоторые страны и явно представляют собой преступление против мира и безопасности человечества. Было выражено мнение о том, что основным элементом, который следует принимать во внимание, является масштаб осуществления такого незаконного оборота. Было также выражено мнение о том, что незаконный оборот наркотических средств может представлять собой преступление против мира и безопасности человечества, когда он является особенно серьезным и массовым по своему характеру, и что следует рассмотреть возможность его включения в кодекс в качестве преступления против человечности, но не в качестве отдельного преступления.

116. Использование в том же пункте термина "лица" вызвало различные мнения по вопросу о том, должно ли рассматриваемое положение охватывать любых лиц, агентов или представителей государства, или и тех, и других.

117. Было выражено мнение о целесообразности упоминания в этом пункте конкретных наказаний, поскольку в статье содержатся составляющие элементы различных преступлений, образующих незаконный оборот наркотических средств, таких, как отмывание денег.

118. В отношении пункта 2 было выражено мнение о том, что следует исключить упоминание о внутригосударственном праве, с тем чтобы избежать придания данному преступлению не столько международного, сколько национального характера.

Статья 26 (Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде)[65]

119. Некоторые члены Комиссии разделяли мнение Специального докладчика о том, что нанесение ущерба окружающей среде не следует включать в кодекс, поскольку оно не удовлетворяет критериям преступления против мира и безопасности человечества. Было также выражено мнение о том, что, поскольку кодекс не предполагает охвата всех преступлений по международному праву, совершаемых отдельными лицами, а касается лишь тех из них, которые могут представлять угрозу миру и безопасности человечества, исключение того или иного преступления не означает невозможность его рассмотрения в качестве преступления в соответствии с международным правом.

120. Однако другие члены Комиссии выразили мнение о том, что данную статью следует сохранить, при этом Редакционному комитету следует принять во внимание замечания правительств. В этой связи была высказана точка зрения о том, что нанесение преднамеренного и серьезного ущерба окружающей среде является деянием, затрагивающим интересы не только нынешнего, но и будущих поколений. Было также выражено мнение о том, что некоторые виды ущерба, наносимого окружающей среде, несомненно, представляют собой угрозу для международного мира и безопасности, как, например, преднамеренный взрыв ядерных взрывчатых веществ или загрязнение целых рек, и их следует квалифицировать в качестве преступлений против мира и безопасности человечества, однако при этом признавалось, что может возникнуть необходимость в сужении сферы охвата настоящего положения с целью ее ограничения такими ситуациями. Было обращено внимание на некоторые преступные попытки незаконного сброса химических или радиоактивных отходов, яв-

---

[64] Новый текст проекта статьи 25, предложенный Специальным докладчиком, гласит:

"*Статья 25. Незаконный оборот наркотических средств*

1. Лицо, которое совершает или отдает приказ о совершении незаконного оборота наркотических средств в крупных масштабах, будь то в пределах одного государства или в трансграничном контексте, в случае признания его виновным приговаривается [к...].

2. Незаконный оборот наркотических средств означает осуществление, организацию, содействие осуществлению, финансирование или поощрение любого производства, изготовления, экстрагирования, приготовления, подготовки, предложения, предложения с целью продажи, распространения, продажи, поставки на любых условиях, посредничества, переправки, транзитной переправки, транспортировки, импорта или экспорта любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение внутригосударственного права или международного права.

3. Для целей пункта 2 содействие осуществлению или поощрение незаконного оборота наркотических средств включает приобретение, владение, присвоение или передачу имущества лицом, которому известно, что это имущество получено в результате совершения преступления, охватываемого этой статьей, с целью сокрытия или утаивания незаконного происхождения этого имущества".

[65] Проект статьи 26, принятый в предварительном порядке Комиссией в первом чтении, гласит:

"*Статья 26. Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде*

Лицо, которое преднамеренно причиняет или отдает приказ о причинении широкомасштабного, долговременного и серьезного ущерба природной окружающей среде, в случае признания его виновным приговаривается [к...]".

ляющихся особенно пагубными для окружающей среды, на территории или в территориальных водах развивающихся стран, что свидетельствует о том, что эти государства могут вероятнее всего страдать от неблагоприятных последствий пробелов в сфере наказания преступления этого типа. Было также обращено внимание на возможность получения какой-либо террористической группой или организацией необходимых материалов, технологий и знаний, которые требуются для нанесения ущерба окружающей среде, эквивалентного разрушениям в ходе второй мировой войны. Кроме того, было обращено внимание на включение преднамеренного и серьезного ущерба окружающей среде в статью 19 части 1 проекта об ответственности государств[66] и на необходимость достижения определенного единства цели в работе, осуществляемой Комиссией.

121. Было также выражено мнение о том, что необходимость в отдельной статье по данному вопросу отсутствует, поскольку нанесение ущерба окружающей среде, такого как преднамеренное радиоактивное загрязнение или отравление жизненно важных международных водотоков, если оно затрагивает международный мир и безопасность, являлось бы наказуемым в качестве международного преступления в соответствии с другими разделами кодекса, такими, как разделы, касающиеся агрессии, военных преступлений и международного терроризма. В этой связи было обращено внимание на Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

d) *Вопрос о наказаниях*

122. В отношении наказаний было выражено мнение о том, что кодекс явился бы эффективным и полным правовым документом только в том случае, если он включал бы в себя три элемента - преступления, наказания и юрисдикцию. Ряд членов Комиссии отметили, что правительства в своих замечаниях уклонились от определения наказаний за каждое преступление, что свидетельствует о необходимости проявления Комиссией осмотрительности при их установлении; они разделили мнение Специального докладчика относительно сложности этой процедуры и одобрили его предложение о том, что следует предусмотреть шкалу наказаний, оставляя за судами принятие решений относительно применимого наказания в каждом случае. Было отмечено, что этот метод использовался в статутах международных трибуналов по рассмотрению уголовных дел, утвержденных после 1945 года. В этой связи в качестве возможных моделей для положения, подлежащего включению в кодекс, были предложены статуты специальных трибуналов. Однако было также внесено предложение рассмотреть возможность использования формулировок, закрепленных в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, путем закрепления за государствами обязательства предусмотреть "эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении" преступлений против мира и безопасности человечества.

123. Было выражено мнение о том, что было бы достаточно включить одну статью, предусматривающую минимальные и максимальные наказания за все преступления, оговариваемые в кодексе, при этом степень суровости наказаний соответствовала бы тяжести преступлений, и в рамках этих ограничений суды принимали бы соответствующие решения на дискреционной основе. Было внесено предложение о том, что в целом применимые наказания следует определить в соответствии с максимальными наказаниями, применяемыми в том государстве, в котором было совершено преступление, или на основе таких максимальных наказаний. Однако было также отмечено, что было бы невозможно определить жесткие границы максимальных и минимальных приговоров, учитывая существование многочисленных и различных видов военных преступлений и преступлений против человечности, по сравнению с санкционированием вынесения назидательных наказаний, включая пожизненное заключение, за такие серьезные преступления.

124. Некоторые члены Комиссии подчеркнули, что любое положение о наказаниях следует привести в соответствие с аналогичным положением в проекте устава международного уголовного суда. Отмечалось, что было бы достаточно предусмотреть верхнюю границу для всех преступлений, оставляя судам возможность определения наказания в каждом конкретном случае, в соответствии со статьей 47 проекта устава[67], которая исключает применение смертной казни. Была выражена поддержка в отношении включения положения о применении максимального наказания в виде пожизненного заключения с учетом тяжести преступлений, охватываемых кодексом, при осуществлении судом дискреционных полномочий по определению таких других условий, которые могут потребоваться в зависимости от конкретных обстоятельств того или иного дела. Вместе с тем были подняты следующие вопросы, касающиеся правовой основы отсутствия смертной казни в недавних договорах: означает ли факт такого отсутствия значительный прогресс в области прав человека и каково положение дел в связи со вторым Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленным на отмену смертной казни. В этой связи было обращено внимание на несоответствие, в том что касается включения смертной казни, между уставом Международного трибунала по бывшей Югославии[68] и уставом Международного уголовного трибунала по

[66] См. сноску 39, выше.

[67] *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

[68] См. сноску 33, выше.

Руанде[69] и национальным законодательством, применимым в бывшей Югославии и Руанде.

125. Было выражено мнение о целесообразности уделения дополнительного внимания не только включению общего положения о наказаниях, но и рассмотрению вопроса об отягчающих или смягчающих обстоятельствах, которые следует принимать во внимание при определении соответствующего наказания по тому или иному конкретному делу, подпадающему под статью 14.

3. Подведение Специальным докладчиком итогов обсуждения

126. По завершении обсуждения его тринадцатого доклада Специальный докладчик резюмировал основные идеи, высказанные в ходе обсуждения, и представил свое мнение по некоторым поднятым вопросам.

127. Специальный докладчик отметил, что ограниченное число ответов правительств в отношении проектов статей, принятых в первом чтении, затруднило для него оценку уровня поддержки, которую получили эти проекты статей.

128. Касаясь опоры на существующие договоры и конвенции, Специальный докладчик заявил, что, хотя члены Комиссии призывали его придерживаться этого подхода с самого начала разработки кодекса, он ставил под сомнение его обоснованность, исходя из того, что последовательное развитие правовых норм предполагает выход за пределы существующих правовых актов. Он также выразил мнение о том, что проект кодекса охватывает в основном преступления, которые представляют собой нарушения jus cogens, и поэтому в нем не делается чрезмерного упора на существующие договоры.

129. Отмечая, что некоторые члены Комиссии рассматривали ограничительный подход к перечню преступлений как чрезмерно осторожный и, по всей видимости, хотели бы, чтобы он способствовал развитию норм международного права, даже в тех случаях, когда отсутствовал консенсус в рамках самой Комиссии, он выразил мнение о том, что роль Специального докладчика заключается не в навязывании Комиссии определенных решений, а скорее в предоставлении членам Комиссии возможности достичь согласия путем достоверного отражения взглядов, высказываемых "за" и "против" той или иной гипотезы.

130. Что касается самих проектов статей, то он заявил, что был явно достигнут консенсус в пользу включения, по меньшей мере, четырех из них — статей, касающихся агрессии, геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности.

131. Соглашаясь с тем, что определение агрессии требует дальнейшей доработки, Специальный докладчик выразил мнение о том, что роль Совета Безопасности в этой связи была преувеличена, поскольку в предложенном определении сознательно избегалось упоминание о Совете или резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи. Он также отметил, что граница между компетенцией Совета по определению вопроса о том, был ли совершен акт агрессии, и компетенцией любого суда, применяющего положения кодекса, появится постепенно, по мере рассмотрения конкретных дел, однако Совет никоим образом не может взять на себя функции судов, поскольку он не имеет юрисдикции над частными лицами.

132. Специальный докладчик отметил, что существует общее согласие в отношении того, что кодекс должен охватывать геноцид и военные преступления, которые были в достаточной степени кодифицированы в законодательных текстах.

133. Что касается систематических и массовых нарушений прав человека, то он заявил, что именно Комиссии следует решать вопрос о том, может ли единичный зверский акт, совершенный против одного лица, быть настолько шокирующим, чтобы представлять собой преступление против человечества в целом, и если да, то следует ли отказаться от критерия массовости и вновь обратиться к более широкому термину "преступления против человечности", первоначально предложенному Специальным докладчиком.

134. В отношении вмешательства, угрозы агрессией и вербовки наемников он выразил мнение о том, что, как представляется, существуют веские основания для исключения соответствующих статей, поскольку в их поддержку не было представлено убедительных аргументов. Касаясь вмешательства, он заявил, что точка зрения некоторых членов Комиссии, характеризующих вмешательство в качестве преступления против мира и безопасности человечества, не пользуется широкой поддержкой. Касаясь угрозы агрессией, Специальный докладчик предложил отказаться от данного понятия в связи с трудностью разработки подходящего определения, которое являлось бы приемлемым для правительств. В отношении вербовки наемников он выразил мнение о том, что ее можно было бы связать с преступлением агрессии.

135. Касаясь других четырех преступлений — расовой дискриминации, колониального господства, международного терроризма и незаконного оборота наркотических средств, — он отметил, что потребуется дополнительно рассмотреть вопрос о том, следует ли сохранять в кодексе эти преступления, вызывающие противоречивые мнения.

---

[69] См. сноску 58, выше.

136. Отмечая историческую значимость термина "апартеид", Специальный докладчик выразил мнение о том, что следует уделить серьезное внимание определению и включению в кодекс преступления "институционализированной расовой дискриминации".

137. Отмечая аналогичным образом историческое значение колониального господства, он отметил, что Комиссия может либо счесть достаточным его включение в качестве международного преступления в статью 19 части 1 проекта об ответственности государств[70], либо попытаться разработать более точное определение для целей кодекса.

138. Специальный докладчик выразил мнение о том, что если в кодексе будет сохранено преступление международного терроризма, то потребуется разработать более точное определение.

139. Учитывая ограниченную поддержку включения в проект незаконного оборота наркотических средств в качестве преступления против мира и безопасности человечества, он выразил мнение о том, что рассмотрение этого вопроса следует отложить до разработки приемлемого для всех определения.

4. Решение, принятое Комиссией на нынешней сессии

140. Комиссия на своем 2387-м заседании постановила передать Редакционному комитету статьи 15 (Агрессия), 19 (Геноцид), 21 (Систематические и массовые нарушения прав человека) и 22 (Исключительно серьезные военные преступления) для рассмотрения в первоочередном порядке во втором чтении с учетом предложений, содержащихся в тринадцатом докладе Специального докладчика, а также замечаний и предложений, сделанных в ходе обсуждений на пленарных заседаниях, при том понимании, что при разработке этих статей Редакционный комитет будет учитывать и по своему усмотрению подходить ко всем или к отдельным элементам следующих проектов статей, принятых в первом чтении: 17 (Вмешательство), 18 (Колониальное господство и другие формы иностранного господства), 20 (Апартеид), 23 (Вербовка, использование, финансирование и подготовка наемников) и 24 (Международный терроризм). Комиссия также постановила продолжить консультации по статьям 25 (Незаконный оборот наркотических средств) и 26 (Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде).

141. В отношении статьи 26 Комиссия постановила учредить рабочую группу, которая проведет заседания в начале своей сорок восьмой сессии с целью рассмотрения возможности отражения в проекте кодекса вопроса о преднамеренном и серьезном ущербе окружающей среде, при этом вновь подтверждая намерение Комиссии в любом случае завершить второе чтение проекта кодекса на указанной сессии[71].

142. На 2408-м заседании Комиссии названия и тексты статей, утвержденные во втором чтении Редакционным комитетом (A/CN.4/L.506), были внесены на рассмотрение Председателем Комитета, который отметил, что Редакционный комитет посвятил 17 заседаний рассмотрению переданных ему статей и утвердил для включения в часть 1: статьи 1 (Сфера охвата и применение настоящего кодекса), 5 (Ответственность государств), 5-бис (Установление юрисдикции), 6 (Обязательство в отношении выдачи или судебного преследования), 6-бис (Выдача предполагаемых преступников), 8 (Судебные гарантии), 9 (Non bis in idem), 10 (Отсутствие обратной силы), 11 (Приказ правительства или начальника), 12 (Ответственность начальника) и 13 (Официальный статус и ответственность); и для включения в часть 2: статьи 15 (Агрессия) и 19 (Геноцид).

143. Комиссия рассмотрела доклад Редакционного комитета на своих 2409-м и 2410-м заседаниях. Она отметила, что этот доклад носит промежуточный характер, поскольку некоторые статьи могут потребовать пересмотра и в любом случае должны сопровождаться комментариями. Соответственно она постановила отложить окончательное утверждение вышеупомянутых статей до завершения работы над остающимися статьями и ограничиться на нынешней сессии принятием к сведению сообщения Редакционного комитета, отраженного в соответствующем кратком отчете.

---

[70] См. сноску 39, выше.

[71] См. *Ежегодник.., 1995 год,* том I, 2404-е заседание, пункт 51-53.

Глава III

ПРАВОПРЕЕМСТВО ГОСУДАРСТВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГРАЖДАНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

A. Введение

144. На своей сорок пятой сессии в 1993 году Комиссия постановила включить в свою повестку дня тему, озаглавленную "Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц"[72]. Генеральная Ассамблея поддержала решение Комиссии в пункте 7 резолюции 48/31 от 9 декабря 1993 года при том понимании, что окончательная форма, в которой будет вестись работа по данной теме, будет определена после представления Генеральной Ассамблее предварительного исследования.

145. На своей сорок шестой сессии в 1994 году Комиссия назначила г-на Вацлава Микулку Специальным докладчиком по данной теме[73]. В пункте 6 своей резолюции 49/51 Генеральная Ассамблея одобрила намерение Комиссии приступить к работе над данной темой опять же при том понимании, что окончательная форма, в которой будет вестись работа над данной темой, будет определена после представления Генеральной Ассамблее предварительного исследования, и просила Генерального секретаря предложить правительствам представить к 1 марта 1995 года соответствующие материалы, включая национальное законодательство, решения национальных судебных органов и дипломатическую и официальную корреспонденцию, имеющую отношение к этой теме.

B. Рассмотрение темы на данной сессии

146. На нынешней сессии на рассмотрении Комиссии находился первый доклад Специального докладчика по теме (A/CN.4/467), который она рассмотрела на своих 2385-м и 2387-2391-м заседаниях, проходивших 17 мая и в период с 19 по 30 мая 1995 года. Резюме прений Комиссии содержится ниже в подразделе 1.

147. На своем 2393-м заседании 1 июня 1995 года Комиссия постановила учредить рабочую группу по данной теме[74]. Рабочей группе было поручено определить вопросы, возникающие в связи с данной темой, классифицировать вопросы, которые тесно связаны с этой темой, и сориентировать Комиссию в отношении того, какие вопросы можно было бы рассмотреть с наибольшей пользой с учетом потребностей дня и представить Комиссии план действий.

148. Доклад Рабочей группы, который воспроизводится в приложении к настоящему докладу, был рассмотрен Комиссией на ее 2411-м и 2413-м заседаниях, состоявшихся 5 и 7 июля 1995 года. Резюме прений по этому докладу содержится ниже в подразделе 2. На завершающей стадии рассмотрения данной темы Комиссия приняла решение, содержащееся ниже в подразделе 3.

1. Первый доклад Специального докладчика

a) *Представление первого доклада Специальным докладчиком*

149. Специальный докладчик обратил внимание на то, что рассматриваемый вопрос находится в точке соприкосновения двух других тем, рассматривавшихся ранее Комиссией, а именно вопроса о гражданстве, включая безгражданство, и вопроса о правопреемстве государств. Рассмотрение этих вопросов привело к принятию Конвенции о сокращении безгражданства, Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров (впоследствии именуемой как Венская конвенция 1978 года) и Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (впоследствии именуемой как Венская конвенция 1983 года). Однако, по мнению Специального докладчика, рассматриваемый вопрос относится скорее к отрасли международного права, касающейся гражданства, нежели правопреемства государств. По сравнению с темой "гражданство, включая безгражданство", этот вопрос одновременно и более обширный, поскольку он охватывает весь комплекс проблем, которые возникают в связи с изменением гражданства, а не только безгражданства, и более ограниченный, поскольку он касается лишь изменений гражданства, произошедших вследствие правопреемства государства, и таким образом имеющих характер коллективной натурализации.

150. Специальный докладчик подчеркнул, что в отличие от договоров или долгов международного характера, которые подразумевают наличие международных правовых отношений, могущих быть объектом передачи, гражданство, будучи, главным образом, вопросом внутригосударственного права, всегда имеет оригинальный характер и исключает априори всякую идею о "подмене" или "передаче".

---

[72] *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть вторая), стр. 108, документ A/48/10, пункт 440.

[73] *Ежегодник.., 1994 год,* том II (часть вторая), стр. 127, документ A/49/10, пункт 382.

[74] Состав Рабочей группы см. пункт 9, выше.

151. В том что касается методов работы Комиссии, Специальный докладчик выступал за применение гибкого подхода, подразумевающего применение кодификации и прогрессивного развития международного права. В связи с окончательной формой, в которой будет вестись работа по данной теме, Специальный докладчик напомнил, что Комиссия согласилась отложить свое решение по этому вопросу и что Генеральная Ассамблея решила высказаться по нему лишь после представления ей предварительного исследования.

152. По мнению Специального докладчика, для обеспечения единообразия терминологии Комиссии следует придерживаться определений, которые она разработала ранее в Венских конвенциях 1978 и 1983 годов, в частности в том, что касается базовых понятий, определенных в статье 2 этих двух конвенций, и в том, что касается определения выражения "правопреемство государств". Как разъясняется в пунктах 3 и 4 комментария, это выражение используется лишь для обозначения факта смены одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории, абстрагируясь от любой идеи о правопреемстве в отношении прав и обязанностей в связи с таким событием, поскольку слово "ответственность" не означает какой-либо идеи об "ответственности государств"[75]. Комиссия сочла это выражение более предпочтительным по сравнению с такими выражениями, как "замена в суверенитете в отношении территории". Смысл, придаваемый выражениям "государство-предшественник", "государство-преемник" и "момент правопреемства государств", вытекает в каждом случае из смысла, который придается выражению "правопреемство государств".

153. В главе I доклада, озаглавленной "Актуальность темы", упоминается о некоторых международных органах, которые занимались проблемой гражданства в связи с недавними территориальными изменениями. В ней подчеркивается важность этой проблемы с точки зрения практических потребностей международного сообщества и упоминаются международные коллоквиумы и совещания, документы которых Комиссия могла бы использовать в своей работе над данным вопросом.

154. В главе II, посвященной концепции и функции гражданства, подчеркивается необходимость проведения четкого различия между гражданством физических лиц и государственной принадлежностью юридических лиц. В том что касается гражданства физических лиц, то различные элементы концепции гражданства были выделены Международным Судом в деле *Nottebohm*. Согласно определению, данному Судом, гражданством является правовая связь, в основе которой лежит социальный факт принадлежности, фактической общности существования, интересов, ощущений в сочетании с взаимностью прав и обязанностей. Можно сказать, что оно является юридическим выражением того факта, что лицо, которому предоставлено это гражданство либо непосредственно законом, либо властным актом, является на деле более тесно связанным с населением государства, которое ему предоставило это гражданство, нежели с любым другим государством[76].

155. Специальный докладчик подчеркнул, что концепция гражданства может определяться весьма различно в зависимости от того, рассматривается ли эта проблема с точки зрения внутреннего или международного права. Рассматриваемое с точки зрения международного права, гражданство, в силу того, что отдельные лица не являются прямыми субъектами международного права, является средством, с помощью которого они обычно могут воспользоваться положениями международного права; с точки зрения внутреннего права функция гражданства совсем иная и могут иметься различные категории "граждан", как это было, например, в федеральных государствах Восточной Европы.

156. В том что касается юридических лиц, то они должны иметь гражданство для целей применения международного права, и в особенности для дипломатической защиты, но, пожалуй, на этом аналогия между юридическими и физическими лицами заканчивается. Обычная практика государств состоит в том, чтобы указывать категории юридических лиц, которые, по их мнению, имеют их государственную принадлежность для целей применения того или иного договора или национального закона. Поскольку юридическое лицо может быть связано с несколькими государствами, необходимо сохранить баланс между различными факторами для определения его государственной принадлежности. По мнению Специального докладчика, исследование последствий правопреемства государств для гражданства физических лиц является более необходимым и должно иметь приоритет по сравнению с отдельной проблемой о государственной принадлежности юридических лиц.

157. В главе III, касающейся роли внутреннего и международного права, подчеркивается, что идентификация выходцев из какого-либо государства относится к внутреннему праву этого государства, а не к международному праву, в том числе в случае правопреемства государств. Как это подтверждает первая статья Конвенции о некоторых вопросах, относящихся к коллизиям законов о гражданстве, консультативные заключения ПМПП о *Nationality Decrees issued in Tunis and Morocco*[77] и *Acquisition of Polish Nationality*[78] и решение Международного Суда по делу *Nottebohm*[79], именно внутреннему праву государства-предшественника надлежит определить, кто потерял его гражданство, а внутреннему праву государства-преемника надлежит определить, кто приобрел его гражданство вследствие изменения. Тезис, согласно которому в исключительных случаях отдельные лица

[75] *Ежегодник.., 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 211.

[76] *Nottebohm, Second phase, Judgment, I.C.J. Reports, 1955*, pp. 4 *et seq.*, at p. 23.

[77] *P.C.I.J. 1923, Series B, No. 4*, p. 24.

[78] Ibid., *No. 7*, p. 16.

[79] См. сноску 76, выше.

могут обладать гражданством для международных целей в отсутствие всякого применимого закона о гражданстве, поднимает особо важный в контексте правопреемства государств вопрос о наличии двух различных понятий гражданства - одного с точки зрения международного права и другого с точки зрения внутреннего права, причем элементы и функции первого понятия подлежат уточнению.

158. Хотя свобода действий государства в области гражданства не является абсолютной, международное право привносит лишь два вида ограничений, зависящих, с одной стороны, от распределения компетенции между государствами и, с другой стороны, от обязательств относительно защиты прав человека. Международное право ни в коем случае не может подменить собой внутреннее законодательство, указывая, какое лицо является или не является гражданином. Его влияние осуществляется через посредство обычных норм, абсолютно рудиментарных по характеру, и договорных норм, которые имеют тенденцию согласовывать национальные законодательства, с тем чтобы покончить среди прочего с безгражданством и двойным гражданством[80]. Эти договорные нормы могут не только направлять национальных законодателей в поиске решений проблем, вызываемых территориальным изменением, но даже, если предположить, что государство-предшественник связано ими, получить признание государств-преемников в силу норм международного права, применяемых к правопреемству государств в отношении договоров.

159. Гаагская конвенция о некоторых вопросах, относящихся к коллизиям законов о гражданстве упоминает также "общепризнанные принципы права в области гражданства", которые входят в число факторов, ограничивающих свободу государств в области гражданства, но она обходит молчанием точное содержание этого понятия, которое Комиссия могла бы попытаться уточнить.

160. Ограничения свободы государств в области гражданства, которые затрагиваются в главе IV доклада Специального докладчика, включают прежде всего ограничения, вытекающие из принципа фактического гражданства, основанного на понятии подлинной связи[81], а также ограничения, которые вытекают из некоторых обязательств государств в области прав человека. В этом контексте в докладе упоминаются статья 15 Всеобщей декларации прав человека[82] и статьи 8 и 9 Конвенции о сокращении безгражданства. По мнению Специального докладчика, Комиссия могла бы изучить точные пределы властных полномочий государства-предшественника в отношении лишения своего гражданства жителей территории, которую это государство потеряло, и выяснить, можно ли из принципов, изложенных в соответствующих конвенциях, сделать вывод о наличии обязательств для государства-преемника предоставлять свое гражданство этим жителям.

161. В том что касается типологии правопреемства, которая является предметом главы V, Специальный докладчик выступил за поэтапное решение проблем гражданства, которые возникают в рамках различных видов территориальных изменений, имея целью установить, применяются ли mutatis mutandis принципы, сформулированные для общего случая правопреемства, к последствиям частичного правопреемства для гражданства. Он напомнил о том, что в то время как Венская конвенция 1978 года различала правопреемство в отношении части территории, случай новых независимых государств и объединения и отделения государств, Венская конвенция 1983 года подразделяет эти категории следующим образом: в том что касается правопреемства части территории, она рассматривает отдельно случай передачи части территории одного государства другому государству, случай включения зависимой территории в другое государство, нежели государство метрополия, и случай отделения части территории или ее союза с другим государством. Говоря об отделении государств более поздняя конвенция проводит различие между отделением части или частей территории одного государства и распадом государства. По мнению Специального докладчика, эта типология лучше приспособлена для изучения последствий правопреемства государств для гражданства, поскольку непрерывность или прерывность международной правосубъектности государства-предшественника в случае отделения или распада государств имеет прямые последствия для гражданства, и проблемы, которые возникают в первом случае, отличаются по своему характеру от проблем, возникающих во втором случае. Кроме того, среди случаев объединения государств следует различать, с одной стороны, случай, когда государство свободно объединяется с другим государством таким образом, что в качестве субъекта международного права исчезает лишь это государство (случай поглощения) и, с другой стороны, случай, когда два государства-предшественника объединяются с целью образования нового субъекта международного права и поэтому эти два государства исчезают в качестве суверенных государств.

162. С одной стороны, Специальный докладчик рекомендует рассматривать проблемы гражданства, возникшие в ходе процесса деколонизации, лишь в той мере, в какой их изучение может способствовать разъяснению проблем гражданства, общих для всех видов территориальных изменений, и, с другой стороны, рассматривать лишь случай правопреемства государств, происходящего в соответствии с международным правом.

---

[80] Среди договорных документов Специальный докладчик сослался на Гаагскую конвенцию 1930 года о некоторых вопросах, относящихся к коллизиям законов о гражданстве, Протокол о воинских обязанностях в некоторых случаях двойного гражданства, Протокол об определенном случае безгражданства и Специальный протокол о безгражданстве, Конвенцию 1954 года о статусе апатридов, Конвенцию о сокращении безгражданства и некоторые региональные конвенции.

[81] См., например, решение Международного Суда по делу *Nottebohm* (сноска 76, выше).

[82] Резолюция 217 A (III) Генеральной Ассамблеи.

163. Касаясь главы VI о масштабах рассматриваемых проблем, Специальный докладчик пояснил, что ratione materiae изменение суверенитета затрагивает всех лиц, могущих потерять гражданство государства-предшественника, и всех лиц, могущих получить или приобрести гражданство государства-преемника — причем вовсе необязательно дублирование этих двух категорий лиц. Ratione materiae следует определить, в какой мере потеря гражданства государства-предшественника наступает автоматически в качестве логического следствия правопреемства государства и в какой мере международное право ограничивает свободу действия государства-предшественника в плане лишения своего гражданства. Приобретение гражданства государства-преемника может также стать источником проблем, например, когда два или несколько государств-преемников появляются в результате распада одного государства и необходимо очертить круг лиц, могущих приобрести гражданство одного или другого. Возникают вопросы о целесообразности возложения на соответствующие государства обязательства вести переговоры для урегулирования проблем гражданства путем достижения взаимного согласия или о целесообразности навязывания права выбора, как это недавно сделала арбитражная комиссия Конференции по Югославии. И наконец, по мнению Специального докладчика, ratione temporis следует исключить из сферы исследования вопросы, касающиеся изменений гражданства, происшедших как до, так и после момента правопреемства государств, не забывая, однако, о том, что государства-преемники часто принимают свои законы о гражданстве с некоторым опозданием и что в течение промежуточного периода могут возникнуть проблемы гражданства, которые хотя и не являются прямым результатом изменения суверенитета, тем не менее заслуживают внимания Комиссии.

164. Что касается главы VII, озаглавленной "Непрерывность гражданства", Специальный докладчик подчеркнул, что ни практика, ни теория не отвечают с достаточной ясностью на вопрос о том, применяется ли норма о непрерывности гражданства, которая является частью режима дипломатической защиты, в случае недобровольных изменений гражданства, вызванных правопреемством государств, и что есть достаточные основания для отрицательного ответа на этот вопрос. Поэтому они должны быть, возможно, включены в рассматриваемую тему.

b) *Краткое изложение хода обсуждения*

i) *Общие замечания*

165. Специальному докладчику была высказана общая признательность за всеобъемлющий, четкий и интересный первый доклад по столь сложному вопросу.

166. Было отмечено, что гражданство находится на пересечении внутреннего права, международного частного права и международного публичного права. Как было отмечено Специальным докладчиком, оно также находится на пересечении трех важных отраслей права: международного права, регулирующего гражданство, права правопреемства государств и международного права в области прав человека. В этом отношении было сочтено важным не отводить слишком большое место праву, регулирующему гражданство, и должным образом учесть гуманитарные нужды в этой области. Кроме того, был предложен конкретный подход к этой теме.

ii) *Предварительное исследование, запрошенное Генеральной Ассамблеей, и результаты работы Комиссии по данной теме*

167. Было высказано мнение о том, что запрошенное Генеральной Ассамблеей предварительное исследование не должно быть абстрактным и слишком научным по характеру, но основываться на практике государств в последнее время и сосредоточивать свое внимание на преимуществах и недостатках нынешних решений, принимаемых государствами. Признавая необходимость тщательного изучения национального законодательства, Специальный докладчик вместе с тем предостерег Комиссию от роли верховного судьи в отношении практики государств в сфере гражданства.

168. Некоторые члены Комиссии полагали, что Комиссия должна предложить Генеральной Ассамблее ряд вариантов и возможных решений, в то время как другие считали, что было бы предпочтительнее просто очертить на первом этапе существующие проблемы. Согласно другому мнению, первый доклад Специального докладчика как таковой должен рассматриваться в качестве предварительного исследования при том понимании, что реакция членов Комиссии на этот доклад будет отражена в докладе Комиссии Генеральной Ассамблее.

169. Некоторые члены Комиссии высказали предварительные замечания по вопросу о результатах работы по данной теме. Было высказано мнение о том, что разработка договора является длительным процессом, который не может удовлетворить нынешние настоятельные потребности некоторых государств в критериях, которые должны были бы направлять их действия в рассматриваемой области. Было также подчеркнуто, что результаты прошлой работы Комиссии по вопросу о правопреемстве государств свидетельствуют о необходимости проявления крайней осторожности при разработке новых договорных документов.

170. Было высказано предложение о том, чтобы Комиссия составила перечень принципов, которые следовало бы закрепить в соглашениях, заключенных по данному вопросу между государствами. Было также предложено, чтобы Комиссия сконцентрировала свое внимание на общих факторах или критериях, которые государства были бы вольны адаптировать к конкретным случаям. Было также предложено рассмотреть ряд презумпций, например презумпцию о том, что каждое лицо имеет право на гражданство, что каждое лицо фактически имеет гражданство, что ни один человек не должен оставаться без гражданства в результате правопреемства государств

и что гражданство, приобретенное в результате правопреемства государства, начинает действовать с момента правопреемства, а также что гражданство — это выражение самой крепкой связи.

171. В том что касается методов работы, то была высказана идея о том, что Комиссия могла бы применить смешанный подход при рассмотрении данной темы, т.е. основываться частично на lex lata и частично на lex ferenda.

iii) *Терминология*

172. В отношении вопроса о том, должна ли Комиссия сохранить, как это было предложено Специальным докладчиком, определение термина "правопреемство государств", закрепленное в Венских конвенциях 1978 и 1983 годов, было высказано мнение о том, что, поскольку гражданство является вопросом, по сути относящимся к сфере действия суверенитета государства, более уместной была бы формулировка "замена одного государства другим в суверенитете в отношении территории". Это предложение вызвало возражения. В этой связи было указано, что определение Венских конвенций 1978 и 1983 годов, в отличие от предлагаемой замены формулировки, зарекомендовало себя, что оно широко используется в межгосударственной практике и что оно адаптировано к весьма различным ситуациям, включая деколонизацию, чего нельзя сказать о новом определении.

173. Было также высказано мнение о том, что предпочтительнее начать со специальных определений, подходящих для рассматриваемой темы.

iv) *Категории правопреемства*

174. Было отмечено, что Комиссии следует четко изложить различные категории правопреемства государств, которые она будет анализировать. Хотя утверждалось, что для этой цели Комиссии следовало бы воспользоваться элементами как Венской конвенции 1978 года, так и Венской конвенции 1983 года, была поддержана рекомендация Специального докладчика о том, чтобы Комиссия рассмотрела существующие категории правопреемства, изложенные в Венской конвенции 1983 года, проводя при этом четкое различие между объединением и поглощением. Было указано, что эта Конвенция является подходящим договорным документом, поскольку в принципе проблемы правопреемства в других областях, помимо договоров, воздействие которых проявляется как во внутренней, так и международной сферах, в некотором смысле ближе к проблемам, касающимся гражданства. Было также отмечено, что четкое различие, проведенное в более подробной типологии Венской конвенции 1983 года между случаями правопреемства государств, где исчезает государство-предшественник, и случаями, когда такое государство продолжает существовать, является достаточно важным для вопросов гражданства.

175. Было выражено согласие с рекомендацией Специального докладчика о том, что так же, как это было в отношении ее предыдущей работы по правопреемству государств, Комиссия должна отложить в сторону случаи незаконного правопреемства, представляющие дополнительные проблемы, не входящие в сферу рассматриваемой темы. Тем не менее было признано, что такое исключение не устраняет возможности того, чтобы конкретные решения, применяемые в случае законного правопреемства государств, могли также применяться и в случае незаконного правопреемства. В этой связи было отмечено, что именно в последнем случае необходимо выработать критерии поведения государства, с тем чтобы предупредить нарушения прав человека.

176. Некоторые члены Комиссии в отличие от других членов поддержали предложение Специального докладчика о том, что, поскольку процесс деколонизации к настоящему времени завершился, Комиссии следует ограничить свое исследование вопросами гражданства, которые возникли в течение этого процесса только в той мере, в какой это необходимо для освещения вопросов гражданства, общих для всех видов территориальных изменений.

v) *Режим физических лиц и юридических лиц*

177. Ряд членов Комиссии согласились с рекомендацией Специального докладчика о том, чтобы Комиссия рассматривала отдельно гражданство физических лиц и государственную принадлежность юридических лиц и прежде всего сконцентрировала свои усилия на первом из этих вопросов. В частности, утверждалось, что физические лица, иначе говоря, население, представляют собой важнейшие элементы, от которых зависит само существование государства, что физические лица в большей степени подвержены страданиям в случае правопреемства государств, нежели юридические лица и что эти последние не обязательно принадлежат к одному и тому же государству во всех своих правовых отношениях.

178. Высказывалось также мнение о том, что даже если Комиссия прежде всего рассмотрит вопрос о гражданстве физических лиц, она не должна игнорировать проблемы юридических лиц. Было подчеркнуто, что, хотя некоторые правовые системы не регулируют во внутреннем плане государственную принадлежность корпораций, это делает международное право для своих собственных целей, определяя для таких юридических лиц государственную принадлежность, которая скорее всего будет затрагиваться правопреемством государств. Кроме того, было обращено внимание на то, что проблема государственной принадлежности юридических лиц, возможно, не отличается от проблемы гражданства физических лиц, и что Комиссия должна, таким образом, с самого начала попытаться выяснить, имеются ли общие принципы, применимые как к государственной принадлежности юридических лиц, так и к гражданству физических лиц.

179. Было также отмечено, что, поскольку соответствующая практика государств имеет много общих элементов, вопрос о государственной принадлежности юридических лиц дает более благоприятную почву для кодификации, нежели вопрос о гражданстве физических лиц, который в силу широкого разнообразия и щекотливости отдельных ситуаций требует рассмотрения каждого случая в отдельности, и мог бы быть лучше рассмотрен в рамках исследования.

vi) *Вопрос о том, следует ли Комиссии рассматривать вопрос о правиле непрерывности гражданства в случае правопреемства государств*

180. Ряд членов Комиссии согласились в том, что последствия правопреемства государств для права на дипломатическую защиту заслуживают определенного внимания. В частности, некоторые считали оправданным ограничить применение правила о непрерывности гражданства ситуациями, когда изменение гражданства является результатом свободного выбора заинтересованного лица, а не передачи территории. Однако Комиссии было высказано предостережение от попытки изучения в этой связи всего объема права на дипломатическую защиту.

181. Было подчеркнуто, что проблема непрерывности имеет два аспекта: непрерывность в отношении действий, имевших место до момента правопреемства; и непрерывность в перерыве между моментом правопреемства и моментом урегулирования вопроса о гражданстве. Что касается последнего вопроса, то было высказано мнение о том, что любое последующее разрешение таких вопросов должно считаться действующим ретроактивно с момента правопреемства.

vii) *Охват темы ratione temporis*

182. Было сочтено необходимым предусмотреть временный режим, применяемый в течение периода разработки законодательства о гражданстве в государстве-преемнике или во время проведения переговоров с целью заключения соглашения о предоставлении гражданства после правопреемства государств, т.е. в течение срока осуществления каждым отдельным лицом своего права выбора.

viii) *Соответствующие роли внутригосударственного права и международного права в вопросах гражданства*

183. Наметилось широкое согласие с утверждением Специального докладчика о том, что, хотя гражданство главным образом регулируется внутригосударственным правом, международное право налагает некоторые, пусть даже и немногочисленные, ограничения на свободу действий государств и что именно на этой ограниченной роли международного права в особом контексте правопреемства государств должна сосредоточиться работа Комиссии. В этой связи было отмечено, что международное право должно позволить сгладить некоторые негативные последствия внутреннего права о гражданстве в случае правопреемства государств, такие, как безгражданство или двойное гражданство. Была также высказана поддержка концепции гражданства для международных целей, обсуждаемых в докладе.

184. Однако было высказано также мнение о том, что роль международного права, включая правовые нормы в области прав человека, не должна выделяться чрезмерно, поскольку как теория, так и судебная практика признают исключительный характер компетенции государства при определении вопроса о том, кто является его гражданами.

185. Касаясь воздействия международного права на внутригосударственное право в области гражданства, был поставлен вопрос о наличии исключительно серьезных случаев, когда в силу международного права можно требовать отмены актов, принятых во внутреннем праве, как, например, случай, когда решение о лишении некоторых физических лиц их гражданства являлось составной частью общей кампании преследования этнического меньшинства.

ix) *Принцип фактического гражданства*

186. Ряд членов Комиссии подчеркнули важность принципа фактического гражданства. Было подчеркнуто, в частности, что признание права на гражданство тем не менее не устраняет обязательность наличия действенной связи между лицом и государством, гражданином которого оно является. Было высказано предположение о том, что Комиссия могла бы лучше очертить понятие действенной связи, чем это было сделано Международным Судом в его решении по делу *Nottebohm*[83], взяв для этого за образец понятия "правила принадлежности" или "критерии принадлежности". Было также предложено изучить критерии для установления подлинной связи по каждой отдельной категории правопреемства государств. В этом контексте было отмечено, что эмоциональная привязанность какого-либо лица к конкретной стране — это элемент, которым не следует пренебрегать.

187. Было также высказано мнение о том, что за рамками дипломатической защиты принцип фактического гражданства утрачивает свою уместность и конечную цель, что было подтверждено, в частности, в арбитражном решении по делу *Flegenheimer*[84] и в решении Суда Европейских сообществ по делу № C-369/90[85].

x) *Соображения, связанные с правами человека*

188. Ряд членов Комиссии подчеркивали, что развитие правовых норм в области прав человека устанавливает

---

[83] См. сноску 76, выше.

[84] UNRIAA, vol. XIV (Sales No. 65.V.4), pp. 327 *et seq.*

[85] *Recueil de la jurisprudence de la Cour et du Tribunal de première instance, 1992-7,* judgment of 7 July 1992, *Mario Vicente Micheletti e.a.* v. *Delegación del Gobierno en Cantabria.*

новые пределы для дискреционных полномочий государств в отношении гражданства.

189. Принцип права на гражданство рассматривался как центральный элемент всей работы. Правопреемство государств не может оставить без гражданства миллионы лиц, и международное сообщество должно установить правила, позволяющие признать за ними гражданство. Особое внимание было уделено статье 15 Всеобщей декларации прав человека[86]. Кроме того, было отмечено, что Международный пакт о гражданских и политических правах отражает явное нежелание признать право на гражданство в общем плане, но что пункт 3 статьи 24 гарантирует за каждым ребенком право приобретения гражданства; в связи с этим возник вопрос о том, не имеется ли различий между правами взрослых и правами ребенка в этой области. Для сторонников экстенсивного толкования прав человека право, признанное за детьми, должно на деле распространяться на взрослых.

190. Можно также отметить a) замечание о том, что если существует право личности на гражданство, то должно быть и соответствующее обязательство государств вести переговоры для того, чтобы соответствующие лица могли приобрести гражданство, обязательство, которое Комиссия должна выделить, и b) замечание о необходимости дальнейшего изучения связи между вопросом прав меньшинств и вопросом гражданства.

191. В ответ на предложение, согласно которому Комиссии следовало бы рассмотреть проблему существования в некоторых государствах различных категорий граждан, было указано, что Комиссия должна рассматривать общую концепцию гражданства и что международное право возлагает на все государства обязательства о недискриминации, в том числе в сфере гражданства.

xi) *Право выбора*

192 Возник вопрос о том, признает ли право выбора современное международное, и в этой связи было достигнуто согласие с рекомендацией Специального докладчика о дальнейшем разъяснении этой концепции. Хотя было высказано мнение о том, что Комиссия должна на основе государственной практики пытаться закрепить право выбора, было также указано, что понятие свободы выбора гражданства не может быть безграничным и что следует выделить факторы, которые могут привести к выбору bona fide, который государство должно уважать и конкретизировать, предоставив свое гражданство.

c) *Замечания Специального докладчика после прений*

193. Подводя итог прений, Специальный докладчик отметил, что обязательство государств вести переговоры, в отношении которого в Комиссии был достигнут консенсус, не является просто противовесом праву на гражданство, но закреплено также в Конвенции 1983 года, которая предусматривает регулирование некоторых вопросов правопреемства путем достижения двусторонних соглашений и излагает некоторые общие принципы, подлежащие применению в данном контексте. Что касается гуманитарного аспекта этого вопроса, то, по мнению Специального докладчика, не следует выделять его из соображений другого порядка. Он также заметил, что при разрешении отдельных случаев нельзя применять автоматически к ситуациям коллективного изменения гражданства все принципы, изложенные в договорах о правах человека. Говоря об окончательной форме работы Комиссии по данной теме, Специальный докладчик отметил, что если Комиссия хочет изложить для государств общие принципы, то уместным документом была бы декларация, а в том случае, если она сконцентрируется на какой-либо конкретной области, например на безгражданстве, она может предусмотреть более смелый документ, например поправку или факультативный протокол к Конвенции о сокращении безгражданства.

2. Рассмотрение доклада Рабочей группы по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц

194. На 2411-м заседании Комиссии Специальный докладчик и председатель Рабочей группы по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц внес на рассмотрение доклад Рабочей группы (A/CN.4/L.507)[87]. Он пояснил, что Рабочая группа сосредоточила свое внимание на обязательстве государств-предшественников и государств-преемников обсуждать в ходе переговоров и решать, путем достижения договоренности, проблемы гражданства в случае правопреемства государств — обязательстве, которое, как представляется, вытекает из права каждого человека на гражданство, — и исходила из обязательства соответствующих государств предотвращать безгражданство. Предшествующее обязательство заключается в проведении консультаций с целью определения того, не приводит ли изменение международного статуса той или иной территории к нежелательным последствиям с точки зрения гражданства. Таким образом, обязательство о проведении переговоров не носит абсолютный характер.

195. В ходе переговоров должна затрагиваться не только проблема безгражданства, но и другие вопросы, связанные с приобретением или утратой гражданства (разделение семей, воинские обязанности, пенсии и другие льго-

[86] См. сноску 82, выше.

[87] Текст доклада Рабочей группы воспроизводится в приложении к настоящему документу.

ты по линии социального обеспечения, а также право на проживание).

196. Рабочая группа классифицировала различные типы правопреемства государств по трем категориям, а именно: случаи отделения или передачи части территории государства, когда государство-предшественник продолжает существовать; случаи объединения, включая поглощение, когда государство-предшественник прекращает существовать; и случаи распада, когда государство-предшественник прекращает существовать, однако в результате происшедшего изменения появляется более одного государства-преемника. Конкретные обстоятельства физических лиц, чье гражданство оказывается затронутым, были также классифицированы по ряду категорий, как это отмечается в пункте 10 доклада. В пунктах 11-20 содержатся выводы Рабочей группы по вопросу об обязанностях и правах государств-предшественников и государств-преемников. Выводы Рабочей группы в отношении права выбора отражены в пункте 21 доклада.

197. В отношении других критериев, применимых к случаям лишения и предоставления гражданства, Рабочая группа достигла согласия в отношении того, что, хотя в случае правопреемства государств лишение или отказ в предоставлении конкретного гражданства не должен основываться на этнических, языковых, религиозных, культурных или других критериях, следует позволить государствам-преемникам принимать такие критерии во внимание в дополнение к критериям, предусмотренным Рабочей группой в пунктах 12-21 ее доклада, с целью расширения круга лиц, имеющих право на приобретение их гражданства.

198. В отношении последствий несоблюдения государствами принципов, применимых к лишению или предоставлению гражданства, Рабочая группа сформулировала в предварительном порядке ряд гипотез, отраженных в пункте 29 ее доклада.

199. В заключение Рабочая группа рассмотрела вопрос о непрерывности гражданства. Учитывая тот факт, что цель правила непрерывности заключается в предотвращении злоупотребления дипломатической защитой лицами, приобретающими новое гражданство в надежде придать тем самым более весомый характер их ходатайствам, Рабочая группа достигла согласия в отношении того, что это правило не должно применяться в тех случаях, когда изменение гражданства является результатом правопреемства государств.

200. Специальный докладчик добавил, что отказ Рабочей группы рассматривать на данной стадии вопрос о гражданской принадлежности юридических лиц не следует толковать как отражение непонимания ею важности данного вопроса.

201. В ходе прений доклад Рабочей группы был охарактеризован как емкий и стимулирующий дискуссию документ высокого качества, отражающий огромную проделанную работу, обеспечивающий солидную основу для дальнейшей деятельности, предлагающий реалистичные решения сложной проблемы и позволяющий четко классифицировать соответствующие вопросы и стратегии. Достигнутые результаты были расценены как более позитивные, чем можно было ожидать на столь ранней стадии обсуждения вопроса, который является в значительной степени неисследованным, и было сделано замечание о том, что любой человек, знакомый с литературой по вопросам о гражданстве и правопреемстве государств, должен осознать, что усилия Рабочей группы представляют собой обнадеживающий прогресс.

202. Однако одним членом Комиссии было выражено сожаление в отношении того, что рассматриваемый доклад является не чем иным, как резюме первого доклада Специального докладчика и не содержит конкретных руководящих принципов, в которых нуждается Комиссия для осуществления практической работы и отхода от области теории. Был сделан упор на необходимости представления конкретных примеров, свидетельствующих об опыте государств. В этой связи было выражено беспокойство, что было уделено слишком мало внимания трудностям, присущим ситуациям эпохи колониального господства, из которых можно было бы извлечь полезные уроки, и что излишне большое внимание было уделено опыту восточноевропейских государств. Было выражено мнение о том, что ощущается все большая необходимость в проведении всеобъемлющего исследования национального законодательства и практики государств, поскольку проблема гражданства затрагивает экономические, социальные, культурные и политические аспекты.

203. Что касается общего подхода к осуществляемой работе, то было сделано замечание о том, что данная тема связана как с кодификацией (в той мере, в какой она затрагивает основополагающие права человека, охватываемые jus cogens), так и с прогрессивным развитием (в той мере, в которой затрагиваются вопросы правопреемства государств).

204. Некоторые члены Комиссии отметили, что вместо определения "проблем" и последующей разработки рекомендаций с целью решения таких проблем, в докладе перечисляется ряд "обязательств", которые, по мнению Рабочей группы, должны взять на себя государства с целью предупреждения безгражданства. Было сделано замечание о том, что Рабочей группе следовало пояснить источники и правовые нормы, лежащие в основе такой системы "обязательств", и указать, в тех случаях, когда она считает нынешние правовые нормы неадекватными, пути, ведущие к прогрессивному развитию, соответствующему реалистичным ожиданиям. Было также выражено сожаление в связи с тем, что так и не был дан ответ на вопрос о том, соответствует ли какое-либо из этих обязательств положениям, закрепленным в договорах, будь то действующих или нет, а также на вопрос о том, каким образом может быть подтверждена соответствующая практика государств. Была выражена озабоченность в отношении того, что рассмотрение вопроса об обязатель-

ствах на нынешней ранней стадии, до появления ясности относительно практики государств или lex lata, может ввести в заблуждение; если намерение Рабочей группы заключается в том, чтобы предложить руководящие принципы, на основе которых определенные lex lata могли бы быть разработаны самими государствами, ей не следует затрагивать вопрос о жестких обязательствах и правах.

205. Касаясь сферы охвата данной темы, некоторые члены Комиссии выразили сожаление по поводу того, что в докладе Рабочей группы недостаточно полно освещается вопрос о юридических лицах. Этот вопрос был расценен в качестве имеющего важное значение в практическом отношении и интересного с правовой точки зрения, а также в гораздо большей степени нуждающегося в кодификации, чем вопрос о физических лицах. В этой связи было сделано замечание о том, что юридическим лицам не следует предоставлять полную свободу в отношении выбора государственной принадлежности страны, в которой они желали бы осуществлять свою деятельность. Заинтересованные члены Комиссии задали вопрос о том, когда будет рассматриваться вопрос о юридических лицах, и отметили, что Рабочая группа, несмотря на положения ее мандата, не представила план работы. Другие члены Комиссии выразили мнение о том, что вопрос о юридических лицах является отдельным и крайне специфичным, который следует рассматривать лишь на более поздней стадии. Было также выражено мнение о том, что необходимость рассмотрения этого вопроса Комиссией отсутствует, поскольку многонациональные корпорации располагают возможностями самостоятельно позаботиться о своих собственных интересах.

206. По вопросу о том, следует ли проблему двойного гражданства рассматривать в рамках данной темы, были высказаны различные мнения. С одной стороны, эта проблема была сочтена в качестве представляющей особый интерес для определенных развивающихся стран, поскольку она связана с вопросом деколонизации, а с другой — в качестве иррелевантной с точки зрения нынешних усилий, направленных на предотвращение наступления безгражданства в результате правопреемства государств.

207. В отношении содержащегося в пункте 4 доклада Рабочей группы положения о том, что каждый человек, гражданство которого может затрагиваться изменением в международном статусе территории, имеет право на гражданство и что государства обязаны предотвращать безгражданство, было сделано замечание о том, что принцип права каждого человека на гражданство будет, несомненно, включен в законодательство многих стран. Было также отмечено, что хотя в настоящее время основополагающий принцип, согласно которому государства, включая новые государства, обязаны избегать безгражданства в ситуациях правопреемства государств, не является нормой международного права, Комиссии следует стремиться придать ему такой статус.

208. Обязательство вести переговоры/решать проблемы путем достижения договоренности (пункты 5-7 доклада) было расценено некоторыми членами Комиссии в качестве хорошей основы. Было обращено внимание на конкретные случаи правопреемства государств, когда различные проблемы были решены на основе договоренностей, которые были достигнуты в результате консультаций и дипломатических обменов, носили гуманный характер и в то же время полностью соответствовали государственным интересам. Было также отмечено, что обязательство о проведении переговоров имеет очень важное значение не только как средство предотвращения безгражданства, но и в отношении всех вопросов, касающихся правопреемства государств, поскольку в области правопреемства государств превалирующее значение должна иметь воля государств, а также любые достигнутые между ними договоренности. В число конкретных замечаний по пунктам 5-7 входили касающееся пункта 5 замечание о том, что обязательство в отношении проведения переговоров является более далеко идущим, чем обязательство проводить консультации, "для того чтобы определить, не имеет ли изменение в международном статусе территории нежелательные последствия для гражданства", и что государства обязаны принимать все возможные меры с целью стабилизации положения на соответствующих территориях путем обеспечения населению "гарантий"; замечание о том, что проблема отношений с третьими государствами имеет особое значение и что возникает вопрос о том, должно ли упомянутое в пункте 6 соглашение заключаться между государством-предшественником и одним государством-преемником или одной из сторон в таком соглашении должно также являться третье государство, непосредственно затрагиваемое проблемой гражданства; и замечание о том, что вопросы, перечисленные в пункте 7 (двойное гражданство, воинские обязанности и право на проживание), не имеют прямого отношения к правовым положениям, касающимся гражданства, и поэтому не должны входить в число вопросов, по которым, как предполагается, государства должны проводить друг с другом переговоры.

209. В отношении пункта 8 и последующих пунктов (касающихся руководящих принципов для проведения переговоров между заинтересованными государствами) было сделано общее замечание о том, что следует внимательно подходить к тому, чтобы не поменять местами соответствующие роли государства и индивидуума.

210. В отношении классификации лиц, затрагиваемых отделением и передачей части территории государства, содержащейся в пункте 10, была выражена озабоченность, что подпункты *a-b*, как представляется, закрепляют за jus soli статус своего рода обязательной нормы общего международного права, тогда как подпункт *c*, касающийся приобретения гражданства на основе jus sanguinis, является гораздо более запутанным. Концепция, согласно которой по международному праву лица имеют гражданство территории, на которой они родились, и могут приобретать гражданство на основе jus

sanguinis, не может, как было отмечено, рассматриваться в качестве нормы международного права: напротив, гражданство вытекает из национальных законов, разработанных в соответствии с общими гибкими рамками, определенными международным правом. Поэтому Комиссии было предложено исходить из посылки о том, что лица имеют гражданство государства-предшественника, и избегать проведения четких различий в отношении способа приобретения гражданства.

211. Ряд членов Комиссии поставили под сомнение концепцию "второго гражданства", упомянутую в подпунктах *e* и *f* пункта 10, подпункте *d* пункта 11 и подпункте *e* пункта 14. Было сделано замечание о том, что это понятие может применяться лишь в случае федеративных государств (хотя оно является чуждым многим таким государствам) и что оно вводит в заблуждение: мнение о том, что в рамках международного права могут существовать различные степени гражданства и что гражданство может соотноситься с различными концепциями, было расценено как сомнительное. Было также отмечено, что если то или иное лицо проживает в новом государстве B и имеет второе гражданство данного государства, то не имеется причин, которые могли бы воспрепятствовать государству A лишить данное лицо своего гражданства по истечении определенного срока, и что обязательства, возлагаемые на государство-предшественника в соответствии с подпунктом *d* пункта 11, являются, пожалуй, слишком жесткими.

212. В отношении категорий лиц, которым следует предоставлять право выбора, было выражено мнение, что круг таких лиц следует ограничить или, в самом крайнем случае, исключить из него лиц, имеющих второе гражданство. Согласно другому мнению, следует добавить дополнительную категорию лиц, возможно, в раздел B.2 a) iii) (Обязательство государства-предшественника и государства-преемника предоставлять право выбора) путем включения следующего положения: "Лица, получившие гражданство третьего государства на основе принципа jus sanguinis и проживающие в государстве-преемнике". Были высказаны оговорки в отношении содержащейся в подпункте *a* статьи 14 ссылки на "лиц, родившихся на территории, которая стала территорией государства-преемника, и проживающих... в третьем государстве", и критерий проживания в третьем государстве был расценен в качестве иррелевантного к рассматриваемому случаю. Ряд членов Комиссии выразили мнение о том, что для осуществления права выбора следует предусмотреть разумный крайний срок и что следует также предусмотреть временные рамки в связи с вопросами, обсуждаемыми в пунктах 15 и 22 доклада.

213. В отношении правовой основы права выбора было выражено мнение о том, что, хотя предоставление такого права является желательным, это понятие необязательно отражает lex lata и касается прогрессивного развития международного права. Поэтому заголовок раздела B.2 c) ii) "Обязательство государств-преемников предоставлять право выбора" был расценен в качестве вводящего в заблуждение и, кроме того, не соответствующего использованию слова "должны" в пункте 21. Было также высказано сомнение в отношении того, что основа, на которой первоначально было получено гражданство государства-предшественника, имеет какое-либо значение применительно к праву выбора.

214. Касаясь вопроса о сфере охвата права выбора, рассматриваемого в разделе B.3 доклада, ряд членов Комиссии высказали предостережение в отношении использования неоправданно широкого подхода. Было отмечено, что право выбора связано с очень конкретным вопросом - возможностью сделать либо позитивный выбор, либо отказаться от гражданства, приобретенного ex lege. Был также сделан акцент на необходимости не допускать изменения ролей: правопреемство государств является вопросом, затрагивающим государства, и, несмотря на законные соображения, связанные с правами человека, представляется сомнительным, может ли или должна ли воля отдельных лиц превалировать во всех случаях над соглашениями, достигнутыми между государствами, если такие соглашения отвечают ряду требований. Было также выражено мнение о том, что в связи с последним предложением пункта 23, в котором говорится, что "государства не должны иметь возможность, как в прошлом, навязывать гражданство на основе заключенных между ними соглашений против воли отдельных лиц", возникает вопрос о механизме (референдум, вопросник и т.д.), при помощи которого государства будут консультироваться с отдельными лицами.

215. Однако некоторые члены Комиссии выразили мнение о том, что право выбора закреплено в структуре международного права и в контексте правопреемства государства должно рассматриваться в качестве основополагающего права человека, аналогичного праву на свободу. Было также отмечено, что право выбора отдельного лица не должно быть обусловлено правом государства определять гражданство и что государству следует продуманно осуществлять свое право в интересах укрепления государственности, учитывая, например, принцип единства семьи.

216. Раздел B.5 доклада о последствиях несоблюдения государствами принципов, применимых к лишению или предоставлению гражданства, был расценен рядом членов Комиссии как нуждающийся в дальнейшем рассмотрении. Было сделано замечание о том, что основное внимание следует уделять кодификации вопросов, касающихся правопреемства государств, а не кодификации вопросов, касающихся гражданства, и что, переключая внимание на вопросы гражданства, как это имеет место в пункте 29 доклада, Рабочая группа берет на себя значительный риск, в частности предоставляя третьим государствам право оценивать действия государств-предшественников или государств-преемников, которые не обеспечили соблюдение принципов, применимых к лишению или предоставлению гражданства. Было отмечено, что никакие принципы международного права не позволяют третьему государству вмешиваться в пробле-

мы, которые априори касаются лишь государств-предшественников и государств-преемников.

217. В отношении пункта 30 доклада было сделано замечание о том, что, хотя принципы, регулирующие международную ответственность, применяются автоматически, их будет недостаточно, поскольку они регулируют лишь межгосударственные отношения.

218. Что касается раздела B.6, то в отношении различия, проведенного в подпунктах *a*, *b* и *c* пункта 31, было выражено мнение о том, что оно не является необходимым, поскольку согласно выводу Рабочей группы, изложенному в пункте 32, в любом случае правило непрерывности неприменимо в контексте правопреемства государств.

219. Один из членов Комиссии отметил, что предоставление государству-преемнику предусмотренного в пункте 27 доклада разрешения принимать во внимание этнические, языковые, религиозные, культурные или другие аналогичные критерии с целью увеличения числа категорий лиц, имеющих возможность получить его гражданство, может приводить к неправильному использованию этих критериев и открывать путь к дискриминации. Он далее отметил, что, поскольку проблема гражданства, и в частности безгражданства, затрагивает главным образом тех лиц, которые могут оставаться на протяжении многих лет в сложном положении, если следовать традиционному методу апеллирования к Международному Суду, следует предусмотреть механизмы по урегулированию споров, включая арбитраж или, возможно, обращение в Комитет по правам человека, с целью обеспечения принятия решений в течение разумного срока. Комиссии было также предложено проявлять осмотрительность при ссылке на прецедент *Nottebohm*[88], который касается натурализации.

220. Отвечая на сделанные замечания, Специальный докладчик с удовлетворением отметил, что прения подтвердили степень консенсуса в отношении обязательства предотвращать безгражданство в случаях правопреемства государств и обязательства соответствующих государств проводить с этой целью переговоры. Рассматриваемый доклад является предварительным, и Рабочая группа намеревается завершить свой мандат в следующем году. Вопрос о юридических лицах не был затронут, поскольку в докладе Специального докладчика содержалось недостаточно материала по этой проблеме для проведения продуктивного обсуждения. Для разработки плана работы также придется дождаться завершения Рабочей группой рассмотрения всех соответствующих вопросов. В этой связи Специальный докладчик отметил, что на нынешней сессии в распоряжении Рабочей группы было мало времени и что она, тем не менее, сумела предложить предварительные выводы или гипотезы в ответ на вопросы, поднятые в докладе Специального докладчика.

221. Соглашаясь с тем, что не все в докладе Рабочей группы является lex lata и что ведя речь о руководящих принципах нецелесообразно использовать термин "обязательства", Специальный докладчик отметил, что не все упомянутые принципы следует рассматривать лишь в качестве остаточных принципов, от которых соответствующие государства могут свободно отступать на основе взаимной договоренности. Так, основополагающий принцип - предотвращения безгражданства - не может быть оставлен на усмотрение государств: нельзя согласиться с тем, чтобы возложить на государства обязательство в отношении проведения переговоров и позволить им оставить миллионы людей без гражданства в результате этих переговоров. Он согласился с необходимостью закрепления разумных крайних сроков для осуществления права выбора. Что касается двойного гражданства, то, по общему признанию, оно не может быть запрещено, однако в отношении этого вопроса руководящие принципы не являются жесткими и разрешают государствам выбирать свою собственную политику.

222. Термин "второе гражданство" был использован по причине отсутствия более удачного термина: он касается не тех типов гражданства, которые имеют международную значимость, а связи между федеративным образованием и индивидуумом, имеющей значение для внутригосударственного права. Трудности в этой области обусловлены различными степенями "федерализации" государств.

223. Критика, касающаяся якобы чрезмерного акцента на jus soli, является, как представляется, необоснованной: хотя критерии, используемые Рабочей группой для определения категорий лиц, перечисленных в подпунктах *a-c* пункта 10, действительно входят в число тех критериев, которые обычно признаются странами, придерживающимися принципа jus soli, факт рождения систематически рассматривался Рабочей группой в увязке с критерием места обычного проживания. Кроме того, в выводах Рабочей группы отводится более важное место факту проживания в том или ином государстве, чем факту рождения.

224. В отношении права выбора точка зрения, которую намеревалась донести Рабочая группа, заключается в том, что в отношении категорий лиц, определенных в пункте 21 доклада, уже невозможно защищать абсолютную свободу государства принимать решения по вопросу о гражданстве без учета воли заинтересованных лиц; это не означает, что волю таких лиц необходимо принимать во внимание в случае всех категорий лиц, гражданство которых затрагивается в результате правопреемства государств.

225. Обеспокоенность в отношении того, что выводы, содержащиеся в пункте 27 доклада (см. пункт 219 выше), могут открывать путь к дискриминации, требует дальнейшего рассмотрения. Тем не менее, выводы Рабочей

[88] См. сноску 76, выше.

группы подкрепляются решениями некоторых международных судебных органов.

226. Касаясь возражений, возникших в связи с разделом B.5 (см. пункт 216 выше), Специальный докладчик подчеркнул, что Рабочая группа лишь представляет рабочую гипотезу, которая заслуживает дальнейшего изучения.

227. В отношении замечаний по разделу B.6, отраженных в пункте 218 выше, Специальный докладчик отметил, что упомянутое различие было проведено для того, чтобы продемонстрировать, что Рабочая группа прежде чем прийти к своему выводу тщательно рассмотрела все вопросы, возникающие в связи с правилом непрерывности.

228. Специальный докладчик отметил, что на следующей сессии он намеревается представить доклад, который будет состоять из трех разделов: первый раздел будет основан на докладе Рабочей группы с учетом практики и теории, касающихся гражданства физических лиц; второй - касаться вопроса о юридических лицах; и третий — формы, в которой может быть представлен результат работы (всеобъемлющий доклад, содержащий руководящие принципы, проект декларации и факультативный протокол к Конвенции о сокращении безгражданства).

3. Решение, принятое Комиссией

229. По рекомендации Специального докладчика Комиссия постановила вновь создать Рабочую группу на следующей сессии для завершения ее работы, что позволит ей выполнить просьбу, содержащуюся в пункте 6 резолюции 49/51 Генеральной Ассамблеи.

Глава IV

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

A. Введение

230. В принятом Комиссией на ее двадцать седьмой сессии в 1975 году общем плане проектов статей по теме "Ответственность государств" предусмотрена следующая структура проекта статей: часть 1 должна касаться происхождения международной ответственности; часть 2 — содержания, форм и объема международной ответственности, а возможная часть 3, которую Комиссия, возможно, решит включить в проекты статей, может касаться вопроса об урегулировании споров и осуществлении международной ответственности[89].

231. На своей тридцать второй сессии в 1980 году Комиссия приняла в предварительном порядке в первом чтении часть 1 проектов статей о "происхождении международной ответственности"[90].

232. Комиссия на своей тридцать второй сессии приступила также к рассмотрению части 2 проектов статей, касающейся "Содержания, форм и объема международной ответственности".

233. В период между своими тридцать второй (1980 год) и тридцать восьмой (1986 год) сессиями Комиссия получила семь докладов предыдущего Специального докладчика г-на Виллема Рифагена, касающихся частей 2 и 3 проектов статей[91]. С этого времени Комиссия исходила из предположения о том, что в проекты статей будет включена часть 3, касающаяся урегулирования споров и осуществления международной ответственности.

234. В период между своими сороковой (1988 год) и сорок шестой (1994 год) сессиями Комиссия получила шесть докладов[92] от нынешнего Специального докладчика г-на Гаэтано Аранджо-Руиса, который был назначен на тридцать девятой сессии в 1987 году.

235. Завершая сорок шестую сессию, Комиссия приняла в предварительном порядке для включения в часть 2 проектов статей статьи 1-5[93] и статьи 6 (Прекращение противоправного поведения), 6-бис (Возмещение), 7 (Реституция в натуре), 8 (Компенсация), 10 (Сатисфакция), 10-бис (Гарантии неповторения)[94], 11 (Контрмеры потерпевшего государства), 13 (Соразмерность) и 14 (Запрещенные контрмеры)[95]. Кроме того, она получила от Редакционного комитета проект статьи 12 (Условия, связанные с применением контрмер), принятие решения по которой она отложила[96]. И наконец, она передала Редакционному комитету проект статьи 5-бис (предложенный нынешним Специальным докладчиком для включения в часть 2)[97] и проекты статей 1-6 части 3 (и приложение к ней) относительно процедур урегулирования споров[98], также предложенные нынешним Специальным докладчиком и подлежащие рассмотрению Редакцион-

---

[89] *Ежегодник.., 1975 год,* том II, стр. 66-71, документ A/10010/Rev.l, пункты 38-51.

[90] *Ежегодник.., 1980 год,* том II (часть вторая), стр. 30-63.

[91] Эти семь докладов Специального докладчика воспроизводятся в следующем порядке:

предварительный доклад: *Ежегодник.., 1980 год,* том II (часть первая), стр. 121, документ A/CN.4/330;

второй доклад: *Ежегодник.., 1981 год,* том II (часть первая), стр. 97, документ A/CN.4/344;

третий доклад: *Ежегодник.., 1982 год,* том II (часть первая), стр. 26, документ A/CN.4/354 и Add. 1 и 2;

четвертый доклад: *Ежегодник.., 1983 год,* том II (часть первая), стр. 4, документ A/CN.4/366 и Add. I;

пятый доклад: *Ежегодник.., 1984 год,* том II (часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/380;

шестой доклад: *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть первая), стр. 3, документ A/CN.4/389;

седьмой доклад: *Ежегодник.., 1986 год,* том II (часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/397 и Add. 1.

[92] Эти шесть докладов Специального докладчика воспроизводятся в следующем порядке:

предварительный доклад: *Ежегодник.., 1988 год,* том II (часть первая), стр. 8, документ A/CN.4/416 и Add. I;

второй доклад: *Ежегодник.., 1989 год,* том II (часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/425 и Add.l;

третий доклад: *Ежегодник.., 1991 год,* том II (часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/440 и Add.l;

четвертый доклад: *Ежегодник.., 1992 год,* том II (часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/444 и Add. 1-3;

пятый доклад: *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть первая), документ A/CN.4/453 и Add.l-3;

шестой доклад: *Ежегодник.., 1994 год,* том II (часть первая), документ A/CN.4/461 и Add. 1 и 2.

[93] Тексты статей 1-5 (пункт 1) см. *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть вторая), стр. 30 и далее.

[94] Текст пункта 2 статьи 1 и статей 6, 6-бис, 7, 8, 10 и 10-бис с комментариями к ним, см. *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть вторая), стр. 60 и далее.

[95] Тексты статей 11, 13 и 14 см. *Ежегодник.., 1994 год,* том II (часть вторая), стр. 167 , сноска 454. Статья 11 была принята Комиссией при том понимании, что она может быть пересмотрена с учетом текста, который в конечном счете будет принят для статьи 12.

[96] См. *Ежегодник.., 1994 год,* том II (часть вторая), пункт 352.

[97] Текст проекта статьи 5-бис, предложенный Специальным докладчиком, см. сноску 130, ниже.

[98] Тексты проектов статей 1-6 части 3 и приложения к ней, предложенных нынешним Специальным докладчиком, см. *Ежегодник..,1993 год,* том II (часть вторая), стр. 47 и далее, сноски 116, 117, 121-123 и 125.

ным комитетом вместе с предложениями предыдущего Специального докладчика по этой теме[99].

B. Рассмотрение темы на данной сессии

236. На данной сессии на рассмотрении Комиссии находился седьмой доклад Специального докладчика (A/CN.4/469 и Add. 1 и 2)[100]. В докладе, с одной стороны, рассматривался вопрос о правовых последствиях международно-противоправных деяний, характеризуемых в качестве преступлений по статье 19 части 1 проекта[101], и, с другой стороны, вопрос об урегулировании споров, относящихся к правовым последствиям международного преступления. Первый вопрос рассматривался в шести новых проектах статей, подлежащих включению в часть 2 в качестве статей 15-20[102], и второй — в новом проекте статьи 7, подлежащей включению в часть 3 проекта[103].

237. После рассмотрения седьмого доклада Специального докладчика Комиссия передала содержащиеся в нем статьи Редакционному комитету (см. подраздел 4, ниже).

238. Кроме того, Комиссия получила от Редакционного комитета ряд статей и приложение к ним для включения в часть 3 проекта относительно урегулирования споров. Она приняла эти положения в первом чтении (см. подраздел 5 и раздел C, ниже).

1. Представление Специальным докладчиком его седьмого доклада

239. В ходе представления Специальный докладчик указал, что в седьмом докладе, с одной стороны, рассматриваются особые или дополнительные последствия международно-противоправных деяний, характеризуемых в качестве преступлений по статье 19 части 1 проекта (нормативный аспект), и, с другой стороны, механизм, позволяющий осуществить эти последствия (институциональный аспект), и что как один, так и другой аспект требуют достаточно серьезных усилий в плане прогрессивного развития права. Говоря о нормативном аспекте, доклад различает материальные последствия (прекращение и возмещение) и инструментальные последствия, причем каждая категория последствий подразделяется на две подкатегории, а именно на особые последствия (т.е. усугубленные формы последствий, предусмотренных в статьях 6-14 для деликтов), и дополнительные последствия (т.е. новые последствия, дополняющие первые)[104].

240. В том что касается материальных последствий, обязательства, изложенные в статьях 6 (Прекращение противоправного поведения), 6-бис (Возмещение) и 8 (Компенсация), по-видимому, возлагаются на автора преступления в тех же условиях, что и на автора деликта, при этом единственное отличие состоит в том, что в случае преступления все государства являются потерпевшими государствами, в то время как в случае деликта это происходит так, лишь когда нарушенное обязательство является обязательством erga omnes. И напротив, в том что касается реституции в натуре, отношение erga omnes, которое устанавливает факт совершения преступления, лишает смысла в случае преступлений параллель, которая в случае деликтов проводится в подпункте *c* статьи 7 между положением государства-автора и положением потерпевших государств; в данном случае необходимо заставить государство-автора восстановить по возможности в полной мере положение, сохранение которого соответствует "основным интересам" международного сообщества, сколь бы тяжелым не было связанное с этим бремя для государства-автора, при этом единственными пределами являются пределы, вытекающие из необходимости сохранения существования самого государства, гарантирования жизненно важных потребностей его народа и в принципе его территориальной целостности. Статья 7 должна быть адаптирована к случаю преступлений по другому моменту, а именно облегчению обязательства о реституции в натуре, состоящему в сохранении политической независимости или экономической стабильности государства, совершившего международно-противоправное деяние (подпункт *d*). По мнению Специального докладчика, справедливость не позволяет применять условие об "экономической стабильности" в случае преступлений, особенно в том случае, если преступление обогащает его автора, при этом единственным ограничением является ограничение, связанное с необходимостью гарантирования жизненно важных потребностей народа. В том что касается "политической независимости", Специальный докладчик считал необходимым различать существование государства как самостоятельного суверенного образования, которое должно быть сохранено, и свободу организации государства, которая не должна быть, возможно, незыблемой, например, в случае деспотического режима, несущего ответственность за серьезные нарушения важнейших международных обязательств. Поэтому Специальный докладчик считал, что ограничения обязательства о реституции, изложенные в подпунктах *c* и *d* статьи 7, не должны применяться в случае преступлений,

---

[99] Тексты проектов статей 1-5 части 3 и приложения к ней, предложенных предыдущим Специальным докладчиком, см. *Ежегодник.., 1986 год*, том II (часть вторая), сноска 86.

[100] Воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год*, том II (часть первая).

[101] См. сноску 39, выше.

[102] Текст этих статей см. сноски 104, 105, 109, 113, 114 и 117, ниже.

[103] Текст этой статьи см. сноску 149, ниже.

[104] Этот подход отражен в предложенном Специальным докладчиком проекте статьи 15, который гласит:

"Не умаляя правовые последствия [в дополнение к правовым последствиям], вытекающие [вытекающим] в результате международного деликта на основании статей 6-14 настоящей части, международное преступление, как оно определено в статье 19 части первой, влечет за собой особые или дополнительные последствия, о которых говорится в статьях 16-19, ниже".

по крайней мере если только полное выполнение этого обязательства не поставит под угрозу существование государства-автора (и, возможно, его территориальную целостность) либо удовлетворение жизненно важных потребностей народа. Подобным образом, он считал неподходящим для случаев преступления положение пункта 3 статьи 10, исключающее любую форму сатисфакции, которая "нанесла бы ущерб достоинству" государства-автора, ограничение, которое тем более не может применяться в случае гарантий о неповторении (статья 10-бис): автор преступления не может уклониться от выполнения своих обязательств, ссылаясь на необходимость уважения достоинства, которое он сам оскорбил. Впрочем, в случае преступлений просьбы о сатисфакции и гарантиях неповторения могут затронуть не только "достоинство, но также и суверенитет, независимость, национальную компетенцию или свободу государства, совершившего преступление. Поэтому необходимо уточнить, что государство, совершившее международно-противоправное деяние, не может воспользоваться ограничениями, вытекающими из принципов или норм международного права, касающихся сохранения его суверенитета, его национальной компетенции или его свободы, и единственным ограничением здесь остается ограничение, связанное с необходимостью гарантировать его существование, жизненно важные потребности его народа и, в принципе, его территориальную целостность[105].

241. В том что касается инструментальных последствий преступлений, то они могут быть значительно более тяжелыми по сравнению с последствиями деликтов в силу того факта, что все государства вправе прибегать к контрмерам против государства, совершившего международно-противоправное деяние. В этой связи Специальный докладчик предлагал включить в проект положения по образцу статей 11[106] и 12, но должным образом учитывающие особенности преступлений. Эти изменения касались исключения двойного требования о предварительном сообщении[107] и предварительном исчерпании доступных процедур урегулирования. Ликвидация этого последнего требования делает бесполезным включение положения о возможности прибегать "к срочным, временным мерам, которые требуются для защиты прав потерпевшего государства или для ограничения ущерба, причиненного международно-противоправным деянием"[108]. Но такое положение обретало бы свое право на жизнь в случае преступлений, если бы, как предлагал Специальный докладчик (см. пункт 245, ниже), законность реакции всех потерпевших государств на преступление определялась условием о предварительном решении международного органа. В этом контексте защитные меры имели бы целью позволить, например, незамедлительный доступ к жертвам с целью оказания им помощи или предотвращения продолжения политики геноцида, направления гуманитарных грузов, борьбы с загрязнением и т.д.[109]

242. В том что касается принципа соразмерности, Специальный докладчик предложил, чтобы ссылка на "последствия для потерпевшего государства", которая содержится в статье 13[110], была исключена из соответствующего положения о преступлениях, с одной стороны, потому что этот элемент сравнения придает слишком большое значение элементу, который является лишь од-

---

[105] Этот подход нашел выражение в предложенном Специальным докладчиком проекте статьи 16, который гласит:

"1. В том случае, когда международно-противоправное деяние государства представляет собой международное преступление, каждое государство вправе, при соблюдении условия, изложенного в пункте 5 статьи 19 ниже, требовать, чтобы государство которое совершает или совершило преступление, прекратило свое противоправное поведение и обеспечило полную репарацию в соответствии со статьями 6-10-бис с изменениями, предусмотренными в пунктах 2 и 3 ниже.

2. Право каждого потерпевшего государства получать реституцию в натуре, как предусмотрено в статье 7, не подлежит ограничениям, изложенным в подпунктах *c* и *d* пункта 1 указанной статьи, за исключением случая, когда реституция в натуре поставит под угрозу существование государства-нарушителя как независимого члена международного сообщества, его территориальную целостность или жизненно важные потребности его народа.

3. При условии сохранения его существования как независимого члена международного сообщества и гарантирования его территориальной целостности и жизненно важных потребностей его народа государство, которое совершило международное преступление, не имеет право с выгодой для себя использовать какие-либо ограничения своего обязательства обеспечить сатисфакцию и гарантии неповторения, которые предусмотрены в статьях 10 и 10-бис, относительно уважения его достоинства, или какие-либо нормы или принципы международного права, касающиеся защиты своего суверенитета и свободы".

[106] См. сноску 95, выше.

[107] В случае преступлений предварительное сообщение, по мнению Специального докладчика, является бесполезным, если, как он это предлагал, принятие контрмер против государства, совершившего преступление, должно следовать за общественным обсуждением, и опасным в той мере, в какой предупреждение, направленное государству, совершившему преступление, может поставить под угрозу эффективность контрмер.

[108] См. подпункт *a* пункта 1 статьи 12, первоначально предложенной Специальным докладчиком в его четвертом докладе, *Ежегодник.., 1992 год*, том II (часть вторая), стр. 30, сноска 61.

[109] Этот подход нашел выражение в предлагаемых Специальным докладчиком пунктах 1 и 2 проекта статьи 17, который гласит:

"1. В том случае, когда международно-противоправное деяние государства представляет собой международное преступление, каждое государство, требования которого на *основании статьи 16 не получили адекватного удовлетворения* со стороны государства, совершившего или совершающего преступление, вправе, при соблюдении условия, изложенного ниже в пункте 5 статьи 19, прибегнуть к контрмерам на условиях и с ограничениями, которые изложены в статьях 11, 13 и 14, с внесенными в них изменениями на основании пунктов 2 и 3 настоящей статьи.

2. Условие, изложенное в пункте 5 статьи 19, ниже, не применяется к срочным, временным мерам, которые требуются для защиты прав потерпевшего государства и для ограничения ущерба, причиненного международным преступлением.

3. Требование соразмерности, изложенное в статье 13, применяется к контрмерам, принимаемым любым государством, с тем чтобы такие меры не были несоразмерны тяжести международного преступления".

[110] См. сноску 95, выше.

ним из критериев оценки тяжести деяния (и эта критика действует также и для деликтов), и, с другой стороны, поскольку последствия преступления, как впрочем и деликта, если нарушенное обязательство является обязательством erga omnes, затрагивали в различной степени сообщество государств[111].

243. Запрещения, изложенные в подпунктах *a* и *b* статьи 14[112], по-видимому, могут применяться без изменений к преступлениям с той оговоркой, что запрещения, касающиеся угрозы или применения вооруженной силы и крайних мер экономического или политического принуждения, не применяются ни к осуществлению права на законную оборону, ни к мерам, принятым Советом Безопасности в силу главы VII Устава Организации Объединенных Наций[113]. Применяются также и запрещения, предусмотренные в подпунктах *c*, *d* и *e* статьи 14 по причине исключительной важности "охраняемых объектов".

244. В том что касается дополнительных последствий, то они заключаются в возложении на потерпевшие государства определенного числа обязательств[114] и в возложении на государство, совершившее международно-противоправное деяние, обязательства терпеть проведение операций по установлению фактов и контролю на своей территории[115].

245. В том что касается институционального аспекта, то в седьмом докладе излагаются теоретически возможные степени институционализации и описывается с более реалистической точки зрения ряд случаев организованной реакции (со стороны Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности) на серьезные нарушения международных обязательств, хотя, впрочем, и признается тот факт, что эти два органа являются чисто политическими по характеру и что их реакция не воспринимается как специфическая реакция на виды нарушений, предусмотренных в статье 19 части 1[116]. Поскольку представляется нереальным возлагать на международные органы всю совокупность решений и мер, необходимых для осуществления правовых последствий преступлений, седьмой доклад отдает предпочтение другому подходу, согласно которому такие органы должны высказываться лишь относительно факта наличия и приписывания международного преступления. Можно было бы предусмотреть возложение этой роли на Международный Суд, который обладает тройным преимуществом, обладая необходимой технической компетенцией, являясь в разумной степени представительным и вынося мотивированные решения как по факту, так и по праву. Но подобное решение было бы опасным в отсутствие международного учреждения типа прокуратуры, способного пресечь незаконные утверждения, а также с учетом вероятной тенденции государств после того, как Международный Суд будет наделен необходимой обязательной компетенцией, передавать судьям любой вопрос об ответственности, даже вытекающей из простого деликта. Со своей стороны Генеральная Ассамблея обладает тем преимуществом, что является представительной и наделена компетенцией ratione materiae, которая весьма широка, но не подходит для констатации, имеющей обязательную юридическую силу в области ответственности. В том что касается Совета Безопасности, то, разумеется, он правомочен принимать обязательные решения в области поддержания международного мира и безопасности, но он неправомочен заниматься другими областями, предусмотренными в пункте 3 статьи 19 части 1, не является представительным и не имеет технических возможностей для рассмот-

---

[111] Такой подход отражен в пункте 3 проекта статьи 17, предложенным Специальным докладчиком (см. сноску 109, выше).

[112] См. сноску 95, выше.

[113] См. в этой связи предложенный Специальным докладчиком проект статьи 20, который гласит:

"Положения статей настоящей части не наносят ущерба:

a) любым мерам, решение о которых примет Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в порядке осуществления своих функций на основании положений Устава;

b) неотъемлемому праву на самооборону, предусмотренному в статье 51 Устава".

[114] Предлагаемый Специальным докладчиком перечень содержится в пункте 1 проекта статьи 18, который гласит:

"1. В том случае, когда международно-противоправное деяние представляет собой международное преступление, все государства, при соблюдении условия, изложенного в пункте 5 статьи 19 ниже:

a) воздерживаются от признания законной или имеющей юридическую силу, на основании международного или внутригосударственного права, ситуации, созданной международным преступлением;

b) воздерживаются от каких-либо действий или упущений, которые могли бы помочь государству-нарушителю сохранять указанную ситуацию;

c) помогают друг другу в выполнении их обязательств согласно подпунктам *a* и *b* и, по мере возможности, координируют свою соответствующую реакцию через существующие международные органы или посредством специальных договоренностей;

d) воздерживаются от создания каким-либо образом путем действий или упущений помех осуществлению прав или полномочий, предусмотренных в статьях 16 и 17;

e) полностью осуществляют принцип aut dedere aut judicare в отношении любых лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и безопасности человечества, совершение которых привело к международному преступлению государства или способствовало такому преступлению;

f) принимают участие совместно или индивидуально в осуществлении любых законных мер, которые определит или рекомендует любая международная организация, членами которой они являются и которые направлены против государства, совершившего или совершающего международное преступление;

g) содействуют всеми возможными средствами принятию и осуществлению любых законных мер, направленных на исправление любых чрезвычайных ситуаций, вызванных международным преступлением.

2. При соблюдении условий, изложенных в пункте 5 статьи 19 ниже, государство, которое совершило или совершает международное преступление, не выступает против операций по установлению фактов или миссий наблюдателей на его территории, проводимых с целью проверки соблюдения его обязательств по прекращению или репарации".

[115] Этот подход отражен в пункте 2 проекта статьи 18, предлагаемом Специальным докладчиком (см. сноску 114, выше).

[116] См. сноску 39, выше.

рения юридических аспектов ответственности государств. Более того, Совет, как и Ассамблея, является главным образом политическим по характеру, и, повидимому, отводить тому или другому из этих органов исключительную роль в оценке вопросов ответственности не соответствует здравой концепции правосудия. Итак, в седьмом докладе предлагается подключить три органа к принятию любого решения, касающегося наличия или приписывания преступления, отведя каждому из этих органов роль, соответствующую его собственным особенностям[117]. По мнению Специального докладчика, процедура в Суде должна быть по причинам, изложенным в докладе, скорее дискуссионной, нежели консультативной по характеру. В том что касается применяемого режима, если вмешательство Суда основывается не на юрисдикционной связи, установленной будущей конвенцией об ответственности государств, а на положениях таких конвенций, как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, предусматривающая компетенцию Суда на основе поданного в одностороннем порядке запроса, Специальный докладчик отсылает к тексту, который он предложил для пункта 4 статьи 19 части 2.

246. Резюмируя характеристики международно-противоправных деяний, квалифицируемых в качестве преступления по статье 19 части 1, Специальный докладчик подчеркнул, что, как об этом свидетельствуют примеры, приведенные в седьмом докладе, эти деяния a) нарушают *нормы erga omnes, т.е. нормы jus cogens*; b) ущемляют интересы всех государств; c) оправдывают общее требование о прекращении противоправного деяния/возмещении; и d) в конечном счете оправдывают общую реакцию государств и международных органов. Концепция общей реакции, подразумеваемая в статье 19 части 1 и предвосхищаемая статьей 5 части 2 (которая уполномочивает все потерпевшие государства требовать прекращения противоправного деяния/возмещения и прибегать к контрмерам) является жизнеспособной лишь, если будущая конвенция поставит такую реакцию под меры контроля, что конкретно является предметом проектов статей 15-20 части 2[118]. С другой стороны, Специальный докладчик обращал внимание на тот факт, что процедура в два этапа, предусмотренная в проекте статьи 19 не требует внесения каких-либо изменений в Устав Организации Объединенных Наций или в Статут МС и никоим образом не посягает на политическую роль, которая отводится Уставом Совету Безопасности и в меньшей степени Генеральной Ассамблее в области поддержания международного мира и безопасности: в этой области окончательное решение остается за Советом, но в сфере ответственности государств, включая крайне серьезные нарушения основных международных обязательств, действия потерпевших государств должны быть обусловлены предварительным решением Суда. В том что касается Совета и Ассамблеи, беспристрастность которых по мере возможности стремится обеспечить пункт 3 статьи 19, то роль, которую им отводит пункт 2 этой же статьи относится к главе VI Устава. Специальный докладчик в этой связи подчеркнул, что полномочия Совета в области поддержания международного мира и безопасности, а также право на законную оборону, предусмотренное в статье 51 Устава, должным образом сохраняются в статье 20.

2. Рассмотрение Комиссией седьмого доклада Специального докладчика

247. Комиссия рассмотрела седьмой доклад Специального докладчика на своих 2391-2398-м заседаниях 30 мая – 9 июня 1995 года. Краткое резюме прений излагается ниже.

[117] Этот подход отражен в предлагаемых Специальным докладчиком пунктах 1-3 и 5 проекта статьи 19, который гласит:

"1. Любое государство - член Организации Объединенных Наций, являющееся участником настоящей Конвенции, которое утверждает, что было совершено или совершается международное преступление одним или несколькими государствами, доводит этот вопрос до сведения Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с главой VI Устава Организации Объединенных Наций.

2. Если Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности устанавливают квалифицированным большинством присутствующих и участвующих в голосовании членов, что упомянутое утверждение является достаточно обоснованным, чтобы вызвать глубокую озабоченность международного сообщества, любое государство - член Организации Объединенных Наций, являющееся участником настоящей Конвенции, в том числе государство, в отношении которого выдвинуто такое утверждение, может передать этот вопрос в Международный Суд в одностороннем порядке, с тем чтобы Суд вынес решение о том, совершено ли или совершается международное преступление государством, против которого выдвинуто обвинение.

3. Квалифицированным большинством, о котором говорится в предыдущем пункте, является в Генеральной Ассамблее две трети большинства членов, присутствующих и участвующих в голосовании, а в Совете Безопасности - девять членов, присутствующих и участвующих в голосовании, включая постоянных членов, при условии, что любые непосредственно заинтересованные члены воздерживаются от голосования.

4. В любом деле, в котором Международный Суд, исходя из юрисдикционного правооснования, иного, нежели то, которое изложено в пункте 2 настоящей статьи, осуществляет свою компетенцию в споре между двумя или несколькими государствами -членами Организации Объединенных Наций, являющимися участниками настоящей Конвенции, относительно наличия международного преступления государства, любое другое государство - член Организации Объединенных Наций, являющееся участником настоящей Конвенции, имеет право принять участие в одностороннем порядке в разбирательстве Суда для целей пункта 5 настоящей статьи.

5. Решение Международного Суда о том, что было совершено или совершается международное преступление, означает выполнение условия для целей осуществления любым государством - членом Организации Объединенных Наций, являющимся участником настоящей Конвенции, особых или дополнительных правовых последствий международных преступлений государств, о которых говорится в статьях 16, 17 и 18 настоящей части".

[118] Воспроизводятся в сносках 104, 105, 109, 113, 114 и 117, выше.

a) *Общие замечания*

248. Члены Комиссии высказали признательность Специальному докладчику за его седьмой доклад, который был охарактеризован как наиболее положительный и ценный вклад в право ответственности государств, как образец правовой аргументации, который должен непременно стимулировать проведение полезных и обогащающих науку прений. Высокую оценку получила честность Специального докладчика и его решение поставить задачу подкрепления примата права в международных отношениях выше холодного реализма, присущего индивидуальным интересам государств.

249. Ряд членов Комиссии, в целом одобряя общую ориентацию седьмого доклада, который, как они считают, отвечает пожеланиям Комиссии, поставили под сомнение некоторые его аспекты. Многие из мыслей, изложенных в докладе, являются по их мнению весьма привлекательными, но некоторые из них являются явно проблематичными. Кроме того, было выражено мнение о том, что Специальный докладчик в своем докладе основывался исключительно на трудах европейских ученых.

250. Другие члены Комиссии, отдавая должное достойным похвалы усилиям Специального докладчика верно следовать прошлым решениям Комиссии, поставили под сомнение разумность этих решений и соответственно предложений, содержащихся в седьмом докладе. Эти предложения были признаны слишком общими для того, чтобы быть реалистичными, и весьма революционными и несозвучными пониманию государствами международного права. Было высказано опасение, что, несмотря на ее изобретательность и смелость, предложенная Специальным докладчиком схема не может быть воплощена в жизнь, поскольку она не сможет оказать реальное воздействие на компетенцию органов Организации Объединенных Наций в том виде, в каком она определена в Уставе Организации Объединенных Наций.

251. Ряд членов Комиссии подчеркивали сложность темы в целом и затрагиваемых в седьмом докладе вопросов, в частности. В этой связи было выражено мнение о том, что так же, как и нежелание согласиться с совместимостью ответственности государств с суверенитетом, сейчас в равной степени проявляется нежелание принять концепцию преступлений государств по международному праву, а также что правительства не спешат согласиться с более действенным международным правом, в частности с более эффективным механизмом его осуществления. Внимание было обращено на трудности разработки правовой системы ответственности государств, которая в целом совместима с общим правовым и институциональным балансом, обеспечиваемым в соответствии с системой, предусмотренной по Уставу Организации Объединенных Наций, и которая сохраняет международный политический и правовой статус-кво, вводя при этом вполне закономерную долю новаторства, с тем чтобы увязать желаемое с возможным.

252. Рассматриваемые вопросы вызывают трудности методологического, технического и политического характера. В плане методов Комиссия, отходя от ориентации статьи 19 части 1, усложнила свою задачу, поскольку было бы проще адаптировать к деликтам режим, применяемый к преступлениям, нежели сделать обратное. В техническом плане Комиссия, придав в духе права международных договоров и части 1 проекта многосторонность праву ответственности государств, преобразовала основы механизма, который остался по сути биполярным и тем самым дал основания для многочисленных проблем. В том что касается третьей группы трудностей, то они связаны с тем, что преступления государства являются международно-противоправными деяниями политическими по сути и что весьма трудно сохранить равновесие между правом и политикой.

b) *Концепция "преступления государства", содержащаяся в статье 19 части 1 проекта*

i) *Различие между "преступлениями" и "деликтами"*

253. Некоторые члены Комиссии оспаривали возможность проведения четкого различия между двумя категориями противоправных деяний — "преступлениями" и "деликтами" — по степени их тяжести. По их мнению, имеется целый ряд деяний от мелких нарушений до весьма серьезных нарушений, затрагивающих международное сообщество в целом. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что критерий тяжести обязательно подразумевает включение области первичных обязательств в свод норм, имеющих целью установить вторичные обязательства.

254. Другие члены Комиссии считали, что преступления легко отличаются от деликтов тем, что они угрожают самим основам международного сообщества и со своей стороны вызывают особую реакцию: нарушение международной тарифной сетки не может, по мнению некоторых, быть поставлено в один ряд с геноцидом или оккупацией территории другого государства. По мнению некоторых из этих членов, второй критерий отличия зиждется на идее ошибки и преступного намерения, которые подразумевает концепция преступления. Этот критерий был отклонен рядом членов в силу различных причин, как это указано в пункте 265 ниже.

255. Высказывалось также мнение о том, что, хотя различия между деликтами и преступлениями помогают разграничить правовые последствия каждой категории и обеспечить удачный компромисс между теми, кто выступает за ряд дифференцированных режимов, что приведет к фрагментации, и теми, кто хотел бы объединить многие нарушения в рамках единого правового режима, широко распространенные деликты могут подобно преступлениям создать угрозу самой основе международного сообщества и вызвать возмущение.

ii) *Правовая и политическая основа концепции преступлений*

256. Некоторые члены Комиссии указали, что особо серьезные нарушения международных обязательств, такие, как геноцид или агрессия, стали повсеместно признаваться в качестве "преступлений", когда они стали совершаться не только отдельными лицами, но и государствами. Было указано, что таковым является преобладающее мнение ученых и такой же вывод можно сделать из решения Международного Суда по делу *Barcelona Traction*[119].

257. Другие члены Комиссии заметили, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы судили и наказывали отдельных лиц, что международные трибуналы, созданные в последнее время Советом Безопасности, не компетентны судить преступления государств и что проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и проект устава международного уголовного суда также имеют в виду лишь частных лиц. Поэтому был сделан вывод о том, что предложение о приписывании преступлений государствам не отражает состояние современной государственной практики.

iii) *Терминологические и другие аспекты статьи 19 части 1*

258. Некоторые члены Комиссии одобрили употребление слова "преступление" в статье 19 части 1[120], указав, что это слово уже долгое время употребляется в правовом языке, что его применение не нанесет серьезного оскорбления государствам. Некоторые из этих членов Комиссии подчеркивали, что данный термин просто имеет целью обозначить особенно серьезные нарушения международного права и не привносит какого-либо уголовного звучания. По мнению других, именно по причине его негативного и обвинительного звучания, а также поскольку оно внесло в область права моральный и политический элемент, это слово "преступление" в полной мере уместно для рассматриваемых деяний. Было отмечено, что в любом случае слово "деликт" также взято из терминологического ряда уголовного права: таким образом, создалось неудачное впечатление о том, что Комиссия оперирует в полной мере карательным понятием международной ответственности, но данная терминология получила столь широкое распространение, что было бы нерационально изменять ее.

259. Согласно другому мнению, применение слова "преступление" в статье 19 является неправильным и вводит в заблуждение, поскольку во многих правовых системах концепция преступления означает водораздел между двумя областями национального права, т.е. правовой системой, имеющей целью компенсировать причиненный ущерб, и правовой системой, имеющей целью наказать, и характеризующейся уникальными особенностями (исключительная точность материального права, строгие процедуры и специальные суды и системы исполнения наказаний). Была высказана также обеспокоенность в связи с тем, что эта проблема не относится к терминологии, а вытекает из того факта, что нынешняя цель проекта состоит не в том, чтобы компенсировать, а наказать.

iv) *Концепция "преступления государства" с учетом принципа Societas delinquere non potest*

260. Несколько членов Комиссии считали общепризнанным тот факт, что государства не совершают преступлений. Один из них подчеркнул, что два из трех элементов, составляющих государство, а именно территория и население, не могут, по всей видимости, учитываться при приписывании ответственности за преступление и что в отношении третьего элемента — государственных органов — государства занимают весьма различные позиции; впрочем, само государство освобождено от уголовной ответственности, поскольку лишь оно правомочно наказывать и оно не может наказывать самого себя. Было также выражено мнение о том, что государство может стать инструментом в руках отдельных лиц с уголовными замыслами, что именно на эти лица, а не на инструмент, которым они воспользовались, должна возлагаться уголовная ответственность. В ответ на довод о том, что частные компании могут быть признаны виновными в преступлениях по внутреннему праву, было указано, что аналогия между частными компаниями и государствами является крайне сомнительной.

261. Другие члены Комиссии подчеркивали, что концепция уголовной ответственности юридических лиц признается в различных правовых системах и что Нюрнбергский трибунал признал в качестве преступников ряд юридических лиц. Были упомянуты Руководящие принципы по предупреждению преступности и уголовному правосудию в контексте развития и нового международного экономического порядка, в которых содержится призыв к государствам-членам уделить должное внимание возложению уголовной ответственности не только на лиц, которые действовали от имени учреждений или корпораций, но также и на сами учреждения и корпорации[121]. Далее было высказано мнение о том, что государства обладают правосубъектностью и что нет ничего необычного в той точке зрения, что государства имеют возможность совершать преступления.

262. Возложение уголовной ответственности на государства также критиковалось некоторыми членами Комиссии по причине его последствий. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что это может привести к на-

[119] *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Second Phase, Judgment, I.C.J. Reports 1970*, p. 3.

[120] См. сноску 39, выше.

[121] *Седьмой конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 года: доклад, подготовленный Секретариатом* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.86.IV.1), глава I, раздел B, приложение.

казанию целого народа, что было бы особенно несправедливо в тех случаях, когда само государство является первой жертвой преступления (например, в случае геноцида). Было также высказано мнение о том, что использование правового понятия "приписывание" для возложения на государство ответственности за компенсацию ущерба, причиненного его должностными лицами, — это одно, а бросать тень на все население государства — это другое. Это не выдерживает критики ни с точки зрения факта, ни логики. Комиссии было настоятельно предложено противодействовать тенденции называть некоторые государства в качестве государства-"жулика", поскольку это дает самым крупным государствам предлог, для того чтобы незаконно прибегать к контрмерам или временным мерам -другими словами, к самопомощи, либо непосредственно, либо под видом оказания помощи государству, которое якобы стало жертвой.

263. Другие члены Комиссии считали предпочтительным определить конкретное поведение государств как криминальное и регулировать последствия через посредство судебного надзора и введение материально-правовых норм, с тем чтобы оградить население государства, совершившего преступление, от невзгод, а не оставлять эту область нерегулируемой, скрывая карательный элемент под видом реституции или гарантии против повторения. В этой связи было отмечено, что некоторые государства столкнулись с уголовными последствиями, иногда превышающими те последствия, которые обычно характерны для преступлений, при этом их действия не были определены как преступления.

v) *Уместность концепции вины в данном контексте*

264. По мнению некоторых членов, в случае совершения преступления неизбежно наличие вины. В этой связи было высказано мнение о том, что, хотя в случае деликтов ответственность государств не является ни гражданской, ни уголовной, а международной по своему характеру и возникает в результате фактического действия — нарушения закона, концепция вины в полной мере уместна в случае преступлений и является одним из элементов, который отличает преступления от простого деликта, поскольку он влечет за собой элемент намерения или обсуждения.

265. Как указано в пункте 254 выше, другие члены Комиссии не согласились с этим мнением на том основании, что виновное намерение присутствует также и в деликте, хотя, возможно, в меньшей степени. По их мнению, различие между преступлениями и деликтами должно проводиться в зависимости от тяжести последствий и масштабов материального, юридического и морального ущерба, причиненного другому или другим государствам и организованному или неорганизованному международному сообществу.

266. Некоторые другие члены выразили обеспокоенность в связи с тем, что концепция вины введет в межгосударственные отношения систему наказания. Поэтому они предложили Комиссии придерживаться основного решения, принятого много лет тому назад, когда она приняла подпункт *b* статьи 3[122], а именно, что основа обязательства о компенсации в области ответственности государства должна зиждиться исключительно на нарушении государством международного обязательства и исходить из той предпосылки, что проекты статей преследуют цель компенсировать причиненный ущерб, при этом в случаях широкомасштабных нарушений необходимо обеспечить, чтобы проекты допускали введение компенсации равных масштабов.

vi) *Вопрос об осуществлении концепции уголовной ответственности государства*

267. Некоторые члены Комиссии считали, что нынешняя структура международного сообщества не позволяет решать проблему "преступления". Другие призывали Комиссию изучить в практическом плане возможности, предлагаемые нынешней организацией международного сообщества. Высказанные в этой связи мнения отражены более подробно в пунктах 304-317 ниже.

vii) *Возможные альтернативы концепции "преступления государства "*

268. Некоторые члены Комиссии считают, что нет необходимости прибегать к противоречивой концепции "преступление государства" для того, чтобы снять озабоченности, лежащие в основе статьи 19 части 1. Было отмечено, что, хотя прежде всего преследуется цель устрашения, лучшим способом ее достижения является задействование уголовной ответственности отдельных лиц виновного государства, которые решили совершить противоправное деяние. В этой связи было высказано мнение, что, признавая возможность привлечения к уголовной ответственности руководителей государства. Комиссия, несомненно, предприняла намного более опасный шаг для потенциальных преступников, находящихся у власти, чем просто признание уголовной ответственности государств. Далее был поставлен вопрос о том, можно ли выделить деяния, которые могут быть признаны государствами в качестве преступлений или крайне серьезных нарушений обязательств erga omnes, которые не представляют собой угрозу миру и безопасности или нарушение мира, что относится к компетенции Совета Безопасности: в случае негативного ответа концепция преступления государства является бесполезной, и тогда более предпочтительно полагаться на существующий механизм, который только начал действовать.

269. Другие члены Комиссии считали, что ни признание существования индивидуальной уголовной ответственности, ни тот факт, что Комиссия в своей работе над проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества решила рассматривать индивидуальную

[122] Тексты статей 1-35 части 1, принятых в предварительном порядке в первом чтении на тридцать второй сессии, см. *Ежегодник.., 1980 год*, том II (часть вторая), стр. 30.

уголовную ответственность, не умаляет действенности концепции ответственности государств за преступления. Было указано, что концепция преступления государства закреплена в статье 19 части 1, которая была принята без возражений, и поэтому едва ли допустимо постоянно возвращаться к прошлым решениям.

c) *Последствия международно-противоправных деяний, квалифицируемых в качестве преступлений по статье 19 части 1 проекта*

i) *Связь между правовым режимом последствий "преступлений" и другими существующими и возможными правовыми режимами*

270. Акцент был сделан на различии, которое необходимо проводить между ответственностью государства за преступления и индивидуальной уголовной ответственностью по будущему кодексу преступлений против мира и безопасности человечества. В этой связи было высказано мнение о том, что a) нет совпадения между гаммой преступлений, относящихся к проекту кодекса, и поведением, которое можно квалифицировать в качестве преступления по проекту об ответственности государств; b) международная ответственность государств в перспективе рассматриваемого проекта не вытекает из уголовной ответственности, которая может наступить для отдельных лиц на основании кодекса; и c) международная ответственность государств по причине деяний или бездействия, квалифицируемых в качестве международных преступлений, не требует идентификации и четкого определения данных преступлений. Тем не менее было подчеркнуто, что все преступления против мира и безопасности человечества являются преступлениями в отношении международного права и влекут за собой уголовную ответственность их авторов и что отсюда вытекают некоторые последствия для проекта об ответственности государств[123]. Чтобы провести четкую линию между преступлениями по кодексу и преступлениями по будущей конвенции об ответственности государств, было предложено включить в нынешний проект оговорку о любом вопросе, который мог бы возникнуть в связи с ответственностью, наступившей в случае совершения преступления против мира и безопасности человечества.

271. Некоторые члены Комиссии ставили вопрос об отношениях между рассматриваемым проектом и созданной Уставом Организации Объединенных Наций системой поддержания международного мира и безопасности. В этой связи были заданы следующие вопросы. Прибегает ли в контексте "преступления" государство к контрмерам в отношении другого государства, представляет ли это угрозу миру, могущую вызвать вмешательство Совета Безопасности? Если стороной возможной будущей конвенции по данной теме станут лишь несколько государств, то не будет ли созданная система представлять сама по себе потенциальную угрозу международному миру и безопасности? Если предполагается ввести такую систему, то не следует ли весьма четко указать, что поправки к Уставу будут если не необходимы, то по крайней мере желательны? И наконец, учитывая тот факт, что Устав включает не только институциональные договоренности относительно Совета и Генеральной Ассамблеи, но также и основополагающие принципы современного международного права (национальная компетенция, территориальная целостность, политическая независимость), то не следует ли также рассмотреть вопрос об изменениях этого второго вида положений?

272. Был также задан вопрос о том, оставляют ли уставные императивы Совета Безопасности относительно поддержания международного мира и безопасности какое-либо место для рассматриваемой темы[124] и не устраняет ли склонность Совета относительно легко устанавливать, что деяния представляют угрозу миру, всякую возможность того, чтобы поведение государств могло относиться к данной теме. В ответ, в связи с первым моментом, внимание было обращено на многочисленные международные документы, которые стремятся сохранить компетенцию Совета, открывая, таким образом, путь к подобным действиям и в данном случае. В том что касается второго момента, то было признано, что подчинение будущей конвенции положениям Устава о поддержании международного мира и безопасности, четко признанное в статье 4 части 2[125], в сочетании с пока еще весьма не выраженной тенденцией Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи расширять понятие угрозы миру привели к ограничению сферы применения права об ответственности в связи с преступлением. Тем не менее было отмечено том, что Комиссия могла бы с пользой для дела изучить области, где имеются споры в отношении пределов компетенции Совета.

ii) *Концепция "потерпевшего государства" для целей определения правовых последствий деяний, квалифицируемых в качестве преступлений по статье 19 части 1*

273. Несколько членов Комиссии отметили, что на основании того факта, что преступление является нарушением

---

[123] В этой связи ссылка была сделана на подпункт *d* пункта 2 статьи 10 о сатисфакции (сноска 94, выше). В том что касается преступлений, с одной стороны, наказание является необходимостью, и, с другой стороны, это наказание может быть применено не только соответствующим государством, но и в международном плане.

[124] В этой связи было также высказано мнение о том, что, хотя не все международные преступления обязательно ставят под угрозу международный мир и безопасность, те преступления, о которых здесь идет речь, относятся именно к этой категории.

[125] Которая гласит:

"Юридические последствия международно-противоправного деяния государства, установленные положениями настоящей части, должны в соответствующих случаях определяться с соблюдением положений и процедур Устава Организации Объединенных Наций, касающихся поддержания международного мира и безопасности". (См. сноску 93, выше).

Первоначально принята как статья 5, комментарий к которой см. *Ежегодник.., 1983 год*, том II (часть вторая), стр. 47. См. также проект статьи 20, предложенный Специальным докладчиком и приводимый в сноске 113, выше.

обязательства erga omnes, и пункта 3 статьи 5 части 2[126], Специальный докладчик логически делал вывод о том, что в случае преступлений все государства являются "потерпевшими государствами". Однако, по их мнению, это вовсе не означает, что все государства имеют одни и те же права с точки зрения материальных и инструментальных последствий преступления, и статья 5 нуждается в соответствующем пересмотре. В этой связи было отмечено, что в комментарии к статье 5 Комиссия ясно признала, что юридические последствия международного преступления следует уточнить и дифференцировать, и что пункт 3 статьи не предрешает вопрос о масштабе юридических последствий международного преступления, вопрос, который должен быть решен в рамках части 2 проекта[127].

274. Ряд членов Комиссии считали, что с учетом тяжести преступлений и серьезности особых или дополнительных последствий, которые за ними следуют, могут возникнуть большие трудности в связи с универсализацией статуса потерпевшего государства. В этом отношении было подчеркнуто, что подобная универсализация выражается, в том что касается материальных последствий, неприемлемым увеличением числа просьб (претензий) и по сути позволяет всем государствам принимать в соответствии с режимом ответственности государств тот же вид мер, которые может принимать Совет Безопасности при выполнении им своей коллективной ответственности в сфере безопасности с вытекающим отсюда риском конфликта между государствами и Советом.

275. Другие члены Комиссии предостерегли от переоценки возникаемых рисков при широком толковании концепции "потерпевшего государства" в контексте преступлений. В этой связи было подчеркнуто, с одной стороны, что применение вооруженной силы исключается в рамках проекта статей и регулируется соответствующими положениями Устава и, с другой стороны, что компетенция Совета Безопасности в области поддержания мира и эволюционное толкование концепции "угрозы миру" привели к передаче международному сообществу полномочий реагировать на целый ряд наиболее серьезных нарушений международного права. В этом контексте внимание было обращено на статью 4 части 2[128].

276. Согласно третьему мнению, возможность прибегать к контрмерам открыта для всех государств в случае нарушения любого обязательства erga omnes: что, как было указано, подтверждает бесполезность концепции преступлений.

277. Внимание также было обращено на другую трудность, которая может возникнуть в связи с универсализацией статуса потерпевшего государства, если режим последствий преступлений будет необходимо закрепить в каком-либо договоре. В этой связи было высказано мнение о том, что, если кто-то исходит из той посылки, что в случае совершения международного преступления все государства являются потерпевшими государствами, любое государство, даже государство, не связанное с будущей конвенцией, может прибегать к контрмерам — а это в результате приведет к тому, что договор будет действовать для всего сообщества наций, а не только для государств-участников. Более того, поскольку договор возложит на Генеральную Ассамблею полномочия принимать некоторые решения большинством в две трети голосов, такие решения, как это можно вполне предположить, могут быть сделаны государствами, не являющимися стороной договора. С учетом вышесказанного было внесено предложение принять часть проекта по преступлениям в качестве отдельного документа Ассамблеи при том понимании, что все государства-члены будут впоследствии связаны им.

278. В ответ на высказанное мнение о возможности дифференциации между различными категориями потерпевших государств, Специальный докладчик указал, что, хотя имеются четкие различия в некоторых случаях (агрессия, морское загрязнение прибрежных вод и подобное), это не относится к случаю, например, ущерба, причиненного общему достоянию человечества. По его мнению, основная посылка должна состоять в том, что в случае преступления все государства являются потерпевшими по праву, что четко вытекает из концепции обязательств erga omnes, признанных Международным судом в деле *Barcelona Traction*[129]. Он согласился с тем, что проект статьи 5-бис, который он предложил в своем четвертом докладе в 1992 году[130], предлагает лишь частичный ответ на вопрос о мере, в которой государства являются равноправными с точки зрения права требовать прекращения противоправного деяния или возмещения и прибегать к контрмерам. В качестве возможного подхода он предложил признать, что, хотя и имея право требовать прекращения противоправного деяния или возмещения и, возможно, принятия контрмер, все государства необязательно имеют право подавать свои просьбы или принимать меры в своих собственных материальных интересах, но имеют возможность действовать в интересах каждого потерпевшего государства в той мере, в какой оно потерпело. Он обратил внимание в этом контексте на подпункты *c*, *f* и *g* пункта 1 предлагаемого им проекта статьи 18[131].

---

[126] Которая гласит:

"3. Кроме того, "потерпевшее государство" означает, если международно-противоправное деяние представляет собой международное преступление [и в контексте прав и обязательств государств в соответствии со статьями 14 и 15], все другие государства". (См. сноску 93, выше).

[127] См. *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть вторая), стр. 34, пункт 28.

[128] См. сноску 125, выше.

[129] См. сноску 119, выше.

[130] См. сноску 92, выше. Проект статьи 5-бис гласит:

"Если имеется несколько потерпевших государств, каждое из них правомочно осуществлять права, которые признаны за ним нормами, изложенными в следующих статьях".

[131] См. сноску 114, выше.

279. Ряд членов Комиссии считали, что основной постулат Специального докладчика, согласно которому всем государствам причиняется вред от международного преступления, не имеет под собой оснований и что требуется четкая дифференциация между непосредственно потерпевшими государствами и государствами, действующими в качестве defensores legis. Необходимость дифференцирования между непосредственно и косвенно потерпевшими государствами рассматривалась как уместная для материальных и инструментальных последствий преступлений.

280. В том что касается материальных последствий, было высказано мнение о том, что, хотя все государства, потерпевшие в результате преступления, должны иметь право требовать, чтобы государство, совершившее противоправное деяние, отказалось от своего незаконного образа действий, те государства, которым не причинен материальный ущерб, не должны иметь права на получение возмещения в той же мере и в той же форме, что и другие государства. В этом контексте было высказано мнение о том, что если позволить 185 отдельным государствам подавать конкретные просьбы о предоставлении далеко идущих гарантий неповторения, то это приведет к хаотической ситуации, и что поэтому требуется решение соответствующего органа международного сообщества.

281. В том что касается инструментальных последствий преступлений, то некоторые члены Комиссии сочли уместным дать всем государствам на условиях, предусмотренных в статье 17, разрешение прибегать к контрмерам, поскольку эффект устрашения и давления был бы таким образом существенно подкреплен. Однако было высказано возражение против мнения о том, что осуществление таких последствий должно оставаться в ведении государств: реакция на серьезные нарушения международного права уже является, по словам одного из членов Комиссии, совместной реакцией государств и Организации Объединенных Наций и должна оставаться такой же.

iii) *Проекты статей, предложенные Специальным докладчиком для включения в часть 2*[132]

a. Проект статьи 15

282. Большинство членов, прокомментировавших проект статьи 15, в целом согласились со Специальным докладчиком в том, что, поскольку преступление, определенное в статье 19 части 1, является особенно серьезным нарушением международного обязательства, важного для сохранения основных интересов международного сообщества, будет нормальным и логичным, что оно будет включать все последствия деликтов, а также дополнительные и усугубленные последствия. Вариант, заключенный в скобки "в дополнение", рассматривается поэтому как более предпочтительный, чем фраза "не умаляя".

[132] См. сноску 118, выше.

b. Проект статьи 16

283. Несколько членов Комиссии отметили, что Специальный докладчик проанализировал материальные последствия международного преступления, рассмотрев материальные последствия деликта, в частности прекращение, реституцию, компенсацию, сатисфакцию и гарантии неповторения, и внеся необходимые поправки, отражающие усугубленную ответственность, в тексты, уже принятые в первом чтении в отношении деликтов[133].

284. Выводы Специального докладчика и его предлагаемые изменения получили определенную поддержку. Они, однако, дали повод и для оговорок. Комиссии было предложено учитывать, что цель проекта статей состоит не в том, чтобы наказать, а компенсировать причиненный ущерб и при рассмотрении вопросов основополагающей важности для отношений между государствами, в отношении которых нет четких указаний в договорах, в общей практике, признанной в качестве права, или в авторитетных судебных или арбитражных решениях, помнить что имеются основные принципы современного международного права, касающиеся статуса, независимости и целостности всех государств, изложенные в статье 2 Устава Организации Объединенных Наций, которые должны остаться правовыми параметрами для работы Комиссии. Поэтому было сочтено необходимым исключить любое слишком чрезмерное положение, которое наносило бы ущерб нормам и принципам международного права, касающимся защиты суверенитета, независимости и стабильности государства, совершившего противоправное деяние.

285. Было высказано также мнение о том, что, хотя с предлагаемыми Специальным докладчиком поправками можно было бы согласиться, если будет решено сохранить категорию "преступления", они не оправдывают существования такой категории, а также что творческий подход к чтению подпункта *c* пункта 2 статьи 10 о сатисфакции[134] (учитывая, что статья 13[135] о соразмерности будет действовать как ограничение) подводит к мысли о том, что ослабление принуждения, предусмотренного в пункте 3 статьи 10, путем включения в нее фразы "с учетом тяжести и широты последствий противоправного деяния", и идея показательного ущерба имеют большие возможности, нежели предложенные препятствия.

286. В том что касается прекращения, то ряд членов Комиссии, высказавших замечания в отношении текста, предложенного Специальным докладчиком, согласились с ним в том, что следует внести изменение или отягчение вины в статью 6[136]. Один из них предложил, чтобы в случае преступления потерпевшее государство имело возможность просить принятия срочных мер или под-

[133] Статья 19 части 1 (см. сноску 39, выше).

[134] См. сноску 94, выше.

[135] См. сноску 95, выше.

[136] См. сноску 94, выше.

держки со стороны соответствующего международного учреждения либо глобального, либо регионального.

287. В том что касается реституции в натуре, то были высказаны сомнения в отношении ее уместности в контексте преступлений: требование к Южной Африке о прекращении расовой дискриминации, упоминаемое в качестве примера Специального докладчика, рассматривалось как требование о будущей мере, а не о реституции. Концепция полной реституции была также подвергнута сомнению с учетом печального опыта Версальского договора, который, как было указано, стал одной из причин второй мировой войны. Было предложено предусмотреть, что реституция в натуре должна быть материально возможной и морально терпимой.

288. Широко обсуждался предлагаемый отказ от смягчающих факторов, предусмотренных в случае деликтов статьей 7[137]. Замечания сконцентрировались на сохранении независимости государства, жизненно важных потребностей его народа и его территориальной целостности.

289. В том что касается первого пункта, то было сочтено нормальным и разумным избежать того, чтобы последствия преступления ставили под угрозу существование государства, совершившего противоправное деяние. Тем не менее было высказано мнение о том, что в реальности вопрос не возникает, поскольку трудно усмотреть, как реституция в натуре, а именно восстановление прежнего состояния, может лишить государство его статуса независимого члена международного сообщества или, впрочем, части его территории. С другой стороны, мнения, высказанные Специальным докладчиком по вопросу о политической независимости в противоположность политическому режиму, вызвали оговорки. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что различие между политической независимостью и свободой организации приводит в отсутствие достаточно разработанного режима международной ответственности к весьма субъективным суждениям. Это различие также вызвало оговорки по причине того, что любое ограничение свободы выбирать такой политический режим неизбежно посягает на политическую независимость. Было предложено сделать больший акцент на руководителях, нежели на режиме.

290. Ограничение, касающееся жизненно важных потребностей народа, не вызвало возражений. В этом контексте была сделана ссылка на резолюции Совета Безопасности по Ираку, в соответствии с которыми от Ирака требуется платить Компенсационному фонду Организации Объединенных Наций[138] за ущерб от загрязнения нефтью лишь 30% от всей суммы его доходов от нефти. Некоторые члены Комиссии тем не менее поставили вопрос о том, можно ли навязывать серьезные экономические последствия государству, совершившему преступление, не поставив под угрозу жизненные интересы его населения. Было подчеркнуто, что на практике население, и особенно население развивающихся стран, может в большей степени ощутить последствия преступления, нежели отдельные лица и группы лиц, которые были у власти, и именно это является еще одной причиной для того, чтобы ужесточить санкции, предусмотренные будущим кодексом преступлений против мира и безопасности человечества. Поэтому было сочтено необходимым уточнить смысл и значение выражения "жизненно важные потребности народа", чтобы реституция в натуре не приводила к массовому нарушению основных политических, социальных и экономических прав населения, чему статья 13 о запрещенных контрмерах стремится помешать[139].

291. В том что касается сохранения территориальной целостности, то несколько членов Комиссии разделили сомнения, высказанные Специальным докладчиком: был поставлен вопрос о том, следует ли в полной мере исключать осуществление права на самоопределение для народа, ставшего жертвой, в том случае, когда государство совершает акт геноцида в отношении части своего населения, требующего осуществления права на самоопределение, а также когда международное сообщество принимает меры против государства, совершившего этот акт. Некоторые члены Комиссии, ссылаясь на этот случай, предостерегли от попытки отдать предпочтение принципу территориальной целостности в ущерб другим, также основным принципам. Другие считали, что Комиссии не следует ставить перед собой подобного рода вопросы: с одной стороны, подчеркивалось, что трудно представить себе, чтобы судебный орган мог лишить государство части его территории на том основании, что это оправдывается правом на самоопределение и, с другой стороны, что решение о таком лишении части территории может быть принято лишь Советом Безопасности или в соответствующем случае — Генеральной Ассамблеей для целей поддержания международного мира и безопасности и что Комиссии не следует заниматься вопросом осуществления органами Организации Объединенных Наций своих уставных полномочий.

292. Также в отношении реституции в натуре было отмечено, что пункт 2 статьи 16 не проводит различия между прямо или косвенно потерпевшими государствами. Для восполнения этого пробела было предложено включить в этот пункт слова "в соответствующих случаях" после слова "получать".

293. В отношении компенсации несколько членов Комиссии не согласились с мнением Специального докладчика о том, что статья 8[140] не нуждается в каких-либо изменениях. Так, было высказано мнение о том, что после крупных катастрофических событий, подобно второй

[137] Там же.

[138] Учрежден в соответствии с резолюцией 692 (1991) Совета Безопасности от 20 мая 1991 года.

[139] См. сноску 95, выше.

[140] См. сноску 94, выше.

мировой войне, в целом было невозможно обеспечить выплату полной компенсации за весь причиненный ущерб и что соответствующая статья должна быть составлена подобающим образом. Согласно другой тенденции, вопрос о "карательном" или усугубленном возмещении ущерба заслуживает, по крайней мере, тщательного изучения в случае преступления. В этом контексте было отмечено, что возмещение ущерба в качестве наказания было предоставлено в деле "I'm Alone"[141] и являлось предметом требований в ряде других дел[142].

294. Кроме того, подход Специального докладчика подвергся критике на том основании, что он не проводит различий между непосредственно потерпевшим государством и другими потерпевшими государствами. Было сочтено весьма сомнительным, что эти последние государства, которым, по определению, причинен лишь "юридический ущерб", имеют право получить в качестве компенсации какую-либо сумму денег.

295. В том что касается сатисфакции и гарантий неповторения, то разъяснения и предложения Специального докладчика рассматривались некоторыми членами Комиссии как логические и законные по букве и духу. Были, однако, высказаны оговорки в отношении отказа от ограничения в связи с достоинством государства, совершившего противоправное деяние. Было высказано мнение относительно того, что достоинство государства, совершившего противоправное деяние, может пострадать лишь в результате преследования в международном уголовном суде — весьма отдаленной возможности в нынешнем международном сообществе, и что любая мера в отсутствие преследования скорее ущемит достоинство невинных людей, нежели виновных сторон. Также высказывались сомнения относительно положения, в силу которого государство, совершившее международное преступление, не имеет права использовать какие-либо нормы и принципы международного права, касающиеся защиты его суверенитета и свободы. Было указано, что такое положение сводит на нет оговорку, изложенную в пункте 3 проекта статьи 16 относительно сохранения существования государства как независимого члена международного сообщества, и что лучше сделать таким образом, чтобы лица, виновные за совершение противоправного деяния, были должным образом наказаны и отстранены от власти. В этом контексте была подчеркнута необходимость установления желаемой координации, в том что касается мер, применяемых к ответственным лицам, между проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и проектом об ответственности государств. И в-третьих, высказывалась также мысль о том, что предложения Специального докладчика не могут рассматриваться в контексте двусторонних отношений между государствами, которыми главным образом ограничены его предлагаемые нормы.

296. Другие комментарии по статье 16 включали мнение о том, что, видимо, нет каких-либо оснований для того, чтобы обусловливать просьбу о прекращении предварительным решением Международного Суда в соответствии с пунктом 5 статьи 19 части 2[143].

c. Проект статьи 17

297. Лишь несколько членов Комиссии решили прокомментировать эту статью, причем одной из упомянутых причин являлся тот факт, что Комиссия пока еще не приняла все статьи об инструментальных последствиях деликтов.

298. Несколько членов напомнили о своих оговорках относительно допустимости рассмотрения контрмер в проекте статей об ответственности государств. Слишком часто высказывалась обеспокоенность тем, что такие меры узаконивают применение силы и принудительные меры, а не способствуют равенству и справедливости, которые важны для нового мирового порядка. Практика, в силу которой государство-заявитель приобретает статус судьи по своему собственному делу, можно рассматривать как весьма подозрительную, и поэтому подчеркивалась необходимость осторожного регулирования мер принуждения в интересах суверенного равенства, территориальной целостности, политической независимости и регулирования международных отношений на основе международного права, справедливости и правосудия. Однако было высказано мнение о том, что, хотя формулировки, разработанные для деликтов в статьях 11-14[144], являются слишком открытыми, гибкими и необязательными, они весьма неплохо адаптированы к случаям преступлений.

299. В том что касается пункта 2, то возражения возникли в связи с концепцией "временных мер". В частности, было подчеркнуто, что трудности, присущие этой концепции, которая была взята из статьи 41 Статута МС, уже рассматривались, и что упомянутая концепция была дважды отклонена Редакционным комитетом в контексте деликтов.

300. В том что касается пункта 3, то были расценены как неубедительные аргументы, на которые сослался Специальный докладчик в поддержку исключения в случае "преступлений" положения "его последствий для потерпевшего государства", которое содержалось в статье 13. Было подчеркнуто, что имеются прецеденты, которые говорят в пользу сохранения этого положения в случае деликтов, такие, как дело *Air Service Agreement of*

---

[141] Решения от 30 июня 1933 года и 5 января 1935 года (Canada *v.* United States of America) (UNRIAA, vol. III (Sales No. 1949. V.2), pp. 1609 *et seq.*, in particular, p. 1611).

[142] См., например, заявление Соединенных Штатов по делу *Aerial Incident of 3 July 1988* (*Islamic Republic of Iran* v. *United States of America*) (*Order of 13 December 1989, I.C.J. Reports 1989*, p. 132) и памятную записку Никарагуа на заключительной стадии по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (*Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, p. 14).

[143] См. сноску 117, выше.

[144] См. сноски 95 и 96, выше.

27 March 1946 between the United States of America and France[145], и что отсутствие прецедента в отношении "преступлений" — новой сформулированной концепции - само по себе свидетельствует об утрате интереса со стороны государств.

d. Проект статьи 18

301. Общие замечания по этому проекту статьи включали замечание о том, что некоторые ее положения не проводят различия между правами государства, индивидуальные права которого были нарушены, и правами других государств, а также и мнение о том, что некоторые формулировки относились скорее к регулированию поддержания международного мира и безопасности, нежели к праву об ответственности государств.

302. В том что касается пункта 1, было указано, что требование о предварительном решении Международного Суда для вступления в силу обязательств негативно скажется на эффективности и быстроте ответной реакции. Был также поставлен вопрос о том, почему обязательство в подпункте *a* должно обусловливаться решением Международного Суда — замечание, которое было сделано также в отношении подпункта *b*. Также в отношении подпункта *a* было высказано мнение о том, что, по-видимому, нет никаких оснований ограничивать недействительность и непризнание рамками международных преступлений: недействительность, по-видимому, применяется и к случаям, в которых международно-противоправное деяние принимает форму законодательства, даже если не имеется утверждения об уголовном поведении, и международная практика изобилует примерами случаев, в которых ставился вопрос о непризнании, даже если не было решения о том, что данная линия поведения, хотя и незаконная, является преступной. Это мнение рассматривалось также как применимое к подпункту *b* и, возможно, к подпункту *c*. Со ссылкой на подпункт *c* был поставлен вопрос о том, будут ли все государства обязаны сотрудничать в принятии контрмер, решение о которых принималось любым одним государством, если, разумеется, это не запрещенные контрмеры, даже если они считают контрмеру неадекватной и чрезмерной. Этот вопрос не является чисто научным, поскольку все потерпевшие государства имеют право предъявить государству, совершившему международно-противоправное деяние, весьма обременительные требования о разоружении, демилитаризации, ликвидации военной промышленности, ликвидации оружия, согласии принять группы наблюдателей, принятии законов, предоставляющих адекватную защиту меньшинствам, и создании формы правления, совместимой с основными свободами, гражданскими и политическими правами и самоопределением. В том что касается подпункта *e*, то ссылка на обязательство о полном осуществлении принципа dedere aut judicare рассматривалась как неуместная. Было также предложено заменить последнюю часть, начиная со слова "лиц", словами "лиц, преступления которых вызывают международную ответственность государства". Подпункт *f* был сочтен в качестве ненужного дублирования тех положений уставных актов международных организаций, которые предоставляют полномочия принимать решения конкретным органам организации. В то же время этот подпункт стал объектом критики в связи с тем, что он якобы идет слишком далеко, возлагая на государства обязательство выполнять "рекомендации" международных организаций и пожелания любой конкретной политической группы.

303. В отношении пункта 2 было высказано мнение о том, что просьбы об операциях по установлению фактов или о посылке миссий наблюдателей не должны оставляться на усмотрение отдельных государств, а исходить от международного сообщества.

e. Проект статьи 19

i. Общие замечания об институциональной схеме, предложенной Специальным докладчиком

304. Ряд членов Комиссии считали, что институциональная схема Специального докладчика, состоящая из двухэтапной процедуры, по которой Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности сделает предварительную политическую оценку, а МС принимает решение о наличии/приписывании международного преступления, обладает многими положительными особенностями. Признавая, что предлагаемая система представляет собой относительно смелый шаг, эти члены Комиссии считали, что она вполне логично могла бы быть предложена государствам в перспективе прогрессивного развития международного права и что Комиссия утратила бы к себе уважение, если бы, посвятив более четверти века разработке проектов об ответственности государств, она не включила бы в него институциональный механизм предлагаемого вида. Согласно одному мнению, этот механизм на деле был достаточно скромным, поскольку он предназначен для применения лишь к одним преступлениям, что уже представляет собой важную уступку столь свято чтимому суверенитету государств. Было подчеркнуто, что Комиссия не должна излишне думать о реализме, если она не хочет стать пособником тех государств, которые отказываются признать полномочия компетентных международных органов не только, чтобы избежать ответственности за последствия своих деяний, но и также чтобы сохранить в полной мере свою свободу действий. Эти члены Комиссии считали, что вмешательство сначала политического, а затем судебного органа предлагает весьма солидную гарантию от произвола. В этом контексте было высказано мнение о том, что идея об обязательном участии третьей стороны нашла свое выражение в ряде документов и поэтому не является революционной. Также в поддержку схемы Специального докладчика было отмечено, что, хотя предварительные условия о выражении "озабоченности" Генеральной Ассамблеей или Советом Безопасности и установление "вины" судеб-

[145] UNRIAA, vol. XVIII (Sales No. E/F.80.V.7), p. 417.

ным органом действует в отношении санкций, которые все государства могут затем принять в силу своих собственных властных полномочий, это не затрагивает полномочия Совета Безопасности, действующего на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций. В этом же духе схема Специального докладчика была сочтена как убедительная и разумная в той степени, в какой она a) не выходит за существующие институциональные рамки; b) в максимальной степени использует возможности, предлагаемые системой Организации Объединенных Наций; c) уважает компетенцию органов, которые имеют полномочия вмешиваться; и d) учитывает необходимость обеспечить быструю реакцию на преступление тем, что она i) дает государствам возможность прибегнуть к таким срочным временным мерам, которые требуются для защиты прав потерпевшего государства или для ограничения ущерба, причиненного международным преступлением (проект статьи 17, пункт 2); ii) предусматривает обязательство государств участвовать в осуществлении мер, принимаемых международной организацией, и содействовать осуществлению мер, направленных на исправление любых чрезвычайных ситуаций (проект статьи 18); и iii) не препятствует реализации потерпевшими государствами юридических последствий, вытекающих из деликтов. Данные члены Комиссии, признавая, что предлагаемая схема не лишена недостатков, и выражая готовность рассматривать альтернативные подходы, предупредили, что Комиссия не должна на этом этапе ожидать нечто большего, нежели пока еще не совершенного решения, что отражает силу и слабость нынешнего международного сообщества.

305. Другие члены Комиссии обратили внимание на весьма серьезные, по их мнению, недостатки схемы, предложенной Специальным докладчиком. Во-первых, критика касалась громоздкости системы, которая может парализовать реакцию на "отвратительный незаконный акт" и в значительной степени лишить содержания проекты статей 16-18, которые обусловливают реакцию на преступления гораздо большими условиями, нежели реакцию на деликты. Во-вторых, критика касалась положения о том, что государства согласятся с обязательной юрисдикцией МС в отношении преступлений в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута МС. Было указано, что такое предположение является особо нереалистичным в отношении столь широких по сфере действия статей и что на данной стадии развития международного сообщества предлагаемая система является не чем иным, как факультативной. В-третьих, критика касалась степени, в какой предлагаемые процедуры являются совместимыми с Уставом Организации Объединенных Наций. Более подробное мнение по этому моменту отражено ниже в пункте 307. В-четвертых, критика касалась практических последствий рассматриваемой схемы: был поставлен вопрос о том, каков должен быть стимул у потерпевшего государства, для того чтобы задействовать громоздкую процедуру, которая не заканчивается решением по существу или разрешением проблемы преступления, и не будет ли противоречить принципу *ex turpi causa non oritur actio*, если позволить государству, совершившему противоправное деяние, ссылаться на эту процедуру, откладывая таким образом возможность прибегнуть к контрмерам против него. В-пятых, критика касалась необходимости разработки новой сложной и запутанной системы для регулирования так называемых "преступлений", если можно установить, что противоправные деяния, характеризуемые в качестве наиболее серьезных нарушений, представляют угрозу миру и могут как таковые регулироваться уже действующим механизмом.

ii. Роль Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и МС по предлагаемой схеме

Роль Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности

306. В то время как было выражено мнение о том, что вполне можно возложить на Генеральную Ассамблею или Совет Безопасности задачи, которые, не будучи четко предусмотренными Уставом Организации Объединенных Наций, тем не менее соответствуют их общей миссии, серьезные сомнения были высказаны в отношении предполагаемого участия этих двух органов в осуществлении специальных правовых последствий, вытекающих из преступлений. Хотя была признана большая политическая ценность рекомендаций Ассамблеи, была поставлена под сомнение возможность включения их в институциональную процедуру. Было также отмечено, что имеется много случаев, когда Ассамблея хранила молчание по поводу вопиющих нарушений, главным образом по политическим причинам. Кроме того, был поставлен вопрос о том, могут ли действия Генеральной Ассамблеи привести к передаче в Суд дела, в котором государство, совершившее противоправное деяние, не является стороной будущей Конвенции. В том что касается Совета, то его функции также рассматривались как чисто политические. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что идея возложения на Совет или Ассамблею заботы определения того, заслуживает ли "преступление" внимания международного сообщества, по сути дела, означает вмешательство Совета или Ассамблеи в юридическую сферу, позволяющее им осуществлять de facto судебные функции, которые ipso facto возложены на международный судебный орган. Соответственно ставился вопрос о том, не порождает ли такая идея вопрос о совместимости с Уставом, и было подчеркнуто, что вопросы толкования или пересмотра Устава не входят в полномочия Комиссии. Была также высказана обеспокоенность по поводу системы, которая наделит Ассамблею или Совет полномочиями, не предусмотренными в Уставе, а именно полномочиями устанавливать обязательную юрисдикцию Суда в отношении преступлений: было отмечено, что подобных полномочий не было предоставлено органам Организации Объединенных Наций по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него или Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него, которые Специальный докладчик привел в поддержку своей предлагаемой схемы. И наконец, было высказано предостережение в отношении дублирования компетенции, которое рискует вызвать сдвиг от сферы возмещения к сфере санкций.

307. Упоминались следующие аспекты несовместимости схемы Специального докладчика и некоторых положений Устава Организации Объединенных Наций:

a) предлагаемая обвиняющим государствам возможность обратиться одновременно в Совет и Ассамблею не совместима со статьей 12 Устава и влечет за собой риск коллизии между этими двумя органами, которую статья 12 конкретно предназначена избежать, — коллизию, которую, несмотря на противоположное мнение Специального докладчика, нельзя решить с помощью Суда, учитывая дух принятого в Сан-Франциско решения не предусматривать какие-либо формы пересмотра мер, принимаемых политическими органами Организации Объединенных Наций;

b) по статьям 24 и 39 Устава роль Совета Безопасности должна ограничиваться установлением факта наличия любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии;

c) условия о большинстве, предусмотренные в пункте 2 проекта статьи 19, не соответствуют статьям 18 и 27 Устава: в том что касается Ассамблеи, то именно ей надлежит в соответствии со статьей 18 определять вопросы, по которым необходимо большинство в две третьих голосов. В том что касается Совета, то заключительное положение проекта статьи 19, которое гласит, что "при условии, что любые непосредственно заинтересованные члены воздерживаются от голосования", рассматривается как не совместимое с пунктом 3 статьи 27, учитывая, в частности, что Совет Безопасности будет зачастую действовать на основании статьи 39 главы VII Устава: в этой связи было высказано мнение о том, что решение, согласно которому на государство распространяется юрисдикция МС, обязательно подпадает под сферу действия главы VII, как и любое другое решение, относящееся к угрозе миру (вид положения, которое концепция "преступлений" намерена охватить с тем чтобы постоянные члены могли в соответствии со статьей 27 осуществить свое право вето; тогда возникает вопрос о том, может ли государство быть обязанным в отношении будущего решения не применять свое право вето? В этом контексте было сделано замечание о том, что требования к голосованию, предусмотренные в пункте 3 проекта статьи 19, либо созвучны Уставу, и в этом случае они не являются необходимыми, либо не совместимы с Уставом, и в этом случае они не могут быть приняты, учитывая статью 103 Устава. Было также высказано мнение, что, даже если вето постоянного члена может быть предотвращено на основании пункта 3 статьи 27, союзники этого государства из числа постоянных членов могут действовать вместо него.

Роль Международного Суда

308. Некоторые члены Комиссии приветствовали ту роль, которая отводится по схеме Специального докладчика Суду. Признавая, что этап судебного разбирательства, несомненно, займет некоторое время, они предложили различные средства ускорения хода разбирательства: увеличение числа судей, создание специальной камеры, внесение изменений в процедуру и т.д. Также была упомянута возможность прибегнуть к помощи существующих международных судебных органов либо на региональном уровне (например, в сфере прав человека), либо в рамках конкретных режимов (например, в области морского права).

309. Другие члены Комиссии придерживались мнения, что схема Специального докладчика делает слишком большую ставку на Суд. Было высказано мнение о том, что в среднем Суду необходимо четыре года для вынесения решения по какому-либо конкретному делу и что, поскольку не меньшее внимание и не меньшее время потребуется для таких серьезных вопросов, как утверждение о совершении государством преступления, вряд ли процедурные изменения, упомянутые выше, могут оказать какое-либо воздействие на продолжительность судебного разбирательства, уже не говоря о том факте, что некоторые из этих изменений могут потребовать внесения поправки в Статут. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что вряд ли следует ожидать от государств, что они будут откладывать на годы свою реакцию на совершенное преступление. Возможное увеличение объема работы Суда в связи с предлагаемой схемой рассматривалось как фактор, осложняющий эту проблему.

310. Другие замечания относительно роли Международного Суда, предусмотренной по предлагаемой схеме, включали мнение о том, что Суд не располагает адекватными возможностями для проведения независимой миссии по установлению фактов — серьезный недостаток в проведении разбирательства, в котором обвиняемое государство, возможно, не захочет участвовать — и то, что для установления факта наличия/приписывания преступления, консультативная процедура, при условии, что она завершается обязательным для выполнения мнением на основе прецедентов пункта 2 статьи 37 Устава МОТ и статьи VIII раздела 30 Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций, возможно, является более предпочтительной, нежели спорное разбирательство, которое является весьма сложным, требует много времени и может нанести ущерб авторитету Суда, если оно блокируется отсутствием окончательного решения по делу.

311. В том что касается возбуждения разбирательства в Суде в соответствии с пунктом 2 проекта статьи 19, был поставлен вопрос о том, должно ли проводиться различие между непосредственно потерпевшими государствами и другими государствами. В этом контексте было указано, что Международный Суд не пожелал принять actio popularis. В своем решении по делам *South West Africa (Ethiopia* v. *South Africa; Liberia* v. *South Africa)* Суд постановил что

довод сводится к заявлению о том, что Суд должен допустить эквивалент actio popularis или право жителя любого члена сообщества принять меры правового характера в защиту общественного интереса. Но хотя право подобного рода, возможно, известно в некоторых внутригосударственных правовых системах, оно не известно международному праву в том виде, в каком оно сформулировано в на-

стоящее время: более того, Суд не может рассматривать его как привнесенное "общими принципами права", упоминаемыми в подпункте *c* пункта 1 статьи 38 его Статута[146].

Высказывалась обеспокоенность в связи с тем, что положение, при котором возбуждение судебного разбирательства ставится в зависимость, как это предлагается Специальным докладчиком, от желания государства-истца, берущего на себя бремя расследования, является весьма рискованным процессом и что, более того, государство-истец, которое по определению является весьма предвзятым, не может быть справедливым обвинителем.

iii. Альтернативные подходы

312. Было предложено, чтобы политический орган, отмечающий первоначальную обеспокоенность, назначал в качестве замены Международного Суда независимую комиссию юристов по типу комиссий, которые можно найти в практике Лиги Наций, а также обвинителя: поскольку комиссия будет вспомогательным органом Организации Объединенных Наций, здесь не возникнет проблема обязательной юрисдикции; поскольку она будет создана на постоянной основе, она сможет действовать быстро, и поскольку на ее стороне будет обвинитель, она будет иметь возможности для установления фактов и сможет проводить свое разбирательство беспристрастно, профессионально и эффективно. Это предложение было поддержано некоторыми членами Комиссии, но вызывало оговорки со стороны других членов. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что нельзя воспринимать судебный орган, назначаемый непосредственно каким-либо политическим органом для каждого случая в отдельности, как способствующий должному процессу, поэтому политические возражения против привлечения Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности не будут преодолены. В качестве фактора, который необходимо учитывать, упоминалось увеличение числа процедур разрешения споров. Также было высказано мнение о том, что можно принять во внимание проблемы обязательной юрисдикции Суда и процесса установления фактов, если политические органы наделят Суд соответствующими полномочиями.

313. Учитывая оговорки, высказанные в отношении предложенной им схемы, Специальный докладчик предложил следующий вариант: Ассамблея или Совет назначают специального прокурора, который был бы наделен функцией расследования и ускорил бы процедуру; председатель Международного Суда мог бы назначить специальную камеру из пяти судей, которым было бы поручено разбирательство дел, после того, как Суд получил его на основании решения политического органа. По мнению Специального докладчика, такой вариант должен был бы устранить обеспокоенность тех, кто опасается чрезмерной затянутости, особенно если они будут учитывать имеющуюся у потерпевших государств возможность прибегнуть в силу пункта 2 статьи 17 к срочным мерам и возможность осуществить, не дожидаясь реализации условия, предусмотренного статьей 19, юридические последствия, предусмотренные для деликтов статьями 6-14[147].

314. Был предложен ряд других вариантов. Согласно одному из вариантов Генеральная Ассамблея, действующая по просьбе какого-либо государства или proprio motu, установит факт совершения преступления и примет соответствующую резолюцию, которая, хотя и оставаясь чисто рекомендательной по характеру, узаконит дальнейшие действия государств; Совет Безопасности мог бы, разумеется, принять срочные меры в соответствии с главами VI и VII Устава Организации Объединенных Наций и заинтересованные государства имели бы возможность просить Ассамблею затребовать от Суда консультативного заключения, которое, как это уже было в споре между организациями, было бы юридически обязательным. Согласно другому предложению следует оставить все случаи, в которых решается вопрос о поддержании международного мира и безопасности на усмотрение Совета, а для других ситуаций предусмотреть более простую систему, в рамках которой любое государство, намеревающееся принять меры в отношении предполагаемого правонарушителя, должно уведомить о своем намерении государств-участников будущей конвенции, которая могла бы обязывать соответствующие государства отказаться от своих планов, после чего указанное государство могло бы вынести вопрос на рассмотрение Международного Суда. Другие предложения стремились a) заменить судебное урегулирование арбитражем; b) наделить юрисдикцией по вопросам ответственности государств международный уголовный суд, в котором разбирательство проходило бы быстро; или c) учредить новый суд, в который потерпевшие государства могли бы иметь доступ для целей установления факта совершения каким-либо государством международного преступления.

315. Согласно иному подходу предлагаемый Специальным докладчиком механизм должен был бы использоваться в упрощенной и облегченной форме a posteriori, для того чтобы узаконить или осудить реакцию на преступление, при этом государства имели бы право реализовать, не дожидаясь предварительного установления факта наличия преступления, последствия, вытекающие из любого деликта, и собственно последствия преступления. Итак, проект статьи 19 был бы отложен в сторону и в часть 3 было бы включено соответствующее положение об урегулировании споров[148]; возражения, объясняемые медлительностью судебной процедуры, частично утратили бы свою силу и система предварительного политического фильтрования утратила бы основание для своего

[146] *Second Phase, Judgment, I.C.J Reports, 1966*, p. 47.

[147] См. сноски 94, 95 и 96, выше.

[148] Оно могло бы гласить:

"Любая сторона спора, касающегося применения или толкования статей 16-18 части 2, может, подав заявление, передать спор на решение Международного Суда, если только стороны не решат по взаимному согласию передать спор на арбитраж".

существования. "Мировой обвинитель", предусмотренный в рамках аргументов, описанных выше в пункте 312, мог бы в рамках этой процедуры a posteriori стать вспомогательным инструментом Суда. Автор предложения уточнил, что эта ситуация была бы аналогичной той, которая предусмотрена в статье 66 Венской конвенции о праве международных договоров в том смысле, что любое государство-участник могло бы обратиться в Суд, при этом положение запрашивающего государства было бы занято либо государством, отреагировавшим на преступление, либо государством, возражающим против такой реакции, а положение государства-ответчика другим или другими государствами, которых, естественно, могло бы быть весьма много, хотя в случае массовой реакции международного сообщества маловероятно, что государство-ответчик осмелилось бы передать дело в Международный Суд.

316. Такой подход рассматривался некоторыми членами Комиссии как открывающий весьма интересные перспективы. Однако другие члены Комиссии высказывали обеспокоенность в связи с тем, что это даст государствам слишком много свободы, позволив им взять правосудие в свои руки в чрезвычайно щекотливом вопросе, и может привести к анархии в международном плане. Подчеркивалось также, что в случае вмешательства судьи a posteriori именно государство, обвиняемое в качестве преступного, и, возможно, ошибочно, будет страдать от медлительности процедуры.

317. Как указано выше в пункте 305 in fine, высказывалось также мнение о том, что конструкция, предлагаемая в проекте статьи 19, будет бесполезной, если, как это может произойти с учетом опыта Совета Безопасности, деяния, которые международное сообщество может вполне закономерно рассматривать в качестве преступлений государств, чаще всего представляют собой угрозу международному миру и безопасности. Было добавлено также, что возможные отдельные случаи можно рассматривать в качестве нарушений обязательств erga omnes путем углубления понятий прямо или косвенно потерпевших государств.

iv. Другие замечания по проекту статьи 19

318. В том что касается пункта 4, был поставлен вопрос о том, почему возможность присоединиться к разбирательству Суда открыта лишь для государств - членов Организации Объединенных Наций. Кроме того, был поставлен под сомнение тот факт, что этот пункт может открыть другие возможности для вмешательства, нежели те, которые предусмотрены статьями 62 и 63 Статута МС, и было предложено внимательно изучить характер юрисдикционной связи, порождаемый действиями Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, с тем чтобы определить, решает ли такая связь все вопросы locus standi.

319. Пункт 5 был сочтен неудовлетворительным, поскольку, хотя в нем и затрагивается учреждение международного сообщества, он предусматривает лишь двустороннюю процедуру.

iv) *Проект статьи, предложенный Специальным докладчиком для включения в часть 3*[149]

320. Несколько членов Комиссии, которые комментировали этот проект статьи (предложенный Специальным докладчиком в качестве статьи 7), отметили, что положение, предусматривающее для случая преступлений обязательное урегулирование споров с участием третьей стороны, может создать трудности в связи с требованием о предварительном решении политического органа и последующем вмешательстве судебного органа, предусмотренным в проекте статьи 19. Поэтому они одобрили дух проекта статьи 7. Тем не менее было предложено сформулировать это положение по примеру статьи 66 Венской конвенции о праве международных договоров.

d) *Варианты действий, имеющиеся у Комиссии*

321. В том что касается седьмого доклада, то ряд членов высказывались за передачу Редакционному комитету проектов статей, предложенных в нем Специальным докладчиком для включения в часть 2 проектов статей. В этом контексте было высказано мнение о том, что если проект статьи 19 части 2 окажется слишком противоречивым, то его следует отложить в сторону, а проект статьи 7 части 3 подкрепить, и что после рассмотрения проектов статей 15-19 Редакционный комитет мог бы вновь рассмотреть статьи 11-13 и, возможно, статьи 6-10, чтобы обеспечить желаемую согласованность всех положений о последствиях международно-противоправных деяний. В поддержку передачи Редакционному комитету предложений Специального докладчика было подчеркнуто, что 20 лет тому назад Комиссия приняла часть 1 проекта, включая статью 19, предприняв шаг, который, по словам одного из членов Комиссии, по-прежнему являет собой отважный акт в процессе прогрессивного развития, и что наступило время оценить последствия этого решения. Трудности, с которыми встретились сторонники концепции преступлений, не являются основанием для того, чтобы отказаться от нынешних действий, особенно в связи с тем, что исключение статьи 19 не решит проблемы дифференциации обычных деликтов и серьезных нару-

[149] Предлагаемый проект статьи гласил:

"1. Любой спор, который может возникнуть между государствами относительно правовых последствий преступления, о котором говорится в статьях 6-19 части 2, подлежит урегулированию по предложению любой стороны путем арбитража.

2. В случае, если спор не передается в арбитражный суд в течение четырех месяцев с даты представления предложения любой стороны, этот спор передается в одностороннем порядке любой стороной в Международный Суд.

3. Компетенция Суда на основании настоящих статей распространяется на любые вопросы факта или права, кроме вопроса о наличии и приписывании, который решается заранее на основании статьи 19 части 2".

шений международных обязательств. Упор также делался на необходимости содействовать прогрессивному развитию международного права. В этой связи было высказано сожаление о том, что обсуждение столь серьезного вопроса об ответственности государств, проходящее в момент празднования Организацией своего пятидесятилетия, привело к жарким спорам, которые наводят на мысль о том, что соблюдение норм международного права в наши дни представляет собой менее важную задачу, нежели это было по окончании второй мировой войны. Было также подчеркнуто, что разработка Редакционным комитетом на нынешней или на следующей сессии статей, основанных на предложениях Специального докладчика, ни в коей мере не помешает Комиссии достичь поставленную ею цель, а именно завершить первое чтение проекта об ответственности государств на ее сорок восьмой сессии в 1996 году. Некоторые члены Комиссии, благоприятно относящиеся к передаче проектов статей в Редакционный комитет, подчеркнули, что Комиссия должна оставить правительствам достаточную свободу действий и с этой целью могла бы представить им не одно предложение, а ряд вариантов или отдельных предложений.

322. Другие члены Комиссии полагали, что текущая работа строится на весьма расплывчатых понятиях, которые являются источником споров, и предложили Комиссии, прежде чем продвигаться далее в работе, удостовериться в том, что эти понятия одобрены международным сообществом. Было подчеркнуто, что прогрессивное развитие права не требует революционных решений; напротив, для него требуется четкое понимание реального положения вещей. Было высказано также мнение о том, что вопросы, которые Специальный докладчик попытался решить, могут рассматриваться и рассматриваются в контексте угрозы миру и безопасности и поэтому нет никакого императива, связанного с мировым порядком, который требовал бы изучения проблем, возникших в связи с трудным и противоречивым вопросом о преступлениях. Была высказана обеспокоенность в связи с тем, что планируемый демарш, предусматривающий сделать из режима международной ответственности режим, который был бы копией и дополнением режима, предусматриваемого Уставом Организации Объединенных Наций, представляется слишком амбициозным, чтобы получить одобрение государств, и мог бы иметь шансы на успех лишь в условиях большей политической и экономической интеграции, в мире, где участников уважали бы не за силу принуждения, а силу убеждения и где национальные интересы были бы тесно увязаны с общими интересами. С учетом вышесказанного эти члены Комиссии высказали опасение, что продолжение работы над вопросом о преступлениях может затянуть завершение первого чтения проекта и поддержали выдвинутую в Шестом комитете на последней сессии Генеральной Ассамблеи идею о переносе рассмотрения вопроса о правовых последствиях преступлений на стадию второго чтения, когда можно будет одновременно рассматривать спорное понятие "преступления государства", содержащееся в статье 19 части 1, и его правовые последствия.

3. Краткое изложение Специальным докладчиком хода обсуждения

323. Ссылаясь на различия во мнениях о концепции преступления государства, Специальный докладчик предложил оставить на данном этапе в стороне проблему терминологии, подчеркнул, что его предложения никоим образом не предусматривают карательный элемент, и настаивал на проведении различия между преступлениями по смыслу статьи 19 части 1 проекта и преступлениями против мира и безопасности человечества, несмотря на тот факт, что наказание ответственных за преступление предусмотрено санкциями, которые могут быть применены в отношении государства, совершившего преступление.

324. В том что касается возможности негативной реакции государств на его предложения, Специальный докладчик подчеркнул, что Комиссия, которая составлена из независимых экспертов, не должна предвосхищать возможные возражения государств, а внести свой вклад в прогрессивное развитие международного права, по возможности сбалансировав желаемое и возможное. В данном случае она могла бы предложить несколько вариантов режима для преступлений государства.

325. Специальный докладчик считает, что достаточно широкое согласие (a fairly wide measure of agreement), по-видимому, сложилось в отношении его проектов статей 15-18, даже если различия во мнениях проявились в отношении вопроса о территориальной целостности (см. пункт 291, выше) и даже если было сочтено, что некоторые понятия (жизненно важные потребности народа, так называемое "exemplary" возмещение ущерба, компенсация в случае преступления) требуют более тщательного обсуждения.

326. Касаясь концепции потерпевшего государства, Специальный докладчик выделил три гипотезы. В первой из них преступление причиняет примерно один и тот же ущерб всем государствам (например, преступление, состоящее в серьезном нарушении озонового слоя). В этом случае все государства вправе требовать прекращения противоправного поведения, реституции в натуре и гарантий неповторения, причем единственное различие состоит в степени возмещения: эту гипотезу можно было бы охватить, сочетая проект статьи 15 и статью 8 части 2. По второй гипотезе преступление не затрагивает в материальном плане ни одно государство (например, преступление, выражающееся в нарушении каким-либо государством прав человека его граждан): в подобном случае все государства вправе требовать прекращения противоправного поведения, реституции в натуре в интересах потерпевших лиц, сатисфакции и гарантий неповторения, а также принять желаемые защитные меры, но не требовать возмещения. В этом случае также нет оснований предусматривать конкретный режим для преступлений. Согласно третьей гипотезе, преступление (например, преступление агрессии), затрагивая все международное сообщество, особо ущемляет интересы одного или нескольких конкретных государств: эти государства, по

всей видимости, имели бы право требовать больше, нежели другие потерпевшие государства, с точки зрения реституции в натуре, возмещения или даже сатисфакции и гарантий неповторения, учитывая высшую степень причиненного им материального или морального ущерба, но, по-видимому, нет необходимости в какой-либо особой адаптации особых или дополнительных последствий, предусмотренных в проектах статей 15-18. Подобные соображения должны действовать и в том случае, когда некоторые государства в большей степени, чем другие государства, затрагиваются массовым нарушением прав человека или нарушением права на самоопределение в силу их географического положения или близости отношений между их населением и населением, являющимся жертвой нарушения.

327. Говоря о контрмерах, пункт 2 проекта статьи 17, касающийся срочных мер защиты[150], естественно, не предназначен применяться одним и тем же образом ко всем потерпевшим государствам: хотя все эти государства имеют право немедленно прибегать к необходимым мерам, для того чтобы добиться прекращения и избежать невосполнимого ущерба, лишь те из них, которые затронуты в наибольшей степени, имеют право принять срочные меры защиты, например для защиты своей территориальной целостности или политической независимости, с должным учетом принципа соразмерности.

328. В том что касается подпунктов *c* и *g* пункта 1 статьи 18 (см. пункт 302, выше), которые предусматривают определенную степень сотрудничества и консультации между потерпевшими государствами, Специальный докладчик уточнил, что в их основу заложена необходимость достичь искомую цель, избегая при этом слишком очевидной институционализации, которая рискует уменьшить привлекательность его предложений.

329. В том что касается институционального механизма, Специальный докладчик отметил, что согласно доминирующей точке зрения решение о наличии и приписывании преступления должно относиться к сфере компетенции Международного Суда, но что этот подход тем не менее вызвал различные возражения, связанные, в частности, с отсутствием у государств готовности признать общую обязательную компетенцию Суда. В этом отношении Специальный докладчик вновь повторил мнения, изложенные в пункте 245 выше, и подчеркнул, что если верить Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, государства, возможно, в меньшей степени, чем это можно было бы предположить, противятся признанию обязательной компетенции Суда в таких конкретных областях, как область преступлений. Он счел интересной идею о создании специальной комиссии, которая играла бы роль прокурора или прокуратуры, но подчеркнул, что комитет юристов, назначенный на специальной основе политическим органом (см. пункт 312, выше), не обеспечивает гарантий объективности, постоянства и взаимодействия в толковании и применении права и, таким образом, может быть даже менее приемлемым для государств, нежели обращение в МС. Кроме того, он напомнил о предложении, отраженном выше в пункте 315, подчеркнув, однако, что весьма опасно полагаться на одностороннюю оценку государств и что если контроль осуществляется a posteriori, то именно обвиняемое государство — возможно обвиненное несправедливо — больше всего страдало бы от медлительности процедуры. Эту медлительность, недостатки которой не следует впрочем переоценивать, если учесть имеющуюся у государств возможность прибегать к срочным мерам защиты, предусмотренным в пункте 2 проекта статьи 17, и в любом случае использовать права, которые вытекают из совершения деликта, можно было бы избежать благодаря, например, созданию специальной палаты МС.

330. Говоря о совместимости предлагаемого режима с Уставом Организации Объединенных Наций, Специальный докладчик подчеркнул, что речь не идет о том, чтобы наделить Генеральную Ассамблею и Совет Безопасности полномочиями навязывать обязательную компетенцию Суда: эта компетенция вытекала бы из самой конвенции, а не из резолюции Ассамблеи или Совета, которая лишь подтверждала бы ранее существующую юрисдикционную связь, возникшую именно между государствами - участниками будущей конвенции благодаря арбитражной оговорке.

331. Касаясь условий принятия данной резолюции (см. пункт 307 (iii), выше), Специальный докладчик уточнил, что выполнение статей 18 и 27 Устава останется в сфере компетенции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности; и лишь в целях осуществления будущей конвенции и применения процедур, которые она предусматривает, будут действовать нормы, изложенные в пункте 3 проекта статьи 19. Таким образом, данный пункт органически не совместим с Уставом Организации Объединенных Наций, и Редакционный комитет мог бы в необходимом случае устранить всякую возможную двусмысленность.

332. Ссылаясь на аргумент, согласно которому по причине универсализации статуса потерпевшего государства будущая конвенция будет действовать для всего сообщества государств, а не только для государств-участников, Специальный докладчик заметил, что эта проблема возникает также и для нарушения любого другого обязательства erga omnes. Он добавил, что право всех государств прибегать к контрмерам относится к нормам общего международного права, которые будущая конвенция могла бы кодифицировать и уточнить. В том что касается опасений, что предлагаемое решение откроет

[150] См. сноску 109, выше.

путь для некоторых форм actio popularis (см. пункт 311, выше), Специальный докладчик считал, что требование о предварительном принятии резолюции политическим органом сохранит разумный контроль за осуществлением такой возможности. В любом случае негативное решение Международного Суда по делам *South West Africa (Ethiopia* v. *South Africa; Liberia* v. *South Africa)*[151] не должно, по его мнению, рассматриваться как удачный прецедент.

333. Касаясь критики в отношении несовпадения круга государств, которые станут участниками будущей конвенции, и совокупности государств, заседающих в Генеральной Ассамблее или Совете Безопасности (см. пункт 277, выше), Специальный докладчик признал, что эта критика является обоснованной, но что не следует ее переоценивать, если учесть, что a) любое обвиняемое государство вправе обратиться в одностороннем порядке в МС; b) "фильтрование", осуществляемое Ассамблеей, могло бы предотвратить злоупотребления; и c) возможные альтернативные решения имели бы еще больше недостатков. Кроме того, он обратил внимание на то, что аналогичные проблемы возникают для любой конвенции, являющейся результатом кодификации и развития международного права. Что касается предложения о принятии Ассамблеей отдельного документа (там же), то оно является нереальным, поскольку Ассамблея не имеет полномочий принимать нормы, имеющие обязательный характер.

334. В том что касается возражений в связи со статьей 12 Устава Организации Объединенных Наций (см. подпункт a) пункта 307, выше), Специальный докладчик напомнил, что Ассамблея весьма часто игнорировала или обходила эту статью и что многие ставят вопрос о целесообразности применения этой статьи. Он добавил, что в случае передачи вопроса одновременно в Ассамблею и Совет, статья 12, даже трактуемая буквально, просто запрещает Ассамблее высказываться по вопросу, но не мешает Совету принимать предварительное решение, предусмотренное пунктом 2 проекта статьи 19. Возможное бездействие обоих органов будет означать либо что вменяемое в вину деяние не признано международным сообществом, либо что это сообщество сочло уместным рассмотреть данный вопрос как относящийся к сфере поддержания международного мира и безопасности, а не к сфере ответственности государств.

335. Некоторые члены Комиссии утверждали, что, поскольку международные преступления чаще всего подразумевают угрозу миру, поддержание которого возложено на Совет Безопасности, Комиссия в данном вопросе должна использовать "отсылку" к системе коллективной безопасности; они считали, что их позиция подкрепляется нынешней тенденцией Совета расширять концепцию "угрозы миру", и приводили в качестве дополнительного аргумента статью 4 части 2[152]. Как признал Специальный докладчик, Комиссия не наделена полномочиями толковать Устав Организации Объединенных Наций, но она не сможет оказать свою техническую помощь Ассамблее в деле прогрессивного развития и кодификации международного права, если она будет закрывать глаза на любую проблему толкования Устава. По его мнению, вопросы, регулируемые в пунктах 1 и 2 статьи 19, относятся к мирному урегулированию споров, которые рассматриваются в главе VI Устава, и было бы неточным говорить, что если преступление может поставить под угрозу международный мир и безопасность (или касаться вопросов статьи 39), то оно входит в исключительную компетенцию Совета; определение нарушенных прав и обязательств, вменение в вину нарушения и определение последствий относятся к праву ответственности государств. По мнению Специального докладчика, создание режима международных преступлений и институционального механизма, имеющего целью его осуществить, не посягает на конституционные функции Совета, и его проект статьи 20[153] предлагает в этом отношении все гарантии. Специальный докладчик тем не менее утверждает, что, несмотря на проблематичную формулировку статьи 4 части 2, которая выделяет право ответственности и заменяет его дискреционными полномочиями Совета каждый раз, когда речь идет о поддержании мира, именно право ответственности может установить, является ли вменяемое в вину деяние международно-противоправным деянием, может ли это деяние квалифицироваться в качестве преступления, какие из этого вытекают последствия и к каким механизмам или процедурам следует обратиться, чтобы урегулировать спор, являющийся результатом реализации этих последствий. Специальный докладчик добавил, что, даже если статья 19 части 1 будет исключена и даже если концепция угрозы миру возьмет верх над концепцией преступления, тем не менее следует сохранить целостность и эффективность права ответственности государств, являющегося частью общего международного права, которое ни один орган Организации Объединенных Наций, и тем более Комиссия, не могут игнорировать или не учитывать.

336. Учитывая вышесказанное, Специальный докладчик рекомендовал передать проекты статей, содержащиеся в его седьмом докладе, Редакционному комитету вместе с другими предложениями, которые были сделаны в ходе обсуждения.

4. Решение Комиссии относительно проектов статей, предложенных в седьмом докладе Специального докладчика

337. Рекомендация Специального докладчика, отраженная выше в пункте 336, вызвала возражения со стороны тех членов Комиссии, которые считали статью 19 части 1 по сути устаревшей и считали нелогичным и приводящим к обратным результатам предоставлять Редакционному комитету мандат, основывающийся на принятии весьма противоречивой и порочной концепции "преступ-

[151] См. сноску 146, выше.

[152] См. сноску 125, выше.

[153] См. сноску 113, выше.

ления государства", которая не находит подтверждения в практике государств и нарушает принцип, согласно которому общество или народ не могут быть признаны виновными в совершении правонарушения. В этой связи было отмечено, что преступления совершают отдельные лица, а не государства. Была также высказана обеспокоенность в связи с тем, что схема Специального докладчика является нереалистичной, неоправданно сложной и трудной для осуществления и поднимает вопросы об Уставе Организации Объединенных Наций. Кроме того, было предложено, чтобы Комиссия отложила рассмотрение этого вопроса до проведения второго чтения, когда она будет иметь возможность рассмотреть совместно вопросы, возникающие в связи с этой концепцией преступления, и возможные в связи с этим последствия.

338. Однако противоположное мнение состояло в том, что возражения, упоминаемые выше в пункте 337, являются неубедительными в силу следующих причин: a) статья 19 части 1 была принята без возражений в первом чтении и передана вместе с остальными статьями части 1 для замечаний правительствам, некоторые из которых одобрили ее содержание; b) поэтому задача Комиссии и Редакционного комитета на данной стадии состоит в изучении последствий, если таковые имеются, понятия преступления государства и в представлении доклада Генеральной Ассамблее о результатах этого исследования; c) лишь на стадии второго чтения Комиссии следует в соответствии с хорошо сложившейся практикой рассмотреть статьи, принятые в первом чтении, включая статью 19 части 1, с учетом результатов работы, проведенной по вопросу о последствиях международно-противоправных деяний и на основе замечаний правительств; d) обращение к Редакционному комитету с просьбой рассмотреть предложения, основанные на необходимости исключения статьи 19 части 1 или на исключении концепции преступления равнозначно тому, чтобы дать Комитету карт-бланш, поскольку до сих пор на пленарном заседании не было никаких конкретных предложений в этом направлении; и e) для Редакционного комитета было бы невозможным искать решение проблемы, само существование которой непрерывно оспаривается возражениями против статьи 19 части 1.

339. На своем 2406-м заседании 28 июня 1995 года Комиссия постановила 18 голосами против 6 передать проекты статей, предложенные Специальным докладчиком в его седьмом докладе, в Редакционный комитет для рассмотрения с учетом различных сделанных предложений и мнений, высказанных по данному вопросу в Комиссии.

5. Решение Комиссии по проектам статей, касающимся контрмер

340. Как указано выше в пункте 235, Комиссия на своей сорок шестой сессии приняла в предварительном порядке статьи 13 и 14 части 2 проекта. Она также приняла в предварительном порядке статью 11 при том понимании, что текст статьи может быть пересмотрен с учетом окончательно принятого текста статьи 12. В том что касается статьи 12, Комиссия отложила принятие решения по этой статье[154].

341. В ожидании решения по статье 12 и представления соответствующих комментариев Комиссия постановила официально не представлять статьи по контрмерам Генеральной Ассамблее[155].

342. На текущей сессии на рассмотрении Комиссии находились проекты комментариев к статьям 11, 13 и 14. На своих 2424-м и 2425-м заседаниях 21 июля 1995 года она приняла комментарии к статьям 13 и 14. Однако из-за нехватки времени она не рассмотрела комментарий к статье 11.

343. Тексты статей 13 и 14 и комментариев к ним излагаются в разделе C ниже.

6. Рассмотрение Комиссией текстов, принятых Редакционным комитетом для включения в часть 3 проектов статей об ответственности государств

a) *История вопроса*

344. С первых дней своей работы по теме "Ответственность государств" Комиссия рассматривала возможность включения в проекты статей части 3, содержащей положения об осуществлении международной ответственности и урегулировании споров. На своей четырнадцатой сессии в 1962 году Комиссия постановила учредить Подкомитет по вопросу об ответственности государств для рассмотрения общих аспектов данной темы. Членам Подкомитета было предложено представить меморандумы по основным аспектам указанной темы. Два члена Комитета, а именно г-н Цуруока[156] и г-н Паредес[157], представили меморандумы, в которых они подчеркивали важность рассмотрения процедур урегулирования споров. Тем не менее в первоначальной, состоящей из двух частей программе работы по теме "Ответственность государств", предложенной Подкомитетом и одобренной Комиссией на ее пятнадцатой сессии в 1963 году, часть 3 не предусматривалась[158].

345. На своей двадцать первой сессии в 1969 году Комиссия приступила к основной части работы по теме

---

[154] См. *Ежегодник..., 1994 год*, том II (часть вторая), стр. 167, пункты 351 и 352.

[155] Там же, пункт 353.

[156] Г-н Цуруока представил рабочий документ, в котором он утверждал, что принципы, которые будут включены в конвенцию об ответственности государств, окажутся неэффективными и, возможно, останутся недействующими, если не будут предусмотрены гарантии их неукоснительного соблюдения (*Yearbook... 1963*, vol. II, pp. 247-250, документ A/5509, приложение I (документ A/CN.4/152, добавление II).

[157] Г-н Паредес представил меморандум, озаглавленный "Подход к вопросу об ответственности государств", в котором он изложил подробные предложения, касающиеся урегулирования споров (ibid., pp. 244-246).

[158] Ibid., стр. 227 *et seq.*, annex I, документ A/CN.4/152.

"Ответственность государств" с рассмотрения первого доклада[159] Специального докладчика по данной теме в то время г-на Аго. На этой сессии Комиссия пересмотрела свой план работы по теме "Ответственность государств" и постановила рассмотреть на более позднем этапе возможность перехода к третьей стадии работы, охватывающей определенные проблемы, касающиеся реализации международной ответственности государства, и вопросы, касающиеся урегулирования споров, которые могут возникать из-за какого-либо конкретного нарушения норм, относящихся к международной ответственности[160]. Предложенный Комиссией план, предусматривающий поэтапную работу над этой темой, включая возможность третьего этапа, касающегося разрешения споров, был единодушно одобрен в ходе рассмотрения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ежегодного доклада Комиссии[161]. На своих последующих сессиях Комиссия неизменно подтверждала свое намерение рассмотреть возможную часть 3 проектов статей.

346. На своей тридцать седьмой сессии в 1985 году Комиссия приступила к рассмотрению возможной части 3, касающейся разрешения споров, на основе шестого доклада[162] Специального докладчика по этой теме в то время г-на Рифагена. Хотя некоторые члены Комиссии призывали к осмотрительному подходу при разработке положений об урегулировании споров с учетом сдержанного отношения государств к принятию процедур урегулирования с участием третьей стороны, такие положения были расценены большинством в качестве необходимого условия для реализации первых двух частей проектов статей ввиду схожести споров, касающихся ответственности государств, а также возможной эскалации таких споров вследствие принятия контрмер[163].

347. На своей тридцать восьмой сессии в 1986 году Комиссии был представлен седьмой доклад[164] г-на Рифагена, который был в то время Специальным докладчиком по данной теме, содержавший проекты статей для части 3 и соответствующее приложение. Комиссия рассмотрела предложенные проекты статей на пленарном заседании и затем направила их в Редакционный комитет[165]. С момента передачи в Редакционный комитет предложенных проектов статей, включающих часть 3 и приложение, Комиссия исходила из того, что в проект статей об ответственности государств будут включены положения, касающиеся урегулирования споров[166].

348. На своей сорок пятой сессии в 1993 году Комиссия продолжила рассмотрение вопросов, касающихся осуществления ответственности государств и урегулирования споров на основе пятого доклада Специального докладчика по этой теме г-на Аранджо-Руиса[167]. Комиссия рассмотрела новые предложенные проекты статей, охватывающие часть 3 и Приложение, и направила их в Редакционный комитет[168], на рассмотрении которого находились также предложения предыдущего Специального докладчика по тому же вопросу.

b) *Рассмотрение на текущей сессии текстов, принятых Редакционным комитетом*

349. На 2417-м заседании Комиссии 14 июля 1995 года Председатель Редакционного комитета представил часть 3 проектов статей об ответственности государств, предложенных Редакционным комитетом.

350. Общий подход, отраженный в этих статьях, был в целом одобрен Комиссией.

351. Обсуждение сконцентрировалось на трех моментах, а именно: соотношение обязательств по урегулированию споров на основании будущей конвенции об ответственности государств и обязательств по урегулированию споров, вытекающих для государств-участников из ранее существовавших и последующих договоров; сфере действия схемы, рекомендуемой Редакционным комитетом; и статья 7, предложенная Редакционным комитетом.

i) *Соотношение обязательств по урегулированию споров на основании будущей конвенции об ответственности государств и обязательств по урегулированию споров, вытекающих для государств-участников из ранее существовавших и последующих договоров*

352. Специальный докладчик напомнил, что, следуя отчасти курсу своего предшественника г-на Рифагена, он предусмотрел различные обязательства по урегулированию споров в зависимости от того, будет ли выполнение таких обязательств в соответствии с будущей конвенцией об ответственности государств означать осуществление каких-либо действий до или после принятия контрмер. Первый набор обязательств, которые не будут вытекать из конвенции, предусматривается в проекте статьи 12, предложенном Специальным докладчиком в его четвертом докладе. Согласно этой статье, потерпевшее государство не может принимать какие-либо контрмеры до:

---

[159] *Ежегодник.., 1969 год,* том II, стр. 139, документ A/CN.4/217 и Add.1.

[160] Там же, стр. 258-259, документ A/7610/Rev. 1, пункты 80-82.

[161] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать четвертая сессия,* приложения, пункты 86 и 94 b) повестки дня, документ A/7746, пункты 86-89.

[162] См. сноску 91, выше.

[163] *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть вторая), стр. 30, пункты 159-161.

[164] См. сноску 91, выше.

[165] *Ежегодник.., 1986 год,* том II (часть вторая), стр. 43-44, пункты 41-46.

[166] *Ежегодник.., 1992 год,* том II (часть вторая), стр. 19, пункт 108.

[167] См. сноску 92, выше.

[168] *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть вторая), стр. 38, пункты 205-206.

a) исчерпания всех процедур миролюбивого урегулирования, предусмотренных в рамках общего международного права, Устава Организации Объединенных Наций или любого другого договора об урегулировании споров, стороной которого оно является; и

b) надлежащего и своевременного уведомления о своем намерении[169].

Вместе с тем такие условия не будут выдвигаться в случае необходимости принятия срочных мер защиты и при отказе государства-правонарушителя от добросовестного участия в выборе и осуществлении имеющихся процедур урегулирования. Таким образом, предусмотренный Специальным докладчиком проект статьи 12 не создает никаких новых обязательств по урегулированию споров. Он будет лишь базироваться на обязательствах по урегулированию споров, предусмотренных в иных источниках, помимо конвенции, и принятых до или после ее вступления в силу.

353. В отличие от этого часть 3, предложенная Специальным докладчиком в его пятом докладе[170], имела целью установление для государств-участников новых обязательств по урегулированию споров в отношении споров, возникающих после принятия контрмер. Предложенные процедуры включали процедуры примирения, арбитража или урегулирования в судебном порядке, к которым могла прибегнуть в одностороннем порядке любая из сторон с целью разрешения любого спора, возникшего после принятия контрмер и не урегулированного при помощи процедур, перечисленных в подпункте *a* пункта 1 статьи 12, или представленного в течение разумного срока для разрешения на основе обязательной процедуры урегулирования с участием третьей стороны. По мнению Специального докладчика, Редакционному комитету надлежит обеспечить совместное рассмотрение двух наборов предложений по урегулированию споров, содержащихся в статье 12 и в части 3, по причине их тесной взаимосвязи и возможного взаимовлияния.

354. Действительно, далее он отметил, что стороны будущей конвенции об ответственности государств могут быть связаны любыми видами обязательств по урегулированию споров, вытекающих либо из многосторонних договоров (таких, как Устав Организации Объединенных Наций или региональные соглашения), двусторонних договоров или арбитражных оговорок или односторонних заявлений о принятии факультативного пункта статьи 36 Статута Международного Суда. Как было справедливо отмечено в ходе текущей сессии некоторыми членами Комиссии, проблема сосуществования обязательств по урегулированию споров, которые будут предусмотрены в части 3, и любых других обязательств участвующих государств по урегулированию споров, независимо от того, были ли они приняты ими до или после присоединения к конвенции, по всей очевидности, все-таки возникает, несмотря на решения, изначально предложенные Специальным докладчиком в проекте подпункта *a* пункта 1 статьи 12. В этой связи Специальный докладчик расценил вдвойне прискорбным тот факт, что ввиду необходимости уделения первоочередного внимания другим темам на сорок пятой - сорок седьмой сессиях (1993-1995 гг.) Редакционный комитет не имел возможности одновременно разработать все положения об урегулировании споров таким образом, чтобы при этом учитывалось любое взаимовлияние обязательств по урегулированию споров, предусмотренных в будущей конвенции об ответственности государств, с одной стороны, и обязательств по урегулированию споров, вытекающих из какого-либо другого источника (включая другие кодифицированные конвенции), с другой стороны.

355. Некоторые члены Комиссии подчеркнули, что подход, предлагаемый Специальным докладчиком и отраженный в проекте статьи 12, предложенном в его четвертом докладе, встретил возражения на заседании Комиссии и был дважды отклонен Редакционным комитетом. В том случае было высказано мнение о том, что несправедливо ставить в благоприятное положение государство-нарушителя, требуя в качестве предварительного условия исчерпание всех процедур полюбовного урегулирования, имеющихся в соответствии с общим международным правом. Некоторые считали такой подход не совместимым с наиболее показательным прецедентом по этому вопросу, а именно делом *Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France*[171], и могущим наказать государства, согласившиеся с наибольшим числом средств урегулирования споров.

356. Во время обсуждения предложенного Специальным докладчиком проекта статьи 12, внимание было обращено на практические недостатки подхода, отраженного в подпункте *a* пункта 1 этого положения. В частности, было подчеркнуто, что процедуры урегулирования споров являются весьма затяжными и требуют много времени. Например, переговоры, которые, вероятнее всего, будут первой применимой процедурой, могут продолжаться шесть месяцев, а последующее обращение в Международный Суд может занять еще два года; реально нельзя ожидать от потерпевшего государства, что оно отложит принятие контрмер на два с половиной года. Внимание также было обращено на риск того, что государство-правонарушитель может прибегнуть к тактике затяжек и продолжать переговоры бесконечно.

357. Примененный Специальным докладчиком способ устранения вышеуказанных недостатков, а именно разрешение прибегать к временным мерам защиты, также вызвал оговорки, поскольку он может ослабить основополагающее правило, изложенное в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций. Был также поставлен вопрос о том, уместно ли исключать временные меры защиты из общего режима, особенно в связи с тем, что

---

[169] *Е[illegible]ник.., 1992*, том II (часть вторая), стр. 30, сноска 61.

[170] См. сноску 92, выше.

[171] См. сноску 145, выше.

контрмеры могут сами быть приравнены к мерам защиты с учетом их временного характера и их цели защитить какое-либо право и поскольку весьма трудно на практике различать эти два вида мер.

ii) *Сфера действия механизма, рекомендуемого Редакционным комитетом*

358. Согласно одному из мнений, предлагаемый механизм, хотя абстрактно его можно считать безупречным, на деле является слишком амбициозным, чтобы получить одобрение государств, и таким образом ставит под угрозу приемлемость всего проекта; он также идет вразрез с принципами свободного выбора средств, поскольку он предусматривает обязательное использование процедуры примирения, а в пункте 2 статьи 5[172] предусматривает обязательный арбитраж в случае применения контрмер. Было указано, что это последнее положение имеет целью сбалансировать статьи о контрмерах, но в конечном счете оно поощряет более мощные государства, в случае их спора с более слабыми государствами, прибегать к контрмерам и тем самым принуждать более слабые государства идти на арбитраж — средство урегулирования, которое в любом случае является дорогостоящим. Предлагаемая система была описана как особенно смелая и подлежащая применению практически ко всем международным спорам, поскольку любой спор в конечном счете может быть сведен к спору об ответственности. Кроме того, было указано, что было бы предпочтительнее не сопровождать проект частью 3, что соответствует обычной практике Комиссии, или представить его лишь на факультативной основе.

359. Большинство членов Комиссии считали, что такая критика является беспочвенной. Они считали, что Комиссия не выполнит свою задачу прогрессивного развития, если она не включит в проект механизм урегулирования споров, и что в любом случае речь идет не о подготовке законодательного проекта, а о разработке проекта конвенции, к которому государства будут вольны присоединяться или не присоединяться. В этом контексте было подчеркнуто, что многие договоры предусматривают обязательные средства урегулирования и что принцип свободного выбора средств этим ни в коей мере не ущемляется. Довод о том, что пункт 2 статьи 5 поощряет государства прибегать к контрмерам, с тем чтобы навязать арбитраж, является неубедительным, поскольку в соответствии с данным положением государство, которое является жертвой контрмер, может свободно принять решение о необходимости прибегать к арбитражу. В частности, было указано, что, вовсе не оказывая пагубного воздействия, пункт 2 статьи 5 является необходимым атрибутом реалистичного решения не запрещать контрмеры и предоставить более слабым государствам гарантию от произвольных действий.

360. Другие члены Комиссии с некоторой настороженностью поддержали подход, рекомендуемый Редакционным комитетом. Признавая, что данный подход может показаться правительствам далеко идущим по своим последствиям, они считали, что Комиссия могла бы на законном основании предложить его им, особенно на стадии первого чтения. Они отметили, что механизм, который принуждает стороны в споре идти на арбитраж, гарантирует равенство государств на всех стадиях спора. Они, тем не менее, считали необходимым вернуться на более поздней стадии к вопросу о связи между механизмом, рекомендуемым Редакционным комитетом, и механизмом, предусмотренным в других документах, и включить положения по этому вопросу в часть 3 проекта. Было указано, что эту проблему нельзя устранить при помощи lex specialis.

iii) *Статья 7, предложенная Редакционным комитетом*

361. Статья 7, в силу которой Международный суд компетентен в случае оспаривания действительности арбитражного решения, также подверглось критике, поскольку в отличии от Типовых правил арбитражной процедуры[173] в ней ничего не говорится об основаниях оспаривания действительности решения и соответственно оставляет арбитражные решения открытыми для обжалования в Суде, несмотря на хорошо сложившуюся практику в международном праве.

362. Критика была тогда сочтена беспочвенной, поскольку *вопрос стоял о действительности, а не о сути* арбитражного решения. Было указано, что статья 7 отвечает практическим потребностям, ибо на деле любая сторона может легко отказаться выполнять арбитражное решение, считая его неудовлетворительным, ошибочно сославшись в качестве основания на его недействительность. Было также заявлено, что основания для недействительности, упомянутые в Типовых правилах арбитражной процедуры, можно было бы перечислить в комментарии.

c) *Решение Комиссии*

363. На 2421-м заседании 18 июля 1995 года Комиссии Председатель Редакционного комитета сообщил об изменениях по форме текстов, рекомендуемых Комитетом, которые он намерен сделать с учетом результатов обсуждения. Он высказал предположение о том, что более существенные по характеру изменения и предложения, которые были сделаны и которые отражены в соответст-

[172] Текст статьи 5 см. раздел C, ниже.

[173] Приняты Комиссией на ее десятой сессии в 1958 году и представлены в том же году Генеральной Ассамблее. В своей резолюции 1262 (XIII) Генеральная Ассамблея представила проекты статей об арбитражной процедуре вниманию государств-членов для рассмотрения и использования в таких случаях и в такой степени, в какой они считают это уместным при составлении договоров об арбитраже или компромиссе. Текст Типовых правил арбитражной процедуры воспроизводится в *Yearbook... 1958*, vol. II, pp. 83-86, документ A/3859, пункт 22.

вующих кратких отчетах, должны быть учтены в комментариях или должным образом изучены на этапе второго чтения. Была достигнута договоренность о том, что проблема, обсуждаемая в конце пункта 360, выше, должна рассматриваться в установленном порядке.

364. 17 голосами против 1 при 2 воздержавшихся Комиссия приняла рекомендуемые Редакционным комитетом тексты в измененном варианте, предложенном Председателем Комитета. Текст принятых статей и комментариев к ним приводится ниже в разделе С.

C. Тексты статей 13 и 14 части 2 и статей 1-7 части 3 и приложения к ним с комментариями, принятые в предварительном порядке Комиссией на ее сорок седьмой сессии

ЧАСТЬ 2

СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ И СТЕПЕНИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья 13. Соразмерность

Любая контрмера, принимаемая потерпевшим государством, не должна быть несоразмерна степени тяжести международно-противоправного деяния и его последствий для потерпевшего государства.

Комментарий

1) Необходимость учета соразмерности в рамках правового режима контрмер широко признается теорией и практикой международного права. Понятие соразмерности уже более или менее четко присутствовало в научных трудах семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков[174]. Большинство авторов двадцатого столетия, хотя и не все из них[175], считают, что государство, прибегающее к контрмерам, должно придерживаться принципа соразмерности[176].

2) Таким образом, в большинстве научных трудов признается принцип соразмерности в качестве общего условия законного характера контрмер или репрессалий[177]. Соразмерность представляет собой один из важнейших элементов при определении законности контрмер в свете неизбежного риска злоупотребления по причине фактического неравенства государств. Этот принцип принимает во внимание ситуации неравенства в плане экономической мощи, политической мощи и др., которые могут учитываться при определении вида контрмер, к которым следует прибегнуть, и степень их интенсивности. Принцип соразмерности обеспечивает меру уверенности, поскольку несоразмерные контрмеры могут привести к возникновению ответственности для государства, принимающего такие меры.

3) Принципу соразмерности было дано более точное содержание в нынешнем столетии после первой мировой войны - событие, происшедшее одновременно с запрещением применения силы. Вместе с тем на практике и в ученых кругах не существует единого мнения относительно формулирования этого принципа, его жесткости или гибкости, а также критериев, на основе которых должна устанавливаться такая соразмерность.

4) В статье 13 изложена норма соразмерности, поскольку в ней предусматривается, что контрмера "не должна быть несоразмерна" соответствующим критериям. В ней применяется "негативная" формулировка, используемая, например, в решениях, вынесенных по делам

---

[174] Это понятие ясно присутствует в доктрине, выдвинутой, например, Гроцием, Ваттелем и Филлимором, которая гласит, что товары, конфискованные в порядке репрессалий, экспроприируются потерпевшим сувереном на законном основании, "поскольку необходимо погасить образовавшийся первоначальный долг и покрыть расходы, связанные с репрессалиями; оставшиеся средства должны быть возвращены правительству подданных, против которых были приняты репрессалии". (R. Phillimore, *Commentaries upon International Law,* vol. III, 3rd edition (London, Butterworths 1885), p. 32). См. также Grotius, *De jure belli ac pacis, libri tres,* [1646], *The Classics of International Law,* J. B. Scott, ed. (Oxford, Clarendon Press, 1925), p. 629; и E. de Vattel, *The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns* (London, 1797), p. 283.

[175] Д. Анцилотти рассматривал норму соразмерности как просто моральную норму *(Corso di diritto internazionale,* vol. I, 3rd edition (Rome, Athenaeum, 1928), p. 167). К. Струпп не верил в существование норм, устанавливающих пропорции, которые должны соблюдаться при проведении репрессалий ("Das volkerrechtliche Delikt", в F. Stier-Somlo, ed., *Handbuch des Völkerrechts,* vol. III (Stuttgart, Kohlhammer, 1920), pp. 568-569).

[176] В этом отношении Л. Оппенгейм считает, что "репрессалии, будь они позитивными или негативными, должны быть соразмерны причиненному вреду и должны выполнять функцию принуждения, необходимого для получения репарации" *(International Law: A Treatise* 7th ed., H. Lauterpacht, ed., vol. II (London, 1952), p. 141). In P. Guggenheim's words "[d]as moderne Völkerrecht weist sodann eine Verpflichtung zur 'Proportionalitat' der Repressalie auf" *(Lehrbuch des Volkerrechts,* vol. II (Verlag für Recht und Gesellschaft, Basle), 1951, p. 585).

[177] В число известных авторов, которые разделяют это мнение, входят: M. Bourquin, "Règles générales du droit de la paix", *Recueil des cours., 1931-I* (Paris, Sirey, 1932), vol. 35, p. 223; Kelsen, *Principles of International Law,* 2nd ed. rev. and ed. by R.W. Tucker (New York, Holt, Rinehart and Winston, 1966), p. 21; G. Morelli, *Nozioni di diritto internazionale,* 7th ed. (Padua, CEDAM, 1967), p. 262; W. Wengler, *Volkerrecht* (Berlin, Springer, 1964), vol. 1, p. 21; O. Schachter, "International law in theory and practice - General course in public international law", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1982-V* (Dordrecht, Nijhoff, 1985), vol. 178, p. 178; P. Reuter, *Droit international public,* 6th ed. (Paris, Presses universitaires de France, 1983), p. 463; I. Brownlie, *International Law and the Use of Force by States* (Oxford, Clarendon Press, 1963), p. 219; C. Tomuschat, "Repressalie und Retorsion, Zu einigen Aspekten ihrer innerstaatlichen Durchführung", *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht* (Stuttgart), vol. 33, No. 1 (March 1973), pp. 179-222, и особенно p. 192; K. Skubiszewski, "Use of force by States. Collective security. Law of war and neutrality", *Manual of Public International Law,* M. Sørensen, ed. (London, Macmillan, 1968), pp.753-4; B. Graefrath and P. Steiniger, "Kodifikation der völkerrechtlichen Verantwortlichkeit", *Neue Justiz* (Berlin), vol. 27, No. 8, 1973, pp. 225-228, article 9 (2), p. 228; D. W. Bowett, "Economic coercion and reprisals by States", *Virginia Journal of International Law* (Charlottesville), vol. 13, No. 1, 1972, p. 10

Portuguese Colonies (Naulilaa incident) и *Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France*[178]. В тексте не говорится конкретно о степени соразмерности или о масштабе, при котором контрмеру можно считать несоразмерной Хотя оценка соразмерности контрмеры, несомненно, должна включать в себя рассмотрение всех элементов, которые имеют отношение к конкретным обстоятельствам, использование таких выражений, как "явно несоразмерная", могло бы создать впечатление, что несоразмерность допустима, и привнести элемент чрезмерной неуверенности и субъективности в построение и применение этого принципа[179]. Любая контрмера, которая является несоразмерной, независимо от ее масштаба, должна быть запрещена, с тем чтобы не дать потерпевшему государству такую свободу действий, которая могла бы привести к злоупотреблению.

5) Несмотря на необходимость обеспечения правовой ясности, Комиссия выступила за гибкую концепцию принципа соразмерности. Ссылка на эквивалентность или пропорциональность в узком смысле либо со стороны государства, прибегающего к контрмерам, либо со стороны государства, против которого такие меры принимаются, является необычной в практике государств[180]. Задача оценки соразмерности контрмеры по сравнению с противоправным деянием осложняется в определенной степени тем, что она требует оценки законных мер по отношению к незаконному деянию. Гибкая концепция соразмерности, по-видимому, содержится в решении *Air Service Agreement,* согласно которому "в целом признается, что все контрмеры должны прежде всего быть в *определенной степени эквивалентными* имевшему* место нарушению", и "в целом отмечалось, что суждение о "соразмерности" контрмер является нелегкой задачей и может в лучшем случае *быть вынесено приблизительно*"[181] На основе этой гибкой концепции арбитры пришли к выводу о том, что "меры, принятые Соединенными Штатами, по-видимому, не являются столь *явно непропорциональными* по сравнению с мерами, принятыми Францией"[182].

6) Что касается соответствующих критериев, то, учитывая необходимость обеспечения того, чтобы принятие контрмер не приводило к каким-либо несправедливым результатам, соразмерность должна оцениваться с учетом не только чисто "количественного" элемента причиненного ущерба, но также и "качественных" факторов, таких, как важность интереса, защищаемого нарушенной нормой, и серьезность нарушения. Поэтому степень тяжести[183] и последствия[184] противоправного деяния должны учитываться при определении вида и интенсивности принимаемой контрмеры. Этот двойной критерий соответствует позиции, появившейся в результате принятия Институтом международного права резолюции[185].

7) Норма соразмерности, изложенная в статье 13, предполагает, что конкретная контрмера должна быть прежде всего соразмерна степени тяжести противоправного деяния и, во-вторых, последствиям этого противо-

---

[178] Согласно решению, принятому по делу *Portuguese Colonies* (Naulilaa incident)

> "даже если считать, что в международном праве нет положения о примерной соразмерности репрессалий противоправному деянию, все равно следует признать чрезмерными и, следовательно, незаконными репрессалии, которые выходят за рамки всех пропорций по сравнению с вызвавшим их деянием" (UNRIAA, vol II (Sales No. 1949 V I), p 1028)

В решении по делу *Air Service Agreement* арбитры пришли к выводу о том, что меры, принятые Соединенными Штатами, отвечают принципу соразмерности, поскольку они, "по-видимому, не являются столь явно непропорциональными по сравнению с мерами, принятыми Францией" ((сноска 145, выше), пункт 83 решения) Негативная формулировка также содержится в статье 905, пункт 1 *b, Restatement of the Law, Third,* согласно которой потерпевшее государство "может прибегать к контрмерам, которые в ином случае были бы незаконными, если такие меры.. *не являются несоразмерными** нарушению и нанесенному урону" (*Foreign Relations Law of the United States,* vol 2 (St Paul, Minn., American Law Institute Publishers, 1987), p. 381). Согласно пункту 2 проекта статьи 9, предложенного В Рифагеном, "осуществление [права прибегнуть к репрессалиям] потерпевшим государством не должно в своих последствиях быть явно непропорциональным серьезности совершенного международно-противоправного деяния" (шестой доклад, см. сноску 91, выше)

[179] То же самое касается выражения "за рамки всех пропорций", которое использовалось в решении по делу *Portuguese Colonies* (Naulilaa incident), и выражения "явно непропорциональные" в решении по делу *Air Service Agreement*

[180] См четвертый доклад Специального докладчика (сноска 92, выше), пункт 54.

[181] См сноску 145, выше.

[182] Там же.

[183] В решении по делу *Portuguese Colonies* (Naulilaa incident) понятие о соразмерности связано с "деянием, которое обосновывает репрессалии" (см сноску 178) Такую позицию разделяют Guggenheim, op. cit. (сноска 176, выше), pp 585-586, Kelsen, op cit (сноска 177, выше), p. 21; S K Kapoor, *A Textbook of International Law* (Allahabad, 1985), p 625, и A. P. Sereni, *Diritto internazionale,* vol III, *Relazione internazionale* (Milan, Giuffrè, 1962), p 1559.

[184] Упоминание о соразмерности причиненному ущербу встречается среди прочих у J C. Venezia, "La notion de représailles en droit international public", RGDIP (Paris), vol 64, No. 3 (July-September 1960), p. 476; A. De Guttry, *Le rappresaglie non comportanti la coercizione militare nel diritto internazionale* (Milan, Giuffrè, 1985), p 263, O Y Elagab, *The Legality of Non-Forcible Countermeasures in International Law* (Oxford, Clarendon Press, 1988), p 94, L. Fisler Damrosch, "Retaliation or arbitration - or both? The 1978 United States-France aviation dispute", AJIL, vol 74, No 4 (October 1980), p. 796; K Zemanek, "The unilateral enforcement of international obligations", в *Zeitschrift fur auslandisches offentliches Recht und Volkerrecht* (Stuttgart), vol. 47, 1987, p 87, а также в докладах двух предыдущих специальных докладчиков - P. Ago *(Ежегодник , 1979 год,* том II (часть 1), стр 46-47, документ A/CN.4/318 и Add. 1-4, пункт 82) и В. Рифагена *(Ежегодник , 1985 год,* том II (часть 1), стр 3, документ A/CN 4/389, пункт 2 проекта статьи 9 и комментарии к нему на стр. 13)

[185] Позиция Института международного права, по-видимому, состоит в том, что мера должна быть пропорциональна тяжести правонарушения и причиненному ущербу Согласно пункта 2 статьи 6 резолюции Института 1934 года, потерпевшее государство должно "соизмерять принимаемую контрмеру с тяжестью деяния, признанного противоправным, и с размером нанесенного ущерба" *(Annuaire de l'Institut de droit international,* 1934 (Paris), vol. 38, p. 709). См недавнее решение по делу *Air Service Agreement,* в котором арбитры сочли, что "важно в споре между государствами учитывать не только ущерб, нанесенный соответствующими компаниями, но также и важность вопросов принципа, возникающих из предполагаемого нарушения" (сноска 145, выше) См. также предложение, сделанное предыдущим Специальным докладчиком (пункт 2 статьи 9) (сноска 184, выше) и *Restatement of the Law, Third* (сноска 178, выше), section 905 (1) (*b*).

правного деяния для потерпевшего государства. Использование слова "степень" в формулировке первого критерия указывает на то, что текст статьи охватывает противоправные деяния различной степени тяжести. Вместе с тем было бы недостаточно ограничивать измерение соразмерности простым сравнением контрмеры с противоправным деянием, поскольку последствия противоправного деяния для потерпевшего государства будут необязательно пропорциональны степени тяжести противоправного деяния.

8) Положение о том, что контрмера должна также быть соразмерной последствиям противоправного деяния для потерпевшего государства, нельзя истолковывать ограничительно, поскольку в противном случае будет исключена возможность принятия контрмер против государства, нарушающего свои международные обязательства относительно прав человека своих граждан на том основании, что такое нарушение не приводит к материальному ущербу для потерпевшего государства. Такое толкование могло бы иметь отрицательные последствия для поощрения и обеспечения прав человека и было бы несовместимо с широкой концепцией ущерба, принятой Комиссией в статье 5.

9) Конец фразы "для потерпевшего государства" не преследует цель сузить сферу действия статьи и неоправданно ограничить возможность государства принимать эффективные контрмеры в отношении определенных противоправных деяний, затрагивающих обязательства erga omnes, например нарушений прав человека. В то же время юридически потерпевшее государство, по сравнению с материально потерпевшим государством, могло бы быть в большей степени ограничено в своем выборе вида и интенсивности мер, которые были бы соразмерны юридическому ущербу, нанесенному этому государству.

10) Соразмерность связана с взаимосвязью между противоправным деянием и контрмерой. Цель контрмер, состоящую в том, чтобы побудить государство-нарушителя соблюдать свои обязательства по статьям 6-10-бис, следует учитывать при решении вопроса о том, является ли законной та или иная контрмера и в какой степени. Однако этот вопрос отличается от вопроса о соразмерности, как он ставится в статье 11.

Статья 14. Запрещенные контрмеры

Потерпевшее государство не должно прибегать в качестве контрмеры к следующему:

a) угрозе силой или ее применению, запрещенным в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций;

b) крайнему экономическому или политическому принуждению с целью поставить под угрозу территориальную целостность или политическую независимость государства, совершившего международно-противоправное деяние;

c) любому поведению, которое нарушает неприкосновенность дипломатических или консульских представителей, помещений, архивов и документов;

d) любому поведению, которое ущемляет основные права человека; или

e) любому другому поведению в нарушение какой-либо императивной нормы международного права.

Комментарий

1) Как указано в вводной фразе статьи 14, потерпевшее государство не может прибегать в качестве контрмер к определенным видам действий. Понятие запрещенных контрмер является результатом продолжения действия определенных общих ограничений свободы государств, несмотря на особый характер взаимоотношений между потерпевшим государством и государством-нарушителем. В подпунктах *a-e* устанавливаются широкие области, в которых не допускается несоблюдение применимых норм посредством контрмер и устанавливаются ограничения на меры, имеющиеся в распоряжении потерпевшего государства в отношении каждой из этих областей. Хотя некоторые из запрещенных контрмер, разбираемых в подпунктах *a-d,* покрываются императивными нормами, упомянутыми в подпункте *e,* тем не менее представлялось целесообразным рассматривать их.

2) Подпункт *a* запрещает прибегать в качестве контрмер к угрозе силой или ее применению, как это предусмотрено в Уставе Организации Объединенных Наций. Тенденция к ограничению применения силы, которая появилась со Статутом Лиги Наций и Пактом Бриана-Келлога, достигла своего кульминационного пункта и нашла свое выражение в категорическом запрещении применения силы, которое содержится в пункте 4 статьи 2 Устава. Уместность этого запрещения применения силы потерпевшим государством в ходе отстаивания своих прав вполне отвечает намерению авторов Устава[186]. Соответствующее запрещение вооруженных репрессалий или контрмер прямо записано в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом, в которой Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций провозгласила, что "Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы"[187]. О признании

---

[186] Авторы Устава намеревались осудить применение силы, даже если такое применение преследует цель отстоять свои права, как это видно из результатов Сан-Францисской конференции. См. P. Lamberti Zanardi, *La legittima difesa nel diritto internazionale* (Milan, Giuffrè, 1972), p. 143 *et seq.,* и R. Taoka, *The Right of Self-defence in International Law* (Osaka, Osaka University of Economics and Law, 1978), p. 105 *et seq.*

[187] Резолюция Генеральной Ассамблеи 2625 (XXV), приложение, шестой пункт первого принципа. R. Rosenstock, "The Declaration of Principles of International Law concerning Friendly Relations: A Survey", AJIL, Vol. 65, No. 5 (October 1971), p. 713 *et seq.;* в частности, p. 726. Международный Суд косвенным образом осудил воо-

запрещения вооруженных репрессалий свидетельствует также тот факт, что государства, прибегая к вооруженным попыткам продемонстрировать законность своего поведения, характеризуют такие попытки как акт самообороны, а не как репрессалии

3) Запрещение вооруженных репрессалий или контрмер, вытекающее из пункта 4 статьи 2 Устава, также соответствует научной доктрине, которая поддерживается подавляющим большинством ученых[188], а также рядом авторитетных решений международных или судебных[189] и политических органов[190]. Иная тенденция, имеющая целью оправдать практику обусловливания запрещения использованием вооруженных репрессалий в качестве самообороны, не находит веского правового обоснования и считается неприемлемой Комиссией[191]. Действительно, вооруженные репрессалии не связаны с такими требованиями о немедленности и необходимости, которые могут обосновать утверждение о самообороне[192] Согласно преобладающему мнению в литературе, которая соответствует международной судебной практике, запрещение вооруженных репрессалий или контрмер приобрело статус обычной нормы международного права обязательного характера.

4) Запрещение угрозы силой или ее применения при помощи контрмер излагается с общей ссылкой на Устав, а не на конкретные положения пункта 4 статьи 2 Кроме

руженные репрессалии, признав характер обычая в положениях Декларации, осуждающих применение силы по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (см сноску 142, выше), pp 89-91, paras 188, 190, 191 В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе также содержится решительное осуждение насильственных мер Принцип II Декларации принципов, воплощенных в первой "корзине" этого Заключительного акта, в частности, гласит "Равным образом они [государства-участники] будут также воздерживаться в их взаимных отношениях от любых актов репрессалий с помощью силы " *(Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* подписанный в Хельсинки 1 августа 1975 года (Lausanne, Imprimeries Reunies, [n d]))

[188] Современные ученые-юристы почти единодушны в том, что запрещение вооруженных репрессалий приобрело статус общей или обычной нормы международного права см I Brownlie, *International Law and the Use of Force by States* (Oxford, Clarendon Press, 1963), pp 110 *et seq* и, в частности, pp 281-282, P Reuter, *Droit international public* 6th ed (Paris, Presses universitaires de France, 1983), pp 510 *et seq* и, в частности, pp 517-518, A Cassese, *Il diritto internazionale nel mondo contemporaneo* (Bologna, Mulino, 1984), p 160, H Thierry *et al*, *Droit international public* (Paris, Montchrestien, 1986), p 192 и pp 493 *et seq* особенно p 508, B Conforti, *Diritto internazionale,* 3rd ed (Napoli, Editoriale Scientifica, 1987), p 356, C Dominicé, "Observations sur les droits de l'Etat victime d'un fait internationalement illicite", *Droit international 2* (Paris, Pedone, 1982), p 62, F Lattanzi, *Garanzie dei diritti dell'uomo neldiritto internazionale generale* (Milan, Giuffrè, 1983), pp 273-279, Venezia, loc cit (см сноску 184, выше), pp. 465 *et seq* в частности, p 494, O Schachter, "The right of States to use armed force" *Michigan Law Review* vol 82, Nos 5 and 6 (April-May 1984), pp 1620-1646, J Salmon, "Les circonstances excluant l'illicеite", *Responsabilite internationale* (Paris, Pedone, 1987-1988), p 186, и четвертый доклад Специального докладчика г-на Рифагена (см сноску 91, выше), пункт 81 Меньшинство, которое сомневается в том, что запрещение носит характер обычая, в равной степени убеждено в единодушном осуждении вооруженных репрессалий в статье 2(4) Устава, подтвержденном в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (см сноску 187, выше) См например, J Kunz, "Sanctions in international law", AJIL, vol 54, No 2 (April 1960), pp 325 *et seq*, Morelli, op cit (сноска 177, выше), p 352 and pp 361 *et seq*, G Arangio-Ruiz, "The normative role of the General Assembly of the United Nations and the Declaration of Principles of Friendly Relations", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1972-III* (Leiden, Sijthoff, 1974), vol 137, p 536 Показательно, что большинство недавних исследований, проведенных по вопросу о репрессалиях, прямо ограничено мерами, не связанными с применением силы См, в частности, De Guttry,op cit (см сноску 184, выше), E Zoller, *Peacetime Unilateral Remedies An Analysis of Countermeasures* (Dobbs Ferry, New York, Transnational Publishers, 1984), и Elagab, op cit (ibid) Эти авторы, очевидно, считают, что "запрещение применения репрессалий, связанных с вооруженной силой, приобрело статус нормы международного общего права" (De Guttry, op cit, p 11) См также *Restatement of the Law, Third* (сноска 178, выше), section 905, где говорится, что "угроза силой или ее применение в ответ на нарушение международного права подлежит запрещению, установленному на угрозу силой или ее применения в Уставе Организации Объединенных Наций, а также в подразделе I В данном подразделе говорится, что "государство - жертва нарушения международного обязательства другим государством может прибегнуть к контрмерам, которые в противном случае являлись бы незаконными, если такие меры а) необходимы для прекращения нарушения или предотвращения дальнейшего нарушения или для исправления нарушения и b) не являются несоразмерными нарушению или причиненному вреду" (ibid , p 380)

[189] Осуждение вооруженных репрессалий и превращение этого запрещения в общую норму нашли свое подкрепление в решении МС по делу *Corfu Channel (Merits)* в связи с разминированием пролива Корфу британским военно-морским флотом ("Operation Retail") *(I C J Reports 1949,* p 35, см также *Ежегодник , 1979 год,* том II (часть первая) (сноска 184, выше), стр 49, пункт 89) и совсем недавно в решении МС по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (см сноску 142, выше), p 127, paras 248-249

[190] См , например, резолюции Совета Безопасности 111 (1956) от 19 января 1956 года, 171 (1962) от 9 апреля 1962 года и 188 (1964) от 9 апреля 1964 года

[191] Авторы - представители этой тенденции меньшинства - утверждали, что некоторые формы одностороннего применения силы либо пережили решительное запрещение по пункту 4 статьи 2 Устава при условии, что они не используются против территориальной целостности или политической независимости любого государства и не противоречат целям Устава Организации Объединенных Наций, а скорее призваны восстановить права потерпевшего государства, либо эти формы получили свое оправдание на основании концепций вооруженных репрессалий или самообороны, основанных на реалиях существующей практики государств и невозможности системы коллективной безопасности, созданной по Уставу, функционировать на практике так, как это предусматривалось

В их число входят E S Colbert, *Retaliation in International Law* (New York, King's Crown Press, 1948), J Stone, *Aggression and World Order A Critique of United Nations Theories of Aggression* (London, Stevens, 1958), особенно pp 92 *et seq*, R A Falk, "The Beirut raid and international law of retaliation", AJIL, vol 63, No 3 (July 1969), pp 415-443, D W Bowett, "Reprisals involving recourse to armed force", ibid , vol 66, No 1 (January 1972), pp 1-36, R W Tucker, "Reprisals and self-defense the customary law", ibid , vol 66, No 3 (July 1972), pp 586-596, R B Lillich, "Forcible self-help under international law", *United States Naval War College — International Law Studies* (vol 62) *Readings in International Law from The Naval War College Review 1947-1977* (vol 11), *The Use of Force, Human Rights and General International Legal Issues,* texts compiled by R B Lillich and J N Moore (Newport, Rhode Island, Naval War College Press, 1980), p 129, D Levenfeld, "Israeli counter-Fedayeen tactics in Lebanon Self-defense and reprisal under modern international law", *Columbia Journal of Transnational Law* (New York), vol 21, No 1 (1982), p 148, Y Dinstein, *War, Aggression and Self-defence* (Cambridge, Grotius, 1988), pp 202 *et seq* Критический обзор литературы см R Barsotti, "Armed Reprisals", *The Current Legal Regulation of the Use of Force* (Dordrecht, Nijhoff, 1986), pp 81 *et seq*

[192] Как напоминается в пятом докладе Специального докладчика (сноска 92, выше), Комиссия четко высказалась относительно концепции самообороны

того, Комиссия выступила за общую ссылку на Устав в качестве одного, но не единственного источника данного запрещения, которое также является частью международного общего права и было охарактеризовано в качестве такового Международным Судом.

5) Подпункт *b* ограничивает масштаб, в пределах которого потерпевшее государство может прибегать к экономическому или политическому принуждению путем контрмер. В связи с международно-противоправными деяниями признаются допустимыми и часто используются самые разнообразные формы экономического или политического давления[193]. Вместе с тем допустимость указанных мер не полностью свободна от ограничений, поскольку крайне экономические или политические меры могут иметь такие же серьезные последствия, как и последствия, вытекающие из применения вооруженной силы.

6) В литературе изложены различные мнения относительно возможной уместности осуждения применения силы согласно пункту 4 статьи 2 Устава или международному общему праву при определении законности экономического или политического принуждения как одной из форм контрмер. Согласно наиболее распространенной точке зрения запрещение применения силы ограничивается военной силой, и поэтому вызывающие возражения формы экономического или политического принуждения могут осуждаться лишь на основании четкой нормы, запрещающей вмешательство или его конкретные формы[194]. Отмечая отсутствие какого-либо другого положения в Уставе, осуждающего индивидуальные меры принуждения, некоторые авторы утверждают, что пункт 4 статьи 2 применяется не только к вооруженным репрессалиям, но также к мерам экономического принуждения[195]. По их мнению, такие меры не отличаются по своей цели и результату от применения вооруженной силы, когда их последствием в действительности оказывается экономическое "удушение" государства, против которого направлены такие меры.

7) Рассмотрение соответствующей практики государств представляется особенно важным в свете расхождения доктрин. В ходе Конференции в Сан-Франциско латиноамериканские государства выдвинули предложение распространить осуждение, содержащееся в пункте 4 статьи 2 Устава, на применение экономической или политической силы[196]. Отклонение этого предложения могло быть обусловлено скорее широким определением понятия экономической или политической силы, чем категорическим возражением против любого запрещения действий такого рода. Позднее предпринимались безуспешные попытки увязать осуждение экономического или политического принуждения с запрещением угрозы силой или ее применения в контексте Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, и резолюции об определении агрессии[197].

---

[193] Допустимость экономических контрмер признается Комиссией в пункте 5 комментария к статье 30 части 1, где говорится, что "современное международное право обычно не воздвигает каких-либо препятствий на пути проявления определенных форм реакции на международно-противоправное деяние (например, экономические репрессалии)" *(Ежегодник., 1979 год,* том II (часть вторая), стр. 132.).

[194] Согласно этой точке зрения, запрещение, содержащееся в пункте 4 статьи 2, следовало бы логически понимать как "охватывающее также меры экономического или политического давления, оказываемого либо в такой степени и с такой интенсивностью, которая была бы эквивалентна вооруженной агрессии, либо, если не в такой экстремальной форме, то для того, чтобы навязать волю потерпевшего государства и обеспечить неоправданные блага" для государства, прибегающего к контрмере. (G. Arangio-Ruiz, "Human rights and non-intervention in the Helsinki Final Act", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1977-IV* (Alphen aan den Rijn, Sijthoff and Noordhoff, 1980), vol. 157, p. 267. Аналогичную позицию занимает Cassese, op cit. (сноска 188, выше), p. 163. См. также C. H. Waldock, "The regulation of the use of force by individual states in international law", *Recueil des cours , 1952-II* (Paris, Sirey, 1953), vol. 81, pp 493-494; Oppenheim, op. cit. (сноска 176, выше), p 153, Bowett, "Economic coercion ...", loc. cit (сноска 177, выше), p. 1; R. Lillich, "The status of economic coercion under international law: United Nations norms", *Conference on Transnational Economic Boycotts and Coercion, 19-20 February 1976, University of Texas Law School,* R. M. Mersky, ed. (Dobbs Ferry, New York, Oceana Publications, 1978), vol. I, pp. 116-117; A. Beirlaen, "Economic coercion and justifying circumstances", *Belgian Review of International Law,* vol. XVIII (1984-85), p. 67; M. Virally, "Commentaire du paragraphe 4 de l'Article 2 de la Charte", *La Charte des Nations Unies,* 2nd ed. rev. and enl., J. P. Cot and A. Pellet, eds. (Paris, Economica, 1990), pp. 120-121; C. Leben, "Les contre-mesures inter-étatiques et les réactions à l'illicite dans la société internationale", *Annuaire français de droit international, 1982* (Paris), vol. XXVIII, pp. 63-69; P Malanczuk, "Countermeasures and self-defence as circumstances precluding wrongfulness in the International Law Commission's draft articles on State responsibility", *United Nations Codification of State Responsibility,* M. Spinedi and B. Simma, eds (New York, Oceana Publications, 1987), vol 45, p. 737; Elagab, op. cit. (сноска 184, выше), p. 201; I. Seidl-Hohenveldern, "International economic law", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1986-III* (Dordrecht, Nijhoff, 1987), vol. 198, pp. 200-201; *Restatement of Law, Third* (сноска 178, выше), p. 383; L. A. Sicilianos, *Les réactions décentralisées à l'illicite - Des contre-mesures à la légitime défense* (Paris, Librairie générale de droit et jurisprudence, 1990), pp. 248-253.

[195] См., в частности, J. Žourek, "La Charte des Nations Unies interdit-elle le recours à la force en général ou seulement à la force armée?" in *Mélanges offert à Henri Rolin* (Paris, Pedone, 1964), pp. 530 *et seq* , и M. Obradovic, "Prohibition of the threat or use of force", *Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation,* pp. 76 *et seq* , M. Sahovic, ed. (Belgrade, Institute of International Politics and Economics and Dobbs Ferry, New York, Oceana Publications, 1972), pp. 76 *et seq* После установления в 1973 году эмбарго на арабскую нефть эту позицию также стали разделять некоторые западные авторы. В этом отношении см. J. J. Paust и A. P. Blaustein, "The Arab oil weapon: A threat to international peace", AJIL, vol. 68, No. 3 (July 1974), pp. 420 *et seq*

[196] См. *Documents of the United Nations Conference on International Organization* (San Francisco, 1945), vol. VI, pp 558-559, в отношении текста поправки, предложенной Бразилией, и pp. 334-335 - обсуждения в Комиссии I от 4 июня 1945 года.

[197] Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи. Некоторые страны попытались осуществить эту увязку в ходе длительных переговоров, касающихся определения агрессии. См. выдвинутое Боливией предложение, согласно которому

> "...одностороннее действие, имеющее целью лишить государство экономических ресурсов, получаемых вследствие надлежащей практики международной торговли, или подвергнуть опасности основу его экономики, в результате чего ставится под угрозу безопасность этого государства, что делает его неспособным защитить себя или участвовать в коллективной защите мира"

8) Хотя практика государств, как представляется, не подтверждает вывода о том, что некоторые формы экономического или политического принуждения эквивалентны формам вооруженной агрессии, эта практика отражает особую тенденцию, ограничивающую ту степень, в которой государства могут прибегать к принятию экономических или политических мер[198]. Генеральная Ассамблея со всей определенностью осуждает не только вооруженную интервенцию, но также "все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов", в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета[199]. В Декларации далее указывается, что

> 2. Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства *подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ*.

Аналогичным образом в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, провозглашается, что

> Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера *с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ*

9) На региональном уровне государства в своей практике также поддерживают принцип запрещения крайнего экономического или политического принуждения. В Хартии 1948 года об учреждении ОАГ содержится широкая формулировка принципа невмешательства[200], и в статье 16 однозначно запрещается "применение принудительных мер экономического или политического характера, с тем чтобы оказать давление на суверенную волю другого государства и получить от этого какие бы то ни было преимущества". Аналогичное запрещение содержится в другом важном региональном договоре, а именно в Заключительном акте Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, где оно фигурирует под отдельным заголовком о невмешательстве"[201].

10) Все эти международные и региональные документы осуждают использование экономического или политического принуждения, когда оно представляет собой нарушение принципа невмешательства. Так, существуют различные режимы, запрещающие применение силы, с одной стороны, и использование крайних экономических или политических средств принуждения - с другой, в рамках применения контрмер[202]. В отличие от общего запрета на использование вооруженных контрмер при любых обстоятельствах запрещение экономического или политического принуждения ограничивается теми мерами, которые направлены на достижение неприемлемых целей, таких, как подчинение себе другого государства в осуществлении своих суверенных прав или получение каких бы то ни было преимуществ. Поэтому осуждение принудительных мер, исключая угрозы силой или ее применения, затрагивают лишь меры экономического или политического характера, которые могли бы привес-

---

следует считать одной из форм агрессии. (Проект резолюции, представленный Шестому комитету Генеральной Ассамблеи (A/C 6/L.211)). Здесь западные государства вновь выступили против четкого положения об экономическом принуждении главным образом из-за крайне гибкой предложенной формулировки: см. заявление представителя Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии *(Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, седьмая сессия, Приложения,* пункт 54 повестки дня, документ A/2211, пункт 447). См. также более позднее заявление Сальвадора, в котором было выражено неудовлетворение по поводу того, что в предлагаемом определении агрессии отсутствует упоминание о косвенной экономической агрессии (там же, *двадцать девятая сессия, пленарные заседания,* том 1, 2239-е заседание, пункт 157). Специальный комитет по вопросу об определении агрессии заявил, что подобное положение создало бы препятствия на пути принятия данной резолюции консенсусом (там же. *Дополнение № 19* (A/9619 и Corr.l)).

[198] См Arangio-Ruiz, "Human rights and non-intervention ..", loc. cit (сноска 194, выше), p 267; Bowett, "Economic coercion ...", loc. cit. (сноска 177, выше), pp. 2-3; Y. Blum, "Economic boycotts in international law", *Conference on Transnational Economic Boycotts and Coercion* (сноска 194, выше), p. 96; Malanczuk, loc. cit. (ibid.), p. 737, Beirlaen, loc. cit. (ibid.), p. 67; I. Seidl-Hohenveldern, "The United Nations and economic coercion", *Belgian Review of International Law* (1984-1985), p. 11; и Salmon, loc. cit (сноска 188, выше), p. 186. См. также L. Boisson de Chazournes, *Les contre-mesures dans les relations internationales économiques* (Paris, Pedone, 1993), pp. 149-151.

[199] Резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи была принята 109 голосами при одном воздержавшемся, причем никто не голосовал против, и соответствующие положения этой резолюции были позднее включены в Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (см. сноску 187, выше).

[200] Подписана в Боготе 30 апреля 1948 года (United Nations, *Treaty Series,* vol. 119, p. 3); изменения внесены Буэнос-Айресским протоколом от 27 февраля 1967 года (ibid., vol. 721, p. 324). В соответствии с принципом невмешательства, изложенным в статье 15, государство "не имеет права вмешиваться, прямо или косвенно, по какой бы то ни было причине во внутренние или внешние дела любого другого государства". Далее в ней указывается, что этот принцип "запрещает не только применение вооруженной силы, но и любые другие формы вмешательства или угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов". Библиографию материалов о принципе невмешательства в странах американского континента см. Ch. Rousseau, *Droit international public,* rev. ed. (Paris, Sirey, 1980), vol IV, pp 53 *et seq*

[201] В соответствии с Принципом VI все государства "будут при всех обстоятельствах воздерживаться от любого другого акта военного или политического, экономического или другого принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление другим государством-участником прав, присущих его суверенитету, и таким образом обеспечить себе преимущества любого рода" (см. сноску 187, выше). См. Arangio-Ruiz, "Human rights and non-intervention ...", loc. cit. (сноска 194, выше), pp. 274 *et seq*

[202] Это соответствует решению Международного Суда, который признал незаконность экономических мер в контексте принципа невмешательства по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (см. сноску 142, выше), pp. 108 *et seq*, особенно пункт 209.

ти к серьезным, если не катастрофическим, последствиям для соответствующего государства[203].

11) Тот факт, что серьезность потенциальных последствий ненасильственных принудительных мер должна приниматься во внимание при определении их запрещенного характера, подтверждается другими элементами практики государств. Во многих случаях, когда имело место использование экономических мер, жалобы соответствующего государства основывались не столько на характере самого акта, сколько на связанном с этим "экономическом удушении" или других катастрофических последствиях[204].

12) Запрещение экономического или политического принуждения посредством контрмер, содержащееся в подпункте *b*, обусловлено крайним характером мер, определяемым серьезностью их потенциальных последствий с точки зрения угрозы "территориальной целостности или политической независимости" соответствующего государства. Факт включения данной фразы, взятой из пункта 4 статьи 2 Устава, означает признание Комиссией того, что насильственные и ненасильственные меры могут иметь одинаково серьезные последствия. При этом, однако, она избегает спорного вопроса о том, может ли это положение Устава толковаться как относящееся лишь к применению вооруженной силы или как охватывающее и другие формы незаконного принуждения. Комиссия осознает, что в случае слишком широкой формулировки подпункт *b* может быть равносилен полузапрещению контрмер. Поэтому она сузила сферу охвата, во-первых, ограничив запрещенное поведение "мерами крайнего экономического или политического принуждения", а во-вторых, использовав словосочетание "с целью", которое указывает на враждебные или карательные намерения и исключает поведение, способное в отдаленной перспективе и непреднамеренно угрожать территориальной целостности или политической независимости государства.

13) Подпункт *c* ограничивает ту степень, в которой потерпевшее государство может посредством контрмер прибегнуть к действиям, противоречащим дипломатическому или консульскому праву. Потерпевшее государство может планировать действия на трех уровнях. Объявление дипломатического представителя персоной нон-грата, прекращение или временное приостановление дипломатических отношений и отзыв послов являются чистыми актами реторсии и не требуют какого-либо особого обоснования. На втором уровне принимаемые меры могут затрагивать дипломатические права и привилегии, не ставя под угрозу неприкосновенность дипломатических или консульских агентов или их помещений, архивов и документов. Такие меры могут быть законными в качестве контрмер, если удовлетворены все условия, изложенные в данном проекте статей. Однако неприкосновенность дипломатических или консульских агентов, а также их помещений, архивов и документов является

---

[203] Эти последствия отнюдь не обязательно отличаются от последствий, которые могут иметь место в результате незаконного применения силы. Это заставило некоторых авторов сомневаться в существовании реального практического различия между этими двумя типами запрещений. Обсуждение этого вопроса в связи с Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, см. в работе Arangio-Ruiz, "The normative role of the General Assembly ...", loc cit (сноска 188, выше), pp. 528-530.

[204] Именно этой позиции придерживалась Боливия в вопросе о сбросе в море олова Советским Союзом в 1958 году (см. McDougal and F. P Feliciano, *Law and Minimum World Public Order - The Legal Regulation of International Coercion* (New Haven and London, Yale University Press, 1961), p. 194 (сноска 165) и Куба - в отношении резкого сокращения импорта сахара Соединенными Штатами в 1960 году. Куба квалифицировала эти действия как "постоянную агрессию с политическими целями, направленную против основных интересов кубинской экономики" (AJIL, vol. 55, No. 3 (July 1961), pp. 822 *et seq.*)

Эти случаи, однако, не повлекли контрмер в строгом смысле этого слова, поскольку неясно, являлись ли меры, принимаемые государством ответной мерой на совершенное ранее противоправное деяние Однако, даже если ранее не было совершено противоправного деяния, приведенные примеры представляются уместными, поскольку они поясняют условия, при которых применение экономической силы считается противоправным. Следует также учитывать, что в экономической сфере не всегда можно провести четкую границу между реторсией и репрессалией, поскольку права и обязанности обычно являются договорными и нередко толкуются по-разному Некоторые латиноамериканские страны, включая Аргентину, утверждали в Совете Безопасности о том, что торговые санкции, введенные западными странами после возникновения кризиса в связи с Фолклендскими (Мальвинскими) островами, можно квалифицировать как акты "экономической агрессии, осуществляемой в нарушение всех норм международного права". По мнению Аргентины, меры, принятые Европейским сообществом, равнозначны экономической агрессии, открыто нарушающей принципы международного права и правовые нормы Организации Объединенных Наций (см A. De Guttry, "Le contromisure adottate nei confronti dell' Argentina da parte delle Comunità Europee e dei terzi Stati ed il problema della loro liceità internazionale", *La questione delle Falkland-Malvinas nel diritto internazionale,* N. Ronzitti ed. (Milan, Giuffrè, 1984), p. 35. См. также заявления Венесуэлы *(Официальные отчеты Совета Безопасности, тридцать седьмой год,* 2362-е заседание, пункты 48-108); Эквадора (там же, 2360-е заседание, пункты 194 и далее); Сальвадора (там же, 2363-е заседание, пункты 104-119); и Никарагуа (там же, пункты 26-48). Советский Союз обвинил Соединенные Штаты в "использовании торговли в качестве оружия против его страны" в связи с мерами, принятыми после польского кризиса в 1981-1982 годах (заявление министра внешней торговли СССР, которое приводится в газете "Файнэншиал Таймс" от 17 ноября 1982 года, стр. 1). В этом случае Соединенные Штаты, которые традиционно выступают против широкого толкования пункта 4 статьи 2, утверждали, что они не стремятся к тому, чтобы "поставить Советский Союз на колени экономически" (заявление заместителя помощника Государственного секретаря Томаса Н. Т. Найлса в ходе слушаний в Подкомиссии по Европе и Ближнему Востоку Комиссии по иностранным делам *(United States House of Representatives, 97th Congress, Second session, 10 August 1982* (Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1982), p. 8) и далее заявляли в ходе прений в Комитете по усилению эффективности принципа неприменения силы в международных отношениях, что давление, оказанное Советским Союзом на Польшу, которое привело к объявлению в последней чрезвычайного положения, равносильно противоправному применению силы *(Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 41* (A/37/41), пункт 50). Некоторые государства также квалифицировали меры, принимавшиеся Южной Африкой в отношении соседних государств, якобы предоставлявших убежище членам Африканского национального конгресса Южной Африки, как противоправное экономическое принуждение, используемое для того, чтобы повлиять на поведение другой страны (см. заявления Югославии, Мадагаскара и Таиланда *(Официальные отчеты Совета Безопасности, сорок первый год,* 2660-е заседание)).

абсолютной нормой, отступление от которой не допускается.

14) Сфера запрещенных контрмер ограничена теми нормами дипломатического права, которые должны гарантировать физическую безопасность и неприкосновенность дипломатических агентов, помещений, архивов и документов при всех обстоятельствах, включая вооруженные конфликты[205]. Эта минимальная гарантия защиты необходима для связи и взаимного общения государств как в периоды кризисов, так и в нормальных условиях. В ситуациях, связанных с противоправным деянием, которые уже по своему определению носят конфликтный характер, особенно важно сохранить дипломатические каналы, с одной стороны, и защитить в высшей степени уязвимых лиц и помещения от контрмер - с другой.

15) Хотя мы не обладаем достаточными данными о государственной практике, касающейся ограничения способности пострадавшего государства отступать путем применения контрмер от обязательств, затрагивающих обращение с дипломатическими представителями[206], в теории права широко поддерживается идея запрещения репрессалий или контрмер в отношении лиц, пользующихся защитой в рамках дипломатического права[207]. В то время как одни авторы считают, что это запрещение вытекает из основных правил, касающихся защиты дипломатических представителей, которые они относят к категории императивных норм[208], другие обосновывают их наличие особым характером дипломатического права как "замкнутого режима"[209], как это было признано Международным Судом по делу *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*[210]. Вместе с тем авторы некоторых работ высказывают сомнения относительно наличия некоего положения общего международного права, осуждающего акты принуждения, направленные против дипломатических посланников, которые не носят противоправного характера[211].

16) Эксплицитная ссылка на многостороннюю дипломатию была сочтена неуместной, поскольку на предста-

---

[205] См , например, статьи 22, 24, 29, 44 и 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях. Де Гаттри придерживается той точки зрения, что незаконность репрессалий против дипломатических представителей касается главным образом мер, направленных против дипломатов как физических лиц, мер, которые, как правило, заключаются в нарушении принципа личной неприкосновенности, но не ограничиваются этим. По его мнению, смысл этого ограничения заключается в необходимости особой защиты в любых обстоятельствах дипломатических представителей ввиду тех особых поручений, которые они выполняют *(Le rappresaglie , op cit.* (сноска 184, выше), pp 282-283).

[206] Например, в 1966 году в Гане были арестованы члены делегации Гвинеи на конференции ОАЕ, включая министра иностранных дел Арест, который произошел на борту самолета американской авиакомпании, находящегося в Аккре пролетом, обосновывался правительством Ганы как средство получения возмещения за целый ряд противоправных деяний, совершенных Гвинеей, включая налет на помещение посольства Ганы в Конакри и арест посла и его супруги *(Keesing's Contemporary Archives* (London, Longman), vol. XV (1965-1966), pp 21738-21740).

[207] Так, например, Оппенгейм заявляет, что.

> ".. индивидуумы, пользующиеся привилегией экстерриториальности в период пребывания за границей, например главы государств и дипломатические представители, не могут быть объектом репрессалий, хотя на практике это иногда и имело место " (Oppenheim, op. cit. (сноска 176, выше), p 140).

Это же мнение выразил и Гроций, op. cit. (сноска 174, выше). По мнению Т. Твисса, дипломатические агенты

> "не могут быть объектами репрессалий как в отношении их личности, так и в отношении их имущества со стороны государства, которое принимает их в качестве представителей (legati), поскольку они добросовестно вверили себя и свое имущество государству *(The Law of Nations (considered as Independent Political Communities),* rev. ed. (Oxford, Clarendon Press, 1884), p. 39).

См также P. Cahier, *Le droit diplomatique contemporain* (Genève, Droz, 1962), p. 22; Tomuschat, op. cit. (сноска 177, выше), p. 187; и C. Dominicé, "Représailles et droit diplomatique", in *Recht als Prozess und Gefüge, Festschrift für Hans Huber* (Bern, 1981), p. 547.

[208] Анализируя критерии, на которых основывалось решение Международного Суда по делу *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran* (Judgment of 24 May 1980, *I.C.J Reports 1980,* p 3), Б.В.А. Ролинг утверждает, что

> "было бы хорошо, если бы Суд имел или использовал возможность четко заявить, что проходящие по данному делу лица являются лицами, репрессалии в отношении которых запрещены при любых обстоятельствах по писаным и неписаным законам даже в том случае, если противоправное деяние, на которое хотело бы прореагировать данное государство, состоит в захвате его дипломатических сотрудников! Положения Конвенции сформулированы таким образом, что "репрессалии в натуре" также являются недопустимыми. Конечно, можно ставить под сомнение практическую значимость этой правовой ситуации, однако аргументы в пользу существующего права - полный иммунитет дипломатических сотрудников в силу большого значения, придаваемого беспрепятственному международному общению, - имеют непреходящую силу" ("Aspects of the case concerning United States diplomats and consular staff in Tehran", *Netherlands Yearbook of International Law* (Alphen aan den Rijn), vol. XI (1980), p.147)

Того же мнения придерживается и Доминиче, который говорит. "Во что на практике превратились бы дипломатические отношения, если бы государство, даже действуя по праву, утверждало, что оно является жертвой противоправного деяния и на этом основании захватывало бы дипломатических агентов или проникало на территорию дипломатического представительства, руководствуясь доктриной репрессалий?" ("Observations...", op. cit. (сноска 188, выше), p. 63). Сицилианос заявляет, что "несомненно существует нерушимый принцип дипломатического права, имеющий императивный характер - неприкосновенность личности дипломатических агентов, неприкосновенность помещений и архивов — принцип, не допускающий применения контрмер В то же время существуют и другие обязательства, которые, как представляется, не имеют столь непререкаемой силы и могут, при определенной доле предосторожности, быть объектом взвешенных контрмер" (op. cit. (сноска 194, выше), p. 351).

[209] Lattanzi, op. cit. (сноска 188, выше), pp. 317-318; Elagab, *op cit.* (сноска 184, выше), pp 116 *et seq*

[210] В этой связи Суд выразил следующую точку зрения:

> "[о]дним словом, нормы дипломатического права представляют собой замкнутый режим, который, с одной стороны, устанавливает обязательства принимающего государства в отношении льгот, привилегий и иммунитетов, которые должны быть предоставлены дипломатическим миссиям, и, с другой стороны, заранее предвидит возможное злоупотребление ими со стороны членов миссии и указывает на имеющиеся в распоряжении принимающего государства средства противодействия такому злоупотреблению" *(I C J Reports 1980* (см. сноску 208, выше), p. 40, para. 86).

[211] См. Anzilotti, op. cit. (сноска 175, выше), p. 167, и позднее Conforti, op. cit. (сноска 188, выше), pp. 360-361.

вителей международных организаций распространяются нормы, касающиеся дипломатических агентов. Что касается сотрудников международных организаций, то никакая ответная мера, принимаемая страной пребывания в их отношении, не может квалифицироваться как контрмера, поскольку в данном случае имело бы место несоблюдение не только обязательства по отношению к государству-правонарушителю, но и обязательства в отношении третьей стороны, а именно соответствующей международной организации.

17) Подпункт *d* запрещает в качестве контрмер любое поведение, которое ущемляет основные права человека. Это запрещение, которое обусловлено основными соображениями в области прав человека, первоначально было развито в контексте права войны, поскольку именно этими соображениями чаще всего пренебрегали в условиях тех исключительных обстоятельств, которые существуют в период войны[212]. Еще в начале 1880 года Институт международного права предпринял попытку упорядочить применение репрессалий в своем Положении о законах и обычаях сухопутной войны, где предусматривалось, что такие меры "должны во всех случаях соответствовать законам гуманности и морали"[213]. Человеческие страдания, вызванные репрессалиями в период первой мировой войны, обусловили принятие нормы, запрещающей применение репрессалий в отношении военнопленных в соответствии с Конвенцией о режиме военнопленных 1929 года[214]. После второй мировой войны репрессалии против защищаемых лиц или имущества были также однозначно запрещены Женевскими конвенциями 1949 года[215], и Дополнительным протоколом I к ним 1977 года[216]. Кроме того, императивный характер этого запрещения зафиксирован в Венской конвенции о праве международных договоров, где четко оговаривается, что прекращение или приостановление действия любого договора в ответ на материальное нарушение не относится "к положениям, касающимся защиты человеческой личности, которые содержатся в договорах, носящих гуманитарный характер, и особенно к положениям, исключающим любую форму репрессалий по отношению к лицам, пользующимся защитой по таким договорам"[217].

18) Помимо запрещения некоторых репрессалий в отношении воюющих сторон, в теории международного гуманитарного права не менее важное значение имеет и признание неотъемлемых и нерушимых прав, которыми наделяются индивидуумы в соответствии с международным правом[218]. Требование о гуманном обращении, основанное на принципе уважения человеческой личности[219], распространяется и на внутренние вооруженные конфликты на основании общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 года, а также Дополнительного протокола II к ним 1977 года. В соответствии с комментарием к первой Женевской конвенции 1949 года это общее положение "делает абсолютно ясным то обстоятельство, что цель данной Конвенции носит чисто гуманитарный характер... и лишь обеспечивает соблюдение нескольких основных гуманитарных норм, которые все цивилизованные страны рассматривают как имеющие силу в любом месте и при любых обстоятельствах и как нормы, выходящие за

---

[212] Развитие гуманитарных ограничений в отношении права на применение репрессалий подробно иллюстрируется Lattanzi, op. cit. (сноска 188, выше), pp. 295-302.

[213] Положение принято в Оксфорде 9 сентября 1880 года, см. *Resolutions of the Institute of International Law dealing with the Law of Nations,* J. B. Scott, ed. (New York, Oxford University Press, 1916), p. 42, art. 86.

[214] Статья 2 Конвенции. В Женевской конвенции 1929 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях такое положение отсутствует. Вместе с тем было высказано предположение, что отсутствие такого положения обусловлено упущением и что в любом случае в этой Конвенции имплицитно запрещается применение репрессалий, поскольку в статье 25 содержится требование о соблюдении данной Конвенции "во всех обстоятельствах".

> "Тот факт, что это запрещение не было эксплицитно включено в 1929 году в Конвенцию, касающуюся раненых и больных, поскольку она исходит из принципа соблюдения всех имеющихся у них прав, может быть обусловлен лишь упущением. В силу того, что общественное сознание осудило репрессалии против военнопленных, это осуждение a fortiori применимо и к репрессалиям в отношении военнослужащих, которые, так же как раненые и больные, являются беззащитными и имеют право на защиту". (J. S. Pictet, *The Geneva Conventions of 12 August 1949, Commentary: Geneva Convention for the amelioration of the condition of the wounded and sick in armed forces in the field (Geneva,* International Committee of the Red Cross, 1952), vol. I, p. 344.)

[215] Статья 46 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; статья 47 Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; пункт 3 статьи 13 Женевской конвенции об обращении с военнопленными; пункт 3 статьи 33 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны.

[216] Статья 20 Дополнительного протокола I.

[217] Пункт 5 статьи 60. В теории права указывается, что это ограничение применяется по отношению к различным договорам, имеющим отношение к гуманитарному праву, а также к праву в области прав человека. Вопрос о неприменимости принципа взаимности в случае нарушения договорных обязательств в области прав человека рассматривается в работе Lattanzi, op. cit. (сноска 188, выше), pp. 302 *et seq.;* Sicilianos, op. cit. (сноска 194, выше), pp. 352-358. Schachter придерживается того мнения, что "договоры, охватываемые данным пунктом, со всей очевидностью включают Женевские конвенции 1949 года, различные договоры в области прав человека, а также конвенции о статусе беженцев, геноциде и рабстве" (Schachter, "International Law in Theory ...", loc. cit. (сноска 177, выше), p. 181). О нерушимости этих норм в результате применения репрессалий также говорится в работе K. Zemanek, "Responsibility of States: General Principles", *Encyclopedia of Public International Law* (Amsterdam, North-Holland), vol. 10 (1987), p. 371.

[218] См. Pictet, op. cit. (сноска 214, выше), p. 82, commentary to article 7, где говорится следующее:

> "В теории международного права Женевская конвенция занимает особое место. Впервые, за исключением положений, выработанных Венским конгрессом в области работорговли, которые сами по себе были в значительной мере окрашены политическими соображениями, целый свод международных норм был посвящен уже не государственным интересам, а исключительно защите индивидуума. Инициаторы Конвенции 1864 года и последующих конвенций ставили перед собой цель оградить достоинство человеческой личности, будучи глубоко убеждены в том, что человеческая личность обладает неотъемлемыми и нерушимыми правами даже в разгар военных действий".

[219] "Принцип уважения человеческой личности, лежащий в основе Женевских конвенций, не был творением этих Конвенций. Он возник раньше, чем эти Конвенции, и независим от них" (Pictet, op. cit. (сноска 214, выше), p. 39).

рамки и не имеющие касательства к самой войне"[220]. Так, в общей статье 3 в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера, запрещаются любые репрессалии в отношении ясно выраженных запрещенных действий[221], а также любые другие репрессалии, не совместимые с требованием гуманного обращения[222]. Требование о гуманном обращении в немеждународных вооруженных конфликтах распространяется на всех защищаемых лиц без какой бы то ни было дискриминации, включая иностранных граждан, несмотря на отсутствие конкретной ссылки на национальность в положении о недискриминации, содержащемся в пункте 1 общей статьи 3[223].

19) Признание основных норм гуманизма и нерушимости прав, повлекшее за собой запрещение репрессалий в период международных или внутренних вооруженных конфликтов, привело и к выработке аналогичных запрещений в отношении репрессалий в мирное время[224]. Общий характер ограничения репрессалий на основе гуманитарных принципов был признан в решении по делу *Portuguese Colonies* (Naulilaa incident), где указывается, что законная репрессалия может быть "ограничена требованиями гуманности и нормами добросовестности, применимыми в отношениях между государствами"[225]. В своем решении 1934 года Международная ассоциация юристов также указала в пункте 4 статьи 6, что при осуществлении репрессалий государство должно "воздерживаться от любых мер, которые противоречили бы нормам гуманности и требованиям общественного сознания"[226]. Кроме того, в ходе прений в Ассамблее Лиги Наций по вопросу об осуществлении статьи 16 Пакта подчеркивалось, что экономические меры, которые применяются в случае агрессии, не должны затрагивать гуманитарных отношений[227].

20) Негуманные последствия той или иной репрессалии могут явиться прямым результатом мер, принимаемых государством в отношении иностранных граждан[228], находящихся на его территории, или косвенным результатом мер, принятых в отношении государства-правонарушителя. Приводимые ниже случаи, хотя они приводятся только в качестве иллюстрации и цитируются без ущерба для позиций соответствующих государств, могут рассматриваться как примеры ограничений на гуманитарной основе мер, имеющих прямые последствия для иностранных граждан на территории государства-правонарушителя. В 1888 году после нарушения Соединенными Штатами Америки Договора 1880 года об иммиграции граждан Китая ("Закон об изъятиях в отношении граждан Китая") Китай, приостановив действие своих договорных обязательств по отношению к Соединен-

---

[220] Pictet, op. cit. (ibid.), p. 60.

[221] Первый пункт общей статьи 3 предусматривает следующее:

"В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения:

1) Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

a) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение и пытки;

b) взятие заложников;

c) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее достоинство обращение;

d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями".

[222] См., например, Pictet, op. cit. (сноска 214, выше), pp. 54-55, где говорится следующее:

"В данном случае репрессалии... не содержатся в списке запрещенных действий. Означает ли это, что репрессалии, будучи формально запрещены в соответствии со статьей 46, разрешены в случае немеждународных конфликтов, о которых в единственном случае упоминается в статье 3? Как мы видим, действия, о которых говорится в подпунктах *a-d*, запрещаются полностью и постоянно без каких-либо исключений или оправданий. Поэтому любые репрессалии, которые влекут за собой эти действия, запрещены и, таким образом, запрещена и любая репрессалия, не совместимая с "гуманным обращением", безоговорочно требуемым в первом положении подпункта 1".

[223] См. Pictet (ibid.), p. 56, который заявляет следующее:

"Обращение с иностранцами во время гражданской войны, несовместимое с гуманитарными требованиями, или оправдание принципа, позволяющего им умирать от голода или подвергать их пыткам из-за отсутствия критерия национальной принадлежности, явилось бы отрицанием самого духа Женевских конвенций".

[224] См. Lattanzi, op. cit. (сноска 188, выше), pp. 293-302; а также De Guttry, *Le rappresaglie* .., op. cit. (сноска 184, выше), pp. 268-271. После объяснения того, что выбор тех или иных возможных мер принуждения зависит от государства, Анцилотти отметил, что государства *не являются полностью* свободными в своем выборе. Он привел в качестве примера ряд действий, осужденных законами военного времени, хотя и представляющих собой minus по сравнению с самими военными действиями, и сделал вывод о том, что эти действия должны быть осуждены a fortiori и в мирное время (op. cit. (сноска 175, выше), pp. 166-167).

[225] UNRIAA (см. сноску 178, выше), p. 1026.

[226] *Annuaire de l'Institut de droit international* (см. сноску 185, выше), p. 709.

[227] League of Nations, *Reports and Resolutions on the Subject of Article 16 of the Covenant, Memorandum and Collection of Reports, Resolutions and References prepared in Execution of the Council's Resolution of December 8th, 1926*, Geneva, 13 June 1927 (League of Nations publication, *V. Legal, 1927.V.14* (document A.14.1927.V)), p. 11.

[228] В этой связи в замечании к разделу 905, *Restatement of the Law, Third,* выражается та точка зрения, что "меры самопомощи против государства-правонарушителя не могут включать меры, направленные против граждан данного государства, которые противоречат принципам, регулирующим права человека иностранных граждан и *порядок обращения с ними**" (см. сноску 178, выше).

ным Штатам, тем не менее решил соблюдать на основе принципов гуманизма права граждан Соединенных Штатов, находящихся под юрисдикцией Китая[229]. Позднее во время кризиса, связанного с Фолклендскими (Мальвинскими) островами, Соединенное Королевство заморозило у себя в стране аргентинские активы, за исключением средств, которые были необходимы для покрытия "расходов на проживание, медицинское обслуживание, образование и аналогичные цели граждан Аргентинской Республики, проживающих в Соединенном Королевстве"[230].

21) Что касается гуманитарных ограничений в отношении мер, имеющих косвенные последствия для граждан государства, против которого осуществляется репрессалия, то в этой связи уместно привести следующие примеры, которые также цитируются без ущерба для позиций соответствующих государств. 15 мая 1979 года — после убийства 18 апреля 1979 года 85 молодых людей в Банги сотрудниками личной охраны Бокассы, правителя Центральноафриканской Империи— Франция в качестве ответной меры приостановила действие о финансовом сотрудничестве[231] с этой страной, сделав, однако, исключение для финансовой помощи в таких областях, как образование, обеспечение продовольствием и медикаментами[232]. При объявлении в 1986 году полной блокады торговых отношений с Ливийской Арабской Джамахирией Соединенные Штаты запретили экспорт "в Ливию любых товаров, технологий (включая технические данные или другую информацию) и услуг из Соединенных Штатов, за исключением публикаций и пожертвований таких товаров, которые призваны облегчить человеческие страдания, включая продовольствие, одежду, медикаменты, а также медицинские препараты, предназначенные исключительно для медицинских целей"[233]. После убийства итальянского исследователя в Сомали Комиссия по иностранным делам итальянского парламента приняла 1 августа 1990 года решение о приостановлении какой бы то ни было деятельности в Сомали, "прямо не предназначенной для оказания гуманитарной помощи"[234].

22) Тот факт, что гуманитарные ограничения учитываются государствами даже при принятии мер простой реторсии ввиду того, что они считают ущемленные интересы незащищенными юридически, придает ограничению по гуманитарным причинам еще большее значение, чем то, которое они имели бы, если бы сводились просто к репрессалиям[235]. Общая применимость этого ограничения также является следствием характера контрмер, принимаемых в порядке урегулирования того или иного вопроса между соответствующими государствами и необходимости обеспечения того, чтобы такие меры имели минимальные последствия для частных сторон, позволяющие избежать коллективного наказания[236].

23) Гуманитарные ограничения возможности потерпевшего государства прибегать к применению контрмер определяются основными требованиями, предъявляемыми к гуманному обращению. Вследствие беспрецедентного развития, которое право прав человека получило в последние годы, его нормы предусматривают минимальный стандарт гуманного обращения посредством выявления некоторых нерушимых прав человека, действие которых не может быть приостановлено и отступление от которых невозможно даже во время войны или в период иных чрезвычайных ситуаций в государстве[237]. В этом

---

[229] *Foreign Relations of the United States*, 1889, p. 132.

[230] Уведомление, направленное Банком Англии 13 апреля 1982 года (*British Yearbook of International Law,* vol. 53 (1982), p. 511.

[231] Некоторые авторы придерживаются той точки зрения, что по гуманитарным соображениям потерпевшее государство не должно прекращать или временно приостанавливать действие любой части договора, предусматривающего те или иные формы экономической помощи государству-правонарушителю с целью улучшения условий жизни части населения последнего: см. Cassese, op. cit. (сноска 188, выше), p. 271; и Boisson de Chazournes, op. cit. (сноска 198, выше), p. 153. Кроме того, в работе Elagab, op. cit. (сноска 184, выше), p. 194, высказывается мнение о том, что необходимо учитывать "концепцию взаимозависимости", выяснив, действительно ли и в какой степени такие меры имеют своей целью товары и услуги, имеющие жизненно важное значение для благосостояния государства, против которого эти меры направлены. Это соображение имеет особое значение в случае мер, направленных против развивающихся стран. Вместе с тем не все авторы придерживаются столь широкой интерпретации гуманитарного ограни чения в отношении контрмер. Например, см. Conforti, op. cit. (сноска 188, выше), p. 360.

[232] "Chronique...", RGDIP (1980), pp. 361 *et seq.*

[233] Исполнительное постановление № 12543 от 7 января 1986 года, раздел 1, воспроизведен в AJIL, vol. 80, No. 3 (July 1986), p. 630. Сходное положение содержится в исполнительном постановлении № 12722, в соответствии с которым Соединенные Штаты приняли меры против Ирака после его вторжения в Кувейт (раздел 2 *b*) (AJIL, vol. 84, No. 4 (October 1990), p. 903).

[234] По сообщениям газеты *La Repubblica* от 2 августа 1990 года, стр. 14.

[235] Запрещение в военное время репрессалий, о которых говорится в Женевских конвенциях 1949 года, отнюдь не обязательно распространяется на меры реторсии. См., например, комментарии к статье 46 первой Женевской конвенции, где после признания очевидной желательности запрещения таких мер указывается следующее:

> "Вместе с тем наибольшее значение имеет тот факт, что минимумом должно считаться полное соблюдение положений Конвенции, другими словами, отсутствие вмешательства в права защищаемых лиц. В случае льгот, выходящих за этот минимум, воюющая сторона совсем не обязательно должна соглашаться на их предоставление, а действовать лишь на основе взаимности. Может существовать даже опасность противодействия предоставлению таких льгот при наличии требования о том, что ни при каких обстоятельствах они не должны подлежать реторсии. Поэтому представляется более разумным сделать вывод о том, что статья 46 применяется лишь по отношению к репрессалиям в том виде, в котором они определены в начале комментария к настоящей статье" (Pictet, op. cit. (сноска 214, выше), p. 347).

[236] Аспект коллективного наказания запрещенных репрессалий косвенно затрагивается в комментарии к общей статье 3 Женевских конвенций. Там говорится следующее: "Захват заложников в качестве репрессалии, прелюдией к которой он зачастую бывает, противоречит современной идее правосудия в том смысле, что он основан на принципе коллективной ответственности за преступления. Все это наносит ущерб лицам, не виновным в совершении данного преступления, которое предполагается предотвратить или за которое предполагается наказать". (Ibid., p. 54).

[237] См., в частности, Morelli, op. cit. (сноска 177, выше), p. 362; Reuter, op. cit. (там же), p. 463; Рифаген, четвертый доклад (см. сноску 91, выше), стр. 21, paras. 88-89; Dominicé, "Observations ...", loc. cit. (сноска 188, выше), p. 62; E. Zoller, "Quelques réflexions

отношении Международный пакт о гражданских и политических правах признает нерушимость некоторых прав путем исключения их из сферы действия положения, разрешающего государствам-участникам отступать от своих обязательств в соответствии с Пактом в случае "чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой"[238]. Пакт не допускает отступлений от статьи 6, касающейся права на жизнь, статьи 7, касающейся права не подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, статьи 8 о праве не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, статьи 11, касающейся того, что никто не может быть лишен свободы только на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство, статьи 15 о праве, вытекающем из принципа nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege, статьи 16 о праве на признание правосубъектности и статьи 18, касающейся права на свободу мысли, совести и религии. Региональные договоры по правам человека, такие, как Американская конвенция о правах человека[239] и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод[240], а также теория права[241] содержат принципы, подтверждающие наличие основных или базовых прав человека, отступление от которых не допускается, хотя они и различаются в том, что касается порядка категоризации таких прав.

24) Фраза "basic human rights" ("основные права человека") ограничивает сферу текста "основополагающими" правами человека, отступление от которых невозможно ни в случае применения контрмер, ни при каких иных обстоятельствах. Комиссия предпочла фразу "basic human rights", использованную Международным судом в его решении по делу *Barcelona Traction*[242], фразе "fundamental human rights" ("основные права человека"), которая используется в пункте 3 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций и на толкование которой может оказать нежелательное влияние использование соответствующего словосочетания в рассматриваемом тексте. Кроме того, Комиссия использовала фразу "которое ущемляет" вместо фразы "которое не соответствует", с тем чтобы избежать дублирования идеи запрета, который является сутью статьи 14.

25) Подпункт *e* касается общего ограничения права потерпевшего государства применять контрмеры, исходя из правовой необходимости соблюдения императивной нормы международного права. Комиссия имплицитно признает наличие этого ограничения в части 1 проекта: во-первых, включив в число обстоятельств, исключающих противоправность, тот факт, что "деяние является закономерной в соответствии с международным правом мерой... вызванной его международно-противоправным деянием" (статья 30)[243]; и, во-вторых, подчеркнув незыблемость императивных норм даже в тех случаях, когда имеется согласие государства, в пользу которого существует нарушенное обязательство (пункт 2 статьи 29); и, в-третьих, в случае состояния необходимости (подпункт *a* пункта 2 статьи 33). Это соответствует Венской конвенции о праве договоров, которая признает уникальный характер императивной нормы как "нормы, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо". Кроме того, предусматриваемое императивной нормой ограничение способности потерпевшего государства прибегать к применению контрмер широко

---

sur les contre-mesures en droit international public", *Droit et libertés à la fin du XV siècle. Études offertes à Claude-Albert Colliard* (Paris, Pedone, 1984), p. 376; O. Schachter, "Self-help in international law: U.S. action in the Iranian hostages crisis". *Journal of International Affairs* (New York), vol. 37, 1983-1984, pp. 231-233; и De Guttry, *Le rappresaglie* .., op. cit. (сноска 184, выше), p. 271.

[238] Статья 4 Международного пакта о гражданских и политических правах.

[239] Статья 27 Американской конвенции о правах человека запрещает приостановление действия некоторых прав даже в периоды войны или чрезвычайного положения в государстве, а именно права на правосубъектность (статья 3), права на жизнь (статья 4), права на гуманное обращение (статья 5), права на свободу от рабства (статья 6), принципа отсутствия обратной силы у законов ex post facto (статья 9), свободы совести и религии (статья 12), прав семьи (статья 17), прав ребенка (статья 19), права на гражданство (статья 20), права на участие в управлении (статья 23), "и других судебных гарантий, необходимых для защиты таких прав".

[240] Статья 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод запрещает отступление - даже в период войны или других чрезвычайных положений в государстве - от статьи 2, касающейся права на жизнь, статьи 3 о праве не подвергаться пыткам, другим бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения, пункта 1 статьи 4, касающегося права не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, а также статьи 7, посвященной принципу nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege.

[241] Анализ вопроса о правах, отступление от которых не допускается, в качестве принципа обычного права см. в работе Lattanzi, op. cit. (сноска 188, выше), pp. 15 *et seq.* По мнению Т. Бургенталя, "международный консенсус по вопросу об основных правах должен быть достигнут в рамках концепции "грубых нарушений прав человека" и всех прав, которые подпадают под эту категорию. Другими словами, сегодня существует консенсус в отношении того, что геноцид, пытки, массовые убийства и массовые произвольные лишения свободы относятся к числу грубых нарушений" ("Codification and implementation of international human rights", *Human Dignity: The Internationalization of Human Rights*, L. Henkin, ed. (New York, Aspen Institute for Humanistic Studies, 1979), p. 17). По мнению М. Эль-Куэна, существует "абсолютный минимум прав индивидуума", который по меньшей мере включает право на жизнь, право не подвергаться пыткам или унижающим достоинство видам обращения и право не содержаться в рабстве или в подневольном состоянии *(Les garanties fondamentales de la personne en droit humanitaire et droits de l'homme* (Dordrecht, Nijhoff, 1986), p. 109). С. Медина-Кирога также считает, что некоторые права человека относятся к категории "основных прав" *(The Battle of Human rights. Gross, Systematic Violations and the Inter-American System* (Dordrecht, Martinus Nijhoff Publishers, 1988), p. 13). Т. Мерон не исключает возможности выделения различных категорий прав человека, хотя и предупреждает, что "за исключением некоторых случаев (например, право на жизнь или на свободу от пыток) крайне сложно установить, какие именно права являются более важными" ("On a hierarchy of international human rights", AJIL, vol. 80, No. 1 (January 1986), p. 4). Наиболее важными среди прав человека могут быть те права, содействие осуществлению и соблюдение которых является объектом обычного международного права.

[242] *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Second Phase, Judgment, I.C.J. Reports 1970*, p. 32.

[243] См. G. Gaja, *"Jus cogens* beyond the Vienna Convention", *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1981-III* (The Hague, Nijhoff, 1982), vol. 172, p. 297.

признается в современном праве со времени второй мировой воины[244].

26) Смысл формулировки и структуры подпункта *e* заключается в том, чтобы продемонстрировать его неисчерпывающий характер и избежать нежелательных толкований a contrario. Так, фраза "любое другое поведение" имеет целью показать, что некоторые виды поведения, охватываемые подпунктами *a-d,* в особенности угроза силой или ее применение, отходят от императивных норм, но вместе с тем там конкретно не указано, все ли формы поведения, перечисленные в этих подпунктах, отступают от подобных норм. Члены Комиссии осознают, что подпункт *e* может оказаться не столь строго необходимым, поскольку по своему определению отступление от норм jus cogens не допускается посредством применения контрмер или иным образом. Вместе с тем Комиссия считает, что ссылка на jus cogens обеспечила бы постепенную корректировку статей с учетом эволюции юридической мысли в этой области и в этом отношении была бы весьма полезной.

ЧАСТЬ 3[245]

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ

Статья 1. Переговоры

В случае возникновения спора между двумя или несколькими государствами - участниками настоящих статей относительно их толкования или применения, они по просьбе любого из них, стремятся урегулировать его миролюбиво путем переговоров.

Комментарий

1) Статья 1 предусматривает переговоры в качестве возможного первого шага в общей системе урегулирования споров. Общая ссылка на "спора... относительно толкования или применения настоящих статей" указывает, что это положение является частью общих положений об урегулировании споров. Рассмотрение переговоров в первой статье части 3 определяет этот метод урегулирования споров в качестве первого шага в общей системе урегулирования споров. Зачастую переговоры являются первым шагом в любом процессе урегулирования споров либо как средство урегулирования споров, либо как средство достижения согласия относительно должной процедуры урегулирования споров или осуществления ранее существовавшей договоренности об урегулировании споров, например, путем определения вопросов факта и права, которые лежат в основе спора, подлежащего урегулированию. Термин "переговоры" используется как можно в более широком значении и включает фазу консультаций.

2) Статья 1 предусматривает проведение переговоров по просьбе любой стороны в споре, касающемся толкования или применения настоящих статей. Эта статья признает, что такой спор может возникнуть "между двумя или несколькими государствами - участниками настоящих статей". Фраза "по просьбе любого из них" используется, чтобы указать, что переговоры могут быть начаты по просьбе одного из потерпевших государств или предполагаемого государства-правонарушителя.

3) Обязательный характер процедуры переговоров указан с помощью использования фразы "they shall". Просьба от одной из сторон в споре порождает обязательство всех сторон в споре участвовать в переговорах добросовестно с целью урегулирования спора. Начало переговоров "по просьбе" — формальность, которая обычно не требуется для переговоров, имеет целью избежать любой двусмысленности в отношении события, которое порождает обязательства всех сторон в споре стремиться решать его путем переговоров. Фраза "стремятся урегулировать его миролюбиво путем переговоров" указывает, что обязательство проводить переговоры является одним из средств, а не результатом. Стороны в споре обязаны только вести переговоры, а не урегулировать спор с помощью переговоров. Термин "миролюбиво" используется для того, чтобы указать обстановку, которая должна царить в отношениях между сторонами при проведении переговоров с целью достижения согласованного урегулирования их спора.

4) Процедурное обязательство вести переговоры, предусмотренное в статье, представляет собой возможное ограничение свободы выбора сторон в споре в отношении процедур урегулирования в отсутствие более жесткой согласованной процедуры. Однако стороны сохраняют полный контроль над обязательной процедурой переговоров в силу отсутствия любого участия третьей стороны. Более того, результаты переговоров являются обязательными для сторон лишь в той степени, в какой они соглашаются с урегулированием или процедурой урегулирования.

---

[244] Lattanzi, op. cit. (сноска 188, выше), p. 306, *et seq;* Reuter, op. cit. (там же), p. 463; K. Zemanek, "La responsabilité des États pour faits internationalement illicites ainsi que pour faits internationalement licites", *Responsabilité internationale* (Paris, Pedone, 1987-1988), p. 84; Gaja, op. cit. (сноска 243, выше), p. 297; D. Alland, "International responsibility and sanctions: self-defence and countermeasures in the ILC codification of rules governing international responsibility", *United Nations Codification of State Responsibility,* M. Spinedi and B. Simma, eds. (New York, Oceana Publications, 1987), p. 185; Elagab, op. cit. (сноска 184, выше), p. 99; и Sicilianos, op. cit. (сноска 194, выше), pp. 340-344.

[245] Комиссия признает, что принятие статей, содержащихся в части 3 и в приложении, не наносит ущерба ее будущей работе по любым другим аспектам темы. В частности, Комиссия признает необходимым рассмотреть проблему сосуществования обязательств по урегулированию споров в соответствии с частью 3 проектов статей об ответственности государств и любых обязательств по урегулированию споров, вытекающих из других договоров, которые заключены до или после вступления в силу будущей конвенции об ответственности государств. Комиссия приняла проекты статей, содержащиеся в части 3 и в приложении, на основе этих договоренностей в отношении ее будущей работы.

Комиссия также признает, что при возобновлении работы по вопросу об урегулировании споров она должна также рассмотреть содержащееся в седьмом докладе Специального докладчика предложение об урегулировании споров, относящихся к международно-противоправным деяниям, характеризуемым в качестве преступлений государств по статье 19 части 1 проекта (см. сноску 39, выше).

Статья 2. Добрые услуги и посредничество

Любое государство - участник настоящих статей, не являющееся стороной в споре, может по своей собственной инициативе или по просьбе любой стороны в споре предоставить свои добрые услуги или предложить посредничество с целью содействовать миролюбивому урегулированию спора.

Комментарий

1) Статья 2 предусматривает добрые услуги или посредничество в качестве возможного другого шага в общей системе урегулирования споров. Это положение применяется к той же широкой категории споров, которая рассматривается в предыдущей статье.

2) Имеется два пути, по которым может быть осуществлена процедура добрых услуг или посредничества, предусмотренная в статье 2. Во-первых, государство, которое отвечает двум критериям, требуемым для осуществления роли третьей стороны в этой процедуре, "может по своей собственной инициативе... предоставить свои добрые услуги или предложить посредничество". Государство должно быть участником статей об ответственности государств. Любое государство, которое является участником конвенции, заинтересовано в разрешении споров, связанных с толкованием или применением ее положений. Кроме того, третье государство не должно быть стороной в споре. Объективность и беспристрастность третьей стороны является важной для эффективного осуществления ее роли в содействии разрешению спора между сторонами. Признание права такого государства предложить свою помощь сторонам в решении их спора имеет целью избежать возможность того, чтобы такое предложение рассматривалось сторонами как неблаговидная попытка вмешаться в их спор. Во-вторых, любая сторона в споре может запросить применения процедуры добрых услуг или посредничества, предусмотренной в статье 2. Процедура с участием третьей стороны, начатая по просьбе одной из сторон в споре, может осуществляться любым государством, которое удовлетворяет этим двум критериям.

3) Второй шаг в общей системе урегулирования споров является консенсуальным по характеру как в отношении возбуждения процедуры, так и урегулирования спора по завершении процедуры. В то время как либо потерпевшее государство, либо государство-правонарушитель могут запрашивать добрые услуги или посредничество, эта процедура урегулирования споров с участием третьей стороны может быть возбуждена лишь при согласии сторон в споре. В этом отношении статья 2 согласуется с принципом свободы выбора в отношении процедур урегулирования споров. Кроме того, роль третьей стороны ограничена "содействием миролюбивому урегулированию спора". Разрешение спора в качестве следствия этой процедуры будет зависеть от согласия сторон в споре. Термин "миролюбивому" используется, чтобы указать обстановку, которая должна царить в отношениях между сторонами в процессе поиска согласованного урегулирования их спора с помощью согласованной процедуры с участием третьей стороны.

4) Прежде чем принять добрые услуги или посредничество в соответствии со статьей 2, сторонам в споре нет необходимости начинать или завершать обязательные переговоры, предусмотренные в статье 1. Стороны могут договориться попытаться решить их спор с участием третьей стороны в соответствии с любой из этих процедур, при этом нет необходимости, чтобы какая-либо сторона в споре начала обязательные переговоры, предусмотренные в статье 1. Даже если такие переговоры были начаты, стороны могут принять решение о том, что спор, по-видимому, не будет решен с помощью переговоров, и согласиться применить процедуру с участием третьей стороны в том виде, в каком она предусмотрена в статье 2. Процедуру добрых услуг или посредничества можно также рассматривать в качестве вспомогательного средства к переговорам сторон, поскольку цель этих процедур с участием третьей стороны состоит в том, чтобы содействовать согласованному урегулированию спора сторонами.

Статья 3. Примирение

Если по истечении трех месяцев со дня первого предложения о проведении переговоров спор не урегулирован по договоренности и не предусмотрено средство обязательного урегулирования с участием третьей стороны, любая сторона в споре может вынести его для достижения примирения в соответствии с процедурой, изложенной в Приложении к настоящим статьям.

Комментарий

1) Статья 3 предусматривает примирение в качестве возможного третьего шага в общей системе урегулирования споров. Эта статья применяется к той же широкой категории споров, что и две предшествующие статьи. Подобным образом пересмотренный Общий акт о мирном урегулировании международных споров предусматривает в статье 1 примирение в случае, если стороны в споре не могут урегулировать его дипломатическим путем.

2) Данное положение имеет целью регулировать ситуации, в которых спор не был разрешен в течение разумного периода с помощью обязательных переговоров, предусмотренных в статье 1, и если не была возбуждена процедура обязательного урегулирования с участием третьей стороны. Любая сторона в споре может в одностороннем порядке возбудить процедуру примирения, предусмотренную в статье 3, если удовлетворены два условия. Во-первых, стороны в споре не смогли достичь согласованного урегулирования их спора с помощью любого средства в течение трех месяцев после запроса о переговорах в соответствии со статьей 1. Во-вторых,

стороны фактически не возбудили и не передали свой спор на урегулирование в рамках процедуры обязательного урегулирования с участием третьей стороны до конца этого же периода.

3) Первое условие обеспечивает сторонам в споре разумную возможность урегулировать свои разногласия без вмешательства третьей стороны. Процедура примирения, предусмотренная в статье 3, не может быть задействована до тех пор, пока стороны не попытаются урегулировать свой спор путем переговоров в течение разумного периода. Пересмотренный Общий акт о мирном урегулировании международных споров характеризуется аналогичным подходом.

4) Второе условие отдает предпочтение свободе выбора сторон применительно к отбору более строгой обязательной процедуры с участием третьей стороны для урегулирования их спора. Существуют два пути, в соответствии с которыми стороны могут предусмотреть такую процедуру. Они могут предусмотреть процедуру обязательного урегулирования с участием третьей стороны на основе предшествующего соглашения или договоренности, например, на основе общего соглашения об урегулировании спора, применимого договора, содержащего конкретное положение об урегулировании спора или предварительного признания сторонами факультативной клаузулы, содержащейся в статье 36 Статута Международного Суда. Стороны могут также предусмотреть такую процедуру в соответствии с соглашением, заключенным после возникновения спора с конкретной целью урегулирования этого спора. Слово "предусмотрено" является весьма важным. Оно призвано обеспечить, чтобы спор действительно был передан на рассмотрение в рамках процедуры обязательного урегулирования с участием третьей стороны тем или иным путем.

5) Статья 3 позволяет стороне в одностороннем порядке начать процедуру примирения с целью воспрепятствовать тому, чтобы затяжные переговоры использовались одной из сторон в качестве предлога для отсрочки урегулирования указанного спора. Считается, что три месяца дают сторонам достаточное время для определения того, может ли спор быть урегулирован с помощью переговоров; в противном случае они могут задействовать процедуру обязательного урегулирования с участием третьей стороны по их выбору. Обе стороны могут также согласиться продолжить переговоры, если ни одна из сторон не решит в одностороннем порядке возбудить процедуру примирения, предусмотренную в этой статье.

6) Потерпевшее государство или предполагаемое государство-правонарушитель могут вынести спор с целью достижения примирения в соответствии с статьей 3 без согласия какой-либо другой стороны в споре, если при этом удовлетворяются необходимые условия. Обязательный характер процедуры примирения, предусмотренной в статье, представляет собой шаг вперед в области процедур урегулирования спора, обеспечивая участие третьей стороны в урегулировании спора без согласия всех сторон в споре. Однако результаты примирения являются обязательными для сторон лишь в той степени, в которой они достигают согласованного урегулирования.

7) Состав и задача согласительной комиссии определяются в приложении и в следующей статье с целью обеспечить, чтобы применение процедуры обязательного примирения, предусмотренной в статье 3, не затягивалось и исключалось вследствие того, что стороны не смогли прийти к соглашению по этим вопросам.

Статья 4. Задача согласительной комиссии

1. Задача согласительной комиссии заключается в прояснении спорных вопросов, сборе с этой целью всей необходимой информации путем проведения расследования или иными способами и содействии тому, чтобы стороны в споре пришли к урегулированию.

2. С этой целью стороны предоставляют комиссии заявление с изложением своей позиции в отношении спора и фактов, на которых такая позиция основана. Кроме того, они предоставляют комиссии любую дополнительную информацию или подтверждения, которые она может запросить, и помогают комиссии в любом независимом установлении фактов, к которому она, возможно, пожелает прибегнуть, включая установление фактов на территории любой из сторон в споре, если только какие-либо исключительные причины не делают это непрактичным. В этом случае такой участник предоставляет комиссии объяснение с изложением таких исключительных причин.

3. Комиссия может по своему усмотрению обращаться с предварительными предложениями к любой из сторон или всем сторонам без ущерба для ее окончательных рекомендаций.

4. Рекомендации сторонам излагаются в докладе, который подлежит представлению не позднее чем через три месяца со дня официального создания комиссии, и Комиссия может устанавливать срок, в который стороны обязаны откликнуться на эти рекомендации.

5. Если отклик сторон на рекомендации Комиссии не ведет к урегулированию этого спора, то Комиссия может представить им окончательный доклад с изложением своей собственной оценки спора и своих рекомендаций по урегулированию.

Комментарий

1) В статье 4 излагается задача согласительной комиссии, о которой говорится в предыдущей статье. В *пункте 1* в широком смысле определяется общая задача, возлагаемая на согласительную комиссию, а именно а) прояснение вопросов права или факта, являющихся

предметом спора сторон, b) сбор информации, необходимой для того, чтобы пролить свет на такие вопросы путем проведения расследования или иными способами и c) содействие тому, чтобы стороны пришли к согласованному урегулированию своего спора. Этот пункт аналогичен пункту 1 статьи 15 пересмотренного Общего акта о мирном урегулировании международных споров и статье 15 Европейской конвенции о мирном урегулировании споров. В остальных пунктах более подробно рассматривается выполнение этой общей задачи на четырех возможных стадиях.

2) *Пункт 2* касается стадии сбора информации в рамках согласительной процедуры. Отправной точкой деятельности согласительной комиссии является выяснение позиций сторон в споре и определение областей согласия или несогласия. Стороны обязаны предоставить согласительной комиссии "заявление с изложением своей позиции в отношении спора и фактов, на которых такая позиция основана", в качестве первого шага на стадии сбора информации. Согласительная комиссия может запросить дополнительную информацию в целях надлежащего определения соответствующих фактов, являющихся предметом спора сторон. Таким образом, стороны обязаны "предоставить комиссии любую дополнительную информацию или подтверждения, которые она может запросить". Согласительная комиссия может использовать также различные средства, такие, как расследование, для сбора другой требуемой информации, с тем чтобы предложить сторонам рекомендуемое урегулирование.

3) Согласительная комиссия может счесть необходимым прибегнуть к независимому установлению фактов для сбора соответствующей информации, касающейся спора. Это может включать установление фактов на территории одной или нескольких сторон в споре в зависимости от конкретных спорных фактов. Стороны обязаны "помогать комиссии в любом независимом установлении фактов, к которому она, возможно, пожелает прибегнуть, включая установление фактов на территории любой из сторон в споре, если только какие-либо исключительные причины не делают это непрактичным". Согласительной комиссии, возможно, потребуется провести консультации с соответствующей стороной для достижения необходимых практических договоренностей в целях проведения такого установления фактов. Обязательство государства, являющегося стороной в споре, разрешать проводить установление фактов на своей территории является существенным шагом вперед с точки зрения современного состояния развития правовых норм, касающихся мирного урегулирования споров, которые, как правило, требуют согласия государства. Комиссия сочла, что стороны должны при необходимости разрешать проведение деятельности по установлению фактов на своей территории для разрешения спора. Комиссия также признала возможность возникновения исключительных случаев, в которых для какого-либо государства будет непрактично разрешать проведение такого установления фактов. В этом случае соответствующая сторона должна предоставить согласительной комиссии объяснение с изложением таких исключительных причин отказа от разрешения проводить установление фактов. Это требование направлено на то, чтобы позволить согласительной комиссии определить, не является ли данный отказ исключительно попыткой воспрепятствовать процессу урегулирования. Согласительная комиссия может сделать соответствующие выводы в отношении оспариваемых фактов на основании отказа какой-либо стороны в споре разрешить проведение установления фактов на своей территории[246].

4) *Пункт 3* касается второй стадии согласительной процедуры. После завершения начальной стадии сбора информации согласительная комиссия "может по своему усмотрению обращаться с предварительными предложениями к любой из сторон или ко всем сторонам без ущерба для ее окончательных рекомендаций". Эти предварительные предложения могут служить ускорению процесса урегулирования спора, если стороны согласны с предлагаемым урегулированием. Эта факультативная стадия также предназначена для того, чтобы предоставить согласительной комиссии возможность получить мнение сторон в отношении предлагаемого ею решения и, если оно неприемлемо, подготовить пересмотренную окончательную рекомендацию в попытке достичь урегулирования. От согласительной комиссии не требуется представлять, а участники не правомочны запрашивать какие-либо предварительные предложения.

5) Пункт 3 также предназначен для того, чтобы позволить согласительной комиссии сделать предварительные предложения, носящие характер временных мер. Эти меры могут, например, включать призыв к сторонам в споре воздерживаться от любых действий, способных нанести непоправимый ущерб или еще более усложнить задачу урегулирования спора. Согласительная комиссия может предложить по своей собственной инициативе и по своему усмотрению любые соответствующие временные меры с целью содействия урегулированию спора. Стороны не правомочны просить о таких мерах. Временные меры могут носить рекомендательный характер в соответствии с необязательным характером согласительной процедуры. Венская конвенция о праве междуна-

---

[246] Это соответствует решению МС по делу *Corfu Channel*, в котором Суд постановил следующее:

"С другой стороны, наличие такого исключительного территориального контроля, осуществляемого каким-либо государством в рамках своих границ, имеет отношение к методам доказывания, позволяющим установить осведомленность этого государства в отношении таких событий. Ввиду этого исключительного контроля другое государство, являющееся жертвой нарушения международного права, зачастую неспособно предоставить прямые доказательства фактов, влекущих за собой ответственность. Такому государству должен быть предоставлен более либеральный доступ к заключениям по фактам и к косвенным доказательствам. Такие косвенные доказательства допускаются во всех правовых системах, и их использование признается в решениях международных органов. Их следует рассматривать как имеющие особое значение, когда они основаны на серии взаимосвязанных фактов и логически ведут к одному выводу".

Corfu Channel (сноска 189, выше), p. 18.

родных договоров также предусматривает в пункте 4 приложения к ней, что согласительная комиссия, упоминаемая в приложении к ней "может обращать внимание сторон в споре на любые меры, могущие облегчить полюбовное решение спора".

6) *Пункт 4* касается третьего этапа процедуры примирения. После сбора необходимой информации и проведения со сторонами консультаций по каким-либо предварительным предложениям согласительная комиссия должна представить сторонам доклад, содержащий ее рекомендации относительно урегулирования спора не позднее, чем через три месяца после ее создания. Считалось, что это - разумный срок для выполнения согласительной комиссией ее задачи. Кроме того, такой относительно короткий срок вряд ли существенно задержит использования других процедур урегулирования споров, если спор не удастся урегулировать путем примирения. Согласительная комиссия может указать в своем докладе тот срок, в течение которого стороны должны представить свои ответы на ее рекомендации. Стороны могут одобрить эти рекомендации, и это приведет к согласованному урегулированию спора. В своем ответе стороны могут указать также, что выполнение данных рекомендаций связано для них с определенными трудностями. В этом случае у согласительной комиссии будет иметься возможность рассмотреть точки зрения сторон и еще раз попытаться урегулировать спор, как это предусматривается в пункте 5 этой статьи. Согласительная комиссия может установить предельные сроки для представления сторонами их замечаний по ее рекомендациям с целью избежания ненужной задержки в процессе урегулирования спора. Использование термина "рекомендации" находится в полном соответствии с необязательным характером процедуры примирения.

7) В *пункте 5* предусматривается возможность четвертого этапа процедуры примирения в тех случаях, когда ответы, представленные сторонами на рекомендации согласительной комиссии, не привели к согласованному урегулированию спора. Этот заключительный этап предназначен для того, чтобы согласительная комиссия имела последнюю возможность добиться согласованного урегулирования спора сторонами. Исходя из ответов сторон, согласительная комиссия может прийти к выводу о том, что ее рекомендация с некоторыми поправками может служить основой для согласованного урегулирования. В таком случае согласительная комиссия может представить сторонам "окончательный доклад с изложением своей собственной оценки спора и своих рекомендаций по урегулированию". Цель этого - дать согласительной комиссии возможность представить сторонам свою собственную оценку положения с целью содействия согласованному урегулированию спора, а не оценку уместности ответов сторон на ее рекомендации. Однако согласительная комиссия может также прийти к выводу о том, что представление окончательного доклада не будет иметь никакой практической пользы, и поэтому она может решить не представлять такой доклад. Например, в своем ответе стороны могут указать, что рекомендации согласительной комиссии или какой-либо ее вариант не могут служить основой для согласованного урегулирования, или же стороны могут по договоренности прибегнуть к какой-либо другой процедуре урегулирования споров.

Статья 5. Арбитраж

1. Если согласительная комиссия, предусмотренная в статье 3, не будет создана или если согласованное урегулирование не будет достигнуто в течение шести месяцев со дня опубликования доклада комиссии, стороны в споре могут по договоренности передать спор в арбитражный суд, создаваемый в соответствии с Приложением к настоящим статьям.

2. Однако, когда, в случае возникновения спора между государствами - участниками настоящих статей, одно из них принимает контрмеры против другого, государство, против которого они принимаются, имеет право в любое время в одностороннем порядке вынести спор на рассмотрение арбитражного суда, создаваемого в соответствии с Приложением к настоящим статьям.

Комментарий

1) В статье 5 предусматриваются два вида арбитражного разбирательства, т.е.: a) добровольное арбитражное разбирательство по договоренности обеих сторон в споре в рамках общей системы урегулирования споров и b) обязательное арбитражное разбирательство по односторонней инициативе предполагаемого государства-нарушителя, против которого были приняты контрмеры, т.е. специальный режим урегулирования споров, касающихся применения контрмер.

2) В *пункте 1* предусматривается возможность арбитражного разбирательства по договоренности сторон в споре в качестве возможного четвертого шага в рамках общей системы урегулирования споров. Основная цель его — рассмотрение ситуаций, в которых спор не был урегулирован в течение разумного периода времени в рамках первых трех этапов общей процедуры урегулирования споров, предусмотренной в статьях 1, 2 и 3, или же с помощью каких-либо других средств. В пункте предусматривается, что стороны могут договориться передать свой спор на арбитраж в двух случаях: a) когда не была использована процедура примирения, предусмотренная в статье 3, или b) когда процедура примирения использовалась, но стороны не смогли прийти к согласованному урегулированию их спора в течение шести месяцев после представления согласительной комиссией ее доклада, не имеющего обязательную силу. В статье 21 пересмотренного Общего акта о мирном урегулировании споров также предусматривается возможность арбитражного разбирательства, если процедура примирения не завершилась достижением согласованного урегулирования сторонами их спора.

3) Цель пункта 1 — предусмотреть возможность использования процедуры обязательного урегулирования спора с участием третьей стороны в качестве эффективного средства разрешения споров между государствами — участниками настоящих статей в рамках общей процедуры урегулирования споров. Стороны могут, прежде чем выносить свой спор на рассмотрение в рамках арбитражного разбирательства, имеющего обязательную силу, сначала попытаться урегулировать свой спор путем переговоров без участия какой-либо третьей стороны или же путем использования не имеющей обязательную силу процедуры с участием третьей стороны. Однако они могут также пожелать ускорить процесс урегулирования спора, договорившись передать свой спор на арбитражное разбирательство или же судебное урегулирование, не пытаясь предварительно разрешить его с помощью других средств. Аналогичным образом стороны в споре могут по договоренности определить полномочия и состав арбитражного суда. В отсутствии такой договоренности стороны могут передать свой спор в арбитражный суд, который создается в соответствии с положениями приложения, и полномочия которого предусмотрены в последующей статье. Цель таких дополнительных положений — обеспечить, чтобы в случае, если стороны не договорятся по таким вопросам, не было никаких задержек и препятствий в проведении арбитражного разбирательства и чтобы можно было эффективно реализовать договоренность сторон относительно урегулирования их спора путем арбитражного разбирательства. Ничто не мешает сторонам в споре по взаимному согласию обратиться в любой другой суд, в том числе и в случае, предусмотренном в пункте 2 статьи 5.

4) В *пункте 2* устанавливается специальный режим обязательного арбитражного разбирательства в случае, когда возникает спор, а потерпевшее государство принимает контрмеры. В таком случае предполагаемое государство-нарушитель, против которого принимаются контрмеры, имеет право в одностороннем порядке возбудить обязательное арбитражное разбирательство. Со своей стороны потерпевшее государство не имеет права в одностороннем порядке возбуждать арбитражное разбирательство. Напротив, оно обязано после принятия контрмер передать спор на арбитраж. Исключительный характер особого режима урегулирования споров, связанных с применением контрмер, отмечен в тексте выражением "Однако, когда". Таким образом, предполагаемое государство-нарушитель может возбудить арбитражное разбирательство, предварительно не пытаясь урегулировать спор какими-либо другими средствами, предусмотренными общей системой урегулирования споров. Выражение "в любое время" используется для того, чтобы избежать в данном отношении какой-либо двусмысленности.

5) Принятие контрмер служит основанием для возникновения одностороннего права предполагаемого государства-нарушителя прибегать к обязательной процедуре арбитражного разбирательства. Однако под арбитражное разбирательство подпадает не только правомерность принятия контрмеры, но и основной спор, приведший к принятию этой контрмеры потерпевшим государством. В свою очередь спор может затрагивать не только вопросы, касающиеся вторичных норм, содержащихся в проекте статей об ответственности государств, но и первичные нормы, которые были якобы нарушены. В практическом плане арбитражному суду будет сложно определить правомерность принятых контрмер, не рассмотрев сначала некоторые связанные с этим вопросы, например вопрос о том, была ли нарушена первичная норма и было ли нарушение совершено именно тем государством, которому оно вменяется. Более широкий подход к сфере применения арбитражного разбирательства будет также способствовать более полному, эффективному и оперативному урегулированию спора благодаря разрешению всех связанных с этим вопросов. В Комиссии высказывались различные мнения относительно того, должны ли проекты статей об ответственности государств содержать такие далеко идущие положения в отношении урегулирования споров.

6) Полномочия и состав арбитражного суда для целей обязательного арбитражного разбирательства определены в последующей статье и в приложении, чтобы не происходило никаких задержек в арбитражном разбирательстве и не возникало никаких препятствий для этого в том случае, если стороны не договорятся между собой по таким вопросам.

Статья 6. Полномочия арбитражного суда

1. Арбитражный суд, принимающий обязательное решение по любым вопросам факта или права, которые могут вызывать разногласия между сторонами или уместны в силу какого-либо положению настоящих статей, действует в соответствии с регламентом, установленным или упомянутым в Приложении к настоящим статьям, и представляет свое решение сторонам в течение шести месяцев с даты завершения подачи письменных или устных заявлений и представлений сторон.

2. Суд вправе прибегнуть к любому установлению фактов, которое он считает необходимым для выяснения обстоятельств дела.

Комментарий

1) В статье 6 определяются общие полномочия арбитражного суда, речь о котором идет в статье 5 и пункте 2 статьи 7.

2) В *пункте 1* предусматривается, что арбитражный суд принимает решения "по любым вопросам факта или права, которые могут вызывать разногласия между сторонами или уместны в силу какого-либо положения настоящих статей". Первый критерий предполагает, что спор, передаваемый на рассмотрение арбитражного суда, определяется на основе вопросов факта или права, которые, по мнению сторон в споре, являются предметом их

разногласий. Второй критерий — это стандартная формулировка, используемая в положениях об урегулировании споров в различных международных соглашениях. Комиссия признала, что для обеспечения разрешения споров между сторонами необходимо, чтобы этот критерий имел определенную степень гибкости в рамках данных статей. Арбитражному суду, возможно, потребуется рассмотреть различные вопросы факта или права для разрешения спора в отношении толкования или применения положений настоящих статей, включая положения, касающиеся принятия контрмер. Например, арбитражному суду, возможно, необходимо будет рассмотреть вопросы, касающиеся первичных норм международного права, которыми руководствовались стороны, предполагаемые нарушения этих норм, вопрос о том, были ли какие-либо из этих нарушений совершены именно тем государством, которому они вменяются, правомерность контрмер и последствия нарушения норм международного права любой из сторон в связи с первоначальным противоправным актом или противоправной контрмерой. Выражение "любым вопросом" используется для того, чтобы охватить все вопросы факта или права, по которым арбитражному суду, возможно, потребуется принять решение для урегулирования спора между сторонами в отношении положений настоящих статей.

3) В пункте 1 предусматривается также, что арбитражный суд принимает по соответствующим вопросам "обязательное" решение в соответствии с обычно обязательным характером арбитражного решения. Возможно, арбитражному суду необходимо будет также принять временные обязательные или защитительные меры для содействия разрешению спора между сторонами, включая распоряжение о прекращении противоправного деяния и о приостановке действия контрмер. Такие меры будут носить временный характер до окончательного разрешения спора с помощью арбитражного решения. Арбитражный суд изначально наделяется полномочиями принимать такие обязательные промежуточные или защитительные меры, если они потребуются для обеспечения эффективного выполнения возложенной на него задачи, т.е. для разрешения спора между сторонами. Это находится в соответствии с обязательным характером процедуры урегулирования споров с участием третьей стороны. Комиссия считала, что полномочия и процедуры арбитражного суда, включая его право принимать промежуточные меры, в целом понятны и не требуют дальнейшего разъяснения в этом пункте.

4) Это положение предусматривает, что арбитражный суд должен представлять свое решение сторонам "в течение шести месяцев с даты завершения письменных или устных заявлений и представлений сторон". Комиссия сочла полезным предусмотреть предельные сроки для завершения работы арбитражного суда, и, по ее мнению, шестимесячный срок, начинающийся с даты завершения окончательных представлений сторонами, обеспечивает в этом плане достаточно разумный период времени.

5) В *пункте 2* предусматривается, что арбитражный суд вправе прибегнуть к любому установлению фактов, которое он считает необходимым для выяснения обстоятельств дела". В этом пункте признается важность того, чтобы арбитражный суд мог прибегать к установлению фактов, если он считает, что это необходимо для выяснения обстоятельств, лежащих в основе спора между сторонами. Арбитражный суд имеет право заниматься "любым установлением фактов", которое он сочтет необходимым для разрешения спора по фактическим вопросам, включая установление фактов на территории одной из сторон в споре. Хотя для сторон не предусматривается никаких обязательств в отношении разрешения проводить установление фактов в соответствии с настоящим пунктом, по мнению Комиссии, их следует призывать к этому, чтобы они облегчали работу арбитражного суда и содействовали урегулированию их споров. Кроме того, арбитражному суду следует разрешить делать соответствующие выводы в связи с отказом одной из сторон разрешить такое установление фактов, как это уже обсуждалось в связи со статьей 4.

Статья 7. Действительность арбитражного решения

1. Если действительность арбитражного решения оспаривается любой из сторон в споре и если в течение трех месяцев с даты оспаривания стороны не договариваются о другом суде, Международный Суд по своевременной просьбе любой из сторон компетентен подтвердить действительность решения или объявить решение недействительным целиком или в какой-либо его части.

2. Любой спорный вопрос, оставшийся неурегулированным в результате объявления решения недействительным, по просьбе любой из сторон может быть передан на новое арбитражное разбирательство арбитражному суду, создаваемому в соответствии с Приложением к настоящим статьям.

Комментарий

1) В статье 7 рассматривается ситуация, которая может возникнуть после арбитражного разбирательства, если одна из сторон в споре оспаривает действительность принятого арбитражного решения. Такая ситуация может создаться в отношении спора, передаваемого на арбитраж по договоренности в рамках общей системы урегулирования споров или же по односторонней инициативе предполагаемого государства-нарушителя, против которого принимаются контрмеры, на основе специальной системы урегулирования споров, изложенной в статьях. Цель этой статьи — воспрепятствовать тому, чтобы какая-либо из сторон в споре выдвигала необоснованные утверждения о недействительности, пытаясь тем самым избежать выполнения невыгодного для нее арбитражного решения. Другая ее цель — помешать тому, чтобы стороны в споре, касающемся принятия контрмер, пытались подорвать действие специального режима урегулирования споров в отношении таких споров, не признавая результаты обязательного арбитражного разбирательства и

выдвигая с этой целью необоснованные утверждения о недействительности арбитражного решения. Если стороны не смогли договориться о применении другой процедуры урегулирования споров, касающихся действительности арбитражного решения, то для этого случая в статье предусматривается механизм урегулирования таких споров путем передачи их в МС по односторонней просьбе любой из сторон. В отношении вопроса о том, следует ли такие ситуации рассматривать в части 3, высказывались различные мнения. Некоторые члены Комиссии выразили обеспокоенность в связи с расширением процесса урегулирования споров путем подключения к нему МС в отношении арбитражных разбирательств. Комиссия решила включить эту статью не для того, чтобы предусмотреть процедуру обжалования, а для того, чтобы обеспечить эффективность арбитражного рассмотрения, предусматриваемого в статье 5 в качестве средства урегулирования споров между государствами - участниками настоящих статей. Данное положение аналогично положениям статей 36 и 37 Типовых правил арбитражной процедуры[247].

2) Цель *пункта 1* - обеспечить эффективный механизм разрешения вопросов, касающихся действительности арбитражного решения. В настоящем пункте предусматривается, что любая сторона в споре может, обратившись со своевременной просьбой, в одностороннем порядке передать спор, касающийся действительности арбитражного решения, в Международный Суд, если при этом удовлетворены два требования: во-первых, если одна из сторон в споре оспаривает действительность арбитражного решения, во-вторых, если сторонам не удалось договориться о том, чтобы передать спор, касающийся действительности арбитражного решения, в другой суд в течение трех месяцев с момента вынесения этого решения. Как это признается в Типовых правилах арбитражной процедуры, срок, в течение которого может быть оспорена действительность арбитражного решения и подана соответствующая просьба о проведении судебного рассмотрения вопроса о его действительности, может зависеть от конкретных причин его недействительности[248].

3) Компетенция Международного Суда проводить судебное разбирательство, предусматриваемая в пункте 1, ограничивается либо a) подтверждением действительности арбитражного решения в случае отсутствия каких-либо оснований считать его недействительным или b) объявлением данного решения полностью или частично недействительным по конкретным причинам. Комиссия отметила, что возможными основаниями для оспаривания действительности арбитражного решения являются те, которые указаны в статье 35 Типовых правил арбитражной процедуры[249]. В компетенцию Суда не будет входить пересмотр фактических и правовых определений, выносимых арбитражным судом, или же существа арбитражного решения. Таким образом, пункт 1 предусматривает проведение ограниченного разбирательства в отношении действительности арбитражного решения, а не проведения апелляционного рассмотрения арбитражного решения или же его общего пересмотра. МС может проводить оба вида таких разбирательств[250]. В отсутствие заявления о недействительности арбитражное решение остается окончательным и обязательным для всех сторон в споре. Решение МС, подтверждающее действительность арбитражного решения, не может служить основанием для обращения в Совет Безопасности в случае невыполнения арбитражного решения в соответствии с статьей 94 Устава Организации Объединенных Наций, поскольку стороны обязаны выполнять свои обязательства в отношении урегулирования споров на основании арбитражного решения, а не судебного решения, подтверждающего его действительность.

4) В *пункте 2* рассматривается ситуация, когда арбитражное разбирательство не позволило урегулировать спор между сторонами вследствие проведения последующего судебного разбирательства, в ходе которого решение было объявлено недействительным целиком или в какой-либо его части. В этом пункте предусматривается, что любая из сторон в споре может в одностороннем порядке передать спор в том, что касается неурегулированных вопросов, на новый арбитраж в соответствии со статьей 6. Такое арбитражное разбирательство может рассматриваться как продолжение или завершение добровольного судебного разбирательства, проводимого по договоренности сторон, или обязательного арбитражного разбирательства, начатого предполагаемым государством-нарушителем, против которого принимаются контрмеры, на основании соответственно пунктов 1 и 2 статьи 5. Слово "новый" используется для того, чтобы ука-

---

[247] См. сноску 173, выше.

[248] Статья 36 Типовых правил арбитражной процедуры (там же) разрешает любой стороне оспаривать действительность арбитражного решения в течение шести месяцев с момента его вынесения по следующим двум причинам: a) суд превысил свои полномочия или b) суд не смог мотивировать свое решение или серьезно нарушил основные правила процедур. В этой же статье предусматривается, что любая из сторон может также оспаривать действительность арбитражного решения в течение шести месяцев с момента обнаружения соответствующей информации и в любом случае в течение десяти лет с даты вынесения этого решения на следующих двух основаниях: a) в случае коррупции со стороны одного из членов суда или b) в случае недействительности обязательства в отношении проведения арбитражного разбирательства или компромисса.

[249] Статья 35 Типовых правил арбитражной процедуры (там же) предусматривает следующее:

"Действительность арбитражного решения может быть оспорена любой из сторон по одной или нескольким нижеследующим причинам:

a) суд превысил свои полномочия;

b) имела место коррупция со стороны одного из членов суда;

c) не были изложены мотивы вынесения арбитражного решения или имело место серьезное нарушение одного из основных правил процедуры;

d) обязательство в отношении проведения судебного разбирательства или компромисс являются недействительными".

[250] См. дело, касающееся *Arbitral Award Made by the King of Spain on 23 December 1906, Judgment, I.C.J. Reports 1960*, p. 192, и дело, касающееся *Arbitral Award of 31 July 1989, Judgment, I.C.J. Reports 1991*, p. 53.

зать, что спор, касающийся неурегулированных вопросов, подлежит урегулированию новым арбитражным судом, создаваемым в соответствии с положениями приложения и имеющим полномочия, предусмотренные в статье 6. Цель этого — обеспечить эффективную процедуру урегулирования сохраняющегося между сторонами спора без каких-либо ненужных задержек.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статья 1. Согласительная комиссия

1. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций составляет и ведет список посредников, в который включаются квалифицированные юристы. В этих целях каждому государству - члену Организации Объединенных Наций или участнику настоящих статей предлагается назначить двух посредников, и фамилии назначенных таким образом лиц составляют указанный список. Срок полномочий посредника, включая срок полномочий любого посредника, назначенного для заполнения непредвиденной вакансии, составляет пять лет, причем по истечении этого срока посредник может быть назначен на повторный срок. Посредник, срок полномочий которого истекает, продолжает выполнять любую функцию, порученную ему в связи с пунктом 2.

2. Сторона может передать спор на разбирательство по согласительной процедуре согласно статье 3 части 3, обратившись с просьбой к Генеральному секретарю, который учреждает согласительную комиссию, образующуюся следующим образом:

a) Государство или государства, являющиеся стороной в споре, назначают:

i) одного посредника, являющегося гражданином этого государства или одного из этих государств, который может быть выбран из списка или не из списка, упомянутого в пункте 1; и

ii) одного посредника, не являющегося гражданином этого государства или любого из этих государств, который избирается из упомянутого списка.

b) Государство или государства, являющиеся другой стороной в споре, назначают двух посредников тем же способом.

c) Назначение четырех посредников, предлагаемых сторонами, производится в течение шестидесяти дней со дня получения просьбы Генеральным секретарем.

d) В шестидесятидневный срок со дня последнего из их назначений эти четыре посредника назначают из списка пятого посредника, который будет являться председателем.

e) Если назначение председателя или любого из других посредников не произведено в срок, установленный выше для этого назначения, то оно производится из списка Генеральным секретарем в течение шестидесяти дней после истечения этого срока. Любой срок, в течение которого должны быть произведены назначения, может быть продлен по согласию сторон.

f) Любая вакансия заполняется способом, установленным для первоначального назначения.

3. Неучастие стороны или сторон в разбирательстве по согласительной процедуре не препятствует такому разбирательству.

4. Разногласие относительно компетенции комиссии, действующей в соответствии с настоящим Приложением, урегулируется этой комиссией.

5. Комиссия определяет свою собственную процедуру. Решения комиссии принимаются большинством голосов ее пяти членов.

6. В спорах с участием более двух сторон, имеющих различные интересы, или в отсутствие согласия относительно наличия у них одинакового интереса стороны, насколько это возможно, применяют пункт 2.

Комментарий

1) Статья 1 Приложения определяет состав и процедуру согласительной комиссии, предусмотренной в статье 3 части 3.

2) В *пункте 1* содержится положение о списке посредников, в который включаются квалифицированные юристы и который составляется и ведется Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. Цель такого списка — облегчить, после того как была начата эта процедура в соответствии со статьей 3 части 3, формирование согласительной комиссии без каких-либо ненужных задержек. Пункт 1 аналогичен пункту 1 приложения к Венской конвенции о праве международных договоров.

3) В *пункте 2* устанавливается процедура, в соответствии с которой сторона в споре может в одностороннем порядке передать спор на обязательное разбирательство по согласительной процедуре, предусмотренное в статье 3 части 3, т.е. обратиться с просьбой к Генеральному секретарю об учреждении согласительной комиссии. Пункт 2, который не требует дополнительных разъяснений, определяет порядок формирования согласительной комиссии и выбора ее председателя. Данное положение аналогично пункту 2 приложения к Венской конвенции о праве международных договоров.

4) В *пункте 3* предусматривается возможность продолжения предусмотренного разбирательства по согласительной процедуре в тех случаях, когда одна из сторон или стороны в споре не участвуют в этой процедуре. Пункт 3 аналогичен статье 12 приложения V к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

5) В *пункте 4* рассматривается ситуация, когда стороны в споре не могут договориться относительно компетенции согласительной комиссии. В нем предусматривается, что согласительная комиссия выносит решения по всем подобным вопросам. Существуют общепризнанные принципы в отношении процедуры урегулирования споров с участием третьей стороны. Этот пункт аналогичен статье 13 приложения V к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

6) В *пункте 5* предусматривается, что согласительная комиссия сама определяет свою процедуру. Далее предусматривается, что "решения" комиссии принимаются большинством голосов ее пяти членов. Термин "решения" следует истолковывать в свете необязательного характера процедуры примирения, в соответствии с которой принимаемые согласительной комиссией решения носят рекомендательный характер. Пункт 5 аналогичен пункту 3 приложения к Венской конвенции о праве международных договоров.

7) В части 3 признается, что могут возникать споры, касающиеся более чем двух государств-участников статей об ответственности государств. В *пункте 6* указывается, что положения, касающиеся образования согласительной комиссии, применяются по мере возможности и к многосторонним спорам. Это аналогично подпункту *h* статьи 3 приложения V к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

Статья 2. Арбитражный суд

1. Арбитражный суд, упомянутый в статьях 5 и 7, пункт 2, части 3, состоит из пяти членов. Каждая из сторон в споре назначает по одному члену, который может быть выбран из числа их соответствующих граждан. Три других арбитра, включая Председателя, выбираются по обоюдному согласию из числа граждан третьих государств.

2. Если назначение членов суда не осуществляется в трехмесячный срок с даты, на которую одна из сторон просила другую сторону об образовании арбитражного суда, необходимые назначения осуществляются Председателем Международного Суда. Если Председатель не может действовать или если он является гражданином одной из сторон, назначения производятся заместителем Председателя. Если заместитель Председателя не может действовать или если он является гражданином одной из сторон, назначения производятся следующим по старшинству членом Суда, который не является гражданином какой-либо из сторон. Назначенные таким образом члены являются гражданами разных стран и, за исключением случая назначений, произведенных в связи с неспособностью какой-либо из сторон осуществить назначение члена, они не могут быть гражданами какой-либо из сторон, не могут находиться на службе у нее или обычно проживать на ее территории.

3. Любая вакансия, которая может открыться в результате смерти, отставки или какой-либо другой причины, заполняется в возможно кратчайшие сроки в порядке, установленном для первоначальных назначений.

4. После создания суда стороны, если они этого не сделали раньше, составляют соглашение, в котором определяется предмет спора.

5. Если в трехмесячный срок с даты учреждения суда такое соглашение заключить не удается, предмет спора определяется судом на основании поданного в него ходатайства.

6. Неучастие стороны или сторон в разбирательстве по арбитражной процедуре не препятствует такому разбирательству.

7. Если стороны не договариваются об ином, суд определяет свою собственную процедуру. Решения суда принимаются большинством голосов его пяти членов.

Комментарий

1) В статье 2 приложения определяется состав и процедура арбитражного суда, предусмотренного в статье 5 части 3.

2) В *пункте 1* предусматривается, что арбитражный суд должен состоять из пяти членов, включая председателя, которые выбираются в соответствии с процедурой, установленной в пункте. Это положение, которое не требует дополнительных разъяснений, аналогично статье 22 пересмотренного Общего акта о мирном урегулировании споров и статье 3 приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Комиссия не сочла необходимым предусматривать положение о необходимости ведения списка возможных арбитров, как это было сделано в последнем договоре.

3) В *пункте 2* рассматривается случай, когда в течение разумного периода времени не удается назначить одного или более членов арбитражного суда в соответствии с процедурой, предусмотренной в пункте 1. Считалось, что трехмесячный срок после подачи просьбы об образовании арбитражного суда является достаточным для назначения его членов. В этом случае Председатель, заместитель Председателя или следующий по старшинству член МС назначают остальных членов арбитражного суда, как это предусматривается в пункте 2. Этот пункт предназначен для того, чтобы избежать неразум-

ных задержек в формировании арбитражного суда, и предусматривает эффективное средство назначения его членов объективной и беспристрастной третьей стороной в том случае, если вследствие применения процедуры, предусмотренной в пункте 1, не удается назначить все пять членов. Назначения, производимые в соответствии с пунктом 2, могут завершиться тем, что один - но не более одного - член арбитражного суда будет гражданином одной из сторон в споре в соответствии с положениями пункта 1. Дополнительные условия, вводимые в пункте 2, предназначены для того, чтобы попытаться обеспечить беспристрастность членов, назначаемых в соответствии с предусмотренной в нем процедурой. Пункт 2 аналогичен статье 3 приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и статье 3 Типовых правил арбитражной процедуры.

4) В *пункте 3* предусматривается назначение члена арбитражного суда в случае открытия вакансии в соответствии с такой же процедурой, которая предусматривается и для первоначального назначения. Выражение "в возможно кратчайшие сроки" используется для того, чтобы избежать каких-либо ненужных задержек в применении арбитражной процедуры. Он аналогичен статье 24 пересмотренного Общего акта о мирном урегулировании споров и подпункту *f* статьи 3 приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

5) В *пункте 4* признается обязанность сторон согласиться передать конкретный спорный вопрос на арбитраж после формирования арбитражного суда, если это ими еще не было сделано. Пункт находится в соответствии с обычной практикой арбитражного разбирательства. Он аналогичен статье 25 пересмотренного Общего акта о мирном урегулировании споров.

6) *Пункт 5* предусматривает возможность определения судом спора на основании поданного в него ходатайства в том случае, если стороны в течение трех месяцев с даты учреждения суда не могут заключить соглашение, предусмотренное в пункте 4. Цель пункта 5 - избежать каких-либо ненужных задержек в применении арбитражной процедуры после учреждения суда. Пункты 4 и 5 аналогичны статье 8 Типовых правил арбитражной процедуры.

7) В *пункте 6* предусматривается возможность продолжения арбитражной процедуры в тех случаях, когда одна из сторон не участвует в ней. Цель данного положения - обеспечить, чтобы спор был эффективно урегулирован посредством арбитражного разбирательства, несмотря на любые попытки какой-либо из сторон воспрепятствовать процессу урегулирования спора. Это аналогично статье 9 приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Аналогичное положение о примирении содержится и в пункте 3 статьи 1 приложения.

8) В *пункте 7* указывается, что арбитражный суд сам определяет свою процедуру, если только стороны не договариваются об ином. Решения суда принимаются большинством голосов. Это положение аналогично статье 5 приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и статье 12 Типовых правил арбитражной процедуры.

9. Было сочтено излишним излагать применительно к арбитражному суду все нормы, предусмотренные в статье 1 приложения о согласительной комиссии. По мнению Комиссии, эти нормы хорошо сложились в случае арбитража и имеют характер обычая.

Глава V

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВИЙ, НЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

A. Введение

365. На своей тридцатой сессии в 1978 году Комиссия включила тему "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом" в свою программу работы и назначила г-на Роберта К. Квентина-Бакстера Специальным докладчиком по этой теме[251].

366. В период с тридцать второй сессии (1980 год) по тридцать шестую сессию (1984 год) Комиссия получила и рассмотрела пять докладов Специального докладчика[252]. В этих докладах была предпринята попытка разработать концептуальную основу и схематический план темы и содержались предложения по пяти проектам статей. Схематический план был представлен в третьем докладе Специального докладчика тридцать четвертой сессии Комиссии в 1982 году. Пять проектов статей были предложены в пятом докладе Специального докладчика, представленном Комиссии на ее тридцать шестой сессии в 1984 году[253]. Они были рассмотрены Комиссией, однако решения о передаче их Редакционному комитету принято не было.

367. На тридцать шестой сессии (1984 год) Комиссии были также представлены следующие материалы: ответы на вопросник, направленный в 1983 году Юрисконсультом Организации Объединенных Наций 16 отобранным международным организациям для выяснения, среди прочего, вопроса о том, могут ли обязательства, которые государства принимают и выполняют по отношению друг к другу в качестве членов международных организаций, по своему характеру соответствовать некоторым процедурам, упомянутым в схематическом плане[254], или же заменять их , а также исследование секретариата, озаглавленное "Обзор практики государств, касающейся международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом"[255].

368. На своей тридцать седьмой сессии в 1985 году Комиссия назначила Специальным докладчиком по этой теме г-на Хулио Барбосу. В период со своей тридцать седьмой сессии (1985 год) по свою сорок четвертую сессию (1992 год) Комиссия получила от Специального докладчика восемь докладов[256]. На своей сороковой сессии в 1988 году Комиссия передала в Редакционный комитет проекты статей 1-10, которые Специальный докладчик предложил включить в главу I (Общие положения) и в главу II (Принципы)[257]. На своей сорок первой сессии в 1989 году Комиссия передала в Редакционный комитет пересмотренный вариант статей, которые уже были переданы в Редакционный комитет на предыдущей сессии, сократив их до девяти[258].

369. На своей сорок четвертой сессии в 1992 году Комиссия учредила рабочую группу для рассмотрения некоторых общих вопросов, относящихся к сфере охвата данной темы, подхода к ее рассмотрению и возможного

---

[251] На указанной сессии Комиссия учредила Рабочую группу для предварительного рассмотрения сферы охвата и характера темы. Доклад Рабочей группы см. *Ежегодник.., 1978 год,* том II (часть вторая), стр. 184-185.

[252] Эти пять докладов Специального докладчика воспроизводятся в следующем порядке:

предварительный доклад: *Ежегодник.., 1980 год,* том II (часть первая), стр. 247, документ A/CN.4/334 и Add. 1 и 2;

второй доклад: *Ежегодник.., 1981 год,* том II (часть первая), стр. 103, документ A/CN.4/346 и Add. 1 и 2;

третий доклад: *Ежегодник.., 1982 год,* том II (часть первая), стр. 51, документ A/CN.4/360;

четвертый доклад: *Ежегодник.., 1983 год,* том II (часть первая), стр. 201, документ A/CN.4/373;

пятый доклад: *Ежегодник.., 1984 год,* том II (часть первая), стр. 155, документ A/CN.4/383 и Add. 1.

[253] Тексты проектов статей 1-5, представленные предыдущим Специальным докладчиком, воспроизводятся в *Ежегоднике.., 1984 год,* том II (часть вторая), пункт 237.

[254] Ответы на вопросник содержатся в *Ежегоднике.., 1984 год,* том II (часть первая), стр. 169, документ A/CN.4/378.

[255] *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть первая), добавление, документ A/CN.4/384.

[256] Восемь докладов Специального докладчика воспроизводятся следующим образом:

Предварительный доклад: *Ежегодник.., 1985 год,* том II (часть первая), стр.119, документ A/CN.4/394;

Второй доклад: *Ежегодник.., 1986 год,* том II (часть первая), стр. 175, документ A/CN.4/402;

Третий доклад: *Ежегодник.., 1987 год,* том II (часть первая), стр. 57, документ A/CN.4/405;

Четвертый доклад: *Ежегодник.., 1988 год,* том II (часть первая), стр. 305, документ A/CN.4/413;

Пятый доклад: *Ежегодник.., 1989 год,* том II (часть первая), стр. 173, документ A/CN.4/423;

Шестой доклад: *Ежегодник.., 1990 год,* том II (часть первая), стр. 97, документ A/CN.4/428 и Add. 1;

Седьмой доклад: *Ежегодник.., 1991 год,* том II (часть первая), стр. 83, документ A/CN.4/443;

Восьмой доклад: *Ежегодник.., 1992 год,* том II (часть первая), стр. 73, документ A/CN.4/443.

[257] Тексты см. *Ежегодник.., 1988 год,* том II (часть вторая), стр. 9.

[258] Тексты см. *Ежегодник.., 1989 год,* том II (часть вторая), пункт 311. Дальнейшие изменения некоторых из этих статей были предложены Специальным докладчиком в приложении к его шестому докладу (см. сноску 256, выше), стр. 124-130; см. также *Ежегодник.., 1990 год,* том II (часть вторая), пункт 471.

направления будущей работы[259]. На основе рекомендации Рабочей группы Комиссия на своем 2282-м заседании 8 июля 1992 года приняла ряд решений[260].

370. На своей сорок пятой сессии в 1993 году Комиссия рассмотрела девятый доклад Специального докладчика[261], посвященный вопросу предотвращения, и передала Редакционному комитету проект статьи 10 (Недискриминация)[262], который она рассмотрела на своей сорок второй сессии (1990 год), а также статьи 11-20-бис[263]. Редакционный комитет принял в предварительном порядке статьи 1 (Сфера применения настоящих статей), 2 (Употребление терминов), 11 (Предварительное разрешение), 12 (Оценка риска) и 14 (Меры для сведения к минимуму риска)[264]. Однако Комиссия не приняла какое-либо решение в отношении этих статей, руководствуясь своей политикой отказа от принятия статей, не сопровождаемых комментариями, и согласилась отложить принятие решения по предложенным проектам статей до своей следующей сессии[265].

371. На своей сорок шестой сессии в 1994 году Комиссия рассмотрела десятый доклад Специального докладчика[266], затрагивающий три вопроса: предотвращение ex post facto, ответственность государств и гражданская ответственность[267]. Комиссия решила отложить рассмотрение этого доклада до нынешней сессии и сосредоточить свое внимание на разработке статей по этой теме, которые уже были переданы в Редакционный комитет. На той же сессии Комиссия в предварительном порядке приняла в первом чтении следующие проекты статей с комментариями к ним[268]: статью 1 (Сфера применения настоящих статей); статью 2 (Употребление терминов); статью 11 (Предварительное разрешение); статью 12 (Оценка риска); статью 13 (Ранее осуществлявшиеся виды деятельности); статью 14 (Меры по предотвращению или сведению к минимуму риска); статью;14-бис [20-бис] (Неперенос риска); статью 15 (Уведомление и информирование); статью 16 (Обмен информацией); статью16-бис (Информирование населения); статью 17 (Национальная безопасность и промышленные секреты); статью 18 (Консультации по поводу превентивных мер); статью 19 (Права государства, которое, вероятно, будет затронуто) и статью 20 (Факторы, связанные с установлением справедливого баланса интересов). Тексты статей приводятся ниже в разделе С.1.

B. Рассмотрение темы на данной сессии

1. Проекты статей, принятые Редакционным комитетом на сорок седьмой сессии Комиссии

372. На своих 2413-2415-м заседаниях 7, 11 и 13 июля 1995 года, Комиссия рассмотрела и в предварительном порядке приняла следующие статьи, которые были переданы в Редакционный комитет на ее сороковой и сорок первой сессиях в 1988 и 1989 годах: статью A [6] (Свобода действий и ее пределы); статью B [8 и 9] (Предупреждение); статью C [9 и 10] (Ответственность и компенсация) и статью D [7] (Сотрудничество). Цифры в квадратных скобках обозначают первоначальные номера этих статей, установленные Специальным докладчиком в его четвертом и пятом докладах[269]. Текст статей и комментариев к ним приводится ниже в разделе С.2.

2. Десятый и одиннадцатый доклады Специального докладчика

373. На нынешней сессии в распоряжении Комиссии имелся одиннадцатый доклад Специального докладчика (A/CN.4/468)[270], который был представлен на 2397-м заседании Комиссии, состоявшемся 8 июня 1995 года. Комиссия постановила рассмотреть этот доклад вместе с десятым докладом[271] на своей следующей сессии. Однако Комиссия посвятила ряд заседаний заслушиванию членов Комиссии, пожелавших выступить с предварительными замечаниями по двум докладам. На 2397-2399-м заседаниях, состоявшихся 8, 9 и 13 июня 1995 года, некоторые члены Комиссии выступили с предварительными замечаниями по обоим докладам; резюме их мнений содержится ниже в разделе 3.

374. Комиссии также было представлено исследование, подготовленное секретариатом в ответ на просьбу Генеральной Ассамблеи, содержавшуюся в пункте 5 ее резолюции 49/51, и озаглавленное "Обзор режимов ответственности, относящихся к теме "Международная ответст-

---

[259] См. *Ежегодник.., 1992 год,* том II (часть вторая), пункты 341-343.

[260] Там же, пункты 344-349.

[261] *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть первая), документ A/CN.4/450.

[262] Статья 10, представленная Специальным докладчиком в его шестом докладе, гласит:

"*Статья 10. Недискриминация*

Государства-участники рассматривают последствия деятельности, которые могут иметь место на территории или под юрисдикцией или контролем другого государства, так же, как и последствия на их собственной территории. В частности, они применяют положения настоящих статей и своих национальных законов без дискриминации по гражданству, месту жительства или постоянного проживания лиц, пострадавших от деятельности, описанной в статье 1".

[263] Тексты статей см. *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть вторая), сноски 62, 64, 68, 69, 70, 73, 74, 77, 79, 80 и 82, соответственно.

[264] Документ A/CN.4/L.487.

[265] См. *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть вторая), стр. 23, документ A/48/10, пункт 106.

[266] *Ежегодник.., 1994 год,* том II (часть первая), документ A/CN.4/459.

[267] Резюме десятого доклада содержится в *Ежегоднике.., 1994 год,* том II (часть вторая), пункты 364-379.

[268] См. сноску 282, ниже.

[269] См. документ A/CN.4/413 (сноска 256, выше), пункт 17, и документ A/CN.4/42[illegible] (там же), пункт 16.

[270] Воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год,* том II (часть первая).

[271] См. сноску 266, выше.

венность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом" (A/CN.4/471)[272].

375. В одиннадцатом докладе в статьях по этой теме рассматривалась роль ущерба. В докладе ущерб был назван непременным условием возникновения любой ответственности и возможного появления обязанности выплатить компенсацию. Однако основное внимание в докладе было уделено экологическому ущербу. Другие формы ущерба, а именно ущерб для людей и имущества, уже обсуждались в предыдущих докладах, в том числе в восьмом докладе[273]. Вопрос же об экологическом ущербе еще не был достаточно глубоко разработан.

376. В одиннадцатом докладе отмечалось растущее осознание важности окружающей среды с точки зрения ее экономической ценности, ее ценности для здоровья, а также ее нематериальной ценности для цивилизации. О таком осознании важности окружающей среды говорит не только чрезвычайно широкий круг договоров, имеющих целью в целом предотвратить причинение ущерба окружающей среде, но и включение экологического ущерба в общее определение ущерба[274]. Кроме того, концепция ущерба окружающей среде стала частью внутреннего законодательства ряда государств, включая Бразилию, Германию, Норвегию, Соединенные Штаты Америки, Финляндию и Швецию. Исходя из этого, Специальный докладчик предложил включить в определение ущерба ущерб окружающей среде.

377. Для того чтобы разработать определение ущерба окружающей среде, необходимо располагать определением самой окружающей среды. В самом деле, определение окружающей среды будет предопределять возможный объем экологического ущерба. Между тем в настоящее время еще нет какой-либо общепризнанной концепции окружающей среды. Элементы, которые рассматриваются как часть окружающей среды в определении окружающей среды в некоторых конвенциях, оставлены за рамками определений окружающей среды, содержащихся в других конвенциях. Ограниченная концепция окружающей среды включает в понятие экологического ущерба только природные ресурсы, такие, как воздух, почва, вода, фауна и флора, а также взаимодействие между ними. Более широкая концепция охватывает также ландшафт и то, что обычно называют "экологическими ценностями", что приносит пользу, доставляет удовольствие или наслаждение от общения с природой. Таким образом, можно говорить о "функциональных" и "нефункциональных" ценностях; под первыми, например, понимались бы, в частности, запасы рыбы, позволяющие выполнять такую "функцию", как коммерческое или спортивное рыболовство, тогда как вторые включали бы эстетические аспекты ландшафта, которые представляют ценность с точки зрения населения и утрата которых может вызвать у него неудовольствие, породив беспокойство или угнетенное состояние. Такое широкое определение также включает в себя имущество, составляющее часть культурного наследия.

378. По мнению Специального докладчика, любое определение окружающей среды должно исключать те части, которые уже включены в традиционное определение ущерба и пользуются защитой по международному праву, например все, что причиняет физический вред людям или их здоровью - будь то напрямую или опосредованно - в результате экологического ущерба. Такому подходу следовала Конвенция о гражданской ответственности за ущерб, нанесенный в результате деятельности, представляющей угрозу для окружающей среды. Специальный докладчик отметил, что он не убежден в целесообразности включения "культурной окружающей среды" в определение окружающей среды. Признавая ее важность, он тем не менее считал, что ее не следует включать в определение окружающей среды для целей компенсации, поскольку имущество такого рода уже пользуется защитой в рамках общей концепции ущерба.

379. Аналогичным образом, Специальный докладчик полагал, что "ландшафт" не должен входить в число "элементов" или "компонентов" определения окружающей среды. Он должен рассматриваться как одно из "качеств" окружающей среды, представляющих большую ценность для населения.

380. Что касается устранения ущерба, причиненного окружающей среде, то в докладе были поставлены два вопроса: во-первых, кого надлежит рассматривать в качестве потерпевшей стороны и, во-вторых, в чем состоит подобный ущерб? По мнению Специального докладчика, поскольку окружающая среда per se не может быть объектом частного владения, а принадлежит обществу в целом, государство, в котором был причинен ущерб окружающей среде, должно являться стороной, имеющей право на возмещение. Государства могут передавать свои права с этой связи правительственным органам или неправительственным благотворительным организациям. В этой связи была сделана ссылка на внутринациональное законодательство Соединенных Штатов Америки, в силу которого правительственные учреждения и индейские племена в соответствии с законом могут выступать в

---

[272] См. сноску 270, выше.

[273] Документ A/CN.4/443 (*см. сноску 256, выше*), пункты 10-20.

[274] См., например, пункт 7 *d* статьи 2 Конвенции о гражданской ответственности за ущерб, нанесенный в результате деятельности, представляющей угрозу для окружающей среды; пункт 1 *c* статьи 1 Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий; пункт 20 статьи 1 Конвенции об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер; подпункты *a*, *b* и *d* пункта 2 статьи 8 Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов в Антарктике и подпункты *c* и *d* статьи 9 Конвенции о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом. См. также руководящие принципы по общей ответственности и компенсационной ответственности, подготовленные Целевой группой ЕЭК по общей и компенсационной ответственности, и проект статей протокола по вопросу об ответственности и компенсации за ущерб, причиненный в результате трансграничной перевозки опасных отходов и их удалением (UNEP/CHW.3/4) и резолюцию 687 (1991) Совета Безопасности от 3 апреля 1991 года, где указано, что "Ирак... несет ответственность по международному праву за любые прямые потери, ущерб, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов... в результате незаконного вторжения Ирака и оккупации им Кувейта".

качестве доверенных лиц в вопросах, связанных с определенными видами экологического ущерба.

381. Что касается ликвидации ущерба, причиненного окружающей среде, то Специальный докладчик проводил различие между требованием о возмещении, содержащимся в проекте статей об ответственности государств, и таким требованием в рамках данной темы. Нормы о возмещении в рамках первой темы должны были соответствовать принципу, провозглашенному в решении по делу *Chorzów Factory* (Merits)[275], а именно, принципу, согласно которому возмещение должно включать в себя устранение всех последствий противоправного деяния и воссоздание ситуации, которая, вероятнее всего, существовала бы, если бы не было совершено этого противоправного деяния. По его мнению, нормы о возмещении в рамках данной темы не соответствовали норме *Chorzów* по той причине, что данная тема касается деятельности, которая не запрещается международным правом. Тем не менее норма *Chorzów* также имеет здесь основополагающее значение из-за ее разумности и справедливости.

382. Как представляется, во многих конвенциях о гражданской ответственности обойден стороной вопрос о некоторых формах возмещения, таких, в частности, как naturalis restitutio и все внимание сосредоточено исключительно на денежной компенсации. Однако в случае экологического ущерба наиболее распространенной формой компенсации является нечто похожее на naturalis restitutio, как представляющую восстановление поврежденных элементов окружающей среды. В экосистему могут быть привнесены особи сократившегося или уничтоженного вида, который можно восполнить благодаря наличию достаточного количества таких особей в другом месте. Цель же эквивалентной компенсации состоит, напротив, прежде всего в том, чтобы в случае полного уничтожения какого-то компонента заместить его эквивалентным компонентом, и только когда это не представляется возможным - в выплате денежной компенсации. Существующие конвенции о гражданской ответственности также включают в концепцию ущерба расходы на превентивные меры и любой ущерб или любые потери, причиненные в результате этих мер. Специальный докладчик нашел этот подход разумным и уместным также для данной темы.

383. Специальный докладчик пояснил, что, по его мнению, наиболее подходящим средством ликвидации ущерба окружающей среде является восстановление окружающей среды. Это средство является еще более желательным, если учесть сложность любого количественного измерения ущерба окружающей среде как таковой. Тем не менее есть ситуации, при которых частично или полностью восстановить окружающую среду невозможно и возникает необходимость определения размера денежной компенсации. Он упомянул о возможности использования с этой целью ряда моделей. Одна из них заключается в оценке расходов на восстановление, другая включает в себя рыночную стоимость элементов, которые перестали быть доступными в результате экологического ущерба, гедонистическую ценность[276] или методологию условной оценки[277].

384. В свете вышеупомянутых разъяснений Специальный докладчик предложил текст, содержащий определение ущерба[278].

3. Предварительные замечания некоторых членов Комиссии по десятому и одиннадцатому докладам

385. Некоторые члены Комиссии в предварительном порядке выступили по десятому и одиннадцатому докладам Специального докладчика. Они высоко отозвались о качестве подготовки этих докладов, удачно сочетающих в себе кодификацию международного права в этой области с его прогрессивным развитием.

386. Что касается десятого доклада с изложением режима ответственности, то было отмечено, что Специальный докладчик рассмотрел вопросы гражданской ответственности в сочетании с ответственностью государств. В це-

---

[275] Решение от 13 сентября 1928 года, *P.C.I.J., Series A, No. 17*, p. 47.

[276] Методы определения гедонистической ценности основаны на суммировании рыночной стоимости со стоимостью частного имущества, имеющего определенные экологические преимущества, и направлены на то, чтобы перенести данные ценности на государственные ресурсы с аналогичными свойствами.

[277] Этот метод был разработан для оценки стоимости на основе ответов на вопрос о том, сколько люди готовы платить, например через увеличение налогов, для того, чтобы не допустить нанесения ущерба тому или иному природному ресурсу. Необходимо отметить, что у него есть оппоненты, считающие, что он не отражает реального экономического поведения и, следовательно, не может использоваться.

[278] Предлагаемый текст гласит следующее:

"Ущерб" означает:

a) смерть, телесные повреждения или ущерб, наносимый здоровью или физической неприкосновенности лиц;

b) ущерб, причиненный имуществу, и упущенная выгода;

c) ущерб, причиненный окружающей среде, включая:

i) расходы в связи с разумными мерами, которые приняты или которые должны быть приняты в целях восстановления или возобновления природных ресурсов, которым нанесен ущерб или которые были уничтожены или, когда это представляется разумным, введения эквивалентных ресурсов в окружающую среду;

ii) расходы в связи с превентивными мерами или дополнительным ущербом, который может быть вызван этими мерами;

iii) возмещение, которое может назначить суд в соответствии с принципами равенства и справедливости, если меры, указанные в подпункте (i), невозможны, неразумны или недостаточны для воссоздания условий, приемлемо близких к состоянию, которое было до этого. Такое возмещение должно использоваться в целях улучшения состояния окружающей среды в пострадавшем районе.

Окружающая среда включает в себя экосистемы и природные ресурсы, биотические и абиотические, такие, как воздух, вода, земля, фауна и флора, а также взаимодействие этих факторов.

Пострадавшее государство или организации, которые оно назначит в соответствии со своим внутренним правом, обладают правом подачи иска о возмещении экологического ущерба".

лом этот подход нашел поддержку, особенно в части определения в проекте статей обстоятельств, при которых государства могут нести дополнительную или остаточную ответственность. В этом контексте было отмечено, что Специальный докладчик обоснованно выделил четыре основные области: роль оператора; роль рискового капитала; международный механизм страхования и финансирования рисков; и ответственность оператора.

387. Было также отмечено, что в статьях оправданно рассматриваются как вопросы материального права ответственности, так и вопросы процедуры. Мнение Специального докладчика о том, что вопрос о гражданской ответственности необходимо рассматривать в связи с вопросом об ответственности государств, в целом было поддержано. Было также отмечено существование и других общих для этих двух тем вопросов, таких, как основания для освобождения от ответственности и приведение судебных решений в исполнение.

388. С точки зрения структуры было предложено разделить проекты статей на две отдельных главы: одну по вопросам ответственности как таковой, и другую — по вопросам процедуры. В отношении последней было отмечено, что многие государства обычно считают компетентным судом суд места причинения ущерба. Однако было поддержано предложение Специального докладчика не ограничивать компетенцию только судом государства, в котором был причинен ущерб, и сохранить определенную свободу действий, включая возможность обращения в суд затронутого государства.

389. Что касается вопроса предотвращения ex post facto, то первоначальное предложение Специального докладчика о включении предотвращения ex post facto в главу о предотвращении, а не в главу о возмещении было сочтено разумным и оправданным. Было подчеркнуто, что концепция "мер реагирования", которая обсуждается в докладе Специального докладчика, в настоящее время уже фигурирует в ряде соглашений, и его предложение способствует прогрессивному развитию права по этому вопросу. В этой связи было отмечено, что возложение более значительных и обширных обязательств по предотвращению на государства и операторов, которые осуществляют деятельность, сопряженную с риском причинения трансграничного вреда, неизбежно будет способствовать сокращению вероятности такого вреда.

390. Было также отмечено, что для любого серьезного обсуждения режима ответственности насущно необходимо разработать четкую концепцию ущерба. Было также указано, что Комиссия должна рассматривать последствия возложения ответственности за противоправные деяния в случае невыполнения государством своих обязанностей по предотвращению в отношении статей об ответственности государств.

391. Одиннадцатый доклад Специального докладчика получил высокую оценку. Было отмечено, что деятельность Комиссии должна отражать быстро набирающее силу на международном уровне движение в пользу охраны природной среды.

392. Мнения Специального докладчика по вопросам оценки и восстановления поврежденных природных ресурсов в целом были поддержаны. Было отмечено, что в предложенном определении ущерба в пункте, касающемся восстановительных мер в связи с ущербом для окружающей среды, Специальный докладчик признал право на иск со стороны государства или органов, назначенных им в соответствии со своим внутренним законодательством. При этом подчеркивалось, что данный вопрос, при всей его важности, выходит за рамки обычного смысла определения и что его, возможно, следовало бы поместить в другой раздел - в часть, посвященную регламентации поведения государства или оператора.

393. Было отмечено, что в своем одиннадцатом докладе Специальный докладчик упомянул о "неправительственных благотворительных организациях" и "компетенции определенных государственных властей", назначенных государством. Однако неясно, почему назначенные государством органы могут пользоваться правом подачи иска. Был задан вопрос о том, имеют ли отдельные лица locus standi для обращения с иском о возмещении ущерба окружающей среде, если государство или назначенное государством учреждение отказывается предъявить такой иск.

394. Что касается определения "окружающей среды", то была выражена обеспокоенность по поводу целесообразности исключения человеческого фактора. Было отмечено, что начиная с Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде (Стокгольмской декларации)[279] человеческий фактор присутствовал в очень многих договорах. В качестве примера был упомянут пункт 4 статьи 1 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

395. В этой связи было также указано, что из пунктов 6, 8, 9 и 16 доклада, похоже, следует, что поскольку жизнь человека находится под защитой закона в целом ряде областей, то о ней не следует упоминать в документе по вопросам окружающей среды. По мнению этого члена Комиссии, в самом начале разработки документа по вопросам охраны окружающей среды несколько десятилетий тому назад в его название входили слова "охрана окружающей человека среды". Таким образом человек изначально был в самом центре этого вопроса. Поэтому было выражено сомнение по поводу целесообразности полного исключения человека при разработке документа об ответственности за экологический ущерб.

396. Было отмечено, что определение ущерба должно быть в разумной степени всесторонним без излишнего углубления в детали. На предварительной стадии оно должно охватывать следующие элементы: гибель людей, личный вред и другой вред здоровью, потеря или повреждение имущества в затронутом государстве, а также

---

[279] *Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 5-16 июня 1972 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.73.II.A.14 и исправление), часть первая, глава I.

ухудшение природных ресурсов и окружающей человека среды или объектов культуры в затронутом государстве.

397. Было подчеркнуто, что основа обязательства по предоставлению компенсации за трансграничный ущерб, не запрещенный международным правом, имеет наиболее важное значение для этой темы. В этой связи было указано, что, если обязательство о предоставлении компенсации будет четко изложено в договоре, не должно возникнуть юридических трудностей для определения основания возникновения данного обязательства. Такого рода трудности возникнут в отсутствие подобного договора. В таких случаях трудно установить применимое право. Было выражено мнение о том, что с учетом гуманитарных соображений установление основания возникновения обязательства по выплате компенсации не является невыполнимой задачей, по крайней мере применительно к чрезвычайно опасным видам деятельности. Речь идет об отрасли, в рамках которой во многих национальных системах права обязательство по предоставлению компенсации уже не сопряжено с обязанностью потерпевшей стороны доказывать факт непринятия изначально всех мер предосторожности для предотвращения вреда. Было отмечено существование точки зрения, согласно которой во многих случаях решением этой проблемы могло бы быть предъявление требования о выплате компенсации на уровне частного международного права, однако были выражены сомнения по поводу существования такой возможности в том случае, если соответствующие государства территориально удалены друг от друга и имеют разные правовые системы. Практические трудности также упоминались в числе факторов, затрудняющих судопроизводство в других странах.

398. В соответствии с этим было выражено мнение о необходимости изучить вопрос о разработке норм, которые применялись бы к отношениям между государствами в соответствии с публичным международным правом, но не препятствовали бы возбуждению отдельными заявителями исков на основании частного международного права при наличии у них такого желания.

399. Было выражено мнение о том, что Комиссии следует сосредоточить свое внимание на разработке определения термина "ущерб" и не тратить время на рассмотрение других вопросов, которые можно будет изучить на более поздней стадии, а именно: вопроса о том, что ущерб, являющийся основанием для конкретного требования о предоставлении компенсации, не должен быть слишком отдаленным, но являться достаточно прямым следствием деятельности в государстве происхождения; вопроса о стандартах, которые должны использоваться при определении размера компенсации, подлежащей выплате в конкретных случаях; а также вопроса о том, кто должен быть наделен правом предъявлять такие иски. Была также упомянута возможность причинения катастрофического ущерба, который может потребовать иного подхода к компенсации. Однако было отмечено, что Комиссия по крайней мере в качестве принципиальной линии должна исходить из основополагающей мысли о том, что первоочередная цель компенсации заключается в восстановлении той ситуации, которая существовала до причинения вреда.

400. Было также отмечено, что в некоторых положениях раздела B главы I доклада, как представляется, размыто различие между понятиями "harm" и "damage", и такое различие четко не проводится в предлагаемом определении ущерба[280]; слова "harm" и "damage" употребляются как полные синонимы. При этом было также признано, что в столь важном документе, как Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, слова "harm" и "harmful" употребляются только в подпункте 4 пункта 1 статьи 1 и в статье 206. Во всех других местах этого договора употребляется термин "damage". Была подчеркнута необходимость четко определить концепцию вреда, поскольку это имеет большое значение для любого серьезного обсуждения режима ответственности.

401. Была сделана ссылка на раздел C главы I доклада, где говорится о том, что принцип restitutio in integrum, провозглашенный в деле *Chorzów Factory*, строго применим к нарушениям так называемых первичных норм и что в этой области он не соблюдается "настолько неукоснительно, насколько в случае противоправных деяний". Было выражено мнение о том, что принцип, провозглашенный в деле *Chorzów Factory*, также должен служить индикатором степени, в которой должен быть восполнен ущерб, причиненный окружающей среде. Таким образом, с учетом договорных обязательств ликвидация последствий должна, по возможности, преследовать цель восстановления status quo ante.

402. Было отмечено, что данная тема порождает особенно большие проблемы для развивающихся государств. Поскольку развивающиеся государства не обладают технологическими средствами для осуществления опасной и сверхопасной деятельности и с большей вероятностью могут пострадать от нее, как правило, они будут сторонниками режима строгого контроля, но, поскольку осуществление подобной деятельности является императивом развития, они должны, пожалуй, согласиться с несколько менее строгим режимом. Кроме того, в пользу строгого режима выступают развивающиеся государства, расположенные вблизи других государств (будь то относительно более развитых, практически развитых или полностью развитых), где осуществляется такого рода деятельность, и которые считают, что она создает для них непосредственную угрозу, а также островные государства, экономика которых в первую очередь зависит от туризма и для которых сохранение природной окружающей среды имеет архиважное значение.

403. Было выражено мнение о том, что развитые государства могут быть сторонниками либерального режима, поскольку они, как правило, осуществляют такого рода деятельность. При этом необходимо учитывать, что некоторые из этих государств являются менее развитыми, чем другие, и поэтому проводят такую деятельность в

[280] См. сноску 278, выше.

меньшем объеме и могут выступать за установление более строгого режима. В этой связи было подчеркнуто, что различие, проводимое между развитыми и развивающимися государствами для целей обсуждения данной темы, в лучшем случае уместно в качестве обобщения. В противном случае оно может вести к ложным выводам. В конечном счете было подчеркнуто, что Комиссия должна найти решение на основе практики государств, изучения соответствующих международных конвенций и предложений, способствующих развитию международного права.

404. Что касается определения ущерба, предложенного Специальным докладчиком, то было предложено включить в подпункты (i), (ii) и (iii) подпункта *c* следующую формулировку: "При оценке возмещения за ущерб окружающей среде должное внимание может уделяться". С тем чтобы подчеркнуть уместность нормы, установленной в деле *Chorzów Factory*, было предложено сделать еще более эксплицитным текст подпункта *c* (i), включив слова "status quo ante" после слова "восстановления". Было выражено мнение о том, что слова "когда это представляется разумным" в подпункте *c* (i) не отражают достаточным образом условий, при которых в окружающую среду должны вводиться эквивалентные ресурсы. Подпункт *c* (iii) был сочтен недостаточно строгим, и было предложено заменить его следующим текстом: "разумное возмещение в случаях, когда принять меры, указанные в подпункте *c* (i), не представляется возможным либо когда они недостаточны для воссоздания условий, приемлемо близких к status quo ante".

4. Учреждение рабочей группы по определению опасных видов деятельности

405. На своем 2393-м заседании 1 июня 1995 года Комиссия постановила учредить рабочую группу по определению опасных видов деятельности в рамках темы "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом"[281].

406. Рабочей группе было поручено определить виды деятельности, охватываемые данной темой.

407. Рабочая группа провела три заседания в период с 23 июня по 5 июля 1995 года. На рассмотрении Группы находился подготовленный секретариатом документ (см. пункт 374, выше), представляющий собой обзор того, каким образом сфера многосторонних договоров, касающихся трансграничного ущерба, а также ответственности и предупреждения, определяется с точки зрения видов деятельности или веществ, к которым они применяются.

408. На своем 2416-м заседании 13 июля 1995 года Комиссия рассмотрела доклад Рабочей группы. С учетом этого доклада Комиссия пришла к мнению о том, что в своей будущей работе она должна иметь четкое представление о роде деятельности, к которому применяются проекты статей по данной теме. Само по себе определение сферы охвата данной темы, содержащееся в статьях 1 и 2, может оказаться недостаточным для следующей стадии работы. Однако Комиссия полагает, что она может работать, исходя из того, что данная тема по определению статей 1 и 2 охватывает виды деятельности, перечисленные в различных конвенциях, касающихся вопросов трансграничного ущерба. Например, речь идет о Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий и Конвенции о гражданской ответственности за ущерб в результате деятельности, представляющей опасность для окружающей среды. Комиссия признает, что на определенном этапе может возникнуть необходимость в большей конкретности в статьях относительно видов деятельности, входящих в рамки этой темы. Однако это уточнение будет зависеть от положений о предупреждении, принятых Комиссией, и от характера обязательств об ответственности, которые будут разработаны Комиссией. Одним из путей обеспечения этого уточнения будет подготовка перечня видов деятельности с помощью метода, который Комиссия могла бы рекомендовать на более поздней стадии работы.

C. Проекты статей о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом

1. Тексты проектов статей, принятые в предварительном порядке Комиссией до настоящего времени в первом чтении

[ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ][282]

Статья 1. Сфера применения настоящих статей

Настоящие статьи применяются к видам деятельности, не запрещенным международным правом и осуществляемым на территории или в иных условиях под юрисдикцией или контролем государства, которые сопряжены с риском нанесения существенного трансграничного ущерба в силу своих физических последствий.

Статья 2. Употребление терминов

Для целей настоящих статей:

a) "риск нанесения существенного трансграничного ущерба" охватывает низкую вероятность нанесения катастрофического ущерба и высокую вероятность нанесения иного существенного ущерба;

b) "трансграничный ущерб" означает ущерб, нанесенный на территории или в других местах, находящихся под юрисдикцией или контролем какого-либо государства, иного, чем госу-

[281] Состав Рабочей группы см. пункт 10, выше.

[282] Название этой главы является предварительным. Комментарии к проектам статей 1, 2, подпункты *a*, *b* и *c*, 11-14-бис [20-бис], 15-16-бис и 17-20, см. *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть вторая), стр. 177 и далее.

дарство происхождения, независимо от того, имеют ли соответствующие государства общую границу;

c) "государство происхождения" означает государство, на территории или в иных условиях под юрисдикцией или контролем которого осуществляются виды деятельности, указанные в статье 1.

[ГЛАВА II. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ][283]

Статья 11. Предварительное разрешение[284]

Государства обеспечивают, чтобы виды деятельности, указанные в статье 1, не осуществлялись на их территории или в иных условиях под их юрисдикцией или контролем без их предварительного разрешения. Такое разрешение также требуется в случае, когда планируется существенное изменение, которое может превратить данный вид деятельности в вид деятельности, указанный в статье 1.

Статья 12. Оценка риска

До принятия решения о предоставлении разрешения на осуществление какого-либо вида деятельности, указанного в статье 1, государство обеспечивает проведение оценки риска, сопряженного с такой деятельностью. Подобная оценка включает в себя определение возможного воздействия этой деятельности на людей или имущество, а также на окружающую среду в других государствах.

Статья 13. Ранее осуществлявшиеся виды деятельности

Если государство, взяв на себя обязательства, предусмотренные настоящими статьями, устанавливает, что какая-либо деятельность, сопряженная с риском нанесения существенного трансграничного ущерба, осуществляется на его территории или в иных условиях под его юрисдикцией или контролем без разрешения, требуемого статьей 11, оно предписывает ответственным за осуществление этой деятельности получить необходимое разрешение. До получения такого разрешения данное государство может разрешить продолжать эту деятельность на свой риск.

Статья 14. Меры по предотвращению или сведению к минимуму риска[285]

Государства предпринимают законодательные, административные или другие действия, с тем чтобы обеспечить принятие всех соответствующих мер для предотвращения или сведения к минимуму риска трансграничного ущерба в результате деятельности, указанной в статье 1.

Статья 14-бис [20-бис]. Неперенос риска

Принимая меры в целях предотвращения или сведения к минимуму риска нанесения существенного трансграничного ущерба, государства обеспечивают, чтобы такой риск просто не переносился прямо или косвенно из одного места в другое и не преобразовывался из одного вида риска в другой.

Статья 15. Уведомление и информирование

1. Если упомянутая в статье 12 оценка свидетельствует о риске нанесения существенного трансграничного ущерба, государство происхождения без промедления уведомляет об этом государства, которые, вероятно, будут затронуты, и препровождает им имеющуюся техническую и другую соответствующую информацию, на которой основана оценка, и указывает разумный срок, в течение которого требуется дать ответ.

2. Если впоследствии государству происхождения становится известно о том, что, вероятно, будут затронуты другие государства, оно должно уведомить их без промедления.

Статья 16. Обмен информацией

При осуществлении деятельности заинтересованные государства своевременно обмениваются всей информацией, относящейся к предотвращению или сведению к минимуму любого риска нанесения существенного трансграничного ущерба.

Статья 16-бис. Информирование населения

Государства, когда это возможно и с помощью таких средств, которые являются целесообразными, предоставляют своему населению, которое, вероятно, будет затронуто деятельностью, указанной в статье 1, информацию, касающуюся данной деятельности, сопряженного с ней риска и ущерба, который может быть причинен, а также выясняют его отношение к ней.

Статья 17. Национальная безопасность и промышленные секреты

Данные и информация, имеющие жизненно важное значение для национальной безопасности государства происхождения или охраны промышленных секретов, могут удерживаться, однако государство происхождения добросовестно сотрудничает с другими заинтересованными государствами в предоставлении такой информации, которая может быть предоставлена в этих обстоятельствах.

Статья 18. Консультации по поводу превентивных мер

1. Заинтересованные государства, по просьбе любого из них, безотлагательно проводят консультации в целях поиска приемлемых решений в отношении мер, которые должны быть приняты для предотвращения или сведения к минимуму риска нанесения существенного трансграничного ущерба, и сотрудничают при осуществлении этих мер.

2. Государства стремятся найти решения, основанные на справедливом балансе интересов, с учетом статьи 20.

3. Если консультации, указанные в пункте 1, не приводят к принятию согласованного решения, государство происхождения тем не менее учитывает интересы государств, которые, вероятно, будут затронуты, и может продолжать данную деятельность на свой риск без ущерба праву какого-либо государства, не давшего своего согласия, осуществлять такие права, какие оно может иметь в соответствии с настоящими статьями или на ином основании.

Статья 19. Права государства, которое, вероятно, будет затронуто

1. В отсутствие уведомления об осуществлении какой-либо деятельности на территории или в иных условиях под юрисдикцией или контролем государства любое другое государство, которое имеет серьезное основание полагать, что эта деятельность создает риск нанесения ему существенного ущерба, может потребовать проведения консультаций в силу статьи 18.

---

[283] Там же.

[284] Данная нумерация является предварительной и следует тому, что было предложено Специальным докладчиком в его докладах.

[285] Выражение "предотвращение или сведение к минимуму риска" трансграничного ущерба в данной и других статьях будет пересмотрено в свете решения Комиссии о том, включает ли концепция предотвращения, помимо мер по предотвращению или сведению к минимуму риска какой-либо аварии, меры, принятые после аварии в целях предотвращения или сведения к минимуму ущерба.

2. Государство, требующее проведения консультаций, предоставляет техническую оценку с изложением причин, на которых основано такое убеждение. Если выясняется, что данный вид деятельности является одним из видов деятельности, указанных в статье 1, государство, требующее проведения консультаций, может требовать от государства происхождения оплатить справедливую часть расходов на оценку.

Статья 20. Факторы, связанные с установлением справедливого баланса интересов

Для достижения справедливого баланса интересов, указанного в пункте 2 статьи 18, заинтересованные государства учитывают все соответствующие факторы и обстоятельства, включая:

a) степень риска нанесения существенного трансграничного ущерба и наличие средств предотвращения или сведения к минимуму такого риска, или возмещения ущерба;

b) важность этой деятельности с учетом ее общих преимуществ социального, экономического и технического характера для государства происхождения в сопоставлении с возможным ущербом для государств, которые, вероятно, будут затронуты;

c) риск существенного ущерба окружающей среде и наличие средств предотвращения или сведения к минимуму такого риска, или восстановления окружающей среды;

d) экономическую эффективность этой деятельности в сопоставлении с затратами на предотвращение, требуемое государствами, которые, вероятно, будут затронуты, и с возможностью осуществления этой деятельности в других местах или другими средствами или ее замены каким-либо альтернативным видом деятельности;

e) степень, в какой государства, которые, вероятно, будут затронуты, готовы покрывать часть затрат на предотвращение;

f) стандарты защиты, применяемые государствами, которые, вероятно, будут затронуты, к аналогичным или сравнимым видам деятельности, и стандарты, применяемые в сравнимой региональной или международной практике.

Статья A [6]. Свобода действий и ее пределы[286]

Свобода государств осуществлять или разрешать различные виды деятельности на своей территории или в иных условиях под их юрисдикцией или контролем не является безграничной. Она обусловливается общим обязательством в отношении предотвращения или сведения к минимуму риска нанесения существенного трансграничного ущерба, а также любыми конкретными обязательствами в этом отношении перед другими государствами.

Статья B [8 и 9]. Предотвращение

Государства принимают все должные меры для предотвращения или сведения к минимуму риска существенного трансграничного ущерба.

Статья C [9 и 10]. Ответственность и компенсация[287]

В соответствии с настоящими статьями существенный ущерб, причиненный деятельностью, о которой говорится в статье 1, порождает ответственность и ведет к возмещению ущерба.

Статья D [7]. Сотрудничество

Соответствующие государства добросовестно сотрудничают и, в случае необходимости, запрашивают содействие любой международной организации в предотвращении или сведении к минимуму риска существенного трансграничного ущерба и, если такой ущерб нанесен, в сведении к минимуму его последствий как в затрагиваемых государствах, так и в государствах происхождения.

2. Тексты проектов статей A[6], B [8 и 9], C [9 и 10] и D [7] с комментариями к ним, принятые в предварительном порядке Комиссией на ее сорок седьмой сессии

Статья A [6]. Свобода действий и ее пределы

Свобода государств осуществлять или разрешать различные виды деятельности на своей территории или в иных условиях под их юрисдикцией или контролем, не является безграничной. Она обусловливается общим обязательством в отношении предотвращения или сведения к минимуму риска нанесения существенного трансграничного ущерба, а также любыми конкретными обязательствами в этом отношении перед другими государствами.

Комментарий

1) Данная статья излагает принцип, который является основой для всей темы. В его основе лежат принцип 21 Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды[288] и принцип 2 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию[289]. Оба принципа подтверждают

---

[286] Статьи A, B, C и D касаются общих принципов. Место этих статей в тексте будет определено после того, как все статьи по этой теме будут приняты в первом чтении.

[287] Как следует из фразы "В соответствии с настоящими статьями", определение существа этой статьи оставлено на более позднюю стадию разработки статей об ответственности. На данной стадии статья является рабочей гипотезой Комиссии.

[288] Принцип 21 Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды гласит следующее:

> "В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции". (См. сноску 279, выше).

[289] Принцип 2 Рио-де-Жанейрской Декларации по окружающей среде и развитию гласит следующее:

> "В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и развития и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции".

Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года (A/CONF.151/26/Rev.l (Vol. I, Vol. I/Corr.l, Vol. II, Vol. Ill,

(*продолжение на следующей стр*.)

суверенное право государств разрабатывать свои собственные ресурсы в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права.

2) Принятый проект обобщает принцип 21, поскольку статья А не ограничивается деятельностью, направленной на разработку ресурсов, а включает в свое понятие все виды деятельности, проводимые на территории или в иных условиях под юрисдикцией или контролем государства. С другой стороны, ограничения, ссылающиеся на свободу государства осуществлять или разрешать такие виды деятельности, указаны более конкретно, чем в принципе 21, поскольку такие ограничения определяются общим обязательством государств предотвращать или сводить к минимуму риск нанесения существенного трансграничного ущерба, а также конкретными обязательствами государства в этом отношении перед другими государствами[290].

3) Виды деятельности, к которым применяется данная статья, определяются в статье 1. В данной статье говорится о "риске нанесения существенного трансграничного ущерба", в то время как в двух других принципах — принципе 21 Стокгольмской декларации и принципе 2 Декларации по окружающей среде и развитию — говорится о нанесении трансграничного вреда. Однако с точки зрения практики предотвращение или сведение к минимуму "риска" нанесения ущерба является первым шагом в предотвращении самого ущерба.

4) В этом смысле принцип, изложенный в данной статье, идет дальше в деле защиты прав и интересов потерпевших государств и конкретно применяется к опасным видам деятельности, т.е. к видам деятельности, которые связаны с риском нанесения трансграничного ущерба.

5) Общее обязательство о предотвращении трансграничного ущерба укрепилось в международном праве[291], однако статья А признает общее обязательство государства происхождения предотвратить или свести к минимуму риск нанесения трансграничного ущерба, что означает, что государство должно обеспечить, чтобы оператор, осуществляющий деятельность, определяемую статьями 1 и 2, принял все должные меры предосторожности, с тем чтобы трансграничный ущерб не был нанесен или, если это невозможно из-за характера деятельности, то тогда государство происхождения должно предпринять все необходимые шаги, с тем чтобы вынудить оператора принять такие необходимые меры, которые могут свести риск до минимума.

6) Статья 10 Правовых принципов, касающихся защиты окружающей среды и устойчивого развития, которая была составлена группой экспертов-экологов Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию согласуется с содержанием предыдущего пункта. Статья 10 предусматривает, что:

> Государства должны, соблюдая принципы, закрепленных в статьях 11 и 12, предотвращать или пресекать всякое трансграничное экологическое вмешательство или *существенный риск такого вмешательства*, наносящего серьезный ущерб, т.е. ущерб, который не является незначительным или несущественным[292].

7) В комментарии к статье 10 Правовых принципов, касающихся защиты окружающей среды и устойчивого развития предусматривается, что:

> С учетом ряда рассматриваемых ниже квалификационных определений в статье 10 закрепляется установленный основной принцип, регулирующий трансграничное экологическое вмешательство.., которое может создать *или создает серьезный риск причинения существенного ущерба** в месте, подпадающем под национальную юрисдикцию другого государства, или же в месте, находящемся за пределами национальной юрисдикции[293].

8) Комментарий к этой статье далее предусматривает, что этот принцип представляет собой имплицитное следствие обязанности не наносить трансграничный ущерб:

> Следует отметить, что сформулированный выше принцип не просто гласит, что государства обязаны предотвращать или пресекать трансграничное экологическое вмешательство, которое *фактически* является причиной существенного ущерба, но и предусматривает также, что они обязаны предотвращать или пресекать деятельность, которая создает *серьезный риск* возможности нанесения такого ущерба за пределами национальных границ. Во втором заявлении фактически *эксплицитно* указывается то, что уже *имплицитно* заложено в обязанность предотвращать трансграничное экологическое вмешательство, *фактически* являющееся причиной существенного ущерба, что исключает какое-либо недопонимание в этом вопросе[294].

(*продолжение сноски 289*)

Vol. III/Corr.l)) (Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.93.I.8 и исправление), том I: *Резолюции, принятые на Конференции*, резолюция 1, приложение I.

Этот принцип был также изложен в статье 193 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Эта статья гласит следующее:

> "Государства имеют суверенное право разрабатывать свои природные ресурсы в соответствии со своей политикой в области окружающей среды и в соответствии с их обязанностью защищать и сохранять морскую среду".

[290] В определенный момент Комиссия может добавить дополнительные ограничения к статье 1 в форме перечня видов деятельности или перечня веществ, задействуемых в ходе осуществления таких видов деятельности.

[291] Это общее обязательство государств находит подтверждение в международной практике. См. общий комментарий к проектам статей, принятых Комиссией на ее сорок шестой сессии, а также комментарий к статье 1 (см. сноску 282, выше).

[292] *Environmental Protection and Sustainable Development: Legal Principles and Recommendations* (London/Dordrecht/Boston, Graham & Trotman/Martinus/Nijhoff, 1987), p. 75.

[293] Ibid.

[294] Ibid., p. 78. Однако, "хотя деятельность, порождающая серьезный риск нанесения существенного ущерба, должна в принципе подлежать предотвращению или пресечению, может вполне произойти, что в случае некоторых опасных видов деятельности, вопрос об их противоправности будет снят ввиду принятия всевозможных мер предосторожности, препятствующих реализации такого риска, *и следует считать, что преимущества такой деятельности значительно перевешивают преимущества, связанные с устранением риска*, требующим прекращения самой деятельности". (Ibid., p. 79).

9) Уточнение того, что было имплицитно заложено в упомянутом выше общем обязательстве по предотвращению, уже представляет собой важный шаг вперед в области права в отношении трансграничного ущерба, поскольку это закладывает четкую основу под все другие обязательства по предотвращению, в частности в том что касается уведомления, обмена информацией и консультаций, корни которых лежат в праве предположительно пострадавшего государства - что соответствует такому общему обязательству по предотвращению - участвовать в общем процессе предотвращения.

10) Статья состоит из двух частей. В первой части закрепляется свобода действий государств, а во второй части рассматриваются пределы этой свободы. В первой части предусматривается, что свобода государств осуществлять или разрешать деятельность на своей территории или же в рамках своей юрисдикции или своего контроля не является безграничной. Это, другими словами, означает, что свобода государств в таких вопросах ограничена. Однако Комиссия считает, что было бы более целесообразно изложить данный принцип позитивным образом, предполагающим, что государство имеет свободу действий, а не негативным образом, при котором внимание обращалось бы на пределы такой свободы.

11) Во второй части данной статьи перечисляются два ограничения в отношении такой свободы государств. Во-первых, такая свобода согласовывается с общим обязательством предотвращать или сводить к минимуму риск существенного трансграничного ущерба. Во-вторых, такая свобода учитывает любые конкретные обязательства государства в этом отношении перед другими государствами. Слова "в этом отношении" касаются предотвращения или сведения к минимуму риска существенного трансграничного ущерба.

12) Первое ограничение свободы государств осуществлять или разрешать деятельность, указанную в статье 1, определяется общим обязательством государств предотвращать или сводить к минимуму риск существенного трансграничного ущерба. Общее обязательство, изложенное в рамках этой статьи, следует воспринимать как устанавливающее обязательство в отношении определенного поведения. Данная статья не требует, чтобы государство предоставляло гарантии отсутствия какого-либо трансграничного ущерба, однако оно должно принимать все меры, требуемые для предотвращения такого ущерба или сведения его к минимуму. Такое понимание находится также в соответствии с конкретными обязательствами, изложенными в различных статьях, посвященных вопросам предотвращения.

13) Значение и объем обязательства в отношении проявления должной осторожности разъясняются в пунктах 4-13 комментариев к статье B [8 и 9].

Статья B [8 и 9]. Предотвращение

Государство принимает все должные меры для предотвращения или сведения к минимуму риска существенного трансграничного ущерба.

Комментарий

1) Данная статья вместе со статьей D [7] (Сотрудничество) служит теоретической основой для всех статей, касающихся вопросов предотвращения. В этих статьях устанавливаются конкретные и подробные обязательства государств в отношении предупреждения или сведения к минимуму существенного трансграничного ущерба. Это — короткая и лаконичная статья. В ней предусматривается, что государства должны принимать все должные меры для предотвращения или сведения к минимуму риска существенного трансграничного ущерба. Слово "меры" подразумевает все конкретные действия и шаги, указанные в статьях, касающихся вопросов предотвращения и сведения к минимуму трансграничного ущерба.

2) Эта статья включает в себя целый ряд элементов, содержащихся в статье 14 (Меры по предотвращению или сведению к минимуму риска), которая была в предварительном порядке принята на сорок шестой сессии[295]. В свое время статья 14 будет приведена в соответствие с настоящей статьей и будет касаться исключительно осуществления, например по примеру Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25 февраля 1991 года. Новая статья 14 могла бы гласить следующее:

> "Государства предпринимают все законодательные, административные или другие меры для осуществления положений настоящих статей (о предотвращении и т.д.)".

3) Таким образом, в статье B устанавливается принцип предотвращения, который распространяется на все государства в отношении видов деятельности, указанных в статье 1. Статья 14 уточняет условия, в соответствии с которыми государство происхождения может выполнять свои обязательства по предотвращению, установленные в соответствии с настоящим принципом. В их число входит, например, принятие государством законодательных, административных или других мер, необходимых для осуществления законов, административных решений и политики.

4) Обязательство государств принимать превентивные меры или меры по сведению к минимуму риска представляет собой обязательство проявлять должную осмотрительность, что требует от государств принятия определенных односторонних мер по предотвращению или сведению к минимуму риска существенного трансграничного ущерба. Устанавливаемое данной статьей обязательство не является обязательством в отношении конечного результата. Вопрос о том, выполнило ли государство свои обязательства по настоящим статьям, будет определяться его поведением.

---

[295] Пункты 4-13 комментариев к данной статье взяты из комментария к статье 14. Необходимые изменения будут внесены после пересмотра статьи 14.

5) Обязательство проявлять большую осмотрительность, как стандартная основа для защиты окружающей среды от ущерба, вытекает из целого ряда международных конвенций[296], а также из резолюции и докладов международных конференций и организаций[297]. Это обязательство о должной осмотрительности недавно обсуждалось в споре между Германией и Швейцарией в связи с загрязнением Рейна фирмой "Сандоз"; швейцарское правительство признало свою ответственность за непроявление должной осмотрительности в плане предотвращения аварии посредством надлежащего регулирования деятельности своих фармацевтических предприятий[298].

6) В процессе рассмотрения дела *Alabama* суд изучил два различных определения термина "должная осмотрительность", которые были представлены сторонами. Соединенные Штаты Америки определяли этот термин следующим образом:

> Осмотрительность соответствует масштабам вопроса и статусу и полномочиям власти, которой надлежит ее проявлять; такая осмотрительность должна, путем проявления активной бдительности и использования любых других средств, находящихся в распоряжении нейтральной стороны, на всех этапах урегулирования спора препятствовать нарушениям ее территории и аналогичным образом удерживать злоумышленников от совершения актов войны на территории нейтральной стороны против ее воли [299]

7) Великобритания определила должную осмотрительность в качестве "такой предусмотрительности, которую обычно проявляют правительства в своих внутренних делах"[300]. Суд, по всей видимости, нашел более убедительным расширенное определение стандарта должной осмотрительности, представленное Соединенными Штатами, и выразил сомнение по поводу "национального стандарта" должной осмотрительности, изложенного Соединенным Королевством. Суд заявил, что

> кроме того, британская сторона, по всей видимости, ограничивает международные обязанности правительства осуществлением ограниченных полномочий, которыми оно наделяется по внутригосударственному праву, и упускает из виду обязательство нейтральной стороны изменять свои законы в тех случаях, когда они оказываются неэффективными"[301]

8) Кроме того, объем и стандарт обязательства в отношении должной осмотрительности подробно освещались лордом Аткином в деле *Donoghue* v *Stevenson,* который, в частности, отмечал следующее:

> Заповедь о том, что вы должны возлюбить ближнего своего, приобретает в рамках закона характер нормы, согласно которой вы не должны причинять вреда своему ближнему; на вопрос юриста "Кого же я должен считать своим ближним?" последует весьма узкий по смыслу ответ Вам следует поступать с разумной осмотрительностью, с тем чтобы избегать действий или упущений, характер которых позволяет вам заранее и небезосновательно предвидеть возможность нанесения ущерба вашему ближнему Так, кого же, согласно закону, я должен считать своим ближним? Как представляется, таковыми следует считать лиц, которых столь тесно и непосредственно затрагивают мои действия, что я должен вполне обоснованно рассматривать их в качестве затрагиваемых лиц уже в процессе планирования моих действий или бездействия, являющихся предметом спора[302]

9) В контексте настоящих статей должная осмотрительность проявляется в виде предпринимаемых государством разумных усилий, направленных на получение информации о фактических и правовых компонентах, предугадываемых в связи с предусмотренной процедурой, и своевременное принятие соответствующих мер с целью их учета. Таким образом, государства обязаны принимать односторонние меры для предотвращения или сведения к минимуму риска существенного трансграничного ущерба, причиняемого деятельностью, подпадающей под положения статьи 1. Такие меры включают, во-первых, разработку стратегий, направленных на предотвращение или сведение к минимуму риска трансграничного ущерба, и, во-вторых, осуществление этих стратегий. Эти стратегии оформляются в виде законодательных и административных актов и осуществляются через различные правоприменительные механизмы.

10) Комиссия считает, что стандартом должной осмотрительности, с учетом которого следует рассматривать действия государства, является стандарт, который по общему мнению должен соответствовать и отвечать степени риска трансграничного ущерба в каждом конкретном случае. Так, например, деятельность, которую можно квалифицировать как чрезвычайно опасную, требует применения гораздо более высокого стандарта осмотрительности при разработке стратегий и гораздо более решительных усилий со стороны государства по обеспечению их выполнения. Такие факторы, как масштабы операции, место ее осуществления, особые климатические условия, материалы, используемые в ходе деятельности, а также меры по определению того, являются ли разумны-

---

[296] См., например, пункт 1 статьи 194 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, статьи I, II и VII, пункт 2, Конвенции о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, статью 2 Венской конвенции о защите озонового слоя; пункт 5 статьи 7 Конвенции, регулирующей деятельность по освоению минеральных ресурсов Антарктики, пункт 1 статьи 2 Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, и пункт 1 статьи 2 Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер.

[297] См принцип 21 Всемирной хартии природы (резолюция 37/7 Генеральной Ассамблеи, приложение); и принцип VI Проекта принципов поведения, которыми государства руководствуются в отношении активного воздействия на погоду, подготовленного ВМО и ЮНЕП (M L Nash, *Digest of United States Practice in International Law* (United States Government Printing Office, Washington, D.C., 1978), p 1205)

[298] См. *The New York Times,* 11, 12 and 13 November 1986, pp A I, A 8 and A 3, соответственно См. также A. C. Kiss, "«Tchernobale» ou la pollution accidentelle du Rhin par des produits chimiques, *Annuaire français de droit international* (Paris), vol. 33, (1987), pp. 719-727.

[299] The Geneva Arbitration (The *"Alabama"* case) (United States of America *v* Great Britain), decision of 14 September 1872 (J. B. Moore, *History and Digest of the International Arbitrations to which the United States has been a Party,* vol. I), pp. 572-573.

[300] Ibid , p 612.

[301] Ibid

[302] United Kingdom, *The Law Reports, House of Lords, Judicial Committee of the Privy Council* (London, 1932), p 580.

ми выводы, сформулированные в результате применения вышеперечисленных факторов к конкретному случаю, относятся к числу аспектов, которые следует принимать во внимание при определении в каждом конкретном случае уровня требований в отношении должной осмотрительности. Комиссия также считает, что критерий, рассматриваемый в качестве обоснованного стандарта предусмотрительности или должной осмотрительности, может со временем измениться: то, что можно считать надлежащими и обоснованными процедурами, стандартами или нормами в какой-либо конкретный момент времени, возможно, нельзя будет считать таковыми в какой-либо другой конкретный момент времени в будущем. Отсюда следует, что принцип должной осмотрительности при обеспечении безопасности обязывает государство идти в ногу с технологическими изменениями и научным прогрессом.

11) Комиссия принимает к сведению принцип 11 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, который гласит следующее:

> Государства принимают эффективные законодательные акты в области окружающей среды. Экологические стандарты, цели и приоритеты регламентации должны отражать экологические условия и условия развития, в которых они применяются. Стандарты, применяемые одними странами, могут быть неуместными и сопряженными с необоснованными экономическими и социальными издержками в других странах, в частности в развивающихся странах[303].

12) Аналогичные формулировки используются в принципе 23 Стокгольмской декларации. Вместе с тем этот принцип конкретно предусматривает, что такие национальные стандарты "уважают критерии, которые могут быть согласованы международным сообществом"[304]. Комиссия считает, что уровень экономического развития государств относится к числу факторов, которые следует принимать во внимание при решении вопроса о том, соблюдает ли государство свои обязательства о должной осмотрительности. Вместе с тем уровень экономического развития государства не освобождает государство от выполнения им своего обязательства по этим статьям.

13) Обязательство государства заключается прежде всего в том, что оно обязано предпринимать усилия по разработке стратегий и их осуществлению с целью предотвращения существенного трансграничного ущерба. Если это не представляется возможным, то обязательство заключается в мобилизации усилий, направленных на сведение к минимуму такого ущерба. По мнению Комиссии, выражение *сведение к минимуму* следует понимать в этом контексте как означающее усилия по *сокращению возможности* причинения ущерба.

Статья C [9 и 10]. Ответственность и компенсация

В соответствии с настоящими статьями существенный трансграничный ущерб, причиненный деятельностью, о которой говорится в статье 1, порождает ответственность и ведет к возмещению ущерба.

Комментарий

1) Данная статья образует основу для будущих статей об ответственности и компенсации. Она была принята в качестве рабочей гипотезы, поскольку проекты статей по ответственности еще не приняты Комиссией.

2) Таким образом, обязательство, установленное в данной статье, следует рассматривать в контексте тех статей, которые будут в будущем приняты Комиссией по вопросам ответственности. Слова "В соответствии с настоящими статьями" означают, что принципы ответственности и компенсации основаны на законе и должны толковаться с учетом условий, установленных в настоящих и будущих статьях по данной теме.

3) Принцип, содержащийся в статье C, не нов для Комиссии. На своей сороковой сессии в 1988 году Комиссия заявила следующее:

> Было выражено *общее согласие** в том, что принципы, изложенные Специальным докладчиком в пункте 86 его четвертого доклада (A/CN.4/413), *соответствуют данной теме и являются приемлемыми в их общем виде**. Речь шла о следующих принципах:
>
> a) проекты статей должны обеспечивать для каждого государства такую свободу выбора в отношении деятельности в пределах их территории, которая совместима с правами и интересами других государств;
>
> b) защита этих прав и интересов требует мер по предотвращению нанесения ущерба и возмещению ущерба *в случае его нанесения**;
>
> c) в той мере, в которой это соответствует двум предыдущим принципам, невиновная потерпевшая сторона *не должна сама покрывать понесенные ею убытки*[305].

4) Принцип ответственности и компенсации является необходимым следствием и дополнением статьи A. Данная статья обязывает государства предотвращать или сводить к минимуму риск от видов деятельности, запрещенных международным правом. С другой стороны, в статье C устанавливается обязанность обеспечивать компенсацию во всех случаях нанесения существенного трансграничного ущерба. Статья таким образом отклоняет режим, допускающий осуществление деятельности, опасной для других государств, но не предусматривающий никакой компенсации за ущерб.

5) Поскольку Комиссия еще не пришла к договоренности относительно конкретного режима ответственности, данная статья о принципе ответственности никак не влияет на вопрос о: a) образовании, которое несет ответственность и должно обеспечить компенсацию; b) формах и масштабах компенсации; c) ущербе, который подлежит компенсации; и d) основах ответственности. Этим и объясняется существенная разница в струк-

---

[303] См. сноску 289, выше.

[304] См. сноску 279, выше.

[305] *Ежегодник.., 1988 год,* том II (часть вторая), пункт 82.

туре данной статьи и статей A [6], B [8 и 9] и D [7]. В отличие от этих положений, в которых четко определяются те, кто несет соответствующую ответственность, в данной статье лишь устанавливается, в качестве рабочей гипотезы, что существует ответственность и обязательство компенсации.

6) Что касается основы ответственности, то можно только выдвинуть предположение, что такой основой необязательно является нарушение какого-либо международного обязательства. При рассмотрении общих рамок ответственности и конкретных статей Комиссия примет к сведению тот факт, что имеется целый ряд различных возможностей. Например, должна ли ответственность основываться на причинных связях или же на нарушении обязательства проявлять должную осмотрительность или же на том и другом, в зависимости от того, какая сторона или стороны должны нести такую ответственность.

7) В практическом плане в международной практике существует несколько путей возмещения трансграничного ущерба, наносимого в результате опасной деятельности лицам или собственности или же окружающей среде. Одним из них является абсолютная ответственность государства, как, например, в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, - но это является единственным случаем, когда государство несет абсолютную ответственность. Другая возможность заключается в передаче ответственности оператору с полным освобождением от нее самого государства, как, например в Конвенции о гражданской ответственности за ущерб причиняемый опасной деятельностью окружающей среде. Третий вариант заключается в том, чтобы возложить на государство своего рода "остаточную" ответственность за ту часть компенсации, которая не была выплачена оператором, как, например, в Конвенции об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии и Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб.

8) Порядок разработки этого принципа отнюдь не предрешает каким-либо образом последующую работу Комиссии и не предопределяет той формы, в которую следует облечь ответственность. Действительно, вполне может быть сочтено целесообразным использовать альтернативный вариант, предусматривающий ответственность государств только в случае непроявления должной осмотрительности, как это предусматривается в статье 7 проектов статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков[306].

9) Включая данную статью в свод основных принципов по данной теме, Комиссия с должным вниманием учитывала принцип 22 Стокгольмской декларации[307] и принцип 13 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию[308], которые настоятельно призывают государства сотрудничать в разработке дальнейших норм международного права в отношении ответственности и компенсации за нанесение экологического ущерба в результате деятельности, подпадающей под их юрисдикцию или контроль в областях, не входящих в сферу их национальной юрисдикции. Эти принципы служат отражением чаяний и интересов международного сообщества.

10) Следует отметить, что в английском варианте текста вместо термина "compensation" используется слово "reparation", которое обычно ассоциируется со словом "liability". Однако, по мнению Комиссии, понятие компенсации по смыслу положений статьи 8 части второй проектов статей об ответственности государств[309], а именно, выплата денежной суммы, вряд ли может быть применимо к некоторым случаям возмещения экологического ущерба, для которых наиболее оптимальным вариантом является восстановление. Восстановление, которое представляет собой попытку вернуться к ранее существовавшему статус-кво, можно рассматривать как форму restitutio naturalis, но отнюдь не как компенсацию. Кроме того, что касается нанесения экологического ущерба, то введение в поврежденную экосистему путем возмещения некоторых компонентов, эквивалентных тем, которые были подорваны или уничтожены, не является денежной компенсацией, хотя оно может рассматриваться как одна из форм эквивалентной компенсации. Подобное положение уже имеется в ряде договоров[310]. Таким образом, "компенсацию" следует толковать исходя из ее самого широкого смысла как включающую ряд категорий последствий, т.е. исходя из того смысла, который заложен в этот термин в статье 6-бис части 2 проектов статей об ответственности государств[311].

11) Комиссия принимает к сведению договорную практику, в соответствии с которой государства конкретно определяют те виды деятельности или вещества, которые могут иметь опасные трансграничные последствия, и устанавливают режим ответственности за трансграничный ущерб. В основном эти договоры касаются деятельности, связанной с перевозкой нефти, а также загрязнения нефтью, ядерной энергии и ядерных материалов[312]. В некоторых конвенциях рассматривается вопрос об от-

---

[306] *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть вторая), стр. 113.

[307] См. сноску 279, выше.

[308] См. сноску 289, выше.

[309] См. сноску 94, выше.

[310] См., например, статью 2, пункт 8, Конвенции о гражданской ответственности за ущерб, нанесенный в результате деятельности, представляющей угрозу для окружающей среды.

[311] См. сноску 94, выше.

[312] См., в частности, Международную конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 года; Протокол 1984 года с поправками к Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью; Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью в результате разведки и разработки минеральных ресурсов морского дна; Конвенцию об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии; Конвенцию об ответственности операторов ядерных судов; Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб; Конвенцию о гражданской ответственности в области морских перевозок ядерных материалов; и Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом (КГПОГ).

ветственности в результате других видов деятельности, нежели те, которые связаны с нефтью или ядерной энергией и ядерными материалами[313]. Вопросы об ответственности рассматриваются и во многих других договорах, однако в них не уточняется суть вопроса об ответственности или же связанные с этим правила процедуры. Эти договоры, признавая важность принципа ответственности для самого действия договора, не решают данный вопрос. Представляется, что они основываются на существующих нормах международного права в отношении ответственности или же рассчитывают на разработку таких правил в будущем[314]. Имеются и такие договоры, в которых указывается, что сторонами для решения вопроса об ответственности, который может возникнуть в рамках этих договоров, будут разработаны другие документы[315].

12) Понятие ответственности в некоторой степени разрабатывалось и в рамках практики государств. Например, при разбирательстве по делу *Trail Smelter* соответствующему плавильному предприятию было разрешено продолжать заниматься своей деятельностью, однако суд установил постоянный режим, предусматривающий при определенных условиях возмещение ущерба американским компаниям в результате выброса дыма, даже если деятельность предприятия находится в полном соответствии с постоянным режимом, определенным в вынесенном решении:

> Суд считает, что предписанный режим, вероятно, позволит устранить причины нынешних разногласий и, как это отмечалось ранее, возможно, предотвратить в будущем нанесение какого-либо материального ущерба, аналогичного тому, который был причинен штату Вашингтон.
>
> *Однако, поскольку данный режим или меры контроля, которые в соответствии с настоящим должны быть приняты и осуществляться плавильным предприятием, могут не привести к желаемым и ожидаемым результатам**, и поскольку в своем ответе на вопрос № 2 суд просил плавильные предприятия воздерживаться от причинения ущерба штату Вашингтон в будущем, как это указывается в настоящем решении, суд дает на вопрос № 4 следующий ответ..: а) если после 1 октября 1940 года был причинен какой-либо ущерб или если такой ущерб будет причинен в будущем, как в результате несоблюдения плавильным предприятием предписываемых настоящим положений, так и *при соблюдении данного режима**, такой ущерб подлежит возмещению, но только тогда и *если оба правительства разработают процедуры в отношении требования о возмещении...*[316]

13) В деле *Lake Lanoux*[317], с другой стороны, суд, в ответ на утверждение Испании о том, что реализация французских проектов создаст чрезмерный риск для испанских компаний, заявил в целом, что никакой ответственности не возникает, пока принимаются все возможные меры предосторожности, в том что касается нанесения ущерба[318]. Суд кратко затронул вопрос об опасной деятельности, заявив следующее: "Четко не утверждалось, что намечаемые работы (Францией) создадут чрезмерный риск в добрососедских отношениях или в порядке использования водотока". Данное выражение можно истолковывать как означающее, что, по мнению суда, чрезмерно опасные виды деятельности представляют собой особую проблему и что если бы Испания доказала, что предложенный Францией проект вызовет чрезмерный риск в плане нанесения трансграничного ущерба Испании, то суд принял бы, возможно, совершенно иное решение.

14) В деле *Nuclear Tests* Международный Суд, вынося свое постановление, должным образом изложил заявление Австралии о ее обеспокоенности по поводу того, что

> ...проводимые Францией ядерные взрывы в атмосфере в районе Тихого океана, вызвавшие обширное выпадение радиоактивных осадков на территории Австралии и на других районах южного полушария, привели к значительному превышению допустимого содержания радионуклеидов в продуктах питания и в организме человека и подвергли дополнительному радиационному облучению людей, живущих в этой части света, и в Австралии в частности; что радиоактивные вещества, выпавшие на территории Австралии, являются потенциально опасными для Австралии и ее населения, а

---

[313] См. Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, и Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб, нанесенный в результате деятельности, представляющей угрозу для окружающей среды.

[314] В этой связи см. Кувейтскую региональную конвенцию о сотрудничестве в области охраны морской среды от загрязнения; Конвенцию о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов; Конвенцию о защите Средиземного моря от загрязнения; Конвенцию о защите морской среды района Балтийского моря; Конвенцию о защите Черного моря от загрязнения; Конвенцию о трансграничном воздействии промышленных аварий; и Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер.

[315] См., например, Конвенцию, регулирующую деятельность по освоению минеральных ресурсов Антарктики, в которой разработка норм об ответственности является предварительным условием разведки и добычи природных ресурсов в Антарктике. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением предусматривает в статье 12, что государства-участники должны разработать протокол по вопросам ответственности и компенсации. См. также Бамакскую конвенцию о запрете на ввоз в Африку и контроле за трансграничной перевозкой и использованием внутри Африки опасных отходов, которая предусматривает, что государства - участники Конвенции должны разработать протокол, касающийся ответственности и компенсации.

[316] UNRIAA, vol. III (Sales No. 1949.V.2), pp. 1905 *et seq.* at p. 1980.

[317] Первоначальный текст решения на фр. языке см. UNRIAA, vol. XII (Sales No. 63.V.3), pp. 281 *et seq.;* перевод на англ. язык см. *International Law Reports,* 1957 (London), vol. 24 (1961), pp. 101 *et seq.*

[318] Суд заявил:

> "Этот вопрос в некоторой степени затрагивался в контрмеморандуме Испании (p. 86), которая подчеркнула "чрезвычайную сложность" процедуры контроля, ее "весьма обременительный" характер и "опасность нанесения ущерба или проявления халатности при обеспечении функционирования затворов шлюза, а также создания затора в туннеле". Однако никогда не утверждалось, что намечаемые работы будут иметь иной характер или же быть сопряженными с другими видами риска, нежели подобные им работы, которые сегодня ведутся во всем мире. Четко не утверждалось о том, что намечаемые работы создадут чрезмерный риск в добрососедских отношениях или же в использовании водотока. Как это было показано выше, технические гарантии восстановления состояния водотока являются максимально удовлетворительными. Если, несмотря на принятые меры предосторожности, на восстановление состояния водотока повлияет какое-либо происшествие, такое происшествие будет носить только временный характер и, по мнению обеих сторон, не будет представлять собой нарушения положений статьи 9" (ibid., pp. 123-124, para. 6 of the award).

нанесенный тем самым ущерб может быть невозместим; что проведение Францией ядерных испытаний в атмосфере вызывает определенное беспокойство и опасения у населения Австралии; что последствия производимых Францией ядерных испытаний для морских ресурсов и условий окружающей среды могут быть необратимы и никакие платежи не помогут их устранить; и что посягательство Франции на права Австралии и ее населения на свободу передвижения в открытом море и воздушном пространстве над ним может иметь необратимые последствия[319].

15) В своем отдельном мнении судья Игнасио-Пинто, выражая свое несогласие с общим решением, отметил, что, по его мнению, Суд недостаточно компетентен рассматривать подобные дела, и заявил, что:

...если Суд согласится с сутью австралийского утверждения, то он пойдет на принятие нового понятия в международное право, в соответствии с которым государствам будет запрещено заниматься какими-либо сопряженными с определенными рисками видами деятельности в пределах их собственного территориального суверенитета; однако это означало бы предоставление одним государствам права в превентивном порядке вмешиваться во внутренние дела других государств[320].

16) Далее он заявил, что

...с учетом нынешнего состояния международного права испытываемого государством "страха" или "беспокойства", а также "опасности ядерной радиации" [по его мнению] недостаточно, чтобы обосновать применение ко всем государствам каких-либо норм права более высокого порядка и чтобы ограничивать их суверенитет в отношении проведения ядерных испытаний в атмосфере.

Те, кто придерживается иного мнения, возможно, являются ведущими представителями или сторонниками системы постепенного развития международного права, однако недопустимо принять во внимание их пожелания и изменить уже сложившуюся систему права...[321].

17) Комиссия приняла также к сведению целый ряд случаев, когда без признания ответственности как таковой жертвам существенного трансграничного ущерба выплачивалась компенсация. В этой связи следует отметить следующие дела.

18) Серия ядерных испытаний, проведенных Соединенными Штатами Америки 1 марта 1954 года в атолле Эниветок, привела к ущербу, выходящему за пределы зоны опасности. Ущерб был нанесен японским рыбакам в открытом море, и в результате этого была заражена значительная часть атмосферы и существенное количество рыбы, что повлекло за собой серьезное нарушение функционирования японского рыбного рынка. Япония потребовала выплаты компенсации. В своей ноте от 4 января 1955 года правительство Соединенных Штатов, ничего не говоря об юридической ответственности, согласилось выплатить компенсацию за причиненный в результате таких испытаний ущерб[322].

19) Что касается ущерба, причиненного в 1954 году жителям Маршалловых островов, которые в то время являлись подопечной территорией Соединенных Штатов, то Соединенные Штаты согласились выплатить соответствующую компенсацию. В докладе Комитета по внутренним и островным территориям при сенате Соединенных Штатов Америки заявлялось, что из-за непредвиденного изменения направления ветра сразу же после ядерного взрыва воздействию сильных радиоактивных осадков подверглись 82 жителя атолла Ронгелап. После описания того, какой ущерб и вред были причинены здоровью и собственности этих жителей и какая существенная медицинская помощь была сразу же оказана Соединенными Штатами, в докладе делается следующий вывод: "Однако нельзя заявить, что принятые компенсационные меры были полностью удовлетворительными..."[323]. В докладе отмечалось, что в феврале 1960 года против Соединенных Штатов была подана жалоба в высокий суд подопечной территории с целью получения 8,5 млн. долл. США в качестве компенсации за причиненный собственности ущерб, лучевую болезнь, ожоги, физические и душевные страдания, потерю консорциума и медицинские расходы. Этот иск был отклонен, поскольку он не входил в компетенцию суда. Однако в докладе указывалось, что принятие законопроекта № H.R.1988 (о выплате компенсации), представленного в палату представителей, "было необходимо для того, чтобы Соединенные Штаты Америки могли удовлетворить справедливые требования этих людей"[324]. 22 августа 1964 года "президент Джонсон ввел в действие закон, в соответствии с которым Соединенные Штаты взяли на себя "компенсационные обязательства" в отношении возмещения ущерба, причиненного жителям атолла Ронгелап в подопечной территории Тихоокеанских островов в результате того, что они подверглись радиационному облучению вследствие термоядерного взрыва, произведенного в атолле Бикини на Маршалловых Островах 1 марта 1954 года", и были получены полномочия на выплату 950 тыс. долл. США в

---

[319] *Nuclear Tests (Australia* v. *France), Interim Protection, Order of 22 June 1973, I.C.J. Reports 1973, pp. 99 et seq.* at p. 104. Суд не выносил своего решения по существу дела.

[320] Ibid., p. 132.

[321] Ibid.

[322] В ноте говорилось, что:

"...Правительство Соединенных Штатов Америки со всей ясностью заявляет, что оно готово выплатить денежную компенсацию в качестве дополнительного выражения своей обеспокоенности и своего сожаления по поводу причиненного ущерба...

...Правительство Соединенных Штатов Америки настоящим безвозмездно предоставляет правительству Японии без ссылки на вопрос о юридической ответственности сумму в 2 млн. долл. США для целей компенсации ущерба, причиненного в результате ядерных испытаний, проведенных на Маршалловых островах в 1954 году.

...

Правительство Соединенных Штатов Америки полагает, что правительство Японии, согласившись принять предлагаемую сумму в 2 млн. долл. США, делает это для полного удовлетворения всех, без исключения, исков, предъявляемых к Соединенным Штатам Америки или ее агентам, национальным или юридическим образованиям... в отношении каких-либо увечий, потерь или ущерба, причиненных вышеуказанными ядерными испытаниями".

The Department of State Bulletin (Washington, D.C.), vol. XXXII, No. 812 (17 January 1955), pp. 90-91.

[323] M. M. Whiteman, *Digest of International Law* (Washington, D.C.), vol. 4, p. 567.

[324] Ibid.

равных частях пострадавшим жителям атолла Ронгелап[325]. Согласно другому докладу, в июне 1982 года администрация президента Рейгана была готова выплатить правительству Маршалловых Островов 100 млн. долл. США в порядке удовлетворения всех исков, предъявленных к Соединенным Штатам Америки жителями этих островов, здоровью и собственности которых был нанесен ущерб в результате испытаний ядерного оружия, проведенных Соединенными Штатами в Тихом океане в период с 1946 по 1963 годы[326].

20) В 1948 году в Аркизате в Италии недалеко от границы с Швейцарией взорвался завод по производству боеприпасов, в результате чего ряду швейцарских коммун был нанесен ущерб различной степени. Правительство Швейцарии потребовало от правительства Италии возмещения причиненного ущерба; оно сослалось на принцип добрососедства и в качестве довода утверждало, что Италия несет ответственность, поскольку она допустила размещение производящего взрывчатые вещества завода со всеми вытекающими отсюда рисками в непосредственной близости от международной границы[327].

21) В 1971 году либерийский танкер "Джулиана" сел на мель и раскололся недалеко от Ниигаты, на западном побережье японского острова Хонсю. Нефть из этого танкера разлилась по всему побережью, что нанесло серьезный ущерб местному рыболовству. Правительство Либерии (под флагом которой плавал этот танкер) предложило 200 млн. йен местным рыбакам за причиненный ущерб, на что те дали свое согласие[328]. В этом деле правительство Либерии согласилось удовлетворить иски о компенсации ущерба, причиненного в результате действий частного лица. Представляется, что на официальном дипломатическом уровне не выдвигалось никаких утверждений относительно совершения Либерией противоправного деяния.

22) После аварии, в результате которой в море в Черри-Поинт в штате Вашингтон вылилось 12 тыс. галлонов сырой нефти, что привело к загрязнению канадских пляжей, правительство Канады направило Государственному департаменту Соединенных Штатов ноту, в которой оно выразило свою серьезную обеспокоенность в связи с этой "опасной аварией" и отметило, что "правительство хотело бы получить твердые заверения в том, что теми, кто несет юридическую ответственность за это, будет выплачена полная компенсация за весь причиненный ущерб, а также будут оплачены расходы на очистительные операции"[329]. Рассматривая правовые последствия данной аварии в парламенте Канады, министр иностранных дел Канады заявил:

> Мы в первую очередь стремимся обеспечить соблюдение принципа, установленного при проведении арбитражного разбирательства по делу *Trail Smelter* между Канадой и Соединенными Штатами Америки. Этот принцип определяет, что ни одна страна не может допускать использование своей собственной территории для того, чтобы причинять ущерб территории другой страны, и она должна нести ответственность за выплату компенсации в случае причинения ущерба. Канада взяла на себя за это ответственность в деле *Trail Smelter*, и мы рассчитываем, что в данной ситуации будет применен тот же принцип. Действительно, этот принцип уже был поддержан значительным числом государств, и, как мы надеемся, он будет принят на Стокгольмской конференции в качестве основной нормы международного экологического права[330].

23) Ссылаясь на прецедент, связанный с делом *Trail Smelter*, Канада утверждала, что Соединенные Штаты несут ответственность за экстерриториальный ущерб, причиненный в результате действий, совершенных под их территориальным контролем, независимо от того, были ли они совершены по ошибке Соединенных Штатов Америки или нет. При окончательном разрешении этого спора принцип, на который ссылалась Канада, не упоминался; частная компания, по вине которой было совершено загрязнение, предложила оплатить расходы на очистительные операции.

24) В 1973 году в швейцарском кантоне Базель по вине одного французского химического предприятия, производящего инсектициды, была заражена часть территории этого кантона. В результате такого заражения был нанесен ущерб сельскому хозяйству и окружающей среде этого кантона и возникла необходимость в уничтожении порядка 10 тыс. литров молока в месяц[331]. Правительство Швейцарии решительно вмешалось в это дело и провело переговоры с властями Франции, чтобы остановить загрязнение и получить компенсацию за причиненный ущерб.

25) В ходе переговоров между Соединенными Штатами Америки и Канадой в отношении проекта нефтяной разведки в море Бофорта у берегов Аляски канадское правительство обязалось гарантировать возмещение любого возможного ущерба в результате деятельности частной корпорации, которая должна была производить разведку[332]. Хотя частная корпорация должна была предоставить обязательную компенсацию потенциальным жертвам в Соединенных Штатах Америки, канадское правительство признало ответственность на второстепенной основе в отношении погашения стоимости трансграничного ущерба в том случае, если обязательственная договоренность окажется неадекватной[333].

---

[325] Ibid.

[326] *The International Herald Tribune*, 15 June 1982, p. 5.

[327] P. Guggenheim, "La pratique suisse (1956)", *Annuaire suisse de droit international* (Zurich), vol. XIV (1957), p. 169.

[328] *The Times*, London, 1 October 1974; RGDIP (Paris), vol. 80 (1975), p. 842.

[329] *The Canadian Yearbook of International Law, 1973* (Vancouver, B.C.), vol. XI (1973), pp. 333-334.

[330] Ibid., p. 334.

[331] L. Caflisch, "La pratique suisse en matière de droit international public, 1973", *Annuaire suisse de droit international* (Zurich), vol. XXX (1974), p. 147. Сейчас трудно определить, в чем заключались обстоятельства данного дела и как проходили дипломатические переговоры.

[332] *International Canada* (Toronto), vol. 7, No. 3 (1976), pp. 84-85.

[333] Ibid.

26) В связи со строительством автомагистрали в Мексике вблизи границы с Соединенными Штатами Америки правительство Соединенных Штатов, считая, что, несмотря на технические изменения, внесенные в проект по его просьбе, автомагистраль не обеспечивала достаточных гарантий безопасности для собственности, расположенной на территории Соединенных Штатов Америки, зарезервировало свои права в случае нанесения ущерба в результате строительства автомагистрали. В ноте от 29 июля 1959 года, направленной министру иностранных дел Мексики, посол Соединенных Штатов в Мексике в заключение указал:

> Ввиду вышеизложенного мне поручено зарезервировать все права, которые Соединенные Штаты Америки могут иметь по международному праву в случае нанесения ущерба Соединенным Штатам, в результате строительства указанной автомагистрали[334].

27) В деле *Rose Street Canal* и Соединенные Штаты Америки и Мексика зарезервировали право сослаться на ответственность государства, чьи действия по строительству могли бы нанести ущерб территории другого государства[335].

28) В переписке между Канадой и Соединенными Штатами Америки в отношении американских подземных ядерных испытаний в Канникине на острове Амчитка Канада зарезервировала свои права на компенсацию в случае нанесения ущерба[336].

29) Комиссия отмечает, что договорная практика свидетельствует о ясной тенденции возложения непротивоправной (sine delicto) ответственности за экстерриториальный ущерб на операторов деятельности или их страховщиков[337]. Такова обычная практика в договорах, в первую очередь касающихся коммерческой деятельности. В некоторых конвенциях, регулирующих деятельность главным образом частных операторов, на государства возлагаются некоторые обязательства по обеспечению того, чтобы его операторы соблюдали указанные нормы. Если государство не делает этого, на него возлагается ответственность за наносимый операторами ущерб либо в плане возмещения в целом, либо в плане возмещения той части, которая не возмещена оператором[338].

30) С другой стороны, Конвенция о международной ответственности за ущерб, наносимый космическими объектами 1972 года возлагает на запускающее объект государство абсолютную ответственность за трансграничный ущерб. Эта Конвенция является весьма уникальной, поскольку в период ее заключения предполагалось, что регулируемая деятельность ввиду ее характера будет проводиться только государствами. Эта Конвенция является также уникальной и потому, что она предоставляет потерпевшей стороне выбор между предъявлением иска о компенсации через посредство национальных судов или возбуждением иска против соответствующего государства по дипломатическим каналам.

31) Комиссия считает удивительным, что требование о компенсации является скорее прагматическим, нежели теоретически обоснованным, в последовательной теории ответственности. Ответственность частных операторов, их страховщиков и, возможно, государств приобретает самые различные формы в конкретных обстоятельствах.

Статья D [7]. Сотрудничество

Соответствующие государства добросовестно сотрудничают и в случае необходимости запрашивают содействие любой международной организации в предотвращении или сведении к минимуму риска существенного трансграничного ущерба и, если такой ущерб нанесен, в сведении к минимуму его последствий как в затрагиваемых государствах, так и в государствах происхождения.

Комментарий

1) По мнению Комиссии, принцип сотрудничества между государствами является основополагающим в деле разработки и осуществления эффективной политики предотвращения или сведения к минимуму риска нанесения существенного трансграничного ущерба. Требование о сотрудничестве государств распространяется на все фазы планирования и осуществления. Принцип 24 Стокгольмской декларации[339] и принцип 7 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию[340] признают сотрудничество в качестве основного элемента любого эффективного планирования в целях охраны окружающей среды. Более конкретные формы сотрудничества указаны в статьях, которые уже приняты в отношении предотвращения, в частности статья 15 (Уведомление и информирование), статья 16 (Обмен информацией), статья 16-бис (Информирование населения), статья 17 (На-

---

[334] Whiteman, op. cit. (сноска 323, выше), vol. 6, p. 262.

[335] Ibid., pp. 264-265.

[336] *International Canada* (Toronto), vol. 2, (1971), pp. 97 and 185.

[337] См. например, в области загрязнения нефтью: Международную конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью; Международную конвенцию о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью; Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью в результате разведки и разработки минеральных ресурсов морского дна; Протокол 1984 года о внесении поправок в Международную конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью. В области ядерной энергии и материалов см. Конвенцию об ответственности третьей стороны в области ядерной энергии; Конвенцию, дополняющую Парижскую конвенцию об ответственности третьей стороны в области ядерной энергии; Конвенцию об ответственности операторов атомных судов; Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб; Конвенцию о гражданской ответственности в области морской перевозки ядерных материалов. И в области других видов деятельности см. Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами и Конвенцию о гражданской ответственности за ущерб в результате деятельности, представляющей опасность для окружающей среды.

[338] См., например, статью III Конвенции об ответственности операторов атомных судов и статью 8 Конвенции о регулировании деятельности по освоению минеральных ресурсов Антарктики.

[339] См. сноску 279, выше.

[340] См. сноску 289, выше.

циональная безопасность и промышленные секреты), статья 18 (Консультации по поводу превентивных мер) и статья 19 (Права государства, которое, вероятно, будет затронуто). В них рассматривается участие затрагиваемого государства, которое является необходимым для повышения эффективности любых превентивных действий. Затрагиваемое государство может лучше, чем кто-либо другой, знать, какие виды указанной деятельности могут представлять для него большую опасность нанесения ущерба или какие районы его территории, близкие к границе, могут быть в большей степени затронуты трансграничными последствиями указанной деятельности, такие, как особо уязвимая экосистема.

2) Данная статья предписывает соответствующим государствам добросовестно сотрудничать. Пункт 2 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций предусматривает, что все ее члены "добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства". В преамбуле Венской конвенции о праве международных договоров и Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров говорится, что принцип добросовестности получил всеобщее признание. Кроме того, статья 26 и пункт 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров признают основополагающее место этого принципа в структуре договоров. Решение Международного Суда по делу *Nuclear Tests* касается сферы применения принципа добросовестности. В этом деле Суд заявил, что "одним из основных принципов, регулирующих создание и соблюдение правовых обязательств, независимо от их источника, является принцип доброй воли"[341]. Такая позиция Суда предполагает, что принцип добросовестности распространяется также и на односторонние действия[342]. Действительно, принцип добросовестности охватывает "всю структуру международных отношений"[343].

3) Арбитражный суд, учрежденный в 1885 году для рассмотрения споров между Канадой и Францией относительно происшествия в заливе Св. Лаврентия с судном "Ла Бретань", указал, что принцип добросовестности является одним из элементов, обеспечивающих достаточную гарантию против каких-либо рисков, вызываемых злоупотреблением одной из сторон своими правами[344].

4) Используемые в данной статье слова "соответствующие государства" подразумевают государство происхождения и затрагиваемое государство или государства. Хотя содействие со стороны других государств, могущих помочь добиться целей, поставленных в этих статьях, может только приветствоваться, с правовой точки зрения они не обязаны этого делать.

5) В статье предусматривается, что государства должны в случае необходимости запрашивать содействие любой международной организации при выполнении ими предусмотренных в этих статьях обязательств по предотвращению риска. Государства должны делать это только, когда это считается необходимым. Выражение "в случае необходимости" используется для того, чтобы можно было учесть целый ряд различных возможностей, включая те, о которых говорится в нижеследующих пунктах.

6) Во-первых, не во всех случаях, связанных с предотвращением или сведением к минимуму трансграничного ущерба, помощь международных организаций может быть целесообразной или необходимой. Например, государство происхождения или затрагиваемое государство могут быть сами технологически развитыми и располагать такими же, а то и большими техническими возможностями, что и международные организации в плане предотвращения или сведения к минимуму существенного трансграничного ущерба. Очевидно, что в таких случаях они не обязаны запрашивать содействие международных организаций.

7) Во-вторых, термин "международные организации" означает организации, которые занимаются указанными вопросами и могут оказать в них свою помощь. Даже с учетом постоянного роста числа международных организаций нельзя предположить, что всегда обязательно найдется какая-нибудь международная организация, которая будет располагать возможностями, необходимыми для оказания соответствующей помощи в том или ином случае.

8) В-третьих, даже если соответствующие международные организации и существуют, их устав может препятствовать им удовлетворять такие просьбы государств. Например, может существовать такое требование (или разрешение), что организации удовлетворяют только те просьбы о содействии, которые поступают от их государств-членов, или же на них могут распространяться другие установленные уставом ограничения. Очевидно, что цель данной статьи не заключается в установлении какого-либо обязательства для международных организаций в плане удовлетворения просьб о содействии, о которых речь идет в данной статье.

9) В-четвертых, просьбы о содействии могут поступать в международные организации от одного или более государств. Принцип сотрудничества означает, что было бы целесообразно, чтобы такие просьбы поступали от всех заинтересованных государств. Однако тот факт, что не все заинтересованные государства запрашивают содействия международных организаций, отнюдь не освобождает каждое отдельное государство от обязательства запрашивать содействия. Естественно, меры реагирования и вид участия международной организации в случае получения просьбы только от одного государства будут зависеть от характера самой просьбы, вида требуемого

---

[341] *Nuclear Tests (Australia* v. *France), Judgment, I.C.J. Reports 1974,* p. 253, at p. 268.

[342] См. M. Virally, "Review essay: Good faith in public international law", AJIL, vol. 77, No. 1 (January 1983), p. 130.

[343] См. R. Rosenstock, "The Declaration of Principles ...", loc. cit. (см. сноску 187, выше), p. 734.

[344] *Dispute concerning Filleting within the Gulf of St Lawrence ("La Bretagne") (Canada* v. *France)* (ILR, vol. 82 (1990), pp. 590 *et seq.,* at p. 614).

содействия, того места, где международная организация должна будет оказать свою помощь и так далее.

10) В последней части статьи речь идет о сведении к минимуму последствий "как в затрагиваемых государствах, так и в государствах происхождения". В ней предусматриваются такие ситуации, когда в результате того или иного происшествия, помимо существенного трансграничного ущерба, наносится серьезный вред самому государству происхождения. Однако эта формулировка предназначена для того, чтобы подчеркнуть мысль о том, что во многих отношениях существенный ущерб, вероятнее всего, нанесет вред всем соответствующим государствам, т.е. как государству происхождения, так и другим государствам. Таким образом, трансграничный ущерб следует по мере возможности рассматривать как проблему, требующую объединения усилий и взаимного сотрудничества с целью сведения к минимуму его пагубных последствий. Естественно, эта формулировка не означает никаких финансовых обязательств для затрагиваемого государства в отношении сведения к минимуму ущерба или же осуществления очистительных операций в государстве происхождения.

11) Выражение "затрагиваемое государство" означает то государство, на территории которого или в других условиях под юрисдикцией или контролем которого имел место существенный трансграничный ущерб. Данный термин впоследствии будет перенесен в статью 2 (Употребление терминов).

Глава VI

ПРАВО И ПРАКТИКА, КАСАЮЩИЕСЯ ОГОВОРОК К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ

A. Введение

409. На своей сорок пятой сессии в 1993 году Комиссия постановила включить в свою повестку дня тему, озаглавленную "Право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам"[345]. Генеральная Ассамблея в пункте 7 резолюции 48/31 поддержала решение Комиссии при том понимании, что окончательная форма, в которой будет вестись работа по данной теме, будет определена после представления Генеральной Ассамблее предварительного исследования.

410. На своей сорок шестой сессии в 1994 году Комиссия назначила г-на Алена Пелле Специальным докладчиком по этой теме[346].

B. Рассмотрение темы на данной сессии

411. На текущей сессии Комиссии был представлен первый доклад Специального докладчика по этой теме (A/CN.4/470). Комиссия рассмотрела этот доклад на своих 2400-2404, 2406, 2407, 2412 и 2416-м заседаниях, проходивших 14-22 июня, 28-29 июня и 6 и 13 июля 1995 года.

1. Первый доклад Специального докладчика

412. Представляя свой первый доклад, Специальный докладчик заявил, что вопрос об оговорках к международным договорам не нов для Комиссии, которая уже неоднократно изучала его: сначала в 1951 году в связи с темой о праве договоров, а затем в рамках работы, завершившейся принятием Венской конвенции о праве международных договоров (далее именуемой как "Венская конвенция 1969 года"), Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров (далее именуемой как "Венская конвенция 1978 года") и Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (далее именуемой как "Венская конвенция 1986 года").

413. Специальный докладчик, как и его предшественники, полагал, что вопрос об оговорках к договорам, вероятно, является самым сложным из всех вопросов международного публичного права. Первая проблема, носящая технический характер, заключается в согласовании двух важных задач: необходимости сохранения основных элементов договора, с одной стороны, и необходимости максимально возможного облегчения присоединения к многосторонним договорам, представляющим общий интерес. Существует и другая проблема — проблема политических мотивов, кроющихся за теми техническими соображениями, в силу которых принимаются оговорки. Однако с завершением процесса политической деколонизации и с прекращением холодной войны вопрос об оговорках можно решить более спокойным образом. Кроме того, Специальный докладчик сослался на научную проблему, связанную главным образом с вопросом "законности" оговорок. Он отметил, что термин "законность" оговорок можно истолковывать как охватывающий два самостоятельных вопроса: "допустимость" оговорок, с одной стороны, и их "противопоставимость" - с другой[347]. Он отметил, что различия в теории между "допустимостью" оговорок и их "противопоставимостью" в этой области столь существенны, что сегодня речь можно вести о школе "допустимости", с одной стороны, в отличие от школы "противопоставимости" - с другой.

414. Совсем недавно, как отметил Специальный докладчик, такое противоречие вновь возникло в связи с деятельностью международных органов, занимающихся правами человека, в частности Комитета по правам человека, Европейской комиссии по правам человека, Европейского суда по правам человека, Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека, в результате занятия ими совершенно новой позиции по конкретным проблемам, связанным с оговорками к договорам по правам человека. Такие изменения, одобренные некоторыми государствами, но подвергнутые решительной критике другими, настолько осложнили данную тему, что встал вопрос о необходимости или возможности выработки единого правового режима, регулирующего принятие оговорок к договорам.

415. Указанный доклад состоит из трех глав: глава I касается предыдущей работы Комиссии над темой оговорок, глава II содержит краткий обзор проблем в связи с этой темой, а в главе III говорится о возможных направлениях и формах будущей работы Комиссии по этой теме. Согласно Специальному докладчику, цель главы I заключается в том, чтобы освежить в памяти основные этапы длинной истории данного вопроса, начавшейся в 1950 году с доклада Специального докладчика г-на Джеймса Брайерли[348] и завершившейся принятием Венской конвенции 1986 года. Отмечалось, что наиболее важными этапами этого процесса были Консультативное

---

[345] См. сноску 72, выше.

[346] *Ежегодник.., 1994 год,* том II (часть вторая), стр. 197, пункт 381.

[347] О значении понятий "допустимость" и "противопоставимость" см. пункт 417, ниже.

[348] *Yearbook... 1950,* vol. II, p. 222, документ A/CN.4/23.

заключение Международного Суда относительно *оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него*[349] и первый доклад о праве договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока[350], который привел к принятию Комиссией гибкой системы, предусмотренной в подпункте *d* пункта 1 статьи 2 и в статьях 19-23 Венской конвенции 1969 года, впоследствии дополненной Венской конвенцией 1978 года - в соответствующих статьях Венской конвенции 1986 года, которая большей частью воспроизводит соответствующие положения Венской конвенции 1969 года. Освещая эти основные события, Специальный докладчик понимал, что проделанная работа была нелегкой, что необходимо было обеспечить равновесие между в достаточной степени разными политическими точками зрения и взглядами на теорию и что во многих случаях решения были достигнуты только благодаря умышленному приданию соответствующим положениям некоторой неопределенности. Однако наметилась четкая тенденция к все большему закреплению права государств делать оговорки в ущерб праву других договаривающихся государств возражать против таких оговорок, даже если при этом сохраняется право других договаривающихся государств возражать в индивидуальном порядке против вступления в силу договора между ними и государством, делающим оговорку. Кроме того, Венская конвенция 1978 года, содержащая ссылки на такие положения, а также Венская конвенция 1986 года, практически воспроизводящая эти положения, привели к укреплению системы, установленной Венской конвенцией 1969 года, даже если последняя Конвенция, учитывая многие неточности и пробелы в ней, не отличается в этом отношении "системным" подходом.

416. В своем исследовании связанных с этой темой проблем, которому посвящена глава II его первого доклада, Специальный докладчик исходит из имеющейся у него ограниченной информации о практике государств и практике Генерального секретаря Организации Объединенных Наций как депозитария и информации, представленной рядом международных организаций системы Организации Объединенных Наций, а также Советом Европы и ОАГ.

417. В частности, Специальный докладчик указал, что хуже всего обстоит дело с информацией об оговорках к договорам, в том, что касается практики государств. Он надеется подготовить вопросник для правительств с целью получения от них соответствующей информации и полагает, что члены Комиссии могли бы оказать ему помощь любой имеющейся у них информацией относительно практики в этой области в их собственных или в других странах. В главе II доклада Специальный докладчик привел длинный перечень вопросов, которые, по его мнению, сопряжены с определенными проблемами, и просил представить любые соображения относительно порядка очередности обсуждения этих проблем. Многие из этих проблем можно отнести на счет взаимопротиворечивости школы "допустимости" и школы "противопоставимости", поскольку сторонники школы "допустимости" полагают, что оговорка относительно объекта и цели договора как таковая является действительной, независимо от реакции других договаривающихся сторон, в то время как сторонники школы "противопоставимости" полагают, что единственным мерилом действительности оговорки являются возражения со стороны других государств[351].

418. Таким образом, Специальный докладчик полагает, что если справедлива концепция "допустимости", то в международных или даже национальных судах можно ссылаться на недействительность оговорки, не совместимой с целью и объектом договора, даже если государство, заявляющее о недействительности оговорки, само не делало никаких возражений против нее, и если концепция "противопоставимости" признается справедливой то никакое государство не может ссылаться на оговорку относительно объекта и цели договора, даже если другое договаривающееся государство согласно с ней.

419. В своем первом докладе Специальный докладчик поднимает и другие сложные вопросы. Первый из них заключается в последствиях недопустимой оговорки. Влечет ли она за собой, применительно к делающему оговорку государству, недействительность его заявления о признании обязательной силы или же означает только недействительность самой оговорки? Он отметил, что прецедентное право международных органов, занимающихся защитой прав человека, показывает, что ответы на подобные вопросы имеют огромное практическое значение[352].

420. Другой сложный момент, затронутый Специальным докладчиком, касается вопроса о возражении против оговорок. Должно ли государство, выступающее с возражением, руководствоваться принципом совместимости оговорки с объектом и целью договора или же в этом вопросе оно может поступать по собственному усмотрению? Здесь также, как отметил Специальный докладчик, может возникнуть коллизия между "допустимостью" и "противопоставимостью". Он также затронул вопрос о том, каким будет значение возражения против оговорки, если, как это допускается общим для Венских конвенций 1969 и 1986 годов пунктом 3 статьи 21, государство, возражающее против оговорки, не возражает против вступле-

---

[349] *I.C.J. Reports 1951*, p. 15.

[350] *Yearbook... 1962*, vol. II, p. 27, документ A/CN.4/144.

[351] Информацию по вопросу о серьезности практических последствий таких конфликтующих позиций см. *Case concerning the delimitation of the continental shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*, решения от 30 июня 1977 года и 14 марта 1978 года (UNRIAA, vol. XVIII (Sales No. E/F.80.V.7), pp. 3 и 271.

[352] Дело *Belilos* в Европейском суде по правам человека вызвало немало практических проблем для правительства Швейцарии. См. European Court of Human Rights, *Series A: Judgments and Decisions*, vol. 132, *Judgment of 29 April 1988* (Registry of the Court, Council of Europe, Strasbourg, 1988).

ния в силу договора в отношениях между ним самим и государством, сделавшим оговорку?

421. Другая группа сложных вопросов, с которыми столкнулся Специальный докладчик, связана с заявлениями о толковании. Как можно было бы различать заявления такого рода от оговорок в строгом смысле этого термина и каковы правовые последствия действительных заявлений о толковании?

422. Кроме того, согласно Специальному докладчику, неясны последствия оговорок и возражений для вступления в силу договора.

423. Специальный докладчик отметил также, что в Венской конвенции 1978 года ничего не говорится о возражениях против оговорок в случае правопреемства государств. Он поинтересовался, "наследует" ли государство-преемник возражения, сделанные государством-предшественником, или же оно обязано делать новые возражения. Представляется, что практика государств на этот счет не дает точного ответа.

424. Еще один важный вопрос, затронутый Специальным докладчиком, заключался в том, имеются ли какие-либо области, в которых существующий режим оговорок и возражений против оговорок был бы неудовлетворительным. Он, в частности, имел в виду договоры по правам человека, основной консенсуальный элемент которых, в полной мере позволяющий использовать режим, закрепленный в статьях 19-23 Венской конвенции 1969 года, вызывает сомнение не только у некоторых специалистов, но и у международных органов, занимающихся защитой прав человека[353]. Специальный докладчик поставил вопрос о том, каким образом следует изменить систему, предусмотренную Венской конвенцией 1969 года, если таковая является неудовлетворительной, и о том, не следует ли полностью отказаться от нее применительно к договорам по правам человека. Он отметил, что независимо от существования вопроса, связанного с учредительными документами международных организаций или положениями, кодифицирующими обычные нормы, возможно, имеются и другие области, например договоры по окружающей среде и разоружению, которые следует признать, как требующие особого подхода.

425. Наконец, по мнению Специального докладчика, было бы целесообразно на определенном этапе работы по данной теме поднять вопрос о "конкурирующих" методах оговорки, в соответствии с которыми государства - участники какого-либо одного договора могли бы менять свои соответствующие обязательства путем принятия дополнительных протоколов, двусторонних соглашений или факультативных заявлений относительно применения того или иного положения.

[353] Этот спор вновь вспыхнул с некоторой силой в связи с принятием 2 ноября 1994 года Комитетом по правам человека замечания общего порядка № 24 (CCPR/C/21/Rev.l/Add.6, в частности пункт 18).

426. Специальный докладчик подчеркнул, что на данном этапе он не собирался давать ответы на все эти вопросы. Основное заключалось в том, чтобы надлежащим образом выявить существующие проблемы, и именно эту цель он и поставил перед собой на текущей сессии.

427. В главе III доклада рассматриваются направления и форма будущей работы Комиссии по данной теме. В этой связи Специальный докладчик призвал Комиссию занять четкую позицию на текущей сессии.

428. Что касается направлений и формы будущей работы, то Специальный докладчик подчеркнул, что по этому вопросу было подготовлено немало документов как учеными, так и самой Комиссией. Были приняты три конвенции, и, несмотря на их некоторую неопределенность, а может быть и благодаря ей, они оказались очень полезными. Поэтому он считал, что было бы неуместно ставить под вопрос полезность работы, проделанной предшественниками Комиссии, которую к тому же в целом поддерживают все государства. По его твердому убеждению, достигнутые результаты следует закрепить, несмотря на возможные неточности. Кроме того, по его мнению, нормы, которые регулируют применение оговорок и которые закреплены в Венских конвенциях 1969, 1978 и 1986 годов, работают достаточно хорошо. Какие-либо возможные злоупотребления не имели места, и, даже если государства не всегда соблюдают эти правила, они, по крайней мере, рассматривают их как полезное руководство. Представляется, что по крайней мере prima facie эти правила уже приобрели силу обычных норм. Поэтому Специальный докладчик искренне надеется, что Комиссия не начнет ставить под вопрос уже достигнутое, а попытается определить новые нормы, необходимые для того, чтобы дополнить нормы вышеуказанных конвенций, не отказываясь при этом от старых норм, которые, по его мнению, отнюдь не устарели.

429. Кроме того, он отметил, что если Комиссия примет нормы, не совместимые со статьями 19-23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов или даже со статьей 20 Венской конвенции 1978 года, то государства, которые ратифицировали или ратифицируют в будущем эти конвенции, будут поставлены в крайне сложное положение: некоторые из них уже приняли существующие нормы и считают их обязательными для себя, в то время как другие будут соблюдать новые нормы, не совместимые с уже принятыми; а третьи будут руководствоваться и теми и другими нормами в зависимости от того, кто является их партнером.

430. Учитывая вышесказанное, Специальный докладчик предложил в ходе работы над этой темой рассматривать существующие статьи Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов в качестве уже устоявшегося принципа. Там, где это возможно и целесообразно, следует устранить имеющиеся неточности и попытаться заполнить любые пробелы, чтобы избежать, как минимум, каких-либо беспорядочных действий.

431. Что касается формы будущей работы Комиссии, то Специальный докладчик предложил Комиссии ряд возможных вариантов. В их число входит такой подход, как разработка договора, который сам может иметь две различные формы: первая возможность - подготовить проект конвенции об оговорках, полностью воспроизводящий соответствующие положения Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов, с необходимыми разъяснениями и дополнениями. Факт простого воспроизведения существующих правил исключит всякую вероятность несовместимости. Другая возможность - принять один или три проекта протоколов, дополняющих существующие Венские конвенции 1969, 1978 и 1986 годов, но не противоречащих им. В обоих случаях Комиссия должна использовать уже проверенный и испытанный метод представления проектов статей вместе с комментариями.

432. Помимо подготовки договоров, Специальный докладчик предложил и другие возможные варианты, включая разработку руководства о практике государств и международных организаций в области оговорок. Такое руководство могло бы иметь форму постатейных комментариев к положениям об оговорках, содержащимся в вышеупомянутых трех конвенциях, и при его выработке можно было бы учесть изменения, происшедшие после 1969 года, с целью сохранения уже достигнутых результатов, снабдив при этом текст руководства необходимыми уточнениями и добавлениями.

433. В соответствии с взаимодополняющим подходом Комиссия могла бы предложить ряд типовых клаузул, которыми можно было бы руководствоваться при заключении того или иного конкретного договора, в зависимости от его особых требований. Согласно Специальному докладчику, такой подход, в случае его применения, позволит добиться гибкости и будет весьма полезен для государств. По мнению Специального докладчика, разработка типовых клаузул имеет два преимущества. Во-первых, если будет предложен ряд различных положений об отступлении от норм, то за счет усиления гибкости это сбалансирует общую тенденцию к достижению большей точности. Во-вторых, в настоящее время имеются достаточно мощные центробежные силы, и это находит свое отражение в том, что существующие в определенных областях нормы сегодня ставятся под сомнение. Особенно это касается области прав человека. Нет никакой уверенности в том, что проблему, возникающую в связи с конвенциями по правам человека, можно решить одним лишь путем толкования существующих норм. Типовые клаузулы для договоров по правам человека, по его мнению, возможно, станут надежным вариантом решения в будущем. Хотя составление исчерпывающего перечня всех касающихся оговорок положений, которые закреплены в существующих многосторонних конвенциях, представляется сложным и даже невозможным, в его основу можно было бы положить достаточно представительную выборку различных областей охватываемых договорами, таких, как права человека, разоружение, международная торговля и т.д. Таким образом, разработка типовых положений стала бы полезным дополнением основной задачи Комиссии в этом вопросе.

434. Последняя затронутая Специальным докладчиком проблема касается названия темы. По его мнению, название темы, т.е. "Право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам", не является удовлетворительным. Он полагает, что оно несколько оторвано от действительности. Кроме того, оно создает такое впечатление, что право и практика - это две самостоятельные вещи, которые можно отделить друг от друга. Он предложил более нейтральное и, возможно, более точное название: "Оговорки к договорам".

435. В заключение Специальный докладчик просил у Комиссии неотложной помощи и руководства в следующих вопросах:

a) Согласна ли Комиссия изменить название темы на "Оговорки к договорам"?

b) Согласна ли она не ставить под сомнение правила, содержащиеся в подпункте *d* пункта 1 статьи 2 и в статьях 19-23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и в статье 20 Венской конвенции 1978 года и рассматривать их как уже устоявшиеся, разъясняя и дополняя их лишь в случае необходимости?

c) Должны ли результаты работы Комиссии принять форму проекта конвенции, проекта протокола(ов), практического руководства, систематизированных комментариев или какую-либо иную форму?

d) Поддерживает ли Комиссия идею разработки типовых клаузул, которые можно было бы предложить государствам для включения в будущие многосторонние конвенции с учетом тех областей, в которых такие конвенции будут заключаться?

Он просил также представить комментарии членов Комиссии по рассмотренным в главе II проблемным областям.

2. Краткое изложение хода обсуждений

a) *Общие замечания*

436. Члены Комиссии поблагодарили Специального докладчика за его прекрасно составленный первый доклад, который свидетельствует о его большой эрудиции и прекрасном владении данным вопросом. В докладе изложена предыстория вопроса, содержится обзор существующих проблем и выносится ряд предложений относительно путей решения Комиссией этих проблем. Кроме того, его легко читать, и в нем представлена основная информация, необходимая на данном предварительном этапе. Некоторые члены Комиссии предложили обновить исследование практики Генерального секретаря в отношении оговорок к многосторонним конвенциям. Они полагали также, что было бы крайне полезным на более позднем этапе обратиться к основным депозитариям договоров в рамках системы Организации Объединенных Наций и за ее пределами с просьбой представить информацию об их опыте, в частности, о том, как они практически решают некоторые вопросы неточностей и

несоответствий, с которыми придется столкнуться Комиссии, и с какими основными проблемами сталкиваются государства применительно к оговоркам.

437. Вопрос об оговорках к договорам, по мнению ряда членов Комиссии, является одним из самых противоречивых вопросов современного международного права. Однако за долгие годы поиска компромиссов между традиционным подходом и подходом, предусматривающим большую свободу в отношении формулирования оговорок, многие расхождения как теоретического, так и политического характера были в значительной степени преодолены. Окончательный текст Венской конвенции 1969 года - в том, что касается оговорок - строится на предложениях, вынесенных Комиссией, которая отказалась от правила единогласия в пользу более гибкой системы. По мнению одного члена Комиссии, в основе такой новой системы лежит панамериканский вариант. Комиссия полагала в то время, что более гибкая система приведет к увеличению числа государств - участников многосторонних договоров и соответственно числа оговорок, сделанных к этим договорам. По мнению ряда членов, соответствующие положения этих конвенций были составлены в неопределенных выражениях и содержат немало пробелов, требующих уточнения и дополнения; это было сделано для того, чтобы добиться баланса между противоположными взглядами относительно оговорок к договорам.

438. Согласно некоторым членам Комиссии, хотя "холодная война" и процесс политической деколонизации уже закончились, это отнюдь не уменьшает значения оговорок к многосторонним договорам. Каждое из многочисленных государств в мире представляет собой сложное социально-политическое образование с своими особыми интересами; однако устанавливаемые договорами правила едины для всех сторон. Идея оговорок к договорам заключается в обеспечении последовательности международного права в том, что касается существа вопроса и в обеспечении государствам возможности защиты их особых интересов на определенных условиях. Кроме того, право делать оговорки и становиться участником той или иной конвенции при условии выдвижения таких оговорок — суверенное право каждого государства по международному праву.

439. Все члены Комиссии согласились с Специальным докладчиком в том, что в принципе нет оснований для пересмотра положений, разработанных на второй сессии Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров[354]. Они согласились с тем, что Комиссии следует просто-напросто восполнить пробелы и устранить неточности, сохранив универсальный и гибкий характер основных статей Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов. Однако ряд членов Комиссии выразил некоторые сомнения в отношении возможности сохранения существующих правил во всей их полноте.

440. По мнению некоторых членов Комиссии, три конвенции не позволяют устранить ту неопределенность, присущую вопросу об оговорках, и многие вопросы и проблемы остаются нерешенными. Нередко те решения, которые подсказывают практика и правоведение, лишь осложняют данный вопрос или же, в лучшем случае, лишь сглаживают его. Они считали, что в этом нет ничего удивительного, поскольку оговорки к договорам сегодня образуют составную часть современного международного правопорядка в мире, в котором отмечается беспрецедентная тенденция к кодификации и прогрессивному развитию норм международного права в различных областях жизни, охватывающих весь мир, океаны, космическое пространство и саму окружающую среду в целом. Общие рамки режима оговорок установлены в подпунктах *a* и *b* статьи 19 Венской конвенции 1969 года, в подпункте *c* которой закрепляется понятие несовместимости с объектом и целью договора, что служит к тому же определенной защитительной оговоркой. В значительной степени, насколько это допускали реалии 60-х годов, предусмотренный этой конвенцией режим позволил увязать между собой два основных требования: важность обеспечения максимально широкого участия в договорах и необходимость признания того, что в некоторых случаях - будь то по религиозным и культурным причинам, в силу глубоко укоренившихся традиций или даже по политическим соображениям - то или иное государство может пожелать взять на себя большинство обязательств по соответствующему договору, если ему позволят сохранить его позицию по какому-либо конкретному вопросу. В каком-то смысле, как отмечалось, оговорка - это цена за обеспечение более широкого участия.

441. Один из членов Комиссии высказал мнение о том, что было бы нереально рассчитывать на то, что правительства не будут настаивать на защите своих национальных интересов в форме оговорок после принятия договора, как они это зачастую делали на заключительных стадиях до принятия договора в заявлениях для протокола с целью включения в документы подготовительной фазы работы. Представляется также разумным полагать, что правительства, полностью уяснив все проблемы и подготовив себя к тому, чтобы стать участниками договора, не пожелают освободиться от основных обязательств по договору. Более того, нет никаких статистических или каких-либо иных оснований полагать, что государства, делающие оговорку, действуют недобросовестно. В самом деле, на практике государства, делающие недопустимые оговорки, могут иметь неправильное представление о том, что оговорки на деле допустимы, или могут не разобраться в вопросе о том, какие оговорки являются допустимыми, а какие — недопустимыми по договору.

442. Высказывалось мнение, что авторы определения термина "оговорка" в подпункте *d* пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1969 года проявили большую преду-

[354] См. *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, вторая сессия, Вена, 9 апреля – 22 мая 1969 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.70.V.6).

смотрительность, однако они опустили из определения один важный элемент. Отмечалось, что путем оговорки государство-участник может лишь сузить объем своих обязательств по отношению к другим государствам-участникам и никоим образом не расширить в одностороннем порядке свои права по этому договору. Поэтому государства используют оговорки, для того чтобы освободиться от некоторых обременительных для них обязательств или обойти их, но не для того, чтобы присвоить себе новые права или расширить те права, которые предусматриваются в соответствующем договоре.

443. Однако в этой связи указывалось, что представляется не совсем понятным, может ли оговорка лишь сократить объем обязательств, никогда не приводя к расширению прав ее автора. Приводился пример арбитражного разбирательства между Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Французской Республикой по вопросу о Нормандских островах[355], в ходе которого Франция сделала оговорку к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе, в том плане, что эти острова подпадают под особые условия, указанные в этой статье. Однако, по мнению Соединенного Королевства, "оговорка" Франции фактически была равнозначна заявлению о толковании и не являлась как таковая оговоркой. Арбитражный суд вынес решение о том, что она все-таки являлась оговоркой. Эта оговорка, позволившая Франции провести границу не по срединной линии, а по другой линии, исходя из таких особых условий, фактически расширила права ее автора.

444. Что касается заявлений о толковании, то ряд членов Комиссии отметили, что не всегда легко провести различие между оговорками и заявлениями о толковании. В целом оговорка уточняет рамки заявления о согласии на соблюдение обязательств по договору, в то время как заявления о толковании не затрагивают эти рамки, которые определяются исключительно содержанием договора. Единственная цель заявления о толковании - скорректировать процесс толкования договора без каких-либо обязательств для других государств.

445. Некоторые другие члены Комиссии заявили, что государства, как правило, прибегают к "заявлениям о толковании" для того, чтобы попытаться изменить договор в момент его ратификации или же тем или иным образом обойти положение, запрещающее делать оговорки к этому договору. В таких случаях прецедентное право показывает, что такие "заявления о толковании" должны рассматриваться как оговорки, если они соответствуют определению, содержащемуся в соответствующей конвенции. Некоторые конвенции не допускают оговорок. В таких случаях государствам разрешается в момент ратификации делать заявление о толковании или о "понимании". В этом отношении обращалось внимание на практику МОТ.

446. Хотя каждое государство вправе делать "заявление о толковании" при ратификации той или иной международной конвенции, депозитарий - например, в случае МОТ, Генеральный директор - должен оценивать значение и сферу применения такого заявления с учетом следующих критериев: термины, используемые в конвенции, *подготовительная работа* и практика контрольных органов МОТ, конкретнее, Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций. Если соответствующее заявление не удовлетворяет этим критериям, то ратификационная грамота отклоняется. В этом случае считается, что "заявление о толковании" фактически равнозначно оговорке, что несовместимо с предметом и целью конвенции.

447. По мнению некоторых членов Комиссии, заявления о толковании широко, но неправильно используются государствами — сторонами того или иного договора. Они считали, что не менее одной трети таких заявлений являлись скрытыми оговорками, поскольку в соответствии с подпунктом *d* пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1969 года оговорки преследуют цель исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к государству, делающему такое заявление. Даже если в той или иной конвенции проводится четкая грань между оговоркой и заявлением о толковании, участники этой конвенции не всегда учитывают это. Например, отмечалось, что статья 309 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву запрещает делать какие-либо оговорки, кроме случаев, когда они явно допускаются в соответствии с другими статьями этой Конвенции. Однако в статье 310 предусматривается, что статья 309 не препятствует государству выступать с заявлениями

> ...с целью, среди прочего, приведения своих законов и правил в соответствие с положениями настоящей Конвенции, при условии, что такие... заявления не предполагают исключения или изменения юридического действия положений настоящей Конвенции в их применении к этому государству.

Очевидно, что некоторые заявления к Конвенции направлены на исключение или изменение юридического действия ее положений в их применении к соответствующим государствам. Хотя можно заявить, что использование слова "предполагать", которое употребляется в статье 310, препятствует тому, чтобы заявление становилось оговоркой лишь по той причине, что намерение государства, делающего заявление, заключается в том, что его заявление не должно изменять правовых последствий положений Конвенции в применении их к данному государству, реальный смысл термина "предполагать" теряется в том случае, если такое заявление фактически направлено на изменение правовых последствий положений Конвенции в их применении к государству, делающему такое заявление.

448. Другие члены Комиссии заявили, что они не могут согласиться с мнением, высказанным Комиссией в ее комментариях к статье 2 проекта статей по праву между-

[355] См. сноску 351, выше.

народных договоров[356] в отношении того, что заявление, формулируемое каким-либо государством, может в некоторых случаях быть равнозначно оговорке. Отмечалось, что оговорка представляет собой правовой акт, действие которого определяется законом, в то время как заявление - это политический акт, не имеющий по праву международных договоров никаких правовых последствий. В то же время заявление подпадает под категорию "государственной практики" и по этой причине может, в случае его принятия, вносить изменения в нормы международного права (opinio juris).

449. Несколько членов Комиссии отметили, что в трех Венских конвенциях ничего не говорится о разграничении между оговорками и заявлениями о толковании. Например, из них не ясно, когда, кем и каким большинством договаривающихся сторон то или иное заявление может быть признано настоящей оговоркой. Указывалось также, что очень сложно провести грань между "квалифицированными заявлениями о толковании" и "простыми заявлениями о толковании". Таким образом, эти нерешенные вопросы, касающиеся заявлений и их правовых последствий, требуют дальнейшего изучения, особенно по той причине, что, как представляется, государства начинают все чаще прибегать к ним.

450. Высказывалось также мнение о том, что выбор, осуществляемый государствами между заявлениями о толковании и оговорками, зачастую зависит от того, что является допустимым для данных государств в свете положений их внутреннего права, которые они не могут или не хотят изменить в силу сложившихся в них политических, экономических и социальных условий.

451. Несколько членов Комиссии высказали свои замечания по вопросу о действительности оговорок. По мнению ряда членов, выражение "действительность оговорок" является достаточно нейтральным и всеобъемлющим, чтобы охватывать как "допустимость" оговорок, так и их "противопоставимость".

452. По мнению ряда членов Комиссии, недопустимой является любая оговорка, запрещенная по договору или противоречащая объекту и цели договора, даже если с ней согласны все другие стороны. Отмечалось, что такой подход находится в соответствии с положениями статьи 19 Венской конвенции 1969 года. Кроме того, "гибкая" система, используемая в рамках этой Конвенции, была принята после консультативного заключения, вынесенного Международным Судом относительно *оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* в 1951 году[357].

453. Некоторые члены Комиссии высказывали мнение о том, что, по-видимому, достаточно легко определить, была ли сделана попытка обойти четкое запрещение оговорок, содержащееся в соответствующем договоре, например в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву или в недавно принятом Марракешском соглашении о создании Всемирной торговой организации[358]. В то же время отмечалось, что намного сложнее определить, является ли та или иная оговорка несовместимой с объектом и целью договора. Чтобы определить это, необходимо договориться о том, какие положения договора являются "ключевыми", иначе без этого договор потеряет свое основное значение.

454. В отношении определения того, соблюдаются ли требования о совместимости оговорки с объектом и целью договора, высказывалось мнение, что должное прочтение статей 19 и 20 Венской конвенции 1969 года не позволяет сделать вывод о том, что такое определение возможно, если были удовлетворены требования совместимости, закрепленные в подпункте *c* статьи 19. Нередко стороны не могут решить этот вопрос самостоятельно. В этом случае им приходится прибегать к органам по урегулированию споров, чтобы те выносили свое определение. Это означает, что любая сторона может сформулировать возражения против какой-либо оговорки, поскольку вопрос о том, были ли удовлетворены требования статьи 19, должен решаться либо взаимно сторонами или, возможно, в конечном счете механизмом урегулирования споров.

455. Несмотря на существование механизмов мирного урегулирования споров, частично эта проблема объясняется тем фактом, что со времени принятия Венской конвенции 1969 года, механизмы урегулирования споров редко применялись для решения проблем, связанных с оговорками.

456. По мнению ряда членов Комиссии, термин "допустимость" нельзя использовать для того, чтобы скрыть тот факт, что в конечном итоге определение допустимости той или иной оговорки будет делаться в рамках либо соглашений между сторонами, либо приниматься каким-либо органом по урегулированию споров. По их мнению, оговорка, которую одна из сторон рассматривает как потенциально несовместимую с объектом и целью договора, может не расцениваться другой стороной как таковая. В этих условиях было бы предпочтительно вести речь об оговорке, соответствующей требованиям, указанным в статье 19.

457. Несколько членов Комиссии сделали вывод о том, что, хотя последователи школы "допустимости", вероятно, правы в теории, тем не менее "школа противопоставимости" более точно отражает фактическую практику государств.

458. Некоторые другие члены Комиссии обратили внимание на проблемы, которые остались нерешенными в

[356] *Yearbook .. 1966*, vol. II, pp. 189-190.

[357] См. сноску 349, выше.

[358] GATT, *The Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations* (Sales No. GATT/1994-4), pp. 5 *et seq*

Венской конвенции 1978 года. По мнению одного из членов, статья 20 этой Конвенции не охватывает все категории правопреемства, такие, как уступка части территории и объединение или распад государства. Тот факт, что в Венской конвенции 1978 года содержится положение об оговорках для новых независимых государств, но не для других категорий, отражает своего рода определенный философский подход. Основное правило, применимое в отношении новых независимых государств - это правило tabula rasa, закрепленное в статье 16 Конвенции, в соответствии с которым "новое независимое государство не обязано сохранять в силе какой-либо договор или становиться его участником в силу исключительно того факта, что в момент правопреемства государств этот договор был в силе в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств". Акт "уведомления о правопреемстве", которым новое независимое государство определяет свой статус как участника какого-либо многостороннего договора, имеет ряд элементов, общих с актом, в соответствии с которым государство заявляет о своем согласии соблюдать положения договора. Таким образом, по их мнению, представляется вполне логичным, что Конвенция должна предусматривать за новыми независимыми государствами право формулировать собственные оговорки в отношении договоров, исходя в то же время из принципа, в соответствии с которым оговорки, сделанные государством-предшественником, должны оставаться в силе, если только государство-правопреемник не сообщит о своем намерении поступить иным образом.

459. Что касается случаев уступки государственной территории, то здесь, как отмечалось, складывается иное положение. В отношении таких случаев применяется принцип изменчивости территориальных пределов сферы применения договора и, соответственно, проблемы правопреемства в отношении договоров здесь не возникает (исключая договоры об установлении границ и других территориальных режимов). Однако в таких случаях ipso jure применяется правило непрерывности, и соответствующий договор сохраняет свою силу в том виде, в каком он существовал на момент правопреемства.

460. Подобным образом, как отмечалось, в отношении случаев объединения или распада государств в статьях 31 и 34 Конвенции 1978 года подтверждается применение ipso jure правила непрерывности. В таких случаях не требуется волеизъявления государства-преемника на применение правила непрерывности и, соответственно, нет необходимости делать каких-либо новых оговорок. Что касается снятия оговорок, сделанных государством-предшественником, то в данном случае применяются соответствующие нормы права международных договоров, кодифицированные в Венской конвенции 1969 года, и, таким образом, здесь не требуется формулировать новые нормы в контексте рассматриваемой темы.

461. Тем не менее несколько членов Комиссии отметили, что проблемы, связанные с правопреемством государства в вопросах оговорок и возражений в отношении договоров, должны в будущей деятельности Комиссии занимать второстепенное место.

462. Ссылаясь на вопросы об оговорках к договорам по правам человека, несколько членов Комиссии высказали мнение, что вопрос об относительной несопоставимости понятия оговорок, основанного на взаимности, с договорами по правам человека имеет столь большое значение, что это может оправдывать уделение ему Комиссией особого внимания. В этой связи высказывалось мнение, что к договорам по правам человека не должны делаться никакие оговорки. По мнению ряда других членов Комиссии, здесь возможно отступление, но только на короткий период времени, если государство из-за экономических трудностей не может выполнить свои обязательства по договору.

463. Высказывалось такое предположение, что Комиссия могла бы руководствоваться практикой МОТ в отношении договоров по правам человека. По мнению других членов, Комиссия могла бы также принять механизм, аналогичный предусмотренному в замечании общего порядка № 24 Комитета по правам человека[359].

464. Некоторые члены Комиссии коснулись вопроса об оговорках к двусторонним договорам. Они обратили внимание на заявление, содержащееся в пункте 1 введения к комментарию к статьям 16 и 17 проектов статей о праве международных договоров, насчет того, что оговорка к двустороннему договору равнозначна новому предложению об возобновлении переговоров между двумя государствами относительно условий договора[360]. Такая точка зрения была поддержана участниками Венской конференции, а в принятых впоследствии конвенциях ничего не говорится о возможности делать оговорки к двусторонним договорам, хотя в них оговорки четко не запрещаются.

465. По мнению ряда членов Комиссии, в рамках двусторонних отношений две стороны могут либо договориться о фактическом объеме взаимных обязательств и прав, либо не делать этого. Поэтому, как отмечалось, оговорки к двусторонним договорам следует исключить из работы Комиссии и Комиссии следует ограничить свою работу вопросами оговорок к многосторонним договорам в качестве первого этапа и, если это необходимо, впоследствии перейти к изучению вопроса об оговорках к двусторонним договорам.

466. В этом же ключе внимание обращалось и на пункт 2 статьи 20 Венской конвенции 1969 года, в которой речь идет о договорах, оговорки к которым требуют согласия всех сторон-участников. Высказывалось такое предположение, что Комиссии следует отложить изучение этого вопроса, поскольку он затрагивает ограниченное число

---

[359] См. сноску 353, выше.

[360] *Yearbook ... 1962,* vol. II, p. 157, документ A/5209, в особенности стр.. 176-177.

государств-участников и в силу характера объекта и цели этого договора требуется согласие всех сторон.

467. Что касается окончательной формы, в которую следует облечь работу над этой темой, то несколько членов Комиссии поддержали такой подход, как выработка руководящих принципов и типовых клаузул. Этот подход, как отмечалось, представляет собой разумную задачу, в рамках которой Комиссия сможет изучить все соответствующие технические сложности и полностью разобраться в них. Такой подход, по крайней мере на его начальном этапе, не будет предрешать итогов работы по подготовке окончательного проекта; если на более позднем этапе Комиссия примет какое-либо иное решение, то всегда будет возможным переработать руководящие принципы в проект протокола или же проект конвенции.

468. Некоторые члены Комиссии не поддержали идею принятия простого исследования. Они считали, что не только сам факт начала работы над подготовкой такого руководства был бы не совсем совместим с предлагаемым изменением названия, но и, по их мнению, о подготовке каких-либо исследований ничего не говорится в положении о Комиссии, в статьях 16 и 20 которого в связи как с прогрессивным развитием, так и с кодификацией международного права упоминаются лишь "проекты" или "окончательные проекты".

469. Некоторые члены Комиссии высказались за разработку проектов протоколов к существующим конвенциям. Другие отметили, что разработка протоколов или "свода" статей в виде отдельного документа чревата опасностью пересмотра текста Венских конвенций, и в этой связи предостерегли от такого подхода. Кроме того, указывалось, что, если статьи, которые могут принять форму протокола, не получат всеобщего одобрения, то появятся две системы оговорок: одна с протоколом, а другая без протокола. Сторонами того или иного договора и сторонами дополнительного протокола к нему могут быть разные государства, и многие государства тогда сами окажутся на перепутье, что создаст еще большую путаницу.

470. Ряд членов Комиссии выразили мнение о том, что, хотя имеется немало вариантов того, в какую форму следует облечь окончательный результат работы Комиссии, все же сегодня слишком рано высказывать какие-либо твердые предположения на этот счет, и они предпочли бы дождаться, пока работа не продвинется достаточно вперед, чтобы можно было принять окончательное решение.

471. Что касается предложения Специального докладчика об изменении названия темы, то все члены Комиссии, выступавшие по этому вопросу, в принципе одобрили его. Ряд членов отметили предыдущие прецеденты, когда, например, проект конвенции о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров впоследствии был назван "Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов". Указывалось, что предлагаемое изменение, естественно, не должно менять сути самой темы.

472. Некоторые члены Комиссии, в целом поддерживая идею Специального докладчика об изменении названия темы на "Оговорки к договорам", предостерегли от такого изменения. Поскольку название было установлено Генеральной Ассамблеей, какое-либо изменение повлечет за собой непредсказуемые дискуссии в Шестом комитете, у которого может сложиться неправильное впечатление о том, что предлагаемое изменение свидетельствует о перемещении акцентов в основном подходе Комиссии к рассмотрению этой темы.

b) *Резюме Специального докладчика*

473. В своем резюме Специальный докладчик заявил, что по следующим пяти основным вопросам от членов Комиссии были получены обстоятельные комментарии: a) определение оговорок; b) противоречие между школой "допустимости" и школой "противопоставимости"; c) разрешение споров; d) правопреемство государств; и e) необходимость специального режима для оговорок в отношении договоров по правам человека.

474. Что касается определения оговорок, то Специальный докладчик заявил, что, по мнению ряда членов Комиссии, в определении имеется некоторый пробел, предусмотренный в подпункте *d* пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1969 года в том смысле, что оно не указывает, что оговорка не может обеспечить для сформулировавшего ее государства средство получения прав, которые не предусмотрены договором. По мнению Специального докладчика, эта проблема не сводится к проблеме определения. Вопрос заключается в том, может ли государство благодаря оговорке приобрести права, не предусматриваемые договором. Ответ на этот вопрос не является очевидным. Специальный докладчик указал, что в принципе в своем следующем докладе он проведет углубленное исследование этого вопроса.

475. Специальный докладчик заявил, что вопрос, связанный с двумя философскими школами: школой "допустимости" и школой "противопоставимости", - вызвал в Комиссии широкие обсуждения. Специальный докладчик полагал, что необходимо провести углубленный анализ соответствующей проблемы, и указал, что в одном из своих будущих докладов он рассмотрит этот вопрос в его полном объеме.

476. Что касается вопроса о разрешении споров, то Специальный докладчик заявил, что, хотя прения в Комиссии напомнили о том, что органы, занимающиеся правами человека, нередко выполняют функции контрольного механизма, в других областях этот вопрос все еще остается открытым. По его мнению, в этом отношении полезно было бы разработать типовые правила для включения их в будущие договоры о правах человека.

477. В отношении вопроса о правопреемстве государств, Специальный докладчик заявил, что, по мнению большинства членов Комиссии, нет настоятельной необходимости в рассмотрении этого вопроса; однако, когда это позволит время, данный вопрос должен быть изучен Комиссией на более позднем этапе.

478. Что касается вопроса о необходимости создания специального режима для договоров по правам человека, то Специальный докладчик заявил, что проведенные в Комиссии прения не позволили прийти к какому-либо выводу, так как некоторые члены Комиссии считали, что государствам следует разрешить отступать от положений этих договоров, в то время как, по мнению других, этого нельзя допускать. Хотя некоторые члены Комиссии считали, например, что в основе договоров о правах человека не лежит принцип взаимности, другие полагали, что этот принцип является сердцевиной всех договоров. Поэтому, по мнению Специального докладчика, в свете таких явных противоречий представляется наиболее целесообразным для государств разработать типовые клаузулы для включения их в такие договоры, равно как и в договоры в области окружающей среды и разоружения.

479. Касаясь ответов членов Комиссии на поставленные им вопросы (см. пункт 435, выше), Специальный докладчик, говоря прежде всего о названии темы, заявил, что, хотя ряд членов Комиссии выразили некоторые опасения с точки зрения процедуры в отношении такого изменения, все члены поддержали предложение об изменении названия темы на "Оговорки к договорам".

480. В отношении двусторонних договоров Специальный докладчик заявил, что он в принципе мог бы согласиться с мнениями, высказанными членами Комиссии о том, что двусторонние договоры должны быть исключены из рассматриваемой темы с учетом более углубленного исследования, которое он собирается провести в своем следующем докладе.

481. Что касается норм, изложенных в подпункте *d* пункта 1 статьи 2 и статьях 19-23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и в статье 20 Венской конвенции 1978 года, Специальный докладчик заявил, что с некоторыми нюансами все согласились с тем, что нормы, содержащиеся в этих положениях, весьма полезны и должны быть по возможности сохранены. Таким образом, задача Комиссии должна заключаться просто в том, чтобы заполнить пробелы и уточнить неясности, имеющиеся в этих положениях.

482. Что касается вопроса о том, должна ли Комиссия приступать к разработке типовых клаузул для включения в будущие конвенции, то, по мнению Специального докладчика, члены Комиссии практически были единодушны в своем утвердительном ответе на этот вопрос, и он разделяет их мнение о том, что такой подход будет наиболее полезным.

483. В отношении той формы, в которую следует облечь будущую работу - т.е. должна ли Комиссия разработать конвенцию, дополнительный протокол или руководящие принципы, - Специальный докладчик заявил, что в ходе прений на этот вопрос не было дано убедительного ответа. В то время как большинство членов предпочли скорее выработку руководящих принципов, другие поддержали идею разработки дополнительного протокола. Ряд членов Комиссии отдали предпочтение подготовке конвенции или свода статей, которые впоследствии можно было бы переработать в конвенцию. Выдвигалось также предложение о выработке документа, подтверждающего существующие правовые нормы в этой области.

484. Хотя Специальный докладчик считает, что разработка единого документа была бы весьма полезной для государств, такой подход, по его мнению, сделал бы систему оговорок более жесткой. Представляется, что подготовка руководящих принципов привела бы к усилению гибкости этой системы. Если Генеральная Ассамблея будет заинтересована в подготовке какого-либо документа, в большей степени имеющего обязательную силу, тогда принципы можно было бы переработать в конвенцию или протоколы.

485. Что касается вопросника для направления государствам и международным организациям, то, хотя некоторые члены Комиссии не видят в нем никакого смысла. Специальный докладчик считает полезным направить такой вопросник для определения фактической практики государств и международных организаций в этой области. Выдвигалось также предложение направить вопросник основным депозитариям договоров.

486. Что касается сроков завершения работы над этой темой, то Специальный докладчик указал, что исследование по этой теме следует завершить в течение пяти лет.

487. В конце своего выступления Специальный докладчик следующим образом кратко изложил выводы, сделанные им на основе результатов обсуждения данной темы в Комиссии:

a) Комиссия считает, что название темы следует изменить на "Оговорки к договорам";

b) Комиссии следует попытаться принять руководство о практике в отношении оговорок. В соответствии с положением о Комиссии и ее обычной практикой такое руководство должно принять форму проекта статей, положения которых вместе с комментариями будут служить руководящими принципами для практики государств и международных организаций в отношении формулирования оговорок; эти положения могли бы, в случае необходимости, сопровождаться типовыми клаузулами;

c) вышеуказанные договоренности следует толковать на гибкой основе, и, если Комиссия считает, что ей необходимо существенно отклониться от них, она должна представить новые предложения Генеральной Ассамблее относительно той формы, которую могли бы принять результаты ее работы;

d) в Комиссии был достигнут консенсус в отношении того, что в соответствующие положения Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов не будет вноситься никаких изменений.

3. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

488. Данные выводы представляют собой, по мнению Комиссии, результат предварительного исследования,

просьба о проведении которого содержалась в резолюциях 48/31 и 49/51 Генеральной Ассамблеи. Комиссия полагает, что включение типовых клаузул об оговорках в многосторонние договоры имеет целью свести к минимуму возникновение споров в будущем.

489. На своем 2416-м заседании 13 июля 1995 года Комиссия в соответствии со своей предыдущей практикой[361] поручила Специальному докладчику подготовить подробный вопросник, касающийся оговорок к договорам, с целью определения практики и проблем государств и международных организаций, в частности тех, которые являются депозитариями многосторонних конвенций. Данный вопросник будет разослан адресатам через Секретариат.

---

[361] См. *Ежегодник.., 1983 год,* том II (часть вторая), пункт 286.

Глава VII

ПРОЧИЕ РЕШЕНИЯ И ВЫВОДЫ КОМИССИИ

A. Программа, процедуры и методы работы Комиссии, а также ее документация

490. На своем 2378-м заседании 2 мая 1995 года Комиссия отметила, что в пункте 8 своей резолюции 49/51 Генеральная Ассамблея предложила ей:

a) тщательным образом рассмотреть:

i) вопросы планирования своей деятельности и программы в течение срока полномочий своих членов, памятуя о желательности достижения максимально возможного прогресса в подготовке проектов статей по конкретным темам;

ii) свои методы работы во всех их аспектах, учитывая, что поэтапное рассмотрение некоторых тем могло бы способствовать, в частности, более эффективному рассмотрению ее доклада в Шестом комитете.

b) по-прежнему уделять особое внимание указанию в своем ежегодном докладе по каждой теме тех конкретных вопросов, по которым изложение правительствами своих мнений либо в Шестом комитете, либо в письменной форме имело бы особое значение для продолжения ее работы.

491. Комиссия постановила, что эта просьба будет рассмотрена в рамках пункта 8 повестки дня, озаглавленного: "Программа, процедуры и методы работы Комиссии, а также ее документация", и что этот пункт повестки дня будет рассмотрен Группой по планированию Бюро расширенного состава.

492. Группа по планированию провела четыре заседания. На ее рассмотрение был вынесен раздел тематического резюме обсуждений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее сорок девятой сессии, озаглавленный "Прочие решения и выводы Комиссии"[362]. На своем первом заседании Группа по планированию заслушала выступление заместителя Генерального секретаря, юрисконсульта, г-на Ханса Корелла.

1. Планирование деятельности на оставшуюся часть пятилетнего периода

493. Нынешняя программа работы включает в себя следующие темы: ответственность государств; проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества; международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом; право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам; и правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц.

494. В соответствии с подпунктом *a* (i) пункта 8 резолюции 49/51 Генеральной Ассамблеи Комиссия рассмотрела вопросы планирования своей деятельности на последний год срока текущих полномочий, памятуя, как указывается в резолюции, о желательности достижения максимально возможного прогресса в подготовке проектов статей по конкретным темам.

495. Комиссия признает невозможность принятия жесткого календаря, но считает целесообразным определить цели для планирования своей деятельности.

496. Учитывая прогресс, достигнутый в обсуждении тем, включенных в нынешнюю программу, а также существующие возможности достижения нового прогресса, и осознавая степень сложности различных тем, Комиссия намерена уделить первоочередное внимание на своей следующей сессии проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и проекту статей об ответственности государств с целью завершить к окончанию срока полномочий своих членов второе чтение проекта статей по проекту кодекса и первое чтение проекта статей об ответственности государств. С учетом того, что второе чтение проекта кодекса уже находится на достаточно продвинутой стадии, Комиссия пришла к мнению о том, что наибольшее время на следующей сессии следует уделить теме об ответственности государств и выделить Редакционному комитету максимальное время для работы над проектами статей об ответственности государств, которые находятся на его рассмотрении, и завершения второго чтения проекта кодекса. В отношении темы "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом", Комиссия намерена приложить все усилия для завершения в 1996 году первого чтения проектов статей о видах деятельности, сопряженных с риском причинения трансграничного ущерба. В отношении темы "Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц" Комиссия пришла к мнению о том, что Рабочая группа, учрежденная на текущей сессии, будет созвана вновь на следующей сессии, чтобы продолжить свою работу и обеспечить Комиссии возможность представить Генеральной Ассамблее различные предложения в отношении той формы, которую должны принять результаты ее работы по этой теме, в соответствии с просьбой, содержащейся в пункте 6 резолюции 49/51 Генеральной Ассамблеи. График ее работы будет установлен с учетом соответствующего решения Ассамблеи. Что касается темы "Право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам", то Комиссия ожидает, что ее работа в данной области будет завершена в течение пяти лет и приведет к подготовке практического руководства, содержащего при необходимости типовые клаузулы. В работе по этой теме, а также по теме "Пра-

[362] A/CN.4/464/Add.2, пункты 90-98.

вопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц", Комиссия намерена добиться как можно большего прогресса на своей следующей сессии.

497. Комиссия пришла к мнению о том, что для достижения поставленных ею задач, указанных в пункте 496 выше, ей следует в исключительном порядке предусмотреть, что Редакционный комитет должен провести интенсивную работу в течение не менее трех недель в начале сорок восьмой сессии.

2. Долгосрочная программа работы Комиссии

498. Считая, что работа по некоторым темам, включенным в ее повестку дня, уже достаточно продвинулась вперед и что теперь настало время задуматься над ее программой работы на следующий пятилетний срок, Комиссия вновь созвала Рабочую группу по долгосрочной программе работы, учрежденной на ее сорок четвертой сессии в 1992 году[363].

499. Эту Рабочую группу открытого состава возглавил г-н Дерек Боуэт.

500. В своем докладе, представленном Группе по планированию, Рабочая группа указала, что она изучила целый ряд тем[364] и пришла к некоторым выводам.

501. Комиссия одобрила рекомендацию Рабочей группы в отношении темы "Дипломатическая защита" и постановила, в случае одобрения Генеральной Ассамблеей, включить эту тему в свою повестку дня. Она отметила, что работа над этой темой станет дополнением работы Комиссии над темой об ответственности государств и будет представлять интерес для всех государств-членов. Она могла бы, в частности, охватывать содержание и объем нормы об исчерпании местных средств правовой защиты, нормы о национальной принадлежности претензий применительно как к физическим, так и юридическим лицам, включая ее связь с так называемой "функциональной" защитой, и проблемы лиц без гражданства и с двойным гражданством; в рамках этой темы можно было бы рассмотреть вопрос о том, каким образом положения об урегулировании споров влияют на внутренние средства правовой защиты и на осуществление дипломатической защиты.

502. Комиссия одобрила также рекомендацию Рабочей группы провести работы в форме "проектного обоснования" по теме, касающейся права окружающей среды. Со своей сорок пятой сессии в 1993 году Комиссия положительно отзывалась о таких темах, как "Районы мира, являющиеся общим достоянием", и "Права и обязанности государств в области охраны окружающей среды"; кроме того, недавно предложенная тема "Общие (или трансграничные) ресурсы" также связана с тематикой окружающей среды. Комиссия полагает, что, прежде чем можно будет установить конкретное название темы и ее содержание, необходимо провести определенную предварительную работу, и по этой причине она полагает, что по этой теме следует провести более тщательную подготовительную работу.

503. Комиссия отмечает значительные успехи в деле прогрессивного развития международного права по различным аспектам темы окружающей среды со времени Стокгольмской декларации[365]. Однако в процессе следования секторальному подходу, который применялся до сих пор при заключении различных договоров, может быть упущена из виду необходимость всестороннего подхода к предотвращению дальнейшего ухудшения состояния окружающей среды в мире. Поэтому Комиссия твердо намерена заняться темой международного права окружающей среды. Однако ввиду многогранности, обширности и сложности этой темы, она хотела бы вначале получить санкцию на проведение подробного подготовительного исследования по теме, предварительно озаглавленной "Права и обязанности государств в области охраны окружающей среды", с тем чтобы после завершения этого исследования она могла рекомендовать Генеральной Ассамблее точную сферу охвата и содержание будущей темы. Предварительное исследование включало бы в себя общие принципы, материальные и процессуальные нормы и меры по осуществлению обязательств в области охраны глобальной окружающей среды. Комиссия намерена уделить больше внимания сфере обязанностей erga omnes, когда от ухудшения условий окружающей среды реально страдает всё международное сообщество в целом, а не отдельные государства; в силу этого исследование также должно включать в себя тему "Районы мира, являющиеся общим достоянием". Оно также должно касаться экологических аспектов использования "общих (или трансграничных) ресурсов". Комиссия намерена избегать дублирования работы, которая уже выполняется ею по теме "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом".

3. Методы работы

504. На своей предыдущей сессии Комиссия высказала пожелание пересмотреть условия, в которых обсуждаются и принимаются комментарии, с тем чтобы по возможности сформулировать руководящие указания по этому вопросу. За неимением времени Комиссия не смогла рассмотреть все аспекты этого вопроса. Она, однако, согласилась с тем, что желательно заниматься комментариями к проектам статей на как можно более раннем эта-

---

[363] См. *Ежегодник.., 1992 год,* том II (часть вторая), стр. 62, документ A/47/10, пункт 368.

[364] В частности, темы, определенные на сорок шестой сессии в 1993 году (см. *Ежегодник.., 1993 год,* том II (часть вторая), стр. 107, документ A/48/10, пункт 427; и следующие три темы: дипломатическая защита, общие (или трансграничные) ресурсы и международное признание.

[365] См. сноску 279, выше.

пе каждой сессии, с тем чтобы уделить им должное внимание и в любом случае рассматривать их отдельно, а не в рамках принятия доклада Комиссии Генеральной Ассамблее.

505. На нынешней сессии Комиссия возобновила рассмотрение этого вопроса.

506. Применительно к содержанию комментариев Комиссия учитывает статью 20 положения о Комиссии, которая гласит следующее:

Статья 20

Комиссия готовит свои проекты в форме статей и представляет их Генеральной Ассамблее с комментариями, содержащими:

a) соответствующее изложение прецедентов и других относящихся к делу данных, включая договоры, судебные решения и доктрину;

b) выводы относительно:

i) степени согласия по каждому моменту в практике государств и доктрине;

ii) существующих расхождений и разногласий, а также аргументов в пользу того или иного решения.

507. Комиссия понимает, что содержание и объем комментариев, сопровождающих проекты статей, зависят частично от характера темы и от масштабов "прецедентов и других относящихся к делу данных, включая договоры, судебные решения и доктрину". В этой связи она подчеркивает, что комментарии выполняют иную функцию, нежели доклады Специальных докладчиков, и что эти доклады легко доступны, поскольку они приводятся в ежегодниках Комиссии.

508. Комиссия считает также желательным, чтобы комментарии к проектам статей по различным темам были как можно более единообразными как по внешнему виду, так и по объему. Она призывает своих специальных докладчиков обратить должное внимание на этот аспект.

4. Продолжительность следующей сессии

509. Комиссия хотела бы вновь высказать свое мнение о том, что потребности работы по прогрессивному развитию международного права и его кодификации, а также масштабы и сложность вопросов, включенных в ее повестку дня, делают желательным сохранение обычной продолжительности ее сессии. Комиссия хотела бы также подчеркнуть, что она в полной мере использовала предоставленные ей в ходе текущей сессии время и услуги.

B. Сотрудничество с другими органами

510. Комиссия была представлена на январской 1995 года сессии Афро-азиатского консультативно-правового комитета в Дохе г-ном Франсиско Вильяграном Крамером, который присутствовал на сессии в качестве наблюдателя и выступил в Комитете от имени Комиссии. Афро-азиатский консультативно-правовой комитет был представлен на нынешней сессии Комиссии своим Генеральным секретарем г-ном Таном Чанюанем. Г-н Тан Чанюань выступил в Комиссии на ее 2391-м заседании 30 мая 1995 года, а текст его выступления включен в краткий отчет об этом заседании.

511. Межамериканский юридический комитет был представлен в ходе нынешней сессии Комиссии г-ном Эдуарде Вио Гросси. Г-н Вио Гросси выступил перед Комиссией на ее 2407-м заседании 29 июня 1995 года, а текст его выступления включен в краткий отчет об этом заседании.

C. Сроки и место проведения сорок восьмой сессии

512. Комиссия постановила провести свою следующую сессию в Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве 6 мая - 26 июля 1996 года.

D. Представительство на пятидесятой сессии Генеральной Ассамблеи

513. Комиссия постановила, что на пятидесятой сессии Генеральной Ассамблеи ее будет представлять ее Председатель г-н Пеммараджу Шриниваса Рао.

E. Семинар по международному праву

514. Во исполнение резолюции 49/51 Генеральной Ассамблеи Отделение Организации Объединенных Наций в Женеве организовало в ходе нынешней сессии Комиссии тридцать первую сессию Семинара по международному праву. Семинар предназначен для аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся в области международного права, а также для молодых преподавателей и государственных служащих, занимающихся вопросами международного права.

515. Отборочный комитет под председательством проф. Нгуен-Хуу Тру (Институт высших международных исследований, Женева) провел заседание 16 марта 1995 года и, рассмотрев около 80 заявок на участие в Семинаре, отобрал 24 кандидата из различных, главным образом, развивающихся стран. Из них 23 человека смогли принять участие в работе Семинара[366].

[366] В работе тридцать первой сессии Семинара по международному праву приняли участие: г-н Чимидордж Баттомор (Монголия); г-жа Кэти-Энн Браун (Ямайка); г-н Амиду Гаране (Буркина-Фасо); г-н Ариэль Гонсалес (Аргентина); г-жа Тереса Бланко Гумеро (Сальвадор); г-жа Даше Добрая (Латвия); г-н Тайсаку Икешима (Япония); г-жа Глаусия Йошиура (Бразилия); г-н Дидасе Каганахе (Бурунди); г-жа Елена Конде Перес (Испания); г-жа Элизабет Корнфейнд (Австрия); г-жа Андреа Метелко-Сгомбич (Хорватия); г-н Салех Наджем (Ливийская Арабская Джамахирия); г-жа Катрин Оку (Кот д'Ивуар); г-н Серж Паннатье (Швейцария); г-н Алехандро Пастори (Уругвай); г-жа Гайле Рамутар (Тринидад и Тобаго); г-н Тимоти Рейли (Австралия); г-жа Дэви Рема (Индия); г-жа Симона Такова (Болгария); г-н Бубакар Танкоано (Нигер); г-н Бункхам Теуамбунми (Лаосская Народно-Демократическая Республика) и г-н Ламбер Шумбушо (Руанда).

516. Сессия проходила во Дворце Наций 22 мая - 9 июня 1995 года под руководством г-на Маркуса Г. Шмидта, представлявшего Отделение Организации Объединенных Наций в Женеве. Она была открыта Председателем Комиссии г-ном Пеммараджу Шриниваса Рао. В ходе трехнедельной сессии участники присутствовали на заседаниях Комиссии, а также прослушали специально организованный для них курс лекций.

517. Ряд лекций прочитали члены Комиссии: г-н Гийом Памбу-Чивунда: "Международный уголовный суд"; г-н Джон де Сарам: "Реальности процесса международной кодификации"; г-н Александр Янков: "Ход процесса кодификации и прогрессивное развитие международного права".

518. Лекции прочитали также: г-н Марко Сассоли (юрисконсульт, Международный комитет Красного Креста): "Современные проблемы международного гуманитарного права"; посол г-н В. Ланг (Постоянный представитель Австрии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве): "Торговля и окружающая среда"; г-н Хосе Айяла Лассо (Верховный комиссар по правам человека Организации Объединенных Наций): "Мандат и деятельность Верховного комиссара по правам человека"; г-н Берти Рамчаран (Политический советник при сопредседателях Международной конференции по бывшей Югославии): "Международная конференция по бывшей Югославии"; г-жа Мерль С. Опельц (Директор Бюро Международного агентства по атомной энергии в Женеве): "Результаты последней конференции по пересмотру Договора о нераспространении".

519. После лекции, прочитанной г-ном Вильяграном Крамером, на тему "Состояние международного права в контексте односторонних актов" и лекции, прочитанной г-ном Христианом Томушатом, на тему "Последствия международных преступлений" были созданы две рабочие группы для изучения этих тем под руководством указанных ораторов. Каждая рабочая группа подготовила по соответствующей теме записку, которая была представлена устно в ходе заседания, посвященного подготовке выводов. Г-н Вильягран Крамер и г-н Томушат отметили высокое качество записок, представленных рабочими группами.

520. Как это уже стало традицией для данного Семинара, власти Республики-кантона Женевы оказали участникам гостеприимный прием по окончании экскурсии по залам Алабамы и Большого Совета, проведенной Шефом протокола г-ном Жеромом Кехлином.

521. В конце сессии перед участниками выступили Председатель Комиссии г-н Пеммараджу Шриниваса Рао и г-н Маркус Шмидт от имени Отделения Организации Объединенных Наций в Женеве. Г-н Серж Паннатье зачитал от имени участников обращение к Комиссии. В ходе этой краткой церемонии каждому из участников был вручен диплом об участии в работе тридцать первой сессии Семинара.

522. Добровольные взносы государств-членов в Целевой фонд Организации Объединенных Наций для Семинара по международному праву позволяют предоставлять стипендии, главным образом, участникам из развивающихся стран. Комиссия с особым удовлетворением отметила, что правительства Австрии, Германии, Дании, Ирландии, Норвегии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Финляндии, Франции и Швейцарии внесли добровольные взносы в этот Фонд. Благодаря этим взносам удалось предоставить достаточное число стипендий для обеспечения справедливого географического распределения участников и дать возможность прибыть на Семинар достойным кандидатам из удаленных стран, которые в противном случае не смогли бы принять участие в работе сессии. В этом году полные стипендии (охватывающие как путевые расходы, так и суточные) были предоставлены девяти участникам, а неполные стипендии (покрывающие только суточные) были получены шестью участниками. Из 690 участников, представляющих 152 страны, которые приняли участие в работе Семинара с начала его проведения в 1964 году, стипендии были предоставлены 374 участникам.

523. Комиссия подчеркивает значение, придаваемое ею сессиям Семинара, который позволяет молодым юристам, в частности из развивающихся стран, ознакомиться с работой Комиссии и деятельностью многочисленных международных организаций, расположенных в Женеве. Поскольку все наличные средства израсходованы, Комиссия рекомендует Генеральной Ассамблее вновь обратиться с призывом к государствам, с тем чтобы те из них, которые имеют такую возможность, внесли добровольные взносы, необходимые для обеспечения по возможности самого широкого участия в Семинаре 1996 года.

524. Комиссия с удовлетворением отметила, что в 1995 году работа Семинара в полном объеме была обеспечена синхронным переводом, и выразила надежду на то, что следующая сессия Семинара также будет в полном объеме пользоваться услугами и материальным обеспечением, несмотря на финансовые трудности.

Приложение

ДОКЛАД РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОПРЕЕМСТВЕ ГОСУДАРСТВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ ДЛЯ ГРАЖДАНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

A. Введение

1. На своем 2393-м заседании 1 июня 1995 года Комиссия международного права постановила учредить рабочую группу по теме "Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц"[1].

2. Рабочая группа была наделена полномочиями определить вопросы, возникающие в связи с этой темой, классифицировать тесно связанные с ней вопросы и сориентировать Комиссию в отношении того, рассмотрение каких вопросов представляло бы наибольшую пользу с учетом потребностей сегодняшнего дня, а также представить Комиссии план работы.

3. Рабочая группа провела пять заседаний в период с 12 по 20 июня 1995 года. В результате обсуждения она согласовала ряд предварительных выводов, которые представлены ниже в разделе B.

B. Предварительные выводы Рабочей группы

4. При обсуждении данного вопроса Рабочая группа исходила из основополагающей посылки о том, что в ситуации, наступившей в результате правопреемства государств, каждый человек, гражданство которого может затрагиваться изменением в международном статусе территории, имеет право на гражданство и что государства обязаны сделать все, чтобы избежать наступления безгражданства.

1. Обязательство вести переговоры и решать проблемы путем достижения договоренности

5. Рабочая группа согласилась с тем, что заинтересованные государства[2] прежде всего должны быть обязаны проконсультироваться, для того чтобы определить, не имеет ли изменение международного статуса территории каких-либо нежелательных последствий для гражданства. В случае утвердительного ответа государства обязаны провести переговоры с целью решения таких проблем.

6. В зависимости от категории правопреемства государств[3] соглашение должно заключаться между государством-предшественником и государством или государствами-преемниками в том случае, если государство-предшественник продолжает существовать, или между различными государствами-преемниками, в том случае если государство-предшественник прекратило свое существование.

7. Безгражданство рассматривается как наиболее серьезное и нежелательное потенциальное последствие правопреемства государств для гражданства. Поэтому Рабочая группа считает, что государства должны быть обязаны провести переговоры, с тем чтобы предотвратить наступление безгражданства. Она также рекомендует государствам рассмотреть в ходе переговоров следующие потенциальные последствия правопреемства государств: двойное гражданство, проблему разделения семей в результате получения членами этой семьи различного гражданства; и другие вопросы, такие, как военные обязательства, пенсии и другие льготы по социальному обеспечению, а также право на проживание.

8. Рабочая группа рассмотрела последствия различных видов правопреемства государств для прав и обязательств заинтересованных государств в отношении гражданства различных категорий отдельных лиц и в результате сформулировала ряд принципов, которые должны служить ориентиром для переговоров между соответствующими государствами.

2. Лишение и предоставление гражданства

a) *Отделение и передача части территории государства*

9. Отделение и передача части территории государства являются случаями правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает свое существование. Поэтому в этих случаях возникают вопросы о том, имеет ли государство-предшественник право или, в некоторых случаях, обязательство лишать своего гражданства некоторых лиц и обязано ли государство-преемник предоставить свое гражданство некоторым лицам.

---

[1] Состав Рабочей группы см. главу I, пункт 9, выше.

[2] "Заинтересованные государства" означает государство(а)-предшественник(и) и/или государство(а)-преемник(и) в зависимости от обстоятельств.

[3] Рабочая группа рассмотрела следующие категории правопреемства государств: отделение; передача части территории государства; объединение (включая поглощение); и распад.

10. Рабочая группа различает следующие категории лиц:

a) лица, родившиеся на территории, которая стала территорией государства-преемника;

b) лица, родившиеся на территории, которая осталась территорией государства-предшественника;

c) лица, родившиеся за границей, но получившие гражданство государства-предшественника до наступления правопреемства в результате применения принципа jus sanguinis; и

d) лица, натурализовавшиеся в государстве-предшественнике до наступления правопреемства.

В случае лиц, которые до наступления правопреемства были гражданами федерального государства и получили второе гражданство одной из его составных частей, Рабочая группа считала полезным в соответствующих случаях различать две другие категории :

e) лица, имеющие второе гражданство образования, которое осталось частью государства-предшественника; и

f) лица, имеющие второе гражданство образования, которое стало частью государства-преемника.

Каждая из этих категорий была разделена дополнительно в зависимости от места обычного проживания заинтересованных лиц, в частности в государстве-предшественнике, государстве-преемнике или в третьем государстве.

i) *Обязательство государства-предшественника не лишать своего гражданства*

11. Рабочая группа пришла к выводу о том, что ряд вышеуказанных категорий лиц не затрагивается правопреемством государств, в том что касается гражданства. Рабочая группа полагала, что в принципе государство-предшественник должно быть обязано не лишать своего гражданства следующие категории лиц:

a) лиц, родившихся на территории, которая осталась территорией государства-предшественника, и проживающих либо в государстве-предшественнике, либо в третьем государстве;

b) лиц, родившихся за границей, но получивших гражданство государства-предшественника в результате применения принципа jus sanguinis и проживающих либо в государстве-предшественнике, либо в третьем государстве;

c) лиц, натурализовавшихся в государстве-предшественнике и проживающих либо в государстве-предшественнике, либо в третьем государстве; и

d) лиц, имеющих второе гражданство образования, которое осталось частью государства-предшественника, независимо от места их обычного проживания.

ii) *Право государства-предшественника лишать своего гражданства — обязательство государства-преемника предоставлять свое гражданство*

12. Рабочая группа пришла к выводу о том, что государство-предшественник должно быть правомочно лишить своего гражданства следующие категории лиц при условии, что такое лишение гражданства не ведет к безгражданству:

a) лиц, родившихся на территории, которая стала территорией государства-преемника, и проживающих в государстве-преемнике; и

b) лиц, имеющих второе гражданство образования, которое стало частью государства-преемника, и проживающих либо в государстве-преемнике, либо в третьем государстве.

13. Рабочая группа считает, что следствием права государства-предшественника лишать своего гражданства должно быть обязательство государства-преемника предоставлять свое гражданство вышеуказанным категориям лиц. Однако до тех пор, пока лицо не приобрело таким образом гражданство государства-преемника, государство-предшественник должно быть обязано не лишать своего гражданства таких лиц, с тем чтобы это лицо не стало лицом без гражданства.

iii) *Обязательство государства-предшественника и государства-преемника предоставлять право выбора*

14. Рабочая группа пришла к выводу о том, что следующим категориям лиц должно быть предоставлено право выбора между гражданством государства-предшественника и гражданством государства-преемника:

a) лицам, родившимся на территории, которая стала территорией государства-преемника, и проживающим либо в государстве-предшественнике, либо в третьем государстве;

b) лицам, родившимся на территории, которая осталась территорией государства-предшественника, и проживающим в государстве-преемнике;

c) лицам, родившимся за границей, но получившим гражданство государства-предшественника на основе принципа jus sanguinis и проживающим в государстве-преемнике;

d) лицам, натурализовавшимся в государстве-предшественнике и проживающим в государстве-преемнике; и

e) лицам, имеющим второе гражданство образования, которое стало частью государства-преемника, и проживающим в государстве-предшественнике.

15. Рабочая группа считала, с одной стороны, что государство-предшественник должно быть обязано не лишать своего гражданства отдельное лицо, если только он/она не выбрали гражданство государства-преемника, и до тех пор, пока он/она не приобрели такое гражданство. В случае, когда какое-либо лицо выбрало гражданство государства-преемника, это государство должно быть обязано предоставить свое гражданство такому лицу, а государство-предшественник обязано лишить своего гражданства такое лицо.

b) *Объединение, включая поглощение*

16. Объединение, включая поглощение, является случаем правопреемства государств, при котором утрата гражданства государства-предшественника является неизбежным результатом исчезновения этого государства. Так, основной вопрос состоит в том, обязано ли государство-преемник предоставить свое гражданство всем лицам, затрагиваемым такой утратой.

17. Рабочая группа считала, что государство-преемник должно быть обязано предоставить свое гражданство следующим категориям лиц:

a) гражданам государства-предшественника, проживающим в государстве-преемнике, независимо от того, как это гражданство было получено; и

b) гражданам государства-предшественника, проживающим в третьем государстве, если только они не имеют гражданства третьего государства. (Однако государство-преемник может предоставить свое гражданство таким лицам при условии их согласия.)

c) *Распад*

18. Распад - это случай правопреемства государств, когда государство-предшественник прекращает существовать, и поэтому утрата гражданства такого государства является автоматической. Однако возникает вопрос о том, обязано ли государство-преемник предоставлять свое гражданство лицам, затрагиваемым таким изменением, и если это так, то каким категориям таких лиц.

i) *Обязательство государств-преемников предоставлять свое гражданство*

19. Рабочая группа пришла к выводу о том, что каждое из государств-преемников должно быть обязано предоставлять свое гражданство следующим категориям лиц:

a) лицам, родившимся на территории, которая стала территорией этого конкретного государства-преемника, и проживающим в этом государстве-преемнике или в третьем государстве;

b) лицам, родившимся за границей, но получившим гражданство государства- предшественника в результате применения принципа jus sanguinis и проживающим в этом конкретном государстве-преемнике;

c) лицам, натурализовавшимся в государстве-предшественнике и проживающим в этом конкретном государстве-преемнике; и

d) лицам, имеющим второе гражданство образования, которое стало частью этого конкретного государства-преемника, и проживающим в этом государстве-преемнике или в третьем государстве.

20. По мнению Рабочей группы, государство-преемник не должно быть обязано предоставлять свое гражданство подпадающему под вышеуказанные категориям *a* и *d* лицу, которое проживает в третьем государстве и имеет также гражданство третьего государства. Более того, государство-преемник не должно быть правомочно навязывать свое гражданство такому лицу против его/ее воли.

ii) *Обязательство государств-преемников предоставлять право выбора*

21. Рабочая группа пришла к выводу о том, что государства-преемники должны предоставлять право выбора следующим категориям лиц:

a) лицам, родившимся на территории, которая стала территорией государства-преемника A, и проживающим в государстве-преемнике B; и

b) лицам, имеющим второе гражданство образования, которое стало частью государства-преемника A, и проживающим в государстве-преемнике B; и

если только они не имеют гражданства третьего государства:

c) лицам, родившимся за границей, но получившим гражданство государства-предшественника

в результате применения принципа jus sanguinis и проживающим в третьем государстве; и

d) лицам, натурализовавшимся в государстве-предшественнике и проживающим в третьем государстве.

22. Рабочая группа считала, что после осуществления права выбора государство, гражданство которого выбрало отдельное лицо, должно быть обязано предоставить такое гражданство.

3. Право выбора

23. Рабочая группа согласна с тем, что на этой предварительной стадии термин "право выбора" используется в широком смысле, охватывая как возможность "одобрения" - т.е. позитивного выбора, так и "отказа" - а именно, отказа от приобретенного ex lege гражданства. По мере развития права прав человека выражение воли отдельного лица стало первостепенным соображением. Поэтому государства не должны иметь возможность как в прошлом навязывать гражданство по своему усмотрению против воли отдельного лица.

24. Рабочая группа подчеркнула, что соответствующие государства должны предоставлять действенное право выбора. Поэтому они должны быть обязаны предоставить заинтересованным лицам всю соответствующую информацию о связанных с осуществлением данного конкретного выбора преимуществах и недостатках, включая право на проживание и льготы по социальному обеспечению, с тем чтобы эти лица смогли сделать осознанный выбор.

4. Другие критерии, применимые к лишению и предоставлению гражданства

25. Рабочая группа рассмотрела вопрос о том, имеются ли помимо критериев, упомянутых в подразделе 2 выше, другие критерии, которые играют определенную роль для лишения или предоставления гражданства.

26. Рабочая группа согласна, с одной стороны, с тем, что государству-предшественнику должно быть запрещено лишать своего гражданства на основе этнического, языкового, религиозного и культурного или других схожих критериев, поскольку это будет представлять собой дискриминацию. Подобным образом, государству-преемнику должно быть запрещено отказывать в предоставлении своего гражданства на основе таких критериев, которое оно в ином случае обязано предоставить.

27. С другой стороны, Рабочая группа считала, что в качестве условия для расширения круга лиц, имеющих право на получение его гражданства, государству-преемнику должно быть разрешено принимать во внимание дополнительные критерии, включая критерии, перечисленные выше в пункте 26.

5. Последствия несоблюдения государствами принципов, применимых к лишению или предоставлению гражданства

28. Рабочая группа рассмотрела последствия несоблюдения государствами принципов, содержащихся выше в подразделах 2-4.

29. Рабочая группа пришла к выводу о том, что ряд случаев заслуживает дальнейшего изучения. Во-первых, третье государство должно быть вправе рассматривать индивида в качестве гражданина государства-предшественника, если это государство лишило такое лицо своего гражданства в нарушение вышеупомянутых принципов и данное лицо стало лицом без гражданства в результате такого лишения. Во-вторых, третье государство не должно быть обязано придавать силу решению государства-преемника о предоставлении своего гражданства в нарушение вышеупомянутых принципов, если только этот отказ придать силу не приведет к обращению с соответствующим лицом как с де-факто лицом без гражданства; и, в-третьих, третье государство должно быть вправе рассматривать индивида в качестве гражданина государства-преемника, с которым он имеет фактическую связь, в том случае, если это государство не предоставило свое гражданство этому лицу в нарушение вышеупомянутых принципов и данное лицо стало лицом без гражданства в результате такого отказа. Так, например, третье государство будет вправе предоставить отдельному лицу права или статус, которыми он/она будет пользоваться на территории третьего государства в силу того, что он/она является гражданином государства-предшественника или преемника в зависимости от обстоятельств, несмотря на то, что государство-предшественник лишило его гражданства, а государство-преемник отказалось предоставить ему свое гражданство.

30. Кроме того, Рабочая группа поддержала мнение о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса для уточнения международной ответственности государства-предшественника или государства-преемника за свой отказ выполнить вышеупомянутые принципы или, в зависимости от обстоятельств, свои обязательства, вытекающие из международного соглашения с другими соответствующими государствами.

6. Непрерывность гражданства

31. Рабочая группа рассмотрела вопрос о том, должна ли норма о непрерывности гражданства в качестве предварительного условия для осуществле-

ния дипломатической защиты применяться в контексте правопреемства государств, и если да, то в какой степени. С этой целью она выделила нижеследующие три ситуации:

a) изменение гражданства ex lege;

b) изменение гражданства в результате осуществления права выбора между гражданством двух государств-преемников;

c) изменение гражданства в результате осуществления права выбора между гражданством государства-предшественника и государства-преемника.

32. Поскольку цель нормы непрерывности заключается в недопущении злоупотребления дипломатической защитой отдельными лицами, которые приобретают новое гражданство в надежде подкрепить тем самым свое требование, Рабочая группа пришла к мнению о том, что данная норма не должна применяться в тех случаях, когда изменение гражданства является результатом правопреемства государств в любой из вышеупомянутых ситуаций

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ СОРОК СЕДЬМОЙ СЕССИИ

Обозначение документа	*Наименование документа*	*Примечания и ссылки*
A/CN.4/463	Предварительная повестка дня	Отпечатан на мимеографе. Утвержденную повестку дня см. стр. 12, пункт 12, выше.
A/CN.4/464 и Add.1-2	Тематическое резюме обсуждений по докладу Комиссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее сорок девятой сессии, подготовленное Секретариатом	Отпечатан на мимеографе.
A/CN 4/465	Заполнение случайной вакансии· записка Секретариата	Воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год,* том II (часть первая).
A/CN 4/465/Add.1	То же: добавление к записке Секретариата: биография кандидата	Отпечатан на мимеографе.
A/CN 4/466 [и Corr.1]	Тринадцатый доклад о проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дуду Тиамом	Воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год,* том II (часть первая).
A/CN 4/467	Первый доклад о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Вацлавом Микулкой	То же.
A/CN.4/468	Одиннадцатый доклад о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Хулио Барбосой	То же.
A/CN 4/469 и Add.1-2	Седьмой доклад об ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Гаэтано Аранджо-Руисом	То же.
A/CN 4/470 [и Corr 1 и 2]	Первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле	То же.
A/CN.4/471	Обзор режимов ответственности, относящихся к теме "Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом": исследование, подготовленное Секретариатом	То же.
A/CN.4/L.505	Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Предложение г-на Э. Варгаса Карреньо: статья 21	Воспроизводится в настоящем томе, см. пункт 96, выше.
A/CN.4/L.506 [и Corr.1]	Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Заголовки и тексты статей, принятых Редакционным комитетом во втором чтении: части I (статьи 1, 2, 4, 5, 5-бис, 6, 6-бис и 8-13) и II (статьи 15 и 19)	Текст воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год,* том I, краткий отчет о 2408-м заседании (пункт 1).

Обозначение документа	*Наименование документа*	*Примечания и ссылки*
A/CN.4/L.507	Доклад Рабочей группы по вопросу о правопреемстве государств и его последствиях для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц	Воспроизводится в настоящем томе, см. стр. 132, выше.
A/CN.4/L.508	Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом. Заголовки и тексты статей, принятых Редакционным комитетом на сорок седьмой сессии Комиссии: статьи A [6], B [7], C [8 и 9] и D [9 и 10]	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/L.509	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии: глава II (Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества)	Отпечатан на мимеографе. Принятый текст см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/50/10). Окончательный текст см. стр.14, выше.
A/CN.4/L.510	Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом: доклад Рабочей группы	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/L.511 и Add.1	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии: глава V (Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом)	Отпечатан на мимеографе. Принятый текст см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/50/10). Окончательный текст см. стр. 97, выше.
A/CN.4/L.512 и Add.1	То же: глава IV (Ответственность государств)	То же, см. стр. 49, выше.
A/CN.4/L.513	Ответственность государств. Заголовки и тексты статей, принятых Редакционным комитетом: часть 3 и приложение	Текст воспроизводится в *Ежегоднике.., 1995 год,* том I, краткий отчет о 2417-м заседании (пункт 1).
A/CN.4/L.514	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии: глава III (Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц)	Отпечатан на мимеографе. Принятый текст см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/50/10). Окончательный текст см. стр. 38, выше.
A/CN.4/L.515	Доклад Группы по планированию: программа, процедуры и методы работы Комиссии и её документация	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/L.516	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии: глава VI (Право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам)	Отпечатан на мимеографе. Принятый текст см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/50/10). Окончательный текст см. стр.117, выше.
A/CN.4/L.517	То же: глава I (Организация работы сессии)	То же, см. стр. 10, выше.
A/CN.4/L.518	То же: глава VII (Прочие решения и рекомендации Комиссии)	То же, см. стр. 128, выше.
A/CN.4/L.519	То же: глава V (Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом): проекты статей, принятые Комиссией в предварительном порядке до настоящего времени	То же, см. стр. 103, выше.

Обозначение документа	*Наименование документа*	*Примечания и ссылки*
A/CN.4/L.520	То же: глава IV (Ответственность государств): проекты статей с комментариями, принятые Комиссией для включения в часть 3, и приложение к ним	То же, см. стр. 74, выше.
A/CN.4/L.521 и Add.1	То же: проекты комментариев к статьям 11, 13 и 14 части 2	То же, см. стр. 74, выше.
A/CN.4/SR.2378-A/CN.4/SR.2425	Предварительные краткие отчеты о 2378-2425-м заседаниях	Отпечатан на мимеографе. Окончательный текст приводится в *Ежегоднике.., 1995 год*, том I.

كيفية الحصول على منشورات الامم المتحدة

يمكن الحصول على منشورات الامم المتحدة من المكتبات ودور التوزيع في جميع انحاء العالم . استعلم عنها من المكتبة التي تتعامل معها أو اكتب الى : الامم المتحدة ،قسم البيع في نيويورك او في جنيف .

如何购取联合国出版物

联合国出版物在全世界各地的书店和经售处均有发售。请向书店询问或写信到纽约或日内瓦的联合国销售组。

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.

COMMENT SE PROCURER LES PUBLICATIONS DES NATIONS UNIES

Les publications des Nations Unies sont en vente dans les librairies et les agences dépositaires du monde entier. Informez-vous auprès de votre libraire ou adressez-vous à : Nations Unies, Section des ventes, New York ou Genève.

КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

CÓMO CONSEGUIR PUBLICACIONES DE LAS NACIONES UNIDAS

Las publicaciones de las Naciones Unidas están en venta en librerías y casas distribuidoras en todas partes del mundo. Consulte a su librero o diríjase a: Naciones Unidas, Sección de Ventas, Nueva York o Ginebra.

Printed at United Nations, Geneva
GE.98-64240
February 2004–165

Yearbook of the International Law Commission 1995, Volume II, Part Two

United Nations publication
Sales No. R.97.V.2 (Part 2)

ISSN 0251-771X